

Александр ЗИНОВЬЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЗАПАД

Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями «западнизация», «американизация» и «глобализация». Им будет заполнена вся история человечества в XXI веке. Похоже на то, что это будет история, которая по своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Сканировал и создал книгу - vtakhanov

Александр ЗИНОВЬЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЗАПАД

МОСКВА

«АЛГОРИТМ»

2 0 0 7

Оформление художника *А. Новикова*

Зиновьев А. А.
3-63 Запад. — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. — 512 с. — (Политический бестселлер).

ISBN 5-699-19599-8

«Что из себя представляет этот феномен по имени Запад, который нанес такой сокрушительный удар могучей сверхдержаве, причем без единого выстрела? В чем источник его силы? Каковы перспективы эволюции человечества на основе такого исхода исторической битвы Запада против коммунизма? Является ли эта победа на самом деле окончательной? Является ли Запад на самом деле таким, каким его теперь изображает самодовольная западная и прозападная пропаганда в России? Что на самом деле несет мировая гегемония Запада остальному человечеству?» — такие вопросы задавал великий русский писатель, социолог и философ А. А. Зиновьев.

Ответы на них он дал в своей известной книге «Запад», которая предлагается вниманию читателя.

ББК 66.3(4Гем)

ISBN 5-699-19599-8

© А. А. Зиновьев, 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Запад

Феномен западнизма

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

До сих пор социальный строй западных стран определяется как капитализм по его экономической основе и как демократия по его политической системе. Я считаю, что это определение не соответствует реальности. Не соответствует не в том смысле, будто на Западе уже нет капитализма и демократии, — они тут есть в изобилии, — а в том, что реальный социальный строй западных стран не сводится ни к капитализму, ни к демократии. Эти явления вообще приняли тут такой вид и заняли такое место, что считать их определяющими признаками западного общественного устройства — значит игнорировать его реальную сущность и ориентировать на идеологически тенденциозное и в конечном счете ложное его понимание.

Я называю социальный строй западных стран западнизмом, вестернизмом, не вкладывая в это слово никакого иного смысла, кроме того, что это есть название не западных стран вообще, а лишь их социального строя. А что из себя этот строй представляет, это должно выяснить беспристрастное научное исследование.

В результате моего анализа западнизма я пришел к выводам, которые в двух словах можно резюмировать так. С точки зрения социально-экономической западнизм стремится к созданию гарантированных должностей и доходов для представителей тех видов деятельности, которые не являются непосредственными производителями материальных ценностей и услуг, и к усилению частного предпринимательства как самого эффективного средства принуждения людей к трудовой деятельности и повышения производительности ее. При этом частное предпринимательство не связано необходимым образом с частной собственностью. Оно может быть таковым даже в том случае, если в деловой сфере не останется ни одного частного собственника, являю-

щегося юридическим субъектом предприятия. В сфере социально-политической западнизм стремится к усилению недемократического аспекта системы власти и управления, к усилению роли государственности, к введению недемократических элементов в систему власти и к превращению демократии в средство манипулирования массами и в камуфляж для тоталитарного аспекта.

Эволюция западнизма в обеих основных сферах общественного устройства идет в направлении, сближающем западное общество с коммунистическим. Теория конвергенции этих социальных систем была выдвинута не коммунистами, а западными идеологами. Разгромив коммунизм на «Востоке», Запад сам устремился в том же направлении, хотя и своими путями, называемыми в идеологии и пропаганде демократическими. Можно подумать, что Запад в свое время разгневался на русских «дикарей» не за коммунизм, а за то, что они опередили его в этом отношении и построили коммунизм по-русски, то есть неправильно, халтурно, не по-западному.

Мюнхен, 1993

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Когда один французский издатель предложил мне написать книгу о Западе, я оторопел.

О Западе уже написаны многие тысячи книг. Зачем к этому океану книг добавлять еще и мою?! Я никогда не изучал Запад специально и систематически. Мой личный опыт жизни на Западе был довольно ограниченным. Конечно, я побывал во многих западных странах, встречал самых различных людей, слушал радио, смотрел телевидение, читал газеты, журналы и книги. Но делал я все это хаотично и спорадически, не имея никакого намерения собирать информацию для сочинений о Западе.

Я высказал это моему собеседнику. Он сказал, что ничего иного и не ожидал. Ему нужен от меня не путеводитель по странам Запада, не учебное пособие и не справочник, а впечатления и мысли, какие возникли у меня за годы жизни на Западе. В моих сочинениях он встречал много высказываний о Западе¹. Если их развить и систематизировать, может получиться книга, представляющая интерес для западных читателей. К тому же как посторонний наблюдатель я могу заметить в западном образе жизни что-нибудь такое, что игнорируют западные наблюдатели, или дать свою интерпретацию известным явлениям. Случаи такого рода в истории были. Алексис де Токвиль², например, за короткий срок пребывания в США увидел там больше, чем сами американцы, и стал основоположником теории современной демократии в Западной Европе.

Я возразил на это, что открытая Токвиллем в Америке демократия давно торжествует во многих странах

¹ В моих книгах «Мы и Запад» (1981), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1987), «Исповедь отщепенца» (1990).

² Alexis de Tocqueville. *Démocratie en Amérique*. 1835.

мира. Знатоков ее — миллионы. Соблазнять ею моих соотечественников нет надобности. Они сами превратились в яростных «токвиллей», представляя себе Запад как тот самый земной рай всеобщего благополучия и изобилия, какой им обещали коммунистические идеологи и вожди. И всякую попытку рассказать о Западе с точки зрения здравого смысла они воспринимают как прокоммунистическую пропаганду или вообще игнорируют.

Я попросил дать мне срок обдумать предложение. Чем больше я думал о нем, тем грандиознее казалась задача и тем мизернее мои возможности ее решения. И я решил было отказаться. Но положение в России к этому времени сложилось такое, что все упомянутые выше соображения отпали как второстепенные. Стало очевидно, что моя Родина потерпела поражение в «холодной войне» с Западом, встала на путь позорной капитуляции перед ним и бездумного заимствования западных образцов. Передо мною все настойчивее вставали мучительные проблемы. Что из себя представляет этот феномен по имени Запад, который нанес такой сокрушительный удар могучей сверхдержаве, причем без единого выстрела? В чем источник его силы? Каковы перспективы эволюции человечества на основе такого исхода исторической битвы Запада против коммунизма? Является ли эта победа на самом деле окончательной? Является ли Запад на самом деле таким, каким его теперь изображает самодовольная западная и прозападная пропаганда в России? Что на самом деле несет мировая гегемония Запада остальному человечеству? Уклониться от такого рода проблем я уже не мог. И я принял предложение.

Садиться за систематическое изучение Запада, как я это сделал бы лет тридцать или сорок назад, было немыслимо. Мне надо было за короткий срок, отпущенный на написание книги, среди массы других неотложных дел и с малыми силами сделать что-то такое, от чего мне не было бы стыдно в оставшиеся годы жизни. Я вспомнил об эвристических принципах, которые открыл для себя еще в юности, начав изучать советское общество тайно, в одиночку и в условиях, которые никак не располагали к серьезной науке.

Приведу для примера два из этих принципов. Согласно первому из них любая произвольно взятая и достаточно обширная сумма информации, относящаяся к некоторому социальному объекту, содержит в себе все то, что необходимо и достаточно для понимания сущности этого объекта. Согласно другому принципу самые глубокие тайны основных социальных явлений не спрятаны где-то в подвалах общественного здания, за кулисами политической сцены, в секретных учреждениях и кабинетах сильных мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни. Люди не видят их главным образом потому, что не хотят их видеть или признать их за нечто достойное внимания. Во всех сенсационных сочинениях, разоблачающих некие тайные и скрытые пружины общественной жизни и человеческой истории, не было сделано ни одного серьезного научного открытия. В них вообще содержится истины не больше, чем способен заметить здравомыслящий ум в самых заурядных житейских делах.

Руководствуясь такого рода принципами, я решил продолжать знакомиться с Западом так же хаотично, как делал это раньше, и сосредоточить свои усилия на обдумывании общеизвестных и доступных для обычного наблюдения явлений. Те упоминания имен, источников информации и фактов, которые читатель найдет в книге, это то, что всплыло в моей памяти из прошлого образования или попало под руку во время работы над книгой, а не какой-то годами накопленный профессиональный научный аппарат. В конце концов, читатель не должен воспринимать эту книгу как законченную теорию западного общества. Это будет лишь изложение тех принципов и идей, какими я стал бы руководствоваться, если бы имел силы, время и намерение строить такую теорию, иными словами — изложение того, как я понимаю Запад.

ЗНАТЬ И ПОНИМАТЬ

Знать что-то об обществе и понимать его — далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало понимать. Однако число людей, считающих себя специалистами в понимании своего общества только на том ос-

новании, что они что-то знают о нем, больше, чем в любой другой сфере познания. Каждый, кто имеет какой-то опыт жизни в данном обществе, считает себя его знатоком. Он воображает, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых живут, в которых принимают участие и которые сами творят. А те из них, кто занимает какое-то высокое положение в обществе и имеет возможность публично высказываться на социальные темы, считают себя и считаются другими высшими экспертами в них. Даже актеры и спортсмены высказываются на социальные темы с таким апломбом, будто изучали их профессионально.

Понимание общества не дается автоматически опытом жизни в этом обществе, наблюдением его отдельных явлений, накоплением конкретных сведений о нем. Подавляющее большинство людей проживает жизнь, не понимая и даже не пытаясь понимать общество, в котором они живут. Так было всегда. И так будет, пока будет существовать человечество. Сотни миллионов людей живут в западных странах, умеют в них жить, могут многое рассказать о них. Но если устроить проверку того, как они понимают свое общество, то можно будет установить, что подавляющее большинство из них в этом отношении мало чем отличается от дикарей далекого прошлого.

Миллиарды людей обучаются и умеют жить в своем обществе. Но умение жить в обществе и умение понимать его не только не совпадают, но являются в какой-то мере взаимоисключающими. Виртуозы по умению жить в обществе (карьеристы, предприниматели, ловкачи, мошенники) обычно являются полными кретинами в понимании его, а те, кто понимает свое общество (что встречается чрезвычайно редко), как правило, бывают плохо приспособленными к практической жизни в нем.

Понимание того или иного конкретного общества зависит от многих факторов, в том числе от того, какими методологическими принципами руководствуется исследователь. Эти принципы предопределяют то, что именно исследователь заметит в изучаемом обществе и как истолкует замеченное. На Западе не было недостатка как в общеполитических, так и в общесоциологических

ких концепциях и теориях. Но во всем том, что мне довелось узнать на эту тему, я могу согласиться лишь с отдельными утверждениями отдельных авторов, но не могу принять ни одну из их концепций и теорий целиком.

В области логики и методологии науки я работал профессионально в течение многих лет. Я разработал свою логико-философскую концепцию. Заинтересованный читатель может познакомиться с ней в моих опубликованных работах¹.

В области социологии мне приходилось когда-то знакомиться с работами таких авторов, как О. Конт, Ф. Теннис, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, В. Парето, М. Вебер, Т. Веблен и многие другие. Само собой разумеется, я досконально изучал марксистскую концепцию общества. Я отдавал и отдаю должное всем им, но не настолько, чтобы стать их последователем. Я выработал для себя свою «общую социологию», многочисленные идеи и принципы которой заинтересованный читатель может заметить в моих социологических и литературных работах о коммунистическом обществе².

Многие мыслители рассматривали человеческое общество как организм. Такую идею можно найти уже у Вико. В России сходную идею развивали Н.Я. Данилевский и В.О. Ключевский. В XX веке Шпенглер и вслед за ним Тойнби рассматривали историю человечества как ряд гигантских сверхорганизмов, переживающих периоды возникновения, детства, юности, зрелости, расцвета, упадка, старости и умирания. Идею рассматривать общество как живой организм высказывали О. Бальзак, Н. Винер и другие. Еще дальше в этом направлении пошел социальный дарвинизм и социобиология, кото-

¹ Основы моей методологии науки читатель может найти в моих книгах «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Логическая физика» (1974) и других.

² В социологических эссе «Коммунизм как реальность» (1981), «Сила неверия» (1986), «Горбачевизм» (1987) и «Кризис коммунизма» (1991), в публицистических работах «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1981) и «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983), а также в литературных произведениях «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «Желтый дом» (1982) и «В преддверии рая» (1979).

рые распространили биологические законы на явления социальные (например, Эдвард Уилсон).

Человеческое общество действительно по многим признакам сходно с такими биологическими организмами, как животные и люди. Но достаточно ли этого сходства, чтобы считать общество организмом? Это вопрос терминологический. Можно термин «организм» определить так, что только пространственно локализованные индивидуальные живые существа попадут в число организмов. Но этот термин можно определить и более широко, включив в число организмов и объединения организмов в узком смысле, например — стаи и стада животных, муравейники. Очевидно, в первом случае общество не попадет в число организмов, во втором — попадет.

Во избежание терминологической путаницы я буду употреблять выражение «базисный организм» для обозначения организмов в приведенном выше узком смысле слова и выражение «социальный организм» — в широком. Так что человеческое общество в таком словопотреблении есть социальный организм, состоящий из базисных биологических организмов — людей.

Имеются определенные законы, касающиеся взаимоотношения социального организма как целого и его базисных организмов, — законы органичности. Так, имеет силу закон адекватности базисных организмов и построенного из них социального организма. Из клопов или тараканов не построишь общество такого вида и масштаба, какими являются западные страны. Более того, не любой человеческий материал способен на это¹.

Надо различать то, как структурируется социальный организм сам по себе, в силу своих законов структурирования, и то, как его расчленяет и как классифицирует его части исследователь в целях удобства описания этого организма. Совпадение тут далеко не всегда имеет место. Мясник расчленяет животное и классифицирует его части иначе, чем ученый анатом, хотя отчасти их позиция и может совпадать. В большинстве социологических, политологических и экономических сочинений западных авторов, которые попадались мне на глаза, за-

¹ О роли человеческого материала писала Маргарита Баранова (Апраксина) в работе «Письмо Зиновьеву», которая не опубликована.

падное общество расчленяется по «принципам мясника», а не анатома. В этом обществе, например, нет таких эмпирических частей, как высшие, средние и низшие слои, определяемые величиной доходов. Можно предложить различные способы измерения доходов, вследствие чего изменится и разделение людей на слои. А между тем до сих пор население западных стран делится прежде всего на слои именно по этому принципу «научных» мясников. И при этом высмеивается марксистский «классовый» подход, который ничуть не хуже упомянутого «слоевого».

Социальный организм, в отличие от биологического, одновременно структурируется во многих измерениях, — он многомерен. При этом его «органы» и «ткани» не имеют таких четких форм, как в биологическом организме. Границы между ними подвижны и неопределенны. Причем они проникают друг в друга по самым различным каналам. Это делает невозможной одномерную классификацию его элементов. Многие недоразумения, трудности и споры в социальных исследованиях возникают в значительной мере из-за того, что структурно подвижное и многомерное образование пытаются рассматривать как четко фиксированное структурно и одномерное. Например, к какой социальной сфере отнести государственную власть? Относят, разумеется, к политической. И это верно. Но государство есть одновременно и элемент социально-экономической сферы. И дело тут не просто в том, что оно выполняет какие-то экономические функции, «вмешивается в экономику», вызывая гнев апологетов свободной конкуренции. Дело в том, что экономика просто немыслима без государства как ее составного элемента. Или к какой сфере отнести производство духовных ценностей? Оно одновременно относится и к сфере экономики, и к сфере культуры, и к сфере идеологии. И опять-таки тут имеет место не просто вмешательство экономики в культуру. Сама культура есть составная часть экономики. Аналогично идеология есть часть культуры, культура — сфера и средство идеологии. Еще более разительный пример многомерности западного социального организма дает ситуация со сферой средств массовой информации, в которой пере-

крещиваются сферы бизнеса, государственности, идеологии, пропаганды, гражданского общества.

Исторически человек сформировался в разумное существо как член объединения людей — семьи, стада или стаи, рода, племени. Одновременно с этим происходил процесс воздействия интеллекта человека на сам характер объединения людей. Последнее постепенно превратилось в организованное, то есть упорядоченное с участием человеческого интеллекта скопление людей. Это более высокий уровень объединения однородных базисных организмов в целое по сравнению с муравейником, ульем, стаями волков или обезьян. Так что человеческое общество представляется скорее как организация, а не как организм, поскольку первое слово ориентирует на некую стихийность («природность»), а второе — на сознательность процесса формирования общества.

Я не вижу между двумя подходами противоречия. И тот и другой правомерны, но в ограниченных пределах и с оговорками. Социальная организация есть то в обществе, что как-то осознано и закреплено в каких-то правилах, высшей формой которых является законодательство. Человеческое общество сравнительно высокого уровня развития есть организованный с помощью разума социальный организм или сложившаяся по законам органичности организация.

Тип общества образует устойчивая совокупность признаков, сохраняющаяся в течение всей жизни общества. Самым значительным, на мой взгляд, учением о типе общества является учение Маркса об общественно-экономической формации. Я не разделяю это учение с точки зрения его конкретного содержания. Но сама методологическая идея типизации общественных организмов вполне научна.

В истории человечества никогда не было и не будет «чистых» обществ, то есть таких, которые точно совпадают с каким-то типом общества. Реально существовавшие, существующие и будущие общества являются, как справедливо заметил М. Фридман, смешанными. Это означает, что в них можно заметить элементы и свойства обществ различных типов. Это, я думаю, очевидно. Наследственная монархия, например, является признаком общества феодального, а ее между тем можно увидеть во многих демократических (капиталистических) странах

в XX веке. Товарно-денежные отношения характерны для общества капиталистического, но их можно видеть и в обществе феодальном. В этой книге я излагаю мое понимание общества западного типа, отвлекаясь от всякого рода посторонних «примесей», то есть в «чистом виде».

ЗАПАД

Запад. Что это такое? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего выделить Запад как особый объект из множества прочих объектов. Это делается двумя различными способами. Первый способ — перечисление конкретных стран, включаемых в Запад или считаемых западными. Эти страны суть Франция, Италия, Англия, Германия, Бельгия, Швейцария, США, Канада, Австралия и многие другие, список которых можно найти в любом справочнике и учебном пособии соответствующего профиля. Второй способ — дефиниция, в которой указываются характерные свойства стран, считаемых западными, — демократия, частная инициатива и собственность, рыночная экономика, плюрализм и другие признаки.

Эти два способа, как правило, смешиваются, во всяком случае — четко не различаются. Причем чем дальше, тем больше. Этому есть объяснение. После Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 года в России мир раскололся на два враждебных лагеря — на лагерь капитализма и лагерь коммунизма (по принятому словоупотреблению). Первый стали часто называть Западом, ассоциируя это слово с социально-политическими условиями в странах Западной Европы, а второй — Востоком, акцентируя внимание на социально-политическом строе Советского Союза, то есть бывшей Российской империи. После Второй мировой войны коммунистический лагерь угрожающе расширился и укрепился, и борьба двух лагерей стала на много десятилетий основой мировой истории. Слово «Запад» приобрело еще более абстрактный смысл и расширилось по объему. Оно стало обозначением стран с определенным социально-политическим строем, так называемых демократических стран. В число таких стран вошли США, Канада, Австралия и другие, подобные им и западноевро-

пейским странам с точки зрения социального строя, экономики и политической системы. В это множество стали включать Японию, Южную Корею, Тайвань и другие американизированные страны. А после разгрома советского блока и самого Советского Союза в «холодной войне» в Запад стали включать даже страны Восточной Европы, вставшие на путь подражания странам Запада, — на путь западнизации. Словоупотребление стало еще более смутным и двусмысленным.

Я считаю, что выделение Запада посредством абстрактной дефиниции, фиксирующей какие-то стороны или свойства этого феномена, является методологически несостоятельным и несоответствующим фактическому положению вещей. Запад есть эмпирическое явление. И выделен он как таковое может быть лишь путем предварительного описания его тела в определенных пространственно-временных границах, а именно — путем перечисления вполне конкретных стран и народов. А какими являются свойства этого эмпирически данного объекта, это должно выяснить последующее исследование по правилам анализа именно эмпирических объектов. Лишь на этой основе могут быть использованы дефиниции в качестве кратких итогов исследования.

Сказанное касается не только Запада в целом, но и его составных элементов, сторон, подразделений. Для западных сочинений, относящихся к социальным объектам, характерным является стремление давать этим объектам абстрактные дефиниции уже в исходном пункте их описания, можно сказать, что им характерен справочно-бюрократический стиль мышления. Это имеет следствием запутывание банальных проблем и превращение действительно сложных проблем в банальности. Ложное начало предопределяет последующее описание, которое, как правило, выглядит как более или менее упорядоченный набор привычных словесных клише.

УНИКАЛЬНОСТЬ ЗАПАДА

Следствием смешения упомянутых двух способов выделения Запада как особого объекта внимания является то, что в Запад включаются какие-то страны и народы только на том основании, что они в чем-то похожи на

Францию, Англию, Италию, США и другие страны, действительно образующие тело Запада, или стремятся уподобиться им под их влиянием. Эти страны суть всего лишь сфера господства, влияния и интересов Запада, как бы далеко они ни зашли в своем уподоблении Западу.

Запад есть вполне определенное социобиологическое образование. Японцы, корейцы, китайцы, поляки, чехи, русские и представители других народов могут стать и становятся элементами тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и то это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев живут в странах Запада, оставаясь здесь все равно чужеродным явлением. Не исключено, что когда-нибудь пришельцы из незападных стран станут подавляющим большинством в западных странах и будут тут задавать тон. Как говорил один из моих литературных персонажей: «И вопить будет «Алла!» с башни Эйфеля мулла». Но тогда тут будет уже не тот Запад, о котором я здесь намерен говорить, а нечто иное. Отношение этого гипотетического Запада (если за ним сохранится это название) к нынешнему будет подобно отношению Турецкой империи к Византии или завоёванного варварами и бывшими рабами Рима к Римской империи в период ее расцвета.

Запад есть явление уникальное, то есть единственное в своем роде и неповторимое в истории человечества. Повторяю и подчеркиваю, социального феномена, аналогичного Западу в его самых существенных чертах (о них речь пойдет ниже), никогда не было ранее на планете, нет и не будет в будущем, если этот Запад разрушится и сойдет со сцены истории. Почему я это утверждаю с такой категоричностью? Во-первых, потому, что планета наша не так уж велика, Запад уже существует, он занимает свое место на планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой «Запад» рядом с собой. Во-вторых, само стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Конечно, рассуждая абстрактно-математически, можно «доказать» возможность другого точно такого же стечения бесчисленных условий где-то во Вселенной. Но я в такие «доказательства» не верю. Они основывают-

ся на целой серии логических ошибок, анализ которых здесь был бы неуместным. Но если даже допустить, что где-то нечто подобное существует, это будет все равно явление иной социобиологической природы, чем наш реальный, земной Запад.

Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что западнизация их стран не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам. Первая причина — навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. д.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Вторая причина — место и роль Запада (скажем, «мировой престол») уже заняты, и самое большее, на что эти западнизируемые народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им может позволить сам единственный и неповторимый Запад.

Как бы русские ни оплевывали коммунистический период своей истории, как бы ни усердствовали в разрушении всего того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленках и ни холуйствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия все равно никогда не станет частью Запада. Какая судьба ожидает ее в сфере западнизации, об этом в свое время откровенно сказал и показал Гитлер. Сейчас, разумеется, об этом не говорят вслух, но стремятся делать по сути дела то же самое. Нужно быть круглым идиотом, чтобы воображать, будто на Западе стали бы млеть от восторга, если бы на мировых рынках появились мощные конкуренты из России и стали бы вытеснять американских и западноевропейских предпринимателей.

Об уникальности Запада писали и другие авторы¹. Но они имели в виду уникальность Запада как экономичес-

¹ Например, Вернер Зомбарт в книге «Современный капитализм», 1926.

кого, социально-политического, идеологического и культурного явления. Я считаю, что говорить об уникальности Запада в этом смысле логически ошибочно. Если бы в мире существовала всего одна страна с такими признаками, все равно было бы бессмысленно считать ее социальный строй и его атрибуты явлениями уникальными. В том смысле, в каком «уникален», например, западный капитализм, «уникален» и феодализм, и коммунизм, и вообще любой социальный строй. Тут логически правильно говорить не об уникальности, а об универсальности капитализма, коммунизма и т. д., поскольку законы этих социальных феноменов одни и те же везде, где они существуют. Запад уникален лишь как конкретное социобиологическое образование, каким бы ни был его социальный строй.

ЗАПАДНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Выделение всякого человеческого объединения из окружающей социальной среды предполагает то, что определенное множество людей осознает себя в качестве членов этого объединения и отличает себя в этом качестве от других людей (внутренняя идентификация), а какое-то множество из этих других людей осознает себя в качестве чужих для этого объединения людей, отличает их от себя именно как от представителей этого объединения (внешняя идентификация). Внешняя идентификация Запада началась раньше, чем внутренняя. В России это произошло уже в XIX веке. Внутренняя идентификация началась лишь после Второй мировой войны, когда народы Запада оказались перед лицом угрозы со стороны мирового коммунизма, возглавлявшегося Советским Союзом. Но она до сих пор не стала настолько сильной, чтобы французы, англичане, немцы, итальянцы, американцы и прочие народы западных стран осознавали себя в первую очередь в качестве западных людей и лишь во вторую очередь гражданами своих стран. И трудно сказать, произойдет ли это вообще когда-нибудь. Глядя на американцев, впадающих в экстаз от одной мысли, что они суть именно американцы, несущие человечеству американские ценности и

американский мировой порядок, или глядя на немцев, ведущих весьма угрожающую для других стран Западной Европы борьбу за гегемонию в Европе, я никак не могу вообразить себе французов, итальянцев, англичан, испанцев и прочих западных людей, гордящихся мировыми претензиями и успехами американцев и немцев как своими собственными, общезападными. Ведь и Гитлер когда-то был уверен в том, что американцы, англичане и французы помогут ему раздавить русских, поскольку они суть тоже западные люди, как и немцы.

Для единства такого гигантского образования, каким является Запад, внутренняя идентификация как постоянно действующий фактор вообще не требуется. Она может возникать на короткое время как политический и идеологически-пропагандистский фактор, когда западные страны совершают какие-то совместные действия вроде карательных акций в отношении Ливии, Ирака или Сербии. Ведь и в гигантской Римской империи далеко не все народы и слои населения идентифицировали себя в качестве римлян. Аналогично немногие осознавали себя в первую очередь россиянами, причем самыми рьяными из них были обрусевшие или хорошо устроившиеся чужеземцы.

ЗАПАДНОЕ ОБЩЕСТВО

Человеческим обществом или, короче, просто обществом я здесь буду называть объединение людей, занимающее или использующее определенную территорию, обладающее сравнительной замкнутостью, воспроизводящееся как целое из поколения в поколение в течение более или менее длительного времени. Современные западные страны («национальные государства») суть наглядный пример человеческих обществ. Употребляя выражение «западное общество», я буду иметь в виду именно эти страны в качестве частных случаев.

Каждое западное общество, за исключением «вырожденных» случаев вроде Монако и Лихтенштейна, разделяется внутри на более мелкие территориальные единицы — штаты, департаменты, провинции, земли, кантоны. Последние разделяются на еще более мелкие части вплоть до самых маленьких местных общин. С другой

стороны западные общества объединяются в группы и в целом образуют некоторое единство. Имеет место сильная тенденция к объединению их в целостное общество. Но пока западными обществами в строгом смысле слова остаются общеизвестные западные суверенные страны, а не их части и не их объединения. Именно в них свойства этого социального феномена выражены наиболее полно и четко. Поэтому исследование именно их должно стать исходным пунктом исследования Запада.

ФЕНОМЕН ЗАПАДНИЗМА

Слово «Запад» употребляется не только как обозначение индивидуального явления, то есть совокупности вполне конкретных стран и народов, но и как абстрактное понятие, то есть как обозначение совокупности явлений, которые не связаны необходимым образом с особенностями отдельных западных стран и являются для них общими. В таких случаях употребляют также слова «демократия», «капитализм», «плюрализм», «открытое общество» и т. п. Я считаю, что эти слова превратились в идеологически-пропагандистские фетиши, не столько поясняющие, сколько затемняющие суть дела. Я буду употреблять термин «западнизм» для обозначения социального типа западных стран, то есть того общего в западных странах, что так или иначе отражается в упомянутом выше абстрактном употреблении слова «Запад» и в упомянутой совокупности слов политического, идеологического и пропагандистского лексикона. Слово же «Запад» я оставляю как обозначение совокупности конкретных стран и народов, о которой идет речь, но сделав к этому один корректив.

Западнизм есть сложный и целостный социальный феномен, в котором можно увидеть и капитализм, и демократию, и социализм (коммунизм), и прочие общеизвестные явления, но который как специфическое целое не есть ни капитализм, ни демократия, ни социализм (коммунизм), ни любое из прочих его свойств по отдельности. С другой стороны, западнизм в целом есть лишь свойство и часть более обширных объединений — конкретных западных стран. Он зародился в этих странах,

достиг в них зрелости, стал неотъемлемым качеством их натуры. Он стал в этих странах играть настолько важную роль, что они уже не мыслятся без западнизма. Из этих стран западнизм распространился по планете именно как западнизация других стран и народов.

Западнизм не есть всего лишь множество отдельных общих свойств западных стран. Это есть особое целостное образование в теле западных стран. Это, грубо говоря, есть общество второго уровня по отношению к тому обществу, которое существует в этих странах испокон веков. Трудность понимания этого соотношения различных социальных феноменов состоит в том, что западнизм существует в том же пространственно-временном объеме, что и народы конкретных стран, и с тем же человеческим материалом. Одни и те же граждане этих стран одновременно участвуют как в жизни своей человеческой общности вообще, так и в жизни западнизма. Полного совпадения тут нет. Народ данной конкретной страны имеет свою историю, которая не сводится к истории западнизма. И в современной жизни людей не все есть их жизнь в качестве кирпичиков западнизма. Но западнизм, став доминирующим явлением в жизни западных народов, превратил их в среду и средство своего бытия. Западнизм сросся с западными странами настолько, что слово «Запад» теперь обозначает не просто определенное множество стран, но стран, являющихся воплощением западнизма. Реальность западнизма и есть современный Запад.

ЗАПАД И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Запад есть живое существо. Все живое, как это общеизвестно, переживает определенные стадии жизни — зарождение, формирование, зрелость, упадок, старение и смерть. Сейчас Запад достиг стадии зрелости. И хотя он время от времени впадает в состояние кризиса, дающее повод паникерам и недоброжелателям говорить о его упадке и скорой гибели, он еще не достиг вершины своего расцвета. Так что сейчас нелепо гадать о его временной границе в будущем. Зато надо установить его

временную границу в прошлом, ибо это важно для выделения и понимания самого феномена Запада.

Когда зародился и сформировался Запад? Обычно начало истории Запада датируют периодом упадка Римской империи. Этот предрассудок есть следствие определенного подхода к истории, суть которого заключается в следующем. Берется какой-то пространственный объем (например, Западная Европа) и рассматривается, что происходило в нем в какой-то промежуток времени (например, со времен падения Римской империи до наших дней). Изобретается определенная периодизация событий. События оцениваются с точки зрения значительности их для своего времени и последующих событий. С точки зрения этого подхода исторический процесс представляется как некая единая линия эволюции с различными этапами, просто как смена событий, предшествовавшая данному состоянию исследуемого социального пространства. Естественно, в качестве начала Запада при этом само собой напрашивается разрушение Римской империи.

Рассмотренному подходу я противопоставляю другой, суть которого такова. Выделяется некоторый конкретный социальный феномен и исследуется как эмпирическое явление в его существенных свойствах и закономерностях. Исходя из этого выясняются его корни в прошлом, его зарождение и формирование. С точки зрения такого подхода не все, что происходило в данном пространственном объеме в прошлом, есть история выделенного феномена. Не все, что происходило в Западной Европе со времени краха Римской империи, есть история того, что я выделяю в качестве предмета моего внимания, — феномена западнизма, воплощенного в странах Запада, или Запада как воплощения феномена западнизма, а также Запада как социального целого. В прошлой истории Западной Европы можно обнаружить предпосылки, условия и корни этого феномена, но не сам этот феномен в его качественной определенности.

История западных стран есть история западноевропейской цивилизации, но еще не есть история Запада как особого социального образования. Это есть лишь одно из исторических условий Запада. История западноевропейской цивилизации подготовила «строительный»

материал для Запада — определенный человеческий материал, материальные и духовные ценности, социальные институты, культуру, идеологию. Но как особый социальный феномен Запад есть молодое образование. Он возник недавно. Давно ли в массовое употребление вошли выражения вроде «у нас на Западе», «у них на Западе», «западная политика», «западная культура» и т. п.? Давно ли массы людей стали идентифицировать себя в качестве людей западных, отодвигая на задний план или вообще игнорируя свою национальную или этническую принадлежность?!

Исторически западнизм возник и развивался в среде общества иного типа. Условиями его возникновения и вызревания были такие исторически данные факторы. Это — сравнительно сильная и развитая государственная власть, наличие какого-то законодательства, денежная система, признание частной собственности на движимое имущество, наличие лично свободных людей, которые в рамках законов и под защитой государственной власти могли что-то производить и продавать за деньги, существование категории лично свободных людей, которые могли нанимать других свободных людей или наниматься другими.

Развитие западнизма было развитием, укреплением и расширением самих этих условий. Причем эти условия входили в структуру самого западнизма, становились его необходимыми элементами. Начиная с некоторого момента, когда западнизм приобрел достаточно сил, чтобы начать борьбу за господство в обществе, он начал оказывать обратное влияние на свои условия (то есть на государственную власть, правовые отношения, денежную систему и т. д.), вынуждая их приспособляться к его интересам. Так называемые буржуазные революции знаменовали собою поворотный пункт в истории, когда произошло «оборачивание» в отношениях между компонентами исторического процесса, а именно — условия западнизма сами стали обуславливаться им. И в структуре сложившегося западного общества западнизм из одного из «надстроечных» явлений существовавшего ранее общества превратился в «базис» нового общества.

Западное общество возникло не на пустом месте и существует не в изолированном пространстве, а в уже

развитой человеческой среде, причем как более высокий уровень организации человеческих существ. Отношение западнизма к общечеловеческой среде подобно отношению животного мира к растительному, высших видов животных к низшим, человечества к животному миру. Я эту общечеловеческую среду, имеющуюся в каждой западной стране и в окружающем Западу мире, предполагаю данной, оставляя этот аспект дела без внимания.

ПРЕДЫСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЗАПАДНИЗМА

Я различаю предысторию западнизма на Западе и историю Запада как историю ставшего западнизма. Первая есть зарождение, распространение и вызревание западнизма в недрах (в теле) того общества, которое сложилось в течение многих веков в Европе, главным образом, в той ее части, которую в середине XX века стали называть Западом. Вторая есть завоевание западнизмом господствующего положения в западных странах, начало истории этих стран на основе западнизма. Установить точную дату начала этого периода невозможно, так как в различных частях планеты (а не только Западной Европы!) этот процесс начался в различное время, причем был растянут во времени и погружен в совокупность процессов иного рода. Но можно указать заметные исторические вехи, которые свидетельствовали о том, что Запад уже зародился и начал жить. Эти вехи — так называемые буржуазные революции в Англии и Франции, борьба Нидерландов за независимость от Испании, борьба американских колоний за независимость от Европы и образование США.

Западнизм формировался неравномерно, по различным линиям и в течение длительного времени. И более или менее явное проявление его на арене истории как для других, так и для себя было таким же. Если бы нужно было выбрать официальные даты для празднования его юбилея, то во Франции, например, я бы выбрал не только день 14 июля 1789 года, но и такие даты: 26 августа 1789 года, когда Учредительное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина», 6 января 1800 года, когда был учрежден Французский банк, и 21 марта

1804 года, когда был принят Закон о введении «Гражданского кодекса» («Кодекса Наполеона») в действие. Эти события проявили открыто то, что западнизм уже достаточно созрел, чтобы «выйти в свет». Вместе с тем они послужили важными условиями для того, чтобы западнизм начал покорять этот «свет».

На это можно возразить, что то, что я считаю вехой начала истории Запада, есть лишь веха нового этапа в истории Западной Европы, а именно — этапа капиталистического (буржуазного). Но в таком случае и падение Римской империи есть не начало какого-то нового социального феномена, а всего лишь новый этап в истории все того же абстрактного человечества. При таком подходе вообще пропадает важнейший элемент истории человечества — возникновение различных живых социобиологических существ и выделение их из общей почвы жизни человечества в особые типы социальной жизни. При таком подходе история человека оказывается лишь этапом в истории животного мира, а история последнего — этапом в мире живых организмов вообще.

С точки зрения моего подхода то, что я называю Западом, не есть всего лишь этап в истории Западной Европы. Это — нечто иное. Это — новое качество в человеческой истории, новый социальный феномен со своими собственными этапами эволюции. К тому же ошибочно сводить суть Запада (пусть нового этапа в истории западных стран) к капитализму. Капитализм сыграл свою роль в возникновении Запада. Он был одной из его предпосылок. Но возникновение Запада было явлением более обширным и сложным, чем лишь приход буржуазии к власти.

В рассматриваемый период происходило образование больших суверенных человеческих объединений, которые стали называть «национальными государствами» (слово «государство» здесь употребляется не в смысле системы органов власти, а как синоним слова «страна»). Это — Франция, Англия (Британия), Голландия, Бельгия, Италия, Германия, США, Канада, Австралия и многие другие. Несмотря на разнообразие этих стран и далеко не мирные отношения между ними, в них сформировалось нечто такое, что позволяло считать их странами западного типа или западными странами, — сформировал-

ся западнизм как особый социальный феномен. Западнизм послужил важнейшим условием формирования «национальных государств». Но вместе с тем лишь в рамках этих государств западнизм развился настолько, что овладел целым обществом и стал его базисом, — определил сам тип общественного устройства страны.

Этот период истории Запада был историей входивших в него «национальных государств» и их взаимоотношений. Нельзя считать случайностью тот факт, что Запад сложился как множество социально однотипных стран. Несмотря на взаимную вражду, доходившую до войн, феномен западнизма смог исторически выжить только благодаря упомянутой его множественности. В противном случае он либо остался бы второстепенным явлением в совокупности явлений иного рода, либо был бы задушен вообще. Западнизм завоевывал себе место под солнцем во многих местах планеты, можно сказать — широким фронтом.

В этот период сформировались социальный строй, политическая система, экономика, культура и идеология западных стран, представляющие собою различные аспекты западнизма, развившегося до уровня целостных обществ. Ниже я рассмотрю каждый из этих аспектов специально. Здесь же замечу, что сходство западных стран во всех этих аспектах обусловлено не столько взаимным влиянием, сколько внутренними закономерностями самого западнизма. Исключать взаимное влияние не следует, оно свою роль сыграло. Но и преувеличивать его не следует, дабы не затемнять более глубокие основы этих явлений. Сейчас уже невозможно установить, когда и в какой мере имело место взаимное влияние, а когда — совпадение независимых линий эволюции, лишь постфактум или случайно понятых как результат взаимного влияния. Да в этом и нет надобности, ибо история так или иначе сделала свое дело, и нам остается лишь констатировать сходность процессов в различных пространствах мира.

В этот период обнаружилось с полной очевидностью то, что западнизм является новым уровнем в эволюции человечества или, точнее говоря, таким социальным образованием, которое предполагает в качестве условия бытия более низкий слой человечества. Это проявилось

в том, что почти все западные страны либо создавали мировые империи под своим господством, либо предпринимали попытки к этому, либо предпринимали попытки превратить в свои подчиненные территории своих соседей. Самой значительной империей такого рода была Британская, которая была пионером в развитии западнизма. И это не случайно. Самыми значительными попытками создания империй в рамках Европы были завоевательные войны Наполеона в начале XIX века и Гитлера в середине XX века. В критической литературе обычно употребляется термин «империализм» для обозначения этого аспекта истории западных стран. Этот термин приобрел сугубо негативное значение. Кроме того, он скрывает смешение различных явлений, а именно — стремление к образованию империй по причинам и мотивам, не имеющим никакого отношения к западнизму (Римская империя, Византия, Австро-Венгерская империя и т. п.), и стремление феномена западнизма к «вертикальному» структурированию человечества, к утверждению себя в качестве социального феномена более высокого уровня.

В этот период обнаружилась и тенденция западных стран к объединению. Она проявилась в образовании всякого рода коалиций стран, главным образом — в военных и торговых целях. Такими были, например, коалиция стран Антанты в Первую мировую войну, а также стран гитлеровского блока и антигитлеровского блока во Вторую мировую войну.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, начался новый период в истории Запада. Западное общество достигло степени социальной зрелости. Оно стало обществом всеобъемлющего западнизма. Запад одержал крупнейшую в его истории победу над своим эпохальным врагом — над коммунистическим миром. Определилась стратегия Запада в отношении прочего мира. Началась интенсивная интеграция западных стран в единое социальное целое. Заявила о себе сильнейшая тенденция к образованию глобального общества на основе западнизма и во главе с Западом. Излагаемое в этом очерке понимание Запада сложилось у меня на основе наблюдения его в том виде, какой он принял в этот период.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И АСПЕКТЫ ЗАПАДНИЗМА

Было бы ошибочно выводить западнизм из какого-то одного источника. Он формировался по многим линиям, вырастал из различных источников, которые, сливаясь и переплетаясь, создавали единый мощный исторический поток, ломавший на своем пути все преграды и увлекавший их обломки с собой. Эти источники разнокачественны не в смысле степени важности, а в смысле типа сыгранной ими роли.

Как на Западе, так и в других странах бытует убеждение, будто западное общество всеми своими положительными достижениями обязано частной собственности и капитализму. До сих пор еще живо и противоположное мнение, которое в XIX веке и в первой половине XX века владело умами многих миллионов людей на планете, будто частная собственность и капитализм являются источником всех зол. Это второе убеждение успешно конкурировало с первым в течение целого столетия. Лишь во второй половине XX века его влияние пошло на спад и почти заглохло к концу века. Зато первое убеждение заявило о себе с полной откровенностью.

Я утверждаю, что как то, так и другое убеждение ложно. Я не отвергаю роли капитализма в истории и структуре Запада. Но я утверждаю, что есть нечто более глубокое и широкое в западном обществе, что является основой и для самого капитализма. Это нечто есть западнизм. Развившись на основе западнизма, капитализм овладел обществом и подчинил себе само это явление западнизма, став его органическим элементом. Достигнув вершины своего развития, капитализм вернулся к своей основе на более высоком уровне, превратившись в западнизм как таковой.

В жизни каждого взрослого и трудоспособного человека, групп таких людей и общества в целом можно различить два аспекта — деловой и коммунальный. В деловом аспекте люди действуют и вступают в какие-то отношения друг с другом в зависимости от того, что они должны заниматься каким-то делом, необходимым им для приобретения средств удовлетворения своих жизненных потребностей. Важнейшим делом общества яв-

ляется создание и циркулирование материальных ценностей. Но делом может быть и создание культурных ценностей, и бытовое обслуживание людей, и создание средств развлечения. В коммунальном аспекте люди вынуждены совершать поступки и вступать во взаимные отношения в зависимости от самого того факта, что их очень много и что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение.

Эти аспекты неразрывно связаны между собою. Разделить их можно лишь в абстракции. Тем не менее они различны. Чтобы представить себе деловой аспект как таковой в отличие от коммунального, надо взять в качестве поясняющих примеров такие случаи, когда на действия и поведение людей не влияет ничто, кроме интересов дела. Такие случаи обычны и очевидны. А чтобы представить себе коммунальный аспект в «чистом» виде, надо выбрать в качестве примеров случаи, когда люди умышленно совершают поступки, затрагивающие интересы и влияющие на жизненные позиции других людей. В современном развитом западном обществе примером различения делового и коммунального аспектов может служить различие предприятий, на которых изготавливаются предметы потребления, с одной стороны, и учреждений власти, с другой стороны.

Роль этих аспектов в жизни людей может быть различной в смысле их важности. Бывает, что один из них становится доминирующим, подчиняет себе другой и даже заглушает другой. Причем это доминирование может стать привычным образом жизни людей. Я утверждаю, что именно различие этих аспектов, устойчивые взаимоотношения между ними и доминирование того или иного из них над всеми прочими аспектами жизни людей образует самую глубокую основу различия между западным типом общества и тем его типом, который развился в Советском Союзе после революции 1917 года и в ряде других стран (Китай, Вьетнам, страны Восточной Европы до восьмидесятых годов) и который я называю коммунистическим. Употреблять в отношении общества западного типа термин «капиталистическое» я воздерживаюсь по причинам, о которых уже говорил выше.

Каждый из рассматриваемых аспектов имеет свои общие правила. Самые фундаментальные из них просты и в какой-то мере общеизвестны или известны по крайней мере значительной части членов общества. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна — люди не смогли бы заниматься делами, обеспечивающими их всем необходимым для жизни, и не смогли бы объединяться в большие группы и целые общества. Более сложные правила вырабатываются какими-то небольшими группами людей, специально занятых этим делом, навязываются всем прочим людям и поддерживаются тоже людьми особой категории. Люди фактически живут в обществе по этим правилам и по необходимости осознают их.

Но осознание этих правил и практическое овладение ими не есть еще осознание их как правил, выражающих социальные законы. Здесь положение подобно тому, как люди научаются считаться с законами природы, не имея о них никакого понятия. Здесь сознание играет роль средства выработки навыков поведения, но не средства познания лежащих в их основе объективных законов бытия.

И третий источник и аспект западнизма образует то, что я называю человеческим фактором. Прежде чем приступить к детальному рассмотрению названных источников и аспектов западнизма, скажу кратко о каждом из них в общей форме.

ДЕЛОВОЙ АСПЕКТ

Именно в первом (деловом) аспекте прежде всего зародились семена или первичные клеточки будущего западнизма.

Сначала это были отдельные индивиды и небольшие деловые группки, функционировавшие главным образом не по законам коммунальности, а по законам дела. При этом, естественно, получал преимущества тот, кто лучше делал и организовывал дело. Такие группки появлялись в большом числе в самых различных местах планеты, главным образом — в Западной Европе. Начался длительный процесс их борьбы за существование, отбор

наиболее жизнеспособных. Соответственно начался отбор и поощрение человеческих качеств и обладавших ими людей, лучше других действовавших в интересах таких групп. А в самих группах складывалось определенное отношение к таким качествам и людям, делавшее всех участников дела зародышем будущего народа с этими качествами. Число групп такого рода росло. Росли их размеры, и они дифференцировались. И наоборот, мелкие группки объединялись в более сложные. Усиливалась их роль в обществе, росло влияние на окружение. В них проникали внешние влияния, и они сами проникали вовне. Короче говоря, шел самый сложный исторический процесс со всеми логически мыслимыми вариантами и возможностями.

Естественными исходными группами рассматриваемого типа были группы семейные. Они объединялись в артели или корпорации, а последние образовывали более или менее многочисленные общины, целые районы, коммуны, города. Эти группы занимались не любым делом, но делом исключительным, требовавшим сравнительно высокого уровня способностей, интеллекта, квалификации. Делом, которое могли выполнять сравнительно немногие мастера. Подлинными родоначальниками будущего высокоразвитого западного индустриального общества были неизвестные труженики-мастеровые, а не накопители сокровищ, ростовщики и спекулянты. Правда, со временем положение людей в обществе переменялось в силу общего закона эволюции, по которому плодами усилий тружеников-первооткрывателей пользуются ничтожества и паразиты.

Хочу особое внимание обратить на такие черты рассматриваемого процесса. Первая — упомянутые группы возникали не изолированно от общества вроде первобытных племен, а уже в достаточно развитых человеческих объединениях. Очень важно помнить об этом обстоятельстве: западнизм зародился в человеческой среде с самого начала как явление вторичное, можно сказать — более высокого уровня сравнительно с тем, что уже существовало. Сначала эта вторичность не была заметна и не выглядела как более высокий уровень живого. Это стало ясно лишь много веков спустя. Есть общий социальный закон: все по-настоящему великое впервые по-

является на арене истории сначала бесшумно. Так появился, по словам Гейяра де Шардена, и сам человек вообще. Когда он зародился, никто не мог бы заподозрить, что из этой вертлявой твари вырастет венец творения. А когда человек стал тем, что он есть, уже никто не может проследить кончики его корней в животном мире в прошлом. Со временем процесс как бы углубился в более низкий слой истории человечества, охватив не только исключительные, но и обычные формы деятельности, став всеобщим образцом. Но «точка роста» нового социального феномена все равно оставалась острием стрелы, устремленной в будущее.

Вторая черта процесса заключается в том, что носителями рассмотренной западной ориентации были люди, которые были благодаря тем или иным обстоятельствам социально свободными, то есть не вовлеченными в феодальные отношения тех времен. Они были фактически свободны в том смысле, в каком люди стали впоследствии свободными и юридически. Не надо переносить на прошлое понятие свободы личности, уместное в отношении уже ставшего западнизма. Люди тогда были свободны лишь в той мере, чтобы создавать нефеодальные деловые группы (общины), и не более того. Но для начала этого было достаточно. Западнизм вырастал не как модификация феодальных отношений людей и не из них, а вне их, независимо от них, хотя и в одном социальном пространстве с ними, но рядом с ними. Он вырастал в порах феодального общества, на свободных (относительно, конечно) местах. Он разрушал феодальные отношения, оттеснял их и, становясь сильнее, включал их в себя, трансформируя их на свой манер. Но он с самого начала был нефеодален.

Третья черта процесса — он проходил в соответствии с объективными социальными законами, и прежде всего — по законам организации и выполнения дела. Приведу несколько примеров законов такого рода. Результат дела должен удовлетворять какую-либо потребность людей, — дело должно быть общественно полезным. Дело должно делаться в соответствии со свойствами объектов, которые участвуют в деле, иначе дело не будет иметь успех. Каждое дело требует соответствующего уровня квалификации, ему следует обучаться. Затраты

на дело должны соответствовать ценности результатов дела. Основной принцип в этом отношении — наилучший результат с наименьшими затратами. Народная мудрость отразила такие правила в бесчисленных пословицах и поговорках вроде «Игра стоит (не стоит) свеч», «Что посеешь, то и пожнешь», «Взялся не за свое дело», «Стрелять из пушек по воробьям», «Дело мастера боится». В научной литературе можно найти общие принципы деятельности, которые суть лишь записанные в профессиональной терминологии житейские банальности.

Упомянутый выше закон эффективности дела (наилучший результат с наименьшими тратами) естествен и самоочевиден. Он не нуждается ни в каком обосновании. Наоборот, он сам является основой более конкретных закономерностей деловой жизни людей в западном обществе. Он является самой глубокой основой прогресса средств производства и производительности труда.

Упомянутый закон имел силу независимо от того, имела место конкуренция или нет. Конкуренция вообще есть явление позднее, уже капиталистическое. А первоначально никакой конкуренции вообще не было. Была просто потребность в предметах особого рода, которую и удовлетворяли предшественники западного общества. Был спрос на эти предметы. Он рос, отчасти под влиянием самого производства. Рост спроса стимулировал рост производства по указанному выше закону. Возникшая впоследствии конкуренция лишь усилила действие этого закона, но не породила его. Причем рост числа конкурирующих производителей не только усилил тенденцию к росту производительности труда, но сделал немало, чтобы помешать этому: конкуренты стремились помешать друг другу. Этот закон привентации (как я его называю) сохранил силу и до сих пор.

Четвертая черта — структурирование людей в рамках западнизма происходило, естественно, прежде всего в зависимости от интересов дела и по правилам делового, а не коммунального аспекта, а именно — по характеру и степени важности участия в деле. Потому главной фигурой тут становился владелец и организатор дела — предшественник будущего собственника-предпринимателя. Опять-таки тут не следует переносить правовое

понятие собственности позднейших времен на предшественника этого явления, в отношении которого более уместно понятие владения. Ошибочно также переносить понятие пролетариата (то есть наемных рабочих, лишенных собственности) на участников дела в зачаточных ячейках западнизма, занимавших подчиненное положение по отношению к собственнику и организатору дела. Это могли быть точно так же свободные от феодальной зависимости люди, но члены семьи, родственники, соседи, случайные люди, примыкавшие («прилепливавшиеся») к семьям владельцев дела.

Законы дела давали преимущества человеческому материалу особого рода, а время осуществляло соответствующий отбор. На эту тему я буду говорить специально ниже. Здесь же замечу, что законы дела сами по себе не порождали деловых людей. Они вообще ничего не порождали. Человеческий материал с деловыми задатками должен был появляться в силу каких-то причин, возможно — случайно. Но он появлялся, поощрялся и отбирался уже на основе законов дела, становился традиционным, множился и усовершенствовался, оказывая обратное воздействие на сам процесс дела и его закономерности. Исторический процесс всегда есть сплетение множества взаимодействующих факторов с меняющимися ролями в их взаимодействии.

КОММУНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВА

Коммунальный аспект (коммунальность) является точно так же общечеловеческим. Его образует, повторяю, поведение людей и отношения между ними, обусловленные самим тем обстоятельством, что людей много и они вынуждены так или иначе сталкиваться друг с другом, общаться, распадаться на группы, подчинять, подчиняться. В этом аспекте люди вынуждены уже друг друга рассматривать как свое внешнее окружение. Тут идет борьба за существование и за улучшение своих позиций уже не в природной, а в социальной среде, которая воспринимается ими как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им, во всяком случае — как нечто такое, что не отдает свои блага человеку без

усилий и борьбы. Законы коммунальности одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления людей, позволяющие говорить об обществе. Для законов коммунальности безразлично, что объединяет людей в общество. Они так или иначе действуют, раз люди на достаточно длительное время объединяются в достаточно большие коллективы.

Человек как коммунальный индивид рассматривается лишь как существо, обладающее телом и органом управления телом. Этот подход есть научная абстракция, научное упрощение. Но без этого нельзя начать научный анализ. Со временем можно включить в сферу внимания и другие свойства человека. Но лишь со временем и постепенно, в подходящем месте. А начинать надо с крайнего упрощения. Задача управляющего органа коммунального индивида — обеспечить индивиду наилучшее (с его точки зрения, в рамках его возможностей и интересов) приспособление к условиям его социального существования, обеспечить такое его поведение, которое соответствует условиям и нормам жизни его социального объединения. Управляющий орган сам есть часть управляемого им тела, но такая часть, которая отличается от всего тела именно как своего рода командный пункт жизнедеятельности сложного живого организма. В результате социобиологической эволюции отношение между управляющим органом (головой) человека и его телом сложилось таким, что первый стал господином второго.

В коммунальном аспекте предполагается, что люди свободны и без принуждения совершают поступки по правилам социального расчета. Основной принцип последнего: не действовать во вред себе, мешать другим действовать во вред тебе, избегать ухудшения условий своей жизни, отдавать предпочтение лучшим условиям. Из этого основного принципа вытекают производные, например — иметь как можно больше с наименьшими усилиями, максимально использовать в своих интересах свое положение, избегать наказания. Конечно, далеко не всегда очевидно, что в пользу и что во вред индивида, что хуже и что лучше для него. Но это не устраняет сам принцип. Индивид следует ему в силу своей способности оценивать положение. В условиях, когда каждый ин-

дивид действует согласно этому принципу, главным врагом индивида становится другой индивид, препятствующий ему в поведении согласно этому принципу.

Фундаментальный принцип социального расчета реализуется в целой системе правил поведения. На овладение ими уходят многие годы жизни. Причем не все люди овладевают ими в одинаковой мере и полностью. И в поведении люди часто делают ошибки. Обычно эти правила действуют в совокупности, трансформируя и маскируя друг друга. Этим правилам люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания, благодаря образованию.

Поведение людей по правилам коммунальности не есть поведение по правилам морали, если даже они совершают поступки, одобряемые морально. Тут имеет место просто совпадение различных способов оценки поступков. Правила морали были в свое время изобретены как одно из средств самозащиты людей от буйства коммунальности, то есть от самих себя как существ коммунальных. Какие-то правила морали сохраняются и в условиях господства коммунальности. Но они тут играют роль второстепенную и сугубо формальную. Убежденно моральный (поступающий именно в силу принципов морали) человек тут становится редким исключением, уклонением от общей нормы. Люди здесь соблюдают какие-то правила морали потому, что это требуется правилами коммунальности. Люди тут не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому тут исчезает такое явление, как угрызения совести. Потому тут люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами. Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей натуры, тут обречен на душевные страдания и на конфликты со средой. Если человек хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимирию, то есть способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство в поведении по законам коммунальности.

Коммунальные правила не есть нечто только негативное. Они вообще не есть негативные. Они — объектив-

ные. Они порождают следствия, которые какие-то люди воспринимают как негативные. Но они же порождают и средства защиты от них. Поскольку людей много и каждый действует в силу правил коммунальности, люди так или иначе вынуждены ограничивать друг друга, создавать коллективные средства самозащиты.

Правила коммунальности кажутся малозначащими пустяками, если их взять по отдельности и если рассматривать отдельно взятые поступки людей. Чтобы понять, какую роль они на самом деле играют в обществе, надо их взять в совокупности и в массе, то есть принять во внимание то, какое число поступков и какие поступки миллионы людей совершают в соответствии с ними ежесекундно. Именно эти ничтожества, а не всесильные тираны играют решающую роль в жизни общества, превращая в свои игрушки и инструменты самые значительные (с обывательской точки зрения) личности. Суть научных открытий в социологии состоит не в том, чтобы раскопать какой-то глубоко запрятанный грандиозный секрет жизни общества, а в том, чтобы увидеть, какую грандиозную роль играют очевидные всем пустяки.

Далеко не всякие отношения между людьми, не входящие в деловой аспект общества, суть отношения коммунальные. Так, отношения между врачами и больными, учителями и учениками, проповедниками и слушателями, артистами и зрителями, родителями и детьми и многие другие не являются отношениями коммунальными, хотя участники таких отношений вовлекаются в коммунальные отношения самого различного рода. Коммунальные отношения суть такие, которые обусловлены самим фактом множественности людей и необходимостью совместной жизнедеятельности как целого объединения. Основные коммунальные отношения индивидов суть отношения их к группе, отношения внутри групп и между группами. Отношение индивида к группе характеризуется степенью зависимости его от группы и группы от него. Первая имеет тенденцию к увеличению, вторая — к уменьшению. Индивид стремится ослабить свою зависимость от группы. Группа стремится к полному контролю за поведением индивида и к подчинению его воле группы. Коммунальные отношения между индиви-

дами внутри групп разделяются на отношения субординации (начальствования и подчинения) и координации (соподчинения). Принцип субординации таков: социальная позиция начальника выше и важнее, чем подчиненного, и вознаграждается он лучше, чем подчиненный. Начальник стремится к минимальной зависимости от подчиненных и к максимальной зависимости подчиненных от него. Отношения соподчинения регулируются таким принципом. Наибольшую опасность для индивида представляет другой индивид, превосходящий его по социальным потенциям в глазах других и начальства. Потому он стремится ослабить позицию другого индивида или как-то помешать ее усилению. Взаимное препятствование (привентация) здесь является основой поведения.

В западной социологической мысли уделяется огромное внимание деловым отношениям людей и ничтожно мало — коммунальным. Даже явно коммунальные явления (партии, государственные учреждения) рассматриваются обычно с деловой (функциональной), а не с коммунальной точки зрения¹. Зато в литературе и в фильмах, рассчитанных на массового потребителя, коммунальные отношения между людьми изображаются без прикрас и в изобилии. Правда, лишь как общеизвестные явления жизни. Их универсальные и объективные закономерности обычно игнорируются. Лишь изредка появлялись писатели, обращающие на них внимание почти как социологи².

Коммунальные явления существуют во всяком обществе и имеют свои универсальные законы. Но в различных типах обществ они принимают различные формы. Корнями в этот аспект уходят специфически западные формы организации людей, не связанных делом, принципы управления, вся сфера государственности как таковая. По мере образования и увеличения общин из деловых ячеек возникали проблемы их самоуправления и

¹ Исключения редки. Могут в качестве такового назвать исследование бюрократии Максом Вебером.

² Упомяну в качестве примера Салтыкова-Щедрина, Франса, Даниноса, Паркинсона. В их сочинениях встречаются описания явлений коммунальности как универсальных.

их внутреннего порядка, то есть проблемы организации в рамках коммунального аспекта. Система самоуправления в таких случаях возникала не в рамках феодальной государственности, а вне ее и независимо от нее, возникала как предшественница будущей политической системы, разрушившей и вытеснившей систему феодального государства. В американских общинах зародилась и западная демократия.

ЗАПАДНИЗМ, КАПИТАЛИЗМ, КОММУНИЗМ

В книге о Западе нельзя уклониться от темы коммунизма. Это связано не с моими личными интересами, а с тем, что западное общество по самой сути дела немыслимо без его взаимоотношений с коммунизмом. Идеология коммунизма родилась на Западе, причем как отражение проблем западного общества. Реальное коммунистическое общество в России возникло в значительной мере под влиянием Запада как своеобразная форма западнизации России. Вся история Запада, начиная с Октябрьской революции 1917 года, шла под знаком борьбы с реальным коммунизмом. Запад стал тем, что он есть в этой борьбе. Наконец анализ западного и коммунистического общества показывает, что первое содержит в себе в «снятом» виде все основные свойства и тенденции второго. Явления коммунизма суть не только нечто внешнее Западу, не только то, что подвергалось издевательствам в западной идеологии и служило материалом для проявления гнева западных морализаторов, но собственные элементы самого западного образа жизни. И о них на Западе писалось и пишется регулярно, разумеется — не в марксистской, а в иной (в «своей») терминологии. Например, обоснование роли государства в регулировании экономики и в решении социальных проблем было и остается обычным делом в западной идеологии, а тема проектирования и планирования будущего в самых различных формах и масштабах стала теперь одной из главных. А между тем регулирующая роль государства и плановость в течение многих десятилетий атак на коммунизм считались одними из главных зол его. Подвергая жестокой критике разрастание

системы государственности и коррупцию в среде чиновничества в коммунистических странах, западная идеология и пропаганда игнорировала тот факт, что западные страны нисколько не уступали коммунистическим странам с этой точки зрения. Они, говоря словами Христа, видели соринку в чужом глазу и не замечали бревно в своем собственном. Запад просто немыслим без идей и элементов коммунизма. Не случайно на Западе родилась теория конвергенции западного и коммунистического общества как близких вариантов общества индустриального¹.

Западнизм не есть нечто застывшее. Он переживал и переживает эволюцию, в которой рассмотренные два аспекта играют различные роли, а отношения между ними меняются. В экономической и социологической литературе и в соответствующей пропаганде это находит отражение в том, например, что в один период начинают превозносить частное предпринимательство, рынок и конкуренцию, начинают усиленно приватизировать все, что государство берет под свою опеку как неконкурентоспособное, нерентабельное или стратегически важное², а в другой период начинают, наоборот, превозносить роль государства как фактор регулирования экономики и решения социальных проблем³.

В конкретном историческом процессе различные элементы, стороны, свойства единого социального феномена могут принимать различные формы и вступать в различные отношения вплоть до разделения их, до воплощения в различных и даже враждебных социальных образованиях. Так происходило и с западнизмом. Рассмотренные выше два его аспекта поляризовались в виде двух социальных систем — капитализма и коммунизма. Первый получил преимущественное развитие в

¹ Теория конвергенции капитализма и социализма (коммунизма) развивалась в пятидесятые и шестидесятые годы западными мыслителями Дж. Гэлбрайтом, П. Сорокиным, Р. Ароном, Я. Тинбергеном и другими.

² Как это стало происходить в восьмидесятые годы.

³ Как это имело место в тридцатые и сороковые годы, а также после Второй мировой войны.

странах Запада, особенно в США, второй — в странах Востока, и прежде всего в России.

Колонизация Америки началась тогда, когда явления западнизма уже достигли довольно высокого уровня в Европе. Они вырвались из феодальной среды Европы и развились на свободе от этих пут с поразительной силой и быстротой, причем односторонне, как капитализм прежде всего и по преимуществу. Общеизвестно, какую роль тут сыграли нефеодальные (но еще и некапиталистические) общины, о которых говорилось выше. Американский капитализм вырос на этой основе, а не на пустом месте. В американских общинах буквально расцвел тот человеческий материал, который стал строительным материалом и оплотом западнизма. Это общество затем оказало обратное влияние на все еще феодальную в массе Европу, способствуя усилению и победе здесь явлений западнизма¹.

Но то, что развилось в Америке, не исчерпывало полностью западнизма. Там наиболее сильное развитие получил лишь один полюс западнизма, более или менее приблизительно называемый капитализмом. Другой полюс западнизма нашел наиболее благоприятную почву тоже вне западноевропейских стран, а именно в России, где с первых шагов истории доминирующую роль играла государственность. После Октябрьской революции 1917 года здесь вообще сложился тип общественного устройства, опять-таки получивший более или менее приблизительно название коммунизма. Поляризация этих аспектов единого западнизма (капитализма и коммунизма) приняла форму их антагонизма. В противостоянии Запада, осознававшего себя как капитализм, и Востока (главным образом России), осознававшего себя как коммунизм, развилась и усилилась западная государственность. После краха коммунистической России в конце XX века Запад отбросил поверхностную неприязнь

¹ В 1831—1832 годы Токвилль, посетив США и угадав суть американского общества, стал проповедником американской демократии. Он был не одинок. Его пропаганда имела успех, поскольку Европа уже сама созрела для новой формы жизни. Прошло сто лет, и США пришли в Европу уже не в виде идей и образца для подражания, а как материальная сила с претензией на мировое господство.

к государственности и встал на путь примирения полюсов западнизма. Произошла не конвергенция в том смысле, как ее предсказывали западные теоретики. Произошло обнажение сущности западнизма, содержавшего в себе основные элементы как капитализма, так и коммунизма.

Пониманию сути дела тут мешает терминологическая путаница. Явления коммунальности существуют во всяком обществе, в том числе в западном. В особых условиях, как в России, они могут стать господствующими и породить особый тип общества — коммунистический (или реальный коммунизм). Глядя на них с точки зрения этого типа общества, их можно считать предпосылками или элементами коммунизма. И в этом смысле коммунизм есть составной элемент западнизма наряду со всем тем, что породило капитализм.

Капитализм и коммунизм суть крайние проявления и высший уровень развития рассмотренных выше двух аспектов западнизма, причем в поляризованном виде в конкретно-исторических условиях XX века. В реальном западнизме законы обоих аспектов действуют совместно и постоянно. Приведу такой гипотетический пример для иллюстрации сказанного. Возьмем некоторое капиталистическое предприятие западной страны. Оно функционирует по законам капитализма с точки зрения организации производства своей продукции, найма и оплаты рабочих, отношений с банком, ситуации на рынке. Но представим себе, что этому предприятию надо куда-то девать отходы производства, портящие окружающую среду. Если хозяева предприятия имеют возможность избавиться от них, избежав наказания, разве они не сделают это? Конечно сделают. И взятку соответствующим лицам дадут. А если есть возможность помешать как-то конкурентам не на некоем свободном рынке, а во внерыночных отношениях, разве хозяева предприятия не пойдут на это? Пойдут. И это происходит постоянно. А это значит действовать по законам коммунальности или, глядя на них с позиции развитого коммунизма, по законам коммунизма.

Разрастание бюрократического аппарата, привилегии чиновникам, высокие оклады менеджерам, корруп-

ция и прочие явления повседневной жизни Запада — это все суть явления, общие для западных и коммунистических стран, то есть явления коммунизма. Отличие от коммунистических стран тут лишь в том, что там это составляет доминирующую часть жизни, а на Западе — лишь один из ее аспектов наряду с капитализмом.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

На Западе есть свои табу. Хотя они не фигурируют ни в каких кодексах законов, нарушение их карается обществом самым беспощадным образом. Одним из таких табу является правда о национальных и расовых проблемах.

Попытки говорить о тех людях, которые создали Запад как социально-исторический феномен, на уровне некоей научной объективности неизбежно порождают обвинения в расизме. Боязнь таких обвинений вынуждает исследователей либо вообще обходить эту тему молчанием, либо говорить в таких обтекаемых выражениях, которые сводят к нулю научные результаты, либо пускаться в полемику с расистами, вообще уводящую исследователей в сферу идеологии. А между тем феномен западнизма нельзя понять объективно-научно, не принимая во внимание тот основной строительный материал, из которого построено западное общество, а именно — человеческий материал.

Бесспорно то, что тип общественного устройства существенным образом определяет и тип людей, обладающих таким строем. Образ жизни данной человеческой общности определяет и характер ее членов. Люди приспосабливаются к условиям своего общественного бытия. Но столь же верно и то, что данный тип общественного устройства создают люди определенного типа. Условия жизни на Западе порождают определенные качества у людей, необходимые им для жизни в этих условиях. Но Запад как особый социальный феномен есть результат деятельности людей определенного типа во множестве поколений. Тут зависимость двусторонняя, взаимная. Люди определенного типа создают цивилизацию определенного типа, а последняя в свою очередь порождает

адекватных себе носителей ее. Абсолютно ничего расистского в этом нет.

Прежде чем сказать о качествах той совокупности народов, которые образовали и своей жизнедеятельностью создали социобиологическое существо по имени Запад, я выскажу общие, логические соображения об оценке качеств народа.

Когда приходится давать характеристику целых народов или совокупностей народов (а Запад — совокупность многочисленных народов), то отдельные представители этих народов принимают это на свой счет. Они совершают грубую логическую ошибку, перенося на себя то, что говорится о целых народах, то есть о совокупностях большого числа людей, воспроизводящихся в течение многих поколений. Народ не есть всего лишь сумма одинаковых людей. Народ есть объединение разнообразных людей, есть целостный феномен. В каждом большом народе можно увидеть все возможные человеческие типы. Для любого типа человека во Франции, Италии, Англии и других странах найдутся примеры людей одного и того же типа. Отдельно взятый англичанин или француз может выглядеть как русский, а отдельно взятый русский — как англичанин или француз. И все-таки это не будет служить доказательством тождества народов. Народ есть живое существо, хотя и состоящее из отдельных людей, но несводимое к ним. Характеристика народа не есть всего лишь обобщенная характеристика его отдельных представителей. Это характеристика его как целого, подобно тому, как характеристика леса не есть характеристика каждого дерева, растущего в нем. Чтобы узнать, что из себя представляет данный народ, надо взять его в массе его представителей, причем у них дома, в привычной для них среде и во всех аспектах жизни. Надо выяснить при этом, какие качества людей тут более или менее часто воспроизводятся, как к ним относятся сограждане, как эти качества сказываются на судьбе людей. Потому возможна такая ситуация, когда в данном народе не так уж часто появляются таланты некоторого рода, но они могут цениться и поощряться, приносить обладателям их успех, и народ в целом может накопить проявле-

ния таких талантов и приобрести репутацию народа талантливому.

Характер народа образует определенная совокупность свойств, а не отдельные свойства. Это не есть то, что отличает данный народ от других. В число свойств, составляющих характер народа, могут входить как свойства, общие данному народу с другими, так и свойства, каких нет у других народов. Но суть дела тут не в отличии данного народа от других (такое отличие банально), а именно в его характере как социального феномена независимо от того, какими являются другие народы.

Характер народа есть сложный и противоречивый комплекс черт, который достаточно часто и отчетливо проявляется в поступках отдельных людей и в отдельных поступках людей. Бессмысленно разделять эти черты на плохие и хорошие, положительные и отрицательные. Одни и те же черты в одних условиях обнаруживают себя как положительные, в других — как отрицательные, в одних условиях — как сила, в других — как слабость. Как известно, наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Но столь же справедливо и то, что наши достоинства суть продолжение наших недостатков.

Черты характера народа редко концентрируются в отдельных его представителях. Они в отношении отдельных людей суть лишь нечто потенциальное. Они разбросаны во множестве людей так, что у одних резче проявляются одни черты, у других — другие. Они группируются, порождая различные типы в рамках данного народа. Фактически чаще встречаются не характерные носители всех качеств народа, а характерные типы, воплощающие часть этих качеств.

ЗАПАДОИД

Уже в XVIII веке приобрели огромное влияние идеи равенства людей. Не буду оспаривать того, что эти идеи сыграли огромную роль в истории человечества вообще и в эволюции Запада в особенности. Эти идеи имели первоначально политический и правовой характер. В том, что они имели моральный смысл, не было ничего нового, так как христианство с самого начала провозгла-

сило тезис равенства всех людей перед Богом. Но в дальнейшем всякого рода «прогрессивные» идеологи и моралисты довели идеи равенства до абсурда, придав им смысл одинаковости представителей различных народов и в смысле их потенциальных природных способностей. Всякие утверждения о том, что народы различаются по природным задаткам, стали расцениваться как проявления расизма, национализма и шовинизма.

Разумеется, имеются универсальные человеческие качества. Они общеизвестны. К их числу прежде всего принадлежит то, что всякий нормальный человек имеет прирожденный управляющий орган (мозг) и управляемое тело. Задача первого — обеспечить телу самосохранение и приспособление к условиям существования. Всякий нормальный человек стремится делать это наилучшим (с его точки зрения) образом, то есть в своих личных интересах. Эта банальная истина была известна людям испокон веков. Они ее зафиксировали в изречениях народной мудрости вроде «Своя рубашка ближе к телу» или «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше» задолго до того, как профессиональные мыслители начали использовать ее в своих теориях.

Со времени А. Смита (я не стал искать более ранние источники) пошла традиция связывать рассматриваемое универсальное и изначальное качество человека руководством личными интересами с частной собственностью и частным предпринимательством, видеть в этом качестве некое природное основание капитализма. Это убеждение является чисто идеологическим. Оно ложно с научной точки зрения. Личный интерес как основа поведения человека есть действительно его прирожденное качество. Оно не связано необходимым образом ни с каким социальным устройством, ни с каким типом общества. Люди существовали сотни тысяч (если не миллионы) лет, прежде чем зародился капитализм. И всегда поступали в силу рассматриваемого принципа личного интереса. В коммунистическом обществе люди точно так же руководствовались этим принципом. Когда люди в коммунистических странах отлынивали от работы, лодырничали, халтурили, занимались очковитерством, воровали, брали и давали взятки, доносили, клеветали и

т. п., они руководствовались своими личными, а не какими-то иными интересами.

От универсальных качеств человека, в том числе от рассматриваемого мотива поведения, не зависит никакой тип общественного устройства. Они сохраняют силу в любом из них, принимая различную форму в зависимости от конкретных особенностей жизни людей в них. Как в животном мире все живые организмы приспосабливаются к условиям их бытия, так и люди в их социальном мире. Универсальные качества человека не отдают предпочтения никакому типу общества. Наоборот, от типа общества зависит то, какой вид они примут тут, как будут проявляться. Характер человеческого материала влияет на то, какой тип общества складывается в той или иной человеческой общности и какой вид тут принимают закономерности этого типа общества. Но при этом роль играют не некие универсальные качества всех людей, а особенные качества людей определенного рода, причем как качества целого народа, а не просто каждого человека по отдельности. Они суть качества и отдельных людей, но не как Робинзонов, а как представителей определенной человеческой массы, воспроизводящейся из поколения в поколение в течение многих столетий и тысячелетий.

Запад создавался, развивался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Буду называть их западоидами. Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен. Никакой другой человеческий материал не в состоянии воспроизвести Запад и сохранить его на том уровне, какого он достиг.

Назову характерные черты западоидов или, точнее, западоидности. Это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху в деле, склонность к добросовестности в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими более

сильная, чем у других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации¹.

Считается, что западоид — индивидуалист, в отличие от многих других типов людей, являющихся коллективистами. Если не придавать словам «индивидуалист» и «коллективист» никакого морализаторского и оценочного смысла, то с этим можно согласиться. Каждый нормальный человек так или иначе осознает себя в качестве индивида («Я») и в качестве члена объединения себе подобных («Мы»). Но формы этого осознания, пропорции «Я» и «Мы» в менталитете человека, их взаимоотношения и проявления в поведении людей различны. Они и дают в совокупности различные типы людей в этом плане.

Западоиды появились и достигли современного состояния в рамках западноевропейской цивилизации, в которой «Я» играло доминирующую роль в паре «Я — Мы» и было развито сильнее, чем у других народов и в других цивилизациях, а «Мы» было объединением сильно выраженных «Я», можно сказать — в рамках Я-цивилизации. Благодаря западнизму это качество западоидов было развито до высочайшего уровня, охватив все сферы их бытия. С этой точки зрения западноевропейская цивилизация и развившийся на ее основе западнизм суть явления уникальные в истории человечества. В этом смысле западоиды суть индивидуалисты, а их общество — индивидуалистическое.

Весь образ жизни западных стран есть результат и проявление индивидуализма западоидов. Если в нескольких словах выразить его психологическую суть, то можно сказать, что фундаментальным принципом бытия западоидов является такой: работать на себя, рассматривая всех прочих как среду и средство бытия. Это, конечно, предельное огрубление. И если читатель в порядке защиты западоидов назовет какие-то положительные их качества, я спорить не буду. Во-первых, я в приведен-

¹ А.И. Герцен определил последнее из упомянутых качеств западоидов как отсутствие внутренней свободы. Он писал (в книге «Былое и думы»), что свобода англичанина больше в политических учреждениях, чем в нем самом. А американцы, по его мнению, вообще могут обходиться без правительства, так как сами исполняют должность царя, жандармского управления и палача. М. Баранова дала необычайно яркое описание западоидов с этой точки зрения.

ном принципе не вижу ничего плохого. Русский мыслитель Н.Г. Чернышевский, переводивший и пропагандировавший работы Д.С. Милля в России в XIX веке, высоко оценивал это качество западных людей, называя его «разумным эгоизмом». Во-вторых, принципы социального индивидуализма не препятствуют развитию у людей многих положительных с моральной точки зрения качеств, как принципы социального коллективизма не препятствуют развитию качеств негативных. Например, высокоразвитое чувство собственного достоинства и стремление к личной свободе немыслимы без социального индивидуализма (без «разумного эгоизма»). А подавление личности есть обычное дело в коллективистских обществах.

В моем понимании западоид не есть некий типичный, средний или часто встречающийся человек. Мое описание его есть абстрактная и суммарная характеристика человеческого материала Запада как множества и массы людей. Качества западоида растворены в этой массе, распределены в самых различных пропорциях, комбинациях и величинах между множеством индивидов. Но «раствор» западоидности тут настолько силен, что всю массу людей в интересах научного упрощения можно рассматривать как множество типичных западоидов.

Страны Западной Европы оказались в состоянии породить достаточно много людей такого типа, который оказался подходящим для создания именно западного общества, — западоидов. С другим человеческим материалом, повторяю и подчеркиваю, ничего подобного не получилось бы. Не может служить аргументом против сказанного и пример США. В США действительно стекались народы со всего мира. Но американскую цивилизацию создавали не они, а люди западного типа, то есть определенного рода выходцы из Западной Европы. Они образовали инициативное ядро и движущую силу процесса. Остальные принимали участие в процессе как используемые и увлекаемые ими. После того как главное дело процесса было сделано, то есть цивилизация возникла и приобрела инерцию развития в определенном направлении, масса людей другого типа оказалась в состоянии поддерживать ее. Но новаторами в этом историческом творчестве были люди западного типа. Думаю,

что они остаются ее основой и гарантом ее существования навечно.

Любой народ способен воспользоваться благами западной цивилизации, если их преподнесут ему в качестве дара. Но далеко не любой народ способен сам создать цивилизацию такого рода или хотя бы стать соучастником ее создания и воспроизводства. Убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может пройти эти ступени в своей эволюции, ложно фактически и с научной точки зрения. Западную цивилизацию создавали народы с определенным характером. Это их уникальное и неповторимое творение. Это входит в их натуру, в их характер. Другие народы создавали цивилизации иного типа, более соответствовавшие их характеру и условиям их жизни.

В истории западоидов можно различить два периода. В первый период происходил индивидуальный отбор людей с качествами западоидов. Качества эти не выдумывались гуманистами и мыслителями, а уже существовали у отбираемых людей в виде природных задатков и более или менее развитых способностей. Люди с такими качествами имели какие-то преимущества перед другими, например — были сообразительнее, коварнее, хладнокровнее, тщеславнее и т. д. Со временем число таких людей росло, они становились примером для других и способствовали проявлению в них аналогичных качеств. Эти качества культивировались, поощрялись. Происходил своего рода отбор, подобный искусственному отбору в выведении культурных растений и животных.

Второй период наметился в первой половине нашего века и во всю силу обнаружил себя после Второй мировой войны. В этот период на смену искусственному отбору пришли новые методы. Людей стали штамповать в массовых масштабах с помощью искусственных средств, а именно — делать по определенным образцам с помощью средств воспитания, обучения, идеологии, пропаганды, культуры, медицины, психологии. Произошло нечто подобное тому, что имело место в улучшении пород домашних животных и культурных растений посредством искусственных стимуляторов, химических удобрений и генной техники.

ДЕЛОВОЙ АСПЕКТ ЗАПАДНИЗМА

Основой западного общества считается экономика, причем экономика капиталистическая. Я считаю, что основу западного общества образует западнизм как целое, а в рамках западнизма решающую роль играет до сих пор деловой аспект, который включает в себя экономику в упомянутом смысле, но не сводится к ней. При этом отношение делового и коммунального аспектов не остается абсолютно неизменным. Мы сейчас переживаем эпоху, когда второй аспект завоевывает все более важное положение в обществе. Не исключено, что он станет доминирующим. Но это не отменит историческую роль делового аспекта и не будет означать изменение самого типа общества.

КЛЕТОЧНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Уже в своих первых публикациях на социальные темы в семидесятые годы¹ я высказал идею, что жизнь подавляющего большинства членов современного, достаточно большого и развитого общества определяется следующим фундаментальным фактором. Им в их повседневной жизни приходится иметь дело не просто с отдельными людьми, но с людьми как представителями каких-то объединений людей, то есть предприятий, учреждений, организаций, групп. Эти объединения суть всем известные магазины, фабрики, отделения банков, полиция, учреждения власти, больницы, школы, университеты, аэропорты, железнодорожные станции, театры, издательства, партии и т. п. Более того, подавляющее большинство людей должно добывать средства существования для себя и членов своих семей, добиваться успеха, делать карьеру, приобретать и повышать квалификацию, удовлетворять потребность в деятельности и в общении с другими людьми не сами по себе, а именно в таких объединениях людей, через них, с их помощью. Их статус как членов общества определяется прежде всего

¹ В книгах «Зияющие высоты», «В преддверии рая» и «Коммунизм как реальность».

положением в таких объединениях. Я назвал их клеточками или ячейками общества¹. Социальный организм состоит из клеточек. Он состоит из отдельных людей лишь постольку, поскольку из них образуются клеточки или постольку они функционируют как клеточки. Лишь переплетение клеточек придает множеству людей, живущих в данном пространстве, характер органического целого. Поэтому научный анализ общества должен исходить из исследования его клеточек.

Эту идею я подробнейшим образом развил в целом ряде книг и статей, посвященных анализу коммунистического общества. На это мало кто обратил должное внимание. Исследования западного общества с точки зрения его клеточной структуры мне не попадались совсем. А в том, что мне довелось читать, на эту тему говорилось что-то лишь в связи с другими темами, например — в связи с проблемой менеджмента².

Клеточки современного общества разнообразны. Они различаются по размерам, по структуре, по специализации, по статусу, по продолжительности существования и по многим другим признакам. Есть клеточки, состоящие из многих тысяч людей³. И есть клеточки из нескольких человек. Одни клеточки существуют десятки и даже сотни лет, как это имеет место, например, в отношении государственных учреждений, некоторых банков и предприятий. Такие долгосуществующие клеточки образуют остов социального организма. Другие клеточки существуют несколько лет и даже месяцев, как это имеет место в отношении мелких фирм, вновь возникающих в западных странах и разоряющихся в огромном числе (более 50%) в скором времени. Одни клеточки разбросаны на больших территориях, другие строго локализованы. Одни клеточки узаконены (их большинство), другие — нет. Последние существуют в силу традиций или

¹ Маркс начал описание капитализма с товара, рассматривая его как клеточку. Но кроме общего слова «клеточка», тут нет ничего похожего на мое понимание клеточки общественного организма.

² Peter Drucker. *The Frontiers of Management*. New York, 1986.

³ Фирма «General Motors» имела в 1985 году 800 тысяч наемных сотрудников.

нелегально, как, например, в сфере организованной преступности.

Общей теории социальных клеточек (скажем, социальной цитологии) не существует. Исследования социальных групп в рамках «конкретной» социологии, будучи интересными и ценными сами по себе, на эту роль, насколько мне известно, даже не претендовали. Так что я вынужден сделать несколько замечаний об общих чертах социальных клеточек.

Не всякое скопление и объединение людей есть клеточка общества. Не является клеточкой толпа в магазине, пассажиры в самолете или поезде, зрители в театре или на стадионе. Клеточкой является такое объединение людей, которое имеет определенную специализацию как целое и в рамках этой специализации действует именно как целое. Клеточка имеет управляющий орган. Это может быть отдельный человек или группа людей, а в больших клеточках это может быть сложная организация. Без управляющего органа клеточка существовать не может. Люди, входящие в клеточку, изначально разделяются на управляющих и управляемых (если не принимать во внимание вырожденные клеточки из одного человека). Это одно из фундаментальных социальных отношений во всяком обществе с клеточной структурой. Оно является неустранимым источником материального и социального неравенства людей, так как управляющие в принципе вознаграждаются лучше, чем управляемые, и положение их престижнее положения управляемых.

Важнейшим признаком клеточки является то, что люди в них работают и получают за свой труд вознаграждение. Как я уже говорил выше, в клеточке люди повышают квалификацию, добиваются успеха, делают карьеру и т. д., короче говоря — выполняют свои основные жизненные функции и приобретают за это средства существования. Этот признак клеточки является определяющим. Имеются многочисленные случаи, когда объединение людей имеет управляющий орган и действует как целое, но клеточкой не является. Это, например, группа туристов, управляемая экскурсоводом. Приведу в качестве примера еще такой вроде бы курьезный случай. Когда главы правительств, министры, ведущие банкиры

или другие важные лица собираются для обсуждения и решения каких-то проблем, их в единое целое объединяют на это время особые лица, которые руководят процедурами совещания. Хотя эти важные лица сами управляют правительствами, сферами экономики и целыми странами, они с точки зрения этих процедур становятся управляемыми. Но это совещание не есть клеточка, так как оно не обладает рассматриваемым определяющим признаком клеточки.

Клеточки разделяются на две группы по такому признаку. К первой группе относятся клеточки, которые обеспечивают все общество пищей, одеждой, жильем, средствами коммуникации и прочими средствами удовлетворения потребностей людей. Назовем их продуктивными или деловыми. Ко второй группе относятся клеточки, которые обеспечивают целостность и охрану общественного организма, общественный порядок, выработку и соблюдение правил поведения людей и их объединений относительно друг друга. Назовем их коммунальными. Различие их не является абсолютным. Клеточки одной группы иногда и частично выполняют какие-то функции клеточек другой группы. Существуют смешанные клеточки. И те и другие подлежат действию законов как делового, так и коммунального аспектов, но в разной степени и в разной форме. Тем не менее различие имеет место и играет существенную роль в определении характера общественного организма.

Люди в клеточках выполняют различные роли и занимают различные позиции. Иерархия этих позиций является неустранимой основой социального и материального неравенства людей в обществе. Между членами клеточек устанавливаются различного рода социальные отношения, являющиеся основой социального структурирования и социальной организации населения. С этой точки зрения клеточная структура общества образует его социальный строй. Последний не есть нечто такое, что существует вне экономики, политики, идеологии, культуры и других сфер общества, наряду с ними. Он пронизывает все сферы общества, поскольку все они имеют клеточную структуру и с этой точки зрения обладают какими-то общими признаками.

ДЕЛОВЫЕ КЛЕТОЧКИ ЗАПАДНИЗМА

Все, сказанное выше, имеет полную силу в отношении клеточек западного общества. Но разумеется, это не характеризует их специфически. Ниже я сначала рассмотрю деловые клеточки. Это всем хорошо известные предприятия, которые снабжают общество полезными вещами и услугами за определенное вознаграждение, — продают эти вещи и услуги. О них существует необъятная экономическая литература. Тем не менее я должен буду высказать кое-что о них, так как без этого никакое понимание Запада просто невозможно. К тому же я хочу обратить внимание на них с определенной концептуальной ориентацией.

Отношение между деловыми клеточками и обществом, в двух словах, характеризуется так. Они «кормят» себя в обмен на то, что «кормят» все общество. Это можно интерпретировать так, что они существуют за счет эксплуатации общества, и так, что общество существует за счет эксплуатации их. В таких интерпретациях имеются идеологические оттенки. Думаю, что если исключить идеологический смысл из слова «эксплуатация» и оставить лишь смысл «использование», то тут имеет место взаимная эксплуатация. Так же правомерно сказать, что общество «кормится» за счет того, что дает возможность «кормиться» деловым клеточкам. Это, однако, не исключает того, что одни люди в обществе эксплуатируют других в самом что ни на есть идеологическом смысле.

Деловые клеточки западнизма возникали и до сих пор возникают главным образом по инициативе частных лиц, на их средства, на их страх и риск, то есть «снизу». Эти лица сами решали и решают, чем должна заниматься (на чем специализироваться) создаваемая ими клеточка, как она должна функционировать, как сбывать продукты ее деятельности. Деловые клеточки обладают известной автономией в своей деятельности. Их организаторы и распорядители суверенны в принятии решений. Конечно, это — суверенитет, ограниченный рамками законов и традиций, а также взаимоотношениями друг с другом. Но ведь и «национальные государства» не обладают абсолютным суверенитетом.

Исторически необходимым условием возникновения

деловых клеточек западнизма была частная собственность на средства деятельности и свобода частного предпринимательства. Это условие сохраняет значение и сейчас. Но тут требуются серьезные коррективы к общепринятым суждениям на этот счет. Ниже я к этой теме вернусь специально. Здесь же замечу, что к деловой клеточке понятие собственности вообще неприменимо. Клеточка есть объединение людей, а эти люди являются юридически свободными, не являются ничьей собственностью (наподобие рабов и крепостных крестьян). Понятие собственности относится лишь к тем средствам (к вещам и деньгам), благодаря которым клеточка может функционировать.

В зависимости от того, кто является собственником этих средств, деловые клеточки западнизма различаются как частные (включая акционерные), государственные и общественные. Основу западнизма исторически и до сих пор образуют частные. Но в этом факте я хочу обратить внимание не на то, что это — частная собственность, а на то, что основная масса деловых клеточек западнизма поставлена перед необходимостью самоокупаемости (рентабельности) именно потому, что они являются частными. Более глубоким тут является не факт частной собственности, а то, что клеточки предоставлены самим себе, что они могут существовать исключительно за счет снабжения общества средствами потребления. Они вынуждены производить и предлагать обществу вещи и услуги, причем как можно больше и как можно лучше. Иначе они погибают как клеточки в данном их составе. Так что самый глубокий движущий мотив западнизма есть стремление к выживанию, к самосохранению. И он заложен в самом положении деловых клеточек независимо от законов капитала. Последние привносят сюда свои мотивы, но не отменяют этот.

Деловые клеточки западнизма имеют двойственный характер. С одной стороны, они производят какие-то предметы потребления (вещи) или оказывают кому-то услуги. С другой стороны, они суть использование денег с целью получения денег, то есть являются инвестициями капитала. Эти два аспекта слиты тут воедино. Но каждый из них имеет свои закономерности, отличающие его

от другого. Возьмем, например, всемирно известные фирмы «Хилтон» и «Макдоналдс». Их бесчисленные отели и соответственно рестораны можно видеть во многих городах и странах мира. Каждый из этих отелей и ресторанов по отдельности есть автономная профессионально-деловая клеточка. С точки зрения выполнения ими деловых функций нет никакой надобности объединять их воедино. Да это и невозможно физически, поскольку они разбросаны по многочисленным городам, странам и континентам. А если бы было возможно разместить их поблизости или даже объединить в одно здание, все равно это гигантское предприятие дифференцировалось бы на отделения, которые стали бы самостоятельными деловыми клеточками. Это произошло бы по законам организации дела как социального явления. Объединение клеточек в целое тут обусловлено причинами экономическими, то есть по законам капитала. Другое дело — они обязаны своим появлением на свет тем фирмам, которые возникли и существуют по законам капитала. Но, возникнув, они начали функционировать по законам дела, и это стало условием для капиталистического аспекта фирм.

Смешение упомянутых аспектов и раздувание одного из них в ущерб другому служило основой как для критических, так и для апологетических идеологических концепций западного общества. Капиталистический аспект был раздут в марксизме, чисто деловой преувеличивается в современной апологетике западнизма, сводящей капитализм к своего рода технологии экономики. Я думаю, что отношение рассматриваемых двух аспектов деловых клеточек западнизма есть отношение формы и содержания социальных объектов. По содержанию деятельность деловых клеточек есть действительно механизм «питания» общества. Но по форме этот механизм есть капитализм.

МИНИМАЛЬНАЯ КЛЕТОЧКА

Выше я уже говорил о разнообразии клеточек. Это относится и к деловым клеточкам западнизма. Добавлю к сказанному еще следующее. Вырожденным случаем

деловых клеточек являются клеточки из одного человека. Такие «фирмы» из одного человека могут существовать именно как клеточки лишь благодаря тому, что основную массу клеточек образуют предприятия, учреждения и организации из многих людей. К тому же в деятельность таких клеточек обычно неявно и от случая к случаю вовлекаются другие люди, так что они фактически являются аморфными клеточками из многих людей с переменным составом. Есть клеточки, состоящие из множества объединений людей, которые в свою очередь суть клеточки — агрегаты клеточек. Такими являются гигантские фирмы, имеющие свои предприятия во многих городах и в различных странах. И есть простые клеточки. Такими являются бесчисленные мелкие предприятия, в которых занято по несколько человек.

В интересах пояснения общих утверждений полезно рассмотреть некую минимальную деловую клеточку, обладающую основными свойствами деловой клеточки. Это — юридически свободный человек, оказавшийся в таких условиях. Он имеет какие-то средства. Но их недостаточно для постоянного существования. Он на эти средства начинает свое дело, благодаря которому может иметь постоянный (во всяком случае, более или менее длительный) источник дохода. Он присоединяет к инвестированным в дело средствам свой труд и способности. В результате он производит какие-то предметы потребления или услуги и продает их другим людям. Для этого нужно, чтобы на его продукцию был спрос, то есть чтобы они удовлетворяли потребности других людей и оплачивались ими. Причем выручка должна быть достаточна, чтобы возмещать расходы на дело и чтобы оставалось еще что-то для жизни самого предпринимателя. Ему еще не до прибыли. Ему лишь бы выжить и жить на каком-то устраивающем его уровне. Он затевает свое дело исключительно как средство заработать на жизнь. Его предприятие считается рентабельным (скажем, минимально рентабельным), если оно эту роль выполняет. Если же это не происходит, предприятие прекращает существование. Само собой разумеется, предприниматель стремится минимизировать затраты на дело — с теми же затратами сделать больше или с меньшими за-

тратами сделать то же. За свою продукцию или услуги он хочет получить как можно больше, тогда как потребитель (покупатель) стремится дать как можно меньше. Чтобы привлечь и удержать покупателя (потребителя), предприниматель стремится делать свое дело как можно лучше, приобрести хорошую репутацию. В случае нескольких предпринимателей он стремится быть конкурентоспособным, то есть делать свое дело лучше других и сбывать продукты труда дешевле других.

Чтобы существовать, наш предприниматель должен выручить от продажи продукции больше того, что он потратил. Но есть ли это прибыль? Это вопрос терминологический. Ответ на него зависит от определения. Это можно рассматривать как вознаграждение за его труд. Если предприниматель имеет возможность выручить больше того, что он потратил на дело и что привык тратить на себя, он эту возможность не упускает. Опять-таки есть ли эта дополнительная выручка прибыль? Вопрос точно так же терминологический. Эту дополнительную выручку можно назвать прибылью. Но можно называть это платой за труд предпринимателя. В западной экономической науке многие вообще рассматривают любую выручку любого предприятия как плату за труд, хотя такая выручка достигает огромных размеров и получается за счет эксплуатации наемных рабочих.

Минимальная клеточка содержит в себе в зародышевой форме все основные потенции деловой клеточки западнизма. Это, конечно, абстракция. Но абстракция реалистичная. В западных странах большое число людей добывает средства существования именно таким путем, как это делает наш минимальный предприниматель. Эти люди обычно еле-еле сводят концы с концами. Если они накапливают какие-то средства, чтобы расширить свое дело, на это уходят многие годы. Число тех из них, кто поднимается на более высокий уровень, ничтожно мало. В большинстве случаев они скоро разоряются и лезут из кожи, чтобы уцепиться за другое дело того же рода. Большинство начинает дело, взяв деньги в кредит в банке, и превращается в своего рода рабов банков.

Один из путей усложнения минимальной клеточки — участие в деле членов семьи предпринимателя и родст-

венников, а также партнеров такого рода, как он сам. В этом случае возможности успеха несколько увеличиваются. Но не настолько, чтобы увидеть качественный скачок от минимального предпринимателя на более высокий уровень. Тут тоже главным является личный труд участников дела, причем каторжный. Это усложнение есть усложнение в рамках минимальной клеточки.

Да и положение огромного числа более крупных предприятий с наемными рабочими мало чем отличается от положения минимальных клеточек. По моим наблюдениям, большинство из них тоже довольствуется уровнем минимальной рентабельности, а то и того хуже. Бесчисленные банкротства говорят о том, что не так-то просто оправдать расходы предприятия и выкроить средства, чтобы поддерживать их на уровне жизнеспособности. Случаи, когда предприниматели в короткие сроки богатеют и превращаются в преуспевающих крупных предпринимателей, суть не такое уж частое исключение. Западная идеология и пропаганда изображают эти случаи так, чтобы поддержать в обществе дух предпринимательства. Это особенно усилилось в последние годы в связи с крахом коммунистических стран. Но энтузиазм предпринимательства неуклонно снижается в массе населения, уступая место сознанию вынужденности его, сознанию исторической обреченности на это. Крах коммунизма с этой точки зрения сыграл роковую роль и для самого Запада.

Минимальный предприниматель сочетает в себе функции организатора, хозяина, распорядителя клеточки и функции исполнителя дела. В упомянутом выше усложнении минимальной клеточки намечается разделение этих функций, то есть намечается разделение участников дела на руководителя (хозяина, распорядителя, вообще ответственное лицо) дела и руководимых. Сначала это разделение слито с разделением труда в исполнении дела. Но с усложнением дела функция руководителя (хозяина) отделяется от них как функция социальная: с ней связывается организация дела, принятие решений, ответственность за риск. Здесь намечается также разделение труда между исполнителями дела.

НАЕМНЫЙ ТРУД

Использование наемного труда первоначально еще не есть эксплуатация чужого труда в марксистском смысле. Наемные работники привлекаются потому, что без них предприниматель с семьей физически не справляются с делом. Работники нанимаются как помощники. Случаи, когда такие работники становились как бы членами семьи, описаны, например, в литературе XIX века в России. Лишь с увеличением дела и числа наемных работников последние конституируются в особую социальную категорию. Да еще и в наше время можно видеть многочисленные случаи, когда наемный труд не приносит нанимателям никакой прибыли, в лучшем случае позволяя окупить расходы, а сами предприниматели работают больше, чем их наемные работники.

С точки зрения дела, в которое нанимается человек, нанимающий его предприниматель становится работодателем. Он — хозяин дела. Это — его дело. А тот, кто нанимается, становится наемным исполнителем дела. Здесь происходит социальное разделение функций людей в одном и том же деле, в результате которого возникают различные социальные категории людей — владельцев (хозяев, распорядителей) дела и наемных работников.

Само собой разумеется, работодатель стремится заставить наемных работников трудиться как можно больше и лучше, а плату за их труд минимизировать — это есть проявление общего стремления минимизировать затраты. Наемные же работники, наоборот, стремятся трудиться как можно меньше, а получать за труд как можно больше. Это есть объективный закон западнизма, сохраняющий силу всегда и при всех обстоятельствах, пока существует западнизм. Результатом его действия является жизнь общества как постоянная борьба лиц различных социальных категорий, преследующих свои интересы.

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВА

Число деловых клеточек в западных странах огромно. В США, например, в 1991 году насчитывалось более шести миллионов частных предприятий. А во всем за-

падном мире их десятки миллионов. В достаточно большом числе их можно обнаружить все логически мыслимые варианты. Они образуются по законам социальной комбинаторики. Их можно «вычислить» логически, исходя из очевидных эмпирических фактов. Они возникают реально и воспроизводятся регулярно в различных пропорциях, которые варьируются в разных районах, странах, сферах общества и меняются со временем, причем меняются сами тенденции к увеличению или уменьшению доли их разных категорий. Вместе с этими колебаниями изменяются и идеологические концепции, возводящие кратковременные перемены в некие фундаментальные закономерности.

Выше я уже назвал некоторые линии, по которым происходит усложнение клеток и клеточной структуры общества. Приведу в качестве примера еще такие линии. Это — возникновение посредников между изготовлением материалов и готовой продукции, а также между производством готовой продукции и ее конечным потребителем. При этом посредники сами являются предприятиями, причем часто (если не обычно) мелкими и средними сравнительно с крупными производителями готового продукта или услуг. Примером посредников первого рода могут служить предприятия-поставщики гигантских германских концернов «Сименс» и «Крупп». Первый имел в 1965 году 30 тысяч поставщиков, второй — 23 тысячи. Примером посредников второго рода могут служить бесчисленные киоски на вокзалах, в аэропортах и вообще в местах скопления людей. Уже упоминавшаяся фирма «McDonald's Fast Food Restaurants» имеет около девяти тысяч ресторанов, из которых три четверти работают через посредников. В США имеется 350 тысяч предприятий-посредников, обслуживающих треть розничной торговли. Они нанимают семь миллионов человек, то есть 10% работающих. В Великобритании имеется уже 40 тысяч таких предприятий¹. Труд мелких предпринимателей такого рода не имеет ничего общего с тем, как изображали капиталистов антикапиталистически настроенные идеологи.

¹ Все эти данные я находил в различных газетах и журналах, от случая к случаю попадавших мне в руки.

Предприниматель может начинать свое дело целиком и полностью на свои средства. Но может взять кредит в банке (или у других лиц) под проценты. Тем самым возникает новое социальное отношение — отношение кредитора и должника. Поскольку это делается систематически, предприниматель становится в некотором роде работником, нанимаемым банком, или компаньоном банка в организации предприятия и дележе доходов.

Другая линия структурирования общества — увеличение размеров клеток и усложнение их внутренней структуры. Есть много причин для этого. Отмечу две главные. Первая причина — чисто деловая, условия самого дела как такового независимо от того, в какой социальной форме оно совершается. Самолет и корабль в одиночку не построишь, а для нормальной работы большого аэропорта нужны десятки тысяч людей. Вторая причина — чисто экономическая, условия функционирования капитала, который инвестирован в данное дело или владеет им. Необходимость укрепления и концентрации капиталов так или иначе сказывается на укрупнении, объединении и концентрации подчиненных им деловых клеток.

Деловые клеточки разделяются на мелкие, средние, крупные и сверхкрупные по числу занятых в них людей и по величине инвестированных в них капиталов. Как бы ни усиливалась роль крупного и сверхкрупного бизнеса, мелкий и средний бизнес сохраняет и будет всегда сохранять свое значение. Это связано не столько с экономическими причинами, на которых акцентируют внимание апологеты рыночной экономики, сколько с потребностями миллионов людей и условиями дела, удовлетворяющего эти потребности, а также с необходимостью трудоустройства основной массы населения и обеспечения ее средствами существования.

Концентрация и укрупнение предприятий не есть нечто такое, что должно прийти на место предприятий более мелких. Это — естественный процесс наряду с другими. Если бы действовала только тенденция к укрупнению предприятий, то в мире давно не осталось бы мелких и средних предприятий. Но в реальности число их порою даже растет не только абсолютно, но и относи-

тельно. Процесс ликвидации одних из них сопровождается процессом появления других. Процесс укрупнения сопровождается процессом уменьшения предприятий. В нормальном западном обществе в идеале должно находиться место всем логически мыслимым типам деловых ячеек в зависимости от общественной потребности в них.

Процесс укрупнения предприятий сдерживается процессом модернизации предприятий, ростом производительности труда, модернизацией организации и управления предприятий. Тут даже возможно обратное движение. В последнее десятилетие отчетливо проявилась тенденция к уменьшению размеров предприятий в связи с этим. Например, в 1979 году 800 крупнейших фирм США нанимали 23 миллиона человек, а в 1986-м — лишь 20,6 миллиона человек. Но это не ликвидирует самую тенденцию к укрупнению предприятий. Эта тенденция может модифицироваться различными обстоятельствами так, что на поверхности явлений будет казаться, что она потеряла силу. Она — одна из многих тенденций эволюции, а не некий нерушимый абсолютизм¹. Эти данные могут служить также иллюстрацией к утверждению о роли мелкого и среднего бизнеса. Одновременно это пример для соотношения экономического и делового аспектов западнизма, а также для симбиоза крупного и более мелкого бизнеса, в котором предприниматели делят доходы от дела, но при этом вступают в отношение субординации, поскольку розничный предприниматель становится своего рода подчиненным фирмы, владеющей делом в целом.

Увеличение размеров дела (предприятия) с точки зрения числа наемных лиц и усложнение дела (в том

¹ Концентрация капиталов и укрупнение предприятий не означает ликвидацию мелких и средних вообще. Всему свое место. Характерный пример на этот счет приведен в статье А. Zeller «Kernstück der Marktwirtschaft» (Bayernkurier, 19.29.1990) о ситуации в Баварии. Здесь 90% предприятий были мелкие и средние. Они производили 50% общественной продукции, давали половину рабочих мест. Мелкое и среднее предпринимательство сохраняет значение во всех западных странах просто в силу условий деловой жизни, распределения населения, характера потребностей, необходимости личного труда предпринимателей.

числе технологическое) имеет следствием разделение функций не просто в смысле технологического разделения, но в смысле возникновения новых социальных категорий. Это надсмотрщики за работой других, руководители групп и отделов, сотрудники управляющей группы, менеджеры. Подчеркиваю, это не просто новые профессии, хотя эти люди и получают профессиональную подготовку. Если это всего лишь профессии, то и роль самого предпринимателя можно считать лишь одной из профессий. Тут важно то, что участники дела разделяются на различные категории по их социальным ролям, по их социальным позициям. Возникают участники дела, особой функцией которых становится не непосредственно исполнение дела, а операции с людьми, занятыми исполнением дела. В их среде происходит, в свою очередь, разделение функций и установление иерархии социальных позиций. Происходит разделение функций первичного предпринимателя на функции собственника дела и функции управления делом. Последние переходят к особому рода наемным лицам, роль которых в деле все возрастает и даже становится главенствующей.

Ряд западных авторов (в частности, Роберт Райх), констатируя изменения в социальной структуре западного общества после Второй мировой войны, говорят об особой социальной категории — о деловой бюрократии. Согласно Райху, она организована по-военному: 1) имеет место иерархия должностей; 2) между различными степенями имеют место отношения начальствования и подчинения; 3) лица этой категории получают постоянную заработную плату за занимаемую должность.

Концентрация капиталов, увеличение размеров предприятий и возникновение различного рода деловых и финансовых объединений имеет следствием образование постоянно действующих управляющих органов и советов с избираемыми, нанимаемыми или назначаемыми директорами, президентами и менеджерами. Тем самым создается новая категория граждан. Даже в тех случаях, когда они суть нанимаемые работники, их нельзя относить в категорию наемных рабочих, работающих в предприятиях. У них иная роль в обществе. Их доход^Ы

зачастую превышают доходы средних и даже крупных предпринимателей. Социальное структурирование населения происходит по многим признакам. И признак найма не всегда является определяющим.

ВНУТРИКЛЕТОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь граждан западных (как и других) стран разделяется на две части — на внутриклеточную и внеклеточную. О внеклеточной жизни написаны бесчисленные книги и сделаны бесчисленные фильмы. Описания же внутриклеточной жизни не идут с этим ни в какое сравнение. Специалисты на нее обращают мало внимания, а в художественной литературе и в фильмах ее касаются как бы мимоходом, как бы между прочим, как чего-то само собой разумеющегося и общеизвестного. И все же тех скудных и мимолетных сведений о внутриклеточной жизни Запада, которые можно почерпнуть из газет, книг и фильмов, вполне достаточно, чтобы составить о ней вполне определенное представление. Авторы книг и статей и создатели фильмов, может быть сами не ведая того, так или иначе обнажали суть этой жизни. Когда я просил моих многочисленных знакомых и случайных собеседников рассказать мне о том, как протекает их внутриклеточная жизнь, они обычно пожимали плечами. Им просто нечего было говорить. Западное общество с этой точки зрения является прямой противоположностью обществу коммунистическому, в котором внутриклеточная жизнь является основной частью жизни граждан¹.

В западном обществе имеются клеточки как деловые, так и коммунальные. Тон жизни задают первые. Причем с точки зрения внутренней жизни вторые мало чем отличаются от первых. Тот факт, что члены коммунальных клеточек в качестве государственных служащих получают гарантированную зарплату до выхода на пенсию, которая им тоже гарантирована, сказывается на их деятельности так, что они становятся похожими на чиновников общества коммунистического. В остальном же

¹ Внутриклеточная жизнь коммунистического общества подробно описана в моих книгах, упомянутых выше.

члены клеточек такого рода ведут себя аналогично большинству прочих граждан. И в деловых клеточках можно обнаружить оба аспекта — деловой и коммунальный. Но второй развит в них настолько слабо, что его можно не принимать во внимание при рассмотрении характерной клеточки западнизма. Он тут вынесен вовне. И если он ощущается, то как внешнее, а не как внутреннее для клеточки явление.

Характерная клеточка западнизма не определена решениями властей «сверху», так же как и ее поведение в окружающем мире. Имеется общее законодательство. Но в рамках его клеточка свободна в своей деятельности. Выше я уже говорил на эту тему достаточно. Не буду повторяться.

Общество в целом организовано по иным принципам, чем клеточки западнизма. Огромное число (если не большинство) клеточек вообще не имеет внутренней социальной структуры. О последней можно говорить лишь в отношении сравнительно больших клеточек. Клеточка западнизма является социально упрощенной сравнительно с коммунистической. Она, можно сказать, имеет тенденцию к минимизации социальной структуры. В идеале тут нет никаких лиц, групп и организаций, ненужных с точки зрения интересов дела. Никакая партийная, профсоюзная, молодежная или какая-то иная организация не является здесь элементом социальной структуры множества людей, занятых в клеточке. Сотрудники клеточки могут быть членами такого рода организаций, групп и движений, но не в рамках клеточки, а вне ее и независимо от нее. Этот аспект их жизни не влияет на функционирование их в рамках клеточки и клеточки в целом. Партии, профсоюзы и другие общественные группы и движения оказывают давление на хозяев клеточек и их администрацию, но это — внеклеточное, а не внутриклеточное отношение.

Клеточка западнизма не есть коллектив в том смысле, в каком коллективом является клеточка коммунистическая. Здесь люди работают, и все. Социальная и интимная жизнь западного общества происходит вне деловых клеточек, а не в них. Внутри их люди выполняют свои деловые обязанности, продвигаются по службе или по-

вышают квалификацию. У них могут быть свои взаимные симпатии и антипатии. Могут устанавливаться какие-то неделовые отношения, например — любовные или криминальные. Но все это не становится общепризнанной нормой и важным фактором их официальной жизни. Тут не устанавливаются более или менее длительные и тесные отношения между сотрудниками.

В деловых клеточках западнизма нет никакой внутриклеточной демократии. Внутри клеточек царит трудовая дисциплина, можно сказать, деловая диктатура. Западное общество, будучи демократическим в целом, то есть политически, является диктаторским социально, то есть в деловых клеточках. Демократия, права человека, гражданские свободы и прочие атрибуты свободного общества нужны Западу как внешняя компенсация за отсутствие их в деловой жизни¹.

Фундаментальные принципы работы западных клеточек противоположны принципам клеточек коммунистических. Принцип западной клеточки: делать дело как можно лучше, добиваться максимального результата с минимальными затратами. Принцип коммунистической клеточки: делать дело так, чтобы формально выглядело так, будто оно делается хорошо, чтобы вышестоящие органы власти и управления были довольны. Принцип западной клеточки: максимально использовать силы сотрудников, исключить праздное времяпровождение во время работы, исключить использование сотрудниками рабочего времени и средств клеточки для личных целей, не имеющих отношения к целям клеточки. Принцип коммунистической клеточки: свести трудовые усилия к минимуму, использовать рабочее время и средства клеточки в своих личных целях. Принцип западной клеточки: свести к минимуму число сотрудников. Принцип коммунистической клеточки: дать занятие как можно большему числу людей.

¹ Одним из символов американского общества является техасский миллиардер Росс Перо, который был кандидатом в президенты США в 1992 году. По сообщениям газет, он правит своей хозяйственной империей парамилитаристскими методами, включая внешний вид сотрудников, достойную семейную жизнь и запрет гомосексуализма.

В западной клеточке оценка сотрудников производится главным образом (если не исключительно) по их деловым качествам. В оценку сотрудников коммунистической клеточки включаются многочисленные внеделовые качества (партийность, общественная работа, активность, моральные качества, связи), зачастую оттесняющие на задний план качества деловые. В западной клеточке преимущества имеет тот, кто лучше приспособлен к деловому аспекту, в коммунистической — тот, кто лучше приспособлен к коммунальному аспекту. В коммунистической клеточке сотрудникам предоставляются дополнительные блага помимо зарплаты за работу (премии, путевки в санатории, жилье), чего нет совсем или что имеется в слабой форме в клеточке западной.

В гротескной форме различие западной и коммунистической клеточек можно показать на таком примере. Сравним два ресторана примерно одной производительной мощности (по числу обслуживаемых посетителей). В западном ресторане персонал сотрудников во много раз меньше по числу, порою в десять раз, чем в советском. Качество обслуживания в советском ресторане не идет ни в какое сравнение с западным. Большинство сотрудников советского ресторана бездельничает, тогда как в западном работают так, как советским людям и не снится. В советском ресторане больше половины сотрудников занимаются делом управления и канцелярщиной, в западном эти функции ресторана сведены к минимуму. Работники западного ресторана имеют средства существования от дохода, какой приносит их труд по обслуживанию посетителей. Работники советского ресторана имеют мизерную зарплату, зато много имеют от левых (нелегальных) махинаций, от обмана клиентов, от чаевых. Они не заинтересованы в улучшении работы ресторана в западном смысле, им лично живется лучше, если вообще вся деятельность ресторана будет направлена на «теневой» аспект, то есть станет преступной.

Теперь становится обычным приписывать все достоинства западного общества, включая высокую производительность труда и эффективность экономики, капитализму. Однако это идеологическое преувеличение роли

лишь одного из аспектов западнизма. Независимо от денежно-капиталистической формы западнистского хозяйства, последнее подвластно законам, вынуждающим занятых в клеточках людей работать лучше, чем в любой другой системе. Эти законы обуславливают такие принципы деловых клеточек: 1) рациональная организация дела; 2) жесткая трудовая дисциплина; 3) максимальное использование средств производства и рабочей силы. Западное общество является недемократичным («тоталитарным») в самой своей основе — на клеточном уровне. И именно поэтому оно демократично в целом, в его надклеточной жизни. Тут действует своего рода закон постоянства суммы демократизма и тоталитаризма.

Но западная клеточка, как и коммунистическая, не есть воплощение одних лишь добродетелей. Как говорится, наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Если понимать под степенью эксплуатации отношение величины усилий человека при выполнении дела к величине вознаграждения за это, то степень эксплуатации западного общества выше, чем коммунистического. Западные работающие люди имеют больше материальных благ, чем люди коммунистических стран, но они для этого и трудятся больше. Люди коммунистических стран имеют меньше, чем западные, но они тратят сил на это много меньше. Условия труда у них в принципе легче. Плюс к тому — проблема поисков работы, а также проблема найма и увольнения. До кризиса, начавшегося в 1985 году в Советском Союзе вследствие перестройки, там имела место стопроцентная занятость. Найти работу не было проблемой. Более того, лиц, уклонявшихся от постоянной работы, считали преступниками. Для западных людей иметь работу в большинстве случаев является главной проблемой жизни. Местом работы дорожат. Нет уверенности в том, что оно — надолго. Трудность найти работу и страх ее потери являются могучим средством поддержания дисциплины труда и интенсивности его. С этой точки зрения коммунистическое общество в его нормальном состоянии, какое в Советском Союзе имело место в хрущевские и брежневские годы, есть рай земной в сравнении с западным. Советские люди еще не

осознали того, что с попыткой пойти по пути Запада они потеряли больше, чем приобрели.

Характерная клеточка западного общества, превосходно выполняя свои функции, является совершенно пустой и обездушенной с точки зрения социальной жизни внутри нее. Если тут и происходит нечто подобное, это растянуто во времени, загнано вглубь и всячески скрывается. Это — деловой механизм, а не объединение людей со всеми их достоинствами и недостатками. Если о ней нельзя сказать, что она бесчеловечна, то нельзя сказать и того, что она человечна. В ней человеческие чувства сведены к внешнему притворству, формальны, искусственно преувеличены, заучены, неглубоки и непродолжительны. Сопереживание не превращается в нечто принципиально важное и не порождает глубокие драмы. В ней человек свободен от такой власти коллектива, как в коммунистическом обществе. Но он из-за этого лишен такой заботы и защиты со стороны коллектива, какая имеет место в коммунистическом коллективе. Для западной деловой жизни человек важен лишь как существо, исполняющее определенную деловую функцию. Западный человек оболванивается идеологически и как-то ограничен политически, но делает это не деловая клеточка. Последняя проявляет в этом отношении интерес к своим сотрудникам, если в стране возникает какая-то общая кампания, но не по своей инициативе. Например, это имело место в США в пятидесятые годы, когда там свирепствовала антикоммунистическая кампания («маккартизм»). Но такое случается в порядке исключения.

Короче говоря, если деловая клеточка коммунизма пронизана и опутана отношениями коммунальности, то в деловой клеточке западнизма эти отношения ослаблены или исключены совсем. Если деловая клеточка западнизма пронизана и опутана правилами наилучшего исполнения деловых функций, то в деловой клеточке коммунизма эти функции ослаблены или превращены в чистую формальность. Тут лежит одна из самых глубоких причин того, что коммунистическое общество есть общество внутренне сложных, но плохо работающих бездельников, паразитов и имитаторов деятельности, а западное общество есть бездушный, хорошо работающий

механизм, состоящий из внутренне упрощенных, но хорошо работающих полуроботов.

Существует довольно обширная литература о формальной организации деловой жизни западных клеточек, но исключительно редко попадаются описания того, что происходит в них на уровне человеческих отношений. Сведения об этом можно получить лишь косвенным путем из литературных произведений, фильмов и газетных статей, причем, как правило, в крайних и криминальных проявлениях. Мне попадались и прямые описания, но редкие и крайне скудные. В этой связи заслуживает упоминания очень интересная, на мой взгляд, книга двух американских авторов Джеймса Паттерсона и Питера Кима¹. Как сообщают они, руководители предприятий нарушают стандарты безопасности, дискриминируют меньшинства и женщин, производят опасную для жизни продукцию, шантажируют сотрудников и безнаказанно совершают многочисленные преступления. Рабочие более семи часов в течение рабочей недели пьянствуют, употребляют наркотики, занимаются болтовней, симулируют болезни. Лишь одна десятая удовлетворена работой. Конечно, западные клеточки уступают коммунистическим в этом отношении, тем не менее в них можно видеть многое такое, что является обычным делом в обществе коммунистическом. Законы коммунальности и здесь дают о себе знать. Во всяком случае, читая книги и смотря фильмы, в которых как-то затрагивалась внутриклеточная жизнь западного общества, я узнавал феномены, хорошо знакомые мне по жизни в России, но с одним коррективом: в западных клеточках эти феномены проявляются в более жестокой форме, а индивид меньше защищен от социально более сильных коллег.

У меня не было иллюзий насчет внутриклеточных отношений на Западе. И все же то, что мне довелось узнать из официальных источников в Германии², меня потрясло. По исследованиям социологов и психологов, более миллиона наемных работников в Германии явля-

¹ James Patterson and Peter Kim. The day America told the truth. Prentic Hall, 1991.

² Например, из телевизионных передач.

ются жертвами систематического психологического террора со стороны коллег. Многие исследователи условий труда считают центральной проблемой девяностых годов преследование группой сотрудников своих «слабых» коллег. Рабочее место для огромного числа людей превращается в ад. Интриги, оскорбления, шантаж, угрозы, принуждение к сексу и т. п. являются обычными явлениями. На рабочих местах идет ежедневная война такого рода. В коммунистических коллективах против этого есть хоть какая-то защита (партийная и комсомольская организация, общие собрания, дирекция, стенная газета и т. п.), в западных же ее почти нет. Клеточка коммунистического общества более человечна.

На тот факт, что многие аспекты жизнедеятельности западных предприятий умышленно игнорируются теоретиками, обращали внимание и другие авторы, вовсе не являющиеся врагами капитализма и западного образа жизни вообще¹.

УПРАВЛЕНИЕ

Необходимым элементом жизнедеятельности деловой клеточки является управление ее внутренней жизнью и ее поведением во внешней среде. Прежде чем непосредственно сказать что-то на эту тему, я сделаю ряд общих замечаний об управлении вообще.

Роль органа управления у отдельного человека играют его мозг и нервная система. Они позволяют человеку более или менее объективно оценивать свое положение в окружающей среде, ставить цели, предвидеть последствия каких-то его действий, принимать решения и побуждать свое тело к их исполнению, оценивать результаты своих преднамеренных и целенаправленных действий. Объединяясь в группы, люди переносят на них то, чем они обладают от природы, а именно — разделение на управляющий орган и управляемое тело. Только теперь происходит разделение функций, слитых в отдельном человеке воедино, и распределение их между различными людьми. Функция управляющего органа пере-

¹ Например, Robert L. Heilbroner. On the limited «relevance» of economics. Capitalism Today. New York/London, 1970.

ходит к одним людям, функция управляемого тела — к другим. Это — частный случай общего закона развития живой материи: расщепление функции единого тела и превращение их в особые функции различных тел того же рода.

Управляющим органом клеточки может быть отдельный человек, группа людей и сложная система из людей и групп людей. А если речь идет об управлении более сложным социальным объединением, то управляющий орган может быть особой клеточкой или системой из множества таких клеточек, специально занятых управлением. Управляющему органу принадлежат право и обязанность выработки и принятия решения относительно деятельности управляемого тела, приведения решения в исполнение, контроля за его исполнением, поддержания соответствующего порядка, необходимого для этой деятельности, поощрения одних граждан и наказания других. Эти право и обязанность могут быть захвачены или навязаны силой, получены по традиции, установлены путем соглашений или законодательным путем.

Имеются определенные корреляции между управляющим органом и управляемым телом, нарушение которых делает социальную группу (социальный организм) менее жизнеспособным. Тут опасно как чрезмерное разрастание управляющего органа, так и его недостаточность для управления чрезмерно разросшимся и усложнившимся управляемым телом. История животного мира и человечества дает бесчисленные примеры на этот счет.

Управление есть деятельность управляющих органов. Тут имеются определенные правила, следование которым приносит желаемый успех, а несоблюдение которых приносит нежелательную неудачу. Опять-таки целостной и детально разработанной теории таких правил не существует. В последнее время в связи с ростом роли управления в западной экономике тема управления стала предметом внимания специалистов. Но обсуждение этой темы проходит в основном в узких рамках экономики и политики. Кроме того, разработке общей теории управления мешает идеологическое лицемерие. Тут признание такого рода идей, как можно видеть у Макиавелли, считается аморальным, а опыт гитлеровской Гер-

мании и коммунистической России считается преступным. А между тем правила управления не могут быть частью правил этики и права. Масса людей готовится специально для дела управления. Они изучают множество всяких наук. Но о правилах управления как таковых они узнают косвенно или как о чем-то весьма банальном (вроде улыбок, поклонов и галстуков), а главным образом познают их на опыте.

Надо различать управление делом, в которое вовлечено определенное множество людей, и управление людьми независимо от конкретного дела, раз эти люди по каким-то причинам собраны вместе. Управление конкретным делом всегда есть управление людьми, занятыми этим делом, а управление конкретным объединением людей есть так или иначе и управление делом, которое свело этих людей вместе, хотя это дело может заключаться лишь в том, чтобы жить вместе. Доминирование того или иного аспекта (дело и совместность) порождает различные типы управления — деловое и коммунальное (или порядковое). Первое подчиняется общим законам дела, второе — законам коммунальности. Но каждое содержит в себе в ослабленном виде свойства другого.

Надо далее различать два аспекта во взаимоотношениях управляющего органа и управляемого тела: 1) первый приспосабливается ко второму; 2) второе приспосабливается к первому. Постепенно устанавливается относительное их равновесие, но с доминированием одного из них в зависимости от характера общественного организма. Доминирование первого аспекта дает приспособленческий тип управления, а доминирование второго — волюнтаристский.

Надо далее различать взаимоотношения между различными управляющими органами в одном и том же социальном пространстве, например — взаимоотношения между внутриклеточным управлением и управлением всею совокупностью клеток. Тут опять-таки возможны различные варианты. Отмечу два из них как основные. Первый из них — управляющие органы и принципы управления однотипны, между ними доминирует отношение субординации. Назову этот тип гомогенным. Второй из них — управляющие органы и принципы их деятельности разнотипны, между ними доминирует отношение

координации. Назову его гетерогенным. Возможны и другие варианты, включая комбинации этих двух, а также комбинации из трех и более слоев управления.

Различают также непосредственное и опосредованное управление. Во втором между управляющим органом и управляемым объектом имеется посредник, не входящий в структуру управления. Имеется малоступенчатое (в частности — одноступенчатое) и многоступенчатое (иерархизированное) управление, централизованное и децентрализованное, единоначальное и коллегиальное.

Надо, наконец, различать командный и регулировочный аспекты управления. Доминирование одного из них дает соответственно командный и регулировочный тип управления. В случае первого управление осуществляется путем приказов (указов, директив, инструкций), отдаваемых руководящим органом нижестоящим инстанциям руководства или управляемым объектам. В случае второго упор делается на систему правил, за соблюдением которых следит руководящий орган. Из командного аспекта вырастает исполнительная власть государства, из регулировочного — законодательная власть и правовые отношения общества. В реальности управление многомиллионным обществом включает в себя огромное число актов, способов, учреждений и аспектов управления. Все они сплетаются в сложную и многостороннюю систему управления, которая характеризуется не одним каким-то бросающимся в глаза и раздутым в идеологии и пропаганде признаком, а многими признаками, которые не всегда гармонируют друг с другом, а порою даже вступают в конфликты и порождают противоположно направленные следствия. Тем не менее каждый тип общества создает свою систему управления, в которой доминируют вполне определенные явления, позволяющие говорить о типе этой системы. Так, для коммунистического общества характерна порядковая, волюнтаристская, гомогенная, централизованная, командная, прямая, многоступенчатая система управления, а для западного — деловая, приспособленческая, гетерогенная, опосредованная, регулировочная система.

Каждая система имеет свои принципы функционирования. Вот для примера некоторые принципы коммунистического

тического управления. Максимальный контроль за всеми аспектами жизни общества и отдельных граждан. По возможности не допускать то, что не может контролироваться. Если этого невозможно избежать, то допускать в той мере, в какой это не угрожает общей установке на максимальное контролирование. По возможности ограничивать число управляемых объектов, сводить к минимуму число «точек» и акций управления. Не допускать конфликтов между частями целого. В случае возникновения таковых отдавать предпочтение интересам управляемости. Не допускать непредвиденного.

А вот для примера некоторые принципы западного управления. Контролировать только такие «точки» управляемого тела, контроль над которыми дает возможность контролировать все тело. Сводить число таких точек к минимуму. Если контролируемое тело нормально выполняет свои жизненные функции, не надо мешать ему избыточным контролем. Не мешать неуправляемым явлениям, если они не вредят делу. При всех конфликтных ситуациях отдавать предпочтение интересам дела.

Упомянутые принципы постоянно нарушаются, — общество все-таки есть живое существо, состоящее из огромного числа живых существ с различными интересами и свойствами. В систему управления вовлечено огромное число людей, которые преследуют свои цели, вступают в отношения друг с другом, вынуждены подчиняться общим правилам управления как особой профессии. Из совокупности их действий возникают такие следствия, что коммунистическая система начинает проявлять себя западнообразно, а западная — подобно коммунистической.

ВНУТРИКЛЕТОЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Мелкие и даже средние предприятия Запада ни в каком особом органе управления не нуждаются. Функции управляющего органа в них выполняет сам предприниматель, нанимающий в случае надобности одного или нескольких помощников. Самый банальный случай — секретарша. Лишь начиная с некоторого уровня сложности дела как с точки зрения его внутренней структуры,

так и с точки зрения условий его функционирования в окружающем мире возникает потребность в определенном количестве наемных работников, профессионально занятых делом управления, — особый управляющий орган. И эта потребность реализуется.

Управляющий орган предприятия¹ состоит из наемного управляющего и наемных служащих, в задачу которых входят проблемы организации дела, человеческих ресурсов (персонала предприятия), финансов, обеспечения, торговли, рекламы, планирования, public relations. Если предприятие является акционерным обществом, оно выбирает совет директоров, который нанимает служащих для управления предприятием. Если предприятие является частным, все равно функция управления есть профессия, для овладения и исполнения которой собственность как таковая ничего не значит. Так что главой предприятия при всех вариантах фактически становится не владелец, а профессиональный управляющий.

Система принятия решений является централизованной. Когда говорят о децентрализации и осуществляют ее, имеют в виду предоставление большей инициативы отдельным лицам из управляющего штата, то есть о распределении власти и ответственности внутри управляющего органа. Но решающее слово все равно остается за главным управляющим (президентом) фирмы.

Управляющий орган имеет иерархическую структуру, то есть лестницу из отношений начальствования и подчинения. Служащим не только предоставляется работа, но и возможность подниматься по ступеням служебной иерархии, то есть делать карьеру.

Обращаю внимание на то, что образование управляющего органа, разделение функций в нем, иерархия начальствования и подчинения, служебная карьера — все это явления коммунальные, имеющие место в любом предприятии, достаточно большом по размерам и достаточно сложном с точки зрения функционирования.

Каждое западное предприятие свободно выбирать характер своей деятельности (то есть что производить

¹ Описание его можно найти во многих работах, в частности — в книге Paul R. Lawrence и Chalambo A. Vlachoutsicos. *Behind the Factory Walls*. Boston, 1990.

или какие услуги предлагать), искать клиентов, добывать капиталы и материалы, нанимать людей по своему усмотрению. Однако эта свобода не абсолютна, а ограничена рамками законов и государственных учреждений, которые сдерживают и одновременно поддерживают предприятие. Кроме того, эта свобода играет фактическую роль лишь при основании предприятия и вживании его в среду, а также в критических ситуациях, когда надо принимать экстренные решения или менять характер и сферу деятельности. Но это происходит не так уж часто. Основная часть функционирования предприятия — более или менее стабильная рутина в рамках уже установившегося ритма работы.

Западное предприятие работает в соответствии с кратковременным (годовым) и долгосрочным планом. План — необходимое условие работы всякого более или менее сложного предприятия в современном сложном общественном организме. Задача плана западного предприятия — сделать предприятие капиталистически рентабельным и конкурентоспособным на рынке сбыта своей продукции и услуг. План преследует прежде всего интересы предприятия, удовлетворяя какие-то потребности общества в качестве условия и следствия его реализации. Государство не командует предприятием, не предписывает ему ничего. Оно лишь регулирует выполнение плана, заставляя предприятие считаться с законами общества. Планы западного предприятия суть своего рода стратегия (долгосрочный план) и тактика (годовой план) поведения предприятия на рынке продукции или услуг. Они здесь не являются инструментом управления клеточкой.

Коммунистическое и западное общество различаются не фактом наличия и соответственно отсутствия плановости работы предприятий, а целями и характером плановости. Считается, что в коммунистическом обществе план предписывается предприятию государством «сверху». Это не совсем так. План предприятия вырабатывается «снизу» с учетом его возможностей, государство же вносит свои коррективы и санкционирует его как закон работы предприятия. Фактически же многое делается помимо плана, многое запланированное не выполняется. Цель плана — включить клеточку в единый соци-

альный организм так, чтобы она удовлетворяла бы какие-то общественные потребности. И эта цель так или иначе достигается. Главное — чтобы предприятие делало то, что ему положено, и давало занятие определенному числу граждан. План преследует интересы прежде всего общества, удовлетворяя потребности занятых в предприятии людей в качестве условия и следствия его реализации.

Системы принятия решений руководства западных и коммунистических клеточек различаются коренным образом. Они различно ориентированы. С одной стороны, принятие решений руководством коммунистической клеточки проще, чем таковое западной клеточки, поскольку для первого имеется предписываемый государством план, и руководству клеточки остается лишь выполнять его, а руководство западной клеточки должно само производить исследование ситуации и проявлять инициативу. Но с другой стороны, ситуация принятия решения в западной клеточке является сильно упрощенной сравнительно с ситуацией в коммунистической клеточке. На практике выполнение государственного плана коммунистической клеточкой превращается в задачу необычайно сложную. Директору и его администрации приходится прилагать неимоверные усилия к тому, чтобы его предприятие как-то держалось в рамках плана. А это — жизнь, полная драматизма. Тут вступают в силу склоки, интриги, клевета, доносы. Идут бесконечные собрания и совещания. В дело вмешиваются различные государственные и партийные органы — трест, комитеты партии, советы. Дирекции приходится регулярно совершать запрещенные законом действия.

Как я уже говорил, одним из принципов западных деловых клеточек и целых стран является стремление свести к минимуму расходы на дело, и в том числе — расходы на управление. Запад в этом отношении долго противился росту управленческого аппарата внутри клеточек и в обществе в целом. Но развитие пошло таким путем, что сопротивление было сломлено. Запад был вынужден догонять коммунистические страны не только по размерам управленческого аппарата, но и по роли. Оказав поддержку разрушительным силам коммунистических стран в деле разрушения их управленческого аппарата,

Запад сам не смог устоять от той же «болезни», обусловленной законами коммунальности.

Теперь каждая более или менее значительная фирма имеет контору, с помощью которой происходит управление фирмой и ее деятельностью в окружающем мире. Есть конторы, обособившиеся в виде самостоятельных фирм. Они вступают в деловые контакты с другими фирмами, которые что-то производят или предлагают услуги. Эти фирмы имеют свои управленческие конторы, а фирмы-конторы имеют свои деловые части. В обществе таким путем возникает гигантское число контор, которые приобретают огромную власть, так что общество становится своего рода системой контор. Деловая часть становится подчиненной части конторской. Приобретая инерцию роста и завоевав прочные позиции в обществе, управляющая система начинает разрастаться в силу своих собственных законов (частный случай законов коммунальности).

УПРАВЛЕНИЕ И ИНФОРМАЦИЯ

Всякое управление предполагает потоки информации. Естественно, прогресс информационной техники породил колоссальный энтузиазм в отношении прогресса всей системы управления. Энтузиазм не ограничился разговорами, а перешел в сферу практики. Уже теперь многие деловые клеточки Запада используют информационную технику и ее возможности в управлении своей деятельностью. Появились особые предприятия, функцией которых являются информационные услуги другим предприятиям и учреждениям. Теоретики и идеологи упорно говорят о начале информационной эпохи, о превращении западного общества в постиндустриальное или информационное. Информационному аспекту в управлении сулят господствующую роль в будущем. На эту тему я собираюсь специально говорить позднее. Здесь же ограничусь несколькими замечаниями относительно информации на клеточном уровне.

Считается, что новая информационная система, основанная на использовании современной информационной техники, доставляет информацию ответственным

лицам (управляющим) полнее, точнее и быстрее, чем старая система личных докладов сотрудников своим начальникам. Кроме того, в старой системе один начальник может иметь не более шести подчиненных, которые докладывают ему. В новой же системе это число в принципе не ограничено, вернее — оно ограничено лишь качествами подчиненных, обязанных докладывать непосредственно одному начальнику.

Абстрактно рассуждая, все это так. Но в реальности вступают в силу факторы, несколько отрезвляющие энтузиастов управления без иерархической системы начальствования и подчинения. Прежде всего возможности управляющего в смысле овладения получаемой информацией ограничены. Информацию-то ему может передавать любое число людей, да вот сколько информации может переварить он сам?! Способны ли информационные машины обрабатывать поток информации так, как это делают на различных уровнях информационной иерархии люди, знающие положение дел и имеющие опыт отбора и оценки информации? Абстрактно такие машины можно вообразить, обучив их критериям отбора. Но такие критерии должны быть постоянными. А в изменчивой и разнообразной реальности все равно нужны люди, которые учитывают перемены и вводят новые критерии в машины. Так что на место людей без машин приходят лишь люди с машинами.

Относительны и прочие достоинства новой системы. Полнота и скорость движения информации являются тут избыточными, а точность ее несколько не увеличивается за счет машин. К тому же никакая техника не может заменить волевой и оценочный аспект целиком. Тут так или иначе решают люди, занимающие определенное положение в предприятии.

Успехи западнизма достигнуты без специальной информационной техники. Другое дело — эта техника стала необходимой в целом ряде дел, предприятий и учреждений. Но для подавляющего большинства деловых клеток, какими являются малые и средние предприятия, никакая особая информационная техника вообще не требуется. Она стала необходимой лишь для крупных и сверхкрупных предприятий, являющихся агрегатами клеток, для учреждений, имеющих дело с огромной

информацией, для манипулирования огромными массами людей, короче говоря — для надклеточного уровня.

ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА

В той литературе о Западе, которую мне довелось читать, почти ничего не говорилось о таком важнейшем факторе делового аспекта западнизма, как его деловая культура. Она предполагалась как нечто само собой разумеющееся, поскольку тут не возникало из ряда вон выходящих проблем. Вернее, проблемы возникали, но они решались в повседневной жизни как «будничные» проблемы. Сейчас, однако, в связи с глубокими переменами в мире вообще и на самом Западе проблема деловой культуры в той или иной форме дает знать о себе как проблема кардинальная.

Как справедливо заметил Маркс, основная производительная сила общества — люди. А это — десятки и сотни миллионов людей. И все они должны быть обучены соответствующим образом, чтобы выполнять свои деловые функции и поддерживать на должном уровне сложившуюся деловую культуру. Последняя на Западе складывалась в течение многих веков, вошла в плоть и кровь западных людей. Она образует более или менее устойчивую и преемственную часть «скелета» общества. Хотя в ней происходят изменения в характере профессиональной подготовки людей, остаются неизменными требования к качеству исполнения любых деловых функций. В этом смысле деловая культура является одной из принудительных сил, определяющих поведение людей.

Раньше бизнесмены не ломали голову над проблемой воспроизводства человеческого материала в их предприятиях. Он имелся в изобилии независимо от них. Они использовали готовый материал. Это отношение в значительной мере сохранилось до сих пор. США и в наше время «снимают сливки» со всей планеты, соблазняя и подкупая высококвалифицированную и творческую рабочую силу из других стран. Но этот способ существования не покрывает всех потребностей западного бизнеса. И он на грани исчерпывания.

В последние десятилетия возникли такие три глав-

ные проблемы деловой культуры. Первая — технологический прогресс потребовал подготовки огромного числа специалистов нового типа с преобладанием высокоинтеллектуальных способностей. Сложившаяся система образования оказалась неподготовленной к такой технологической революции. Вторая проблема — усложнение всей деловой обстановки для предприятий и усиление борьбы за их выживание потребовало создания целой армии специально подготовленных, интеллектуально гибких и инициативных менеджеров, на роль которых годится далеко не всякий гражданин западной страны. Многие крупные фирмы сами стали создавать специальные школы, курсы, семинары с целью решения этой проблемы. И третья проблема — наводнение стран Запада выходцами из других стран породило тенденцию к снижению уровня деловой культуры. Жалобы на это мне попадались в газетах. Вот одна из них. С 1965-го по 1990 год в США переселилось из Азии и Латинской Америки около 12 миллионов человек. Эти переселенцы «не придерживаются протестантской рабочей жизни», — в такой форме, опасаясь обвинений в расизме, автор фиксировал неадекватность этого человеческого материала условиям американского общества. Следствием этой неадекватности является снижение качества и производительности труда. Добавлю к этому то, что большинство переселенцев вообще не пригодно для профессий, требующих высокой квалификации, и используется на самом низком уровне.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

При характеристике западного социального строя обычно называют прежде всего частную собственность на средства производства. Ей придавали и до сих пор придают решающее значение. Основным результатом буржуазных революций считали и считают признание частной собственности в качестве священной и неприкосновенной. Это вошло в конституции западных стран. Частный собственник стал считаться оплотом западного общества. Почти все критики западного общества (Т. Мор, Т. Кампанелла, К.А. Сен-Симон, Ф.М.Ш. Фурье,

Р. Оуэн, П.Ж. Прудон, К. Маркс, В. Ленин и другие) видели в частной собственности источник всех зол. Многие теоретики объявляли основой различия видов обществ различия видов собственности. В этом отношении дальше всех пошли Маркс и его последователи. Под лозунгами ликвидации частной собственности проходили социалистические революции. Основу коммунистического социального строя видели в ликвидации частной собственности на средства производства и установлении собственности общественной. Многие политики XX века усмотрели главную внутреннюю угрозу Западу в социализации (национализации) предприятий и настаивали на приватизации. Руководители бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы увидели в приватизации панацею от всех бед и начали проводить политику приватизации с настойчивостью, достойной лучшего применения, игнорируя катастрофические последствия этой политики для своих стран.

Я не отвергаю важнейшую роль частной собственности в формировании и сохранении западнизма и Запада. Но я считаю необходимым внести в понимание этого феномена ряд коррективов не столько политического, сколько ориентационного характера. Поясню, что я имею в виду.

Прежде всего хочу сказать, что никакого врожденного чувства собственности нет. Собственность есть явление сугубо социальное. Причем возникает оно на довольно высоком уровне развития общества. Во-вторых, надо различать собственность и владение. Не всякое владение чем-то есть собственность. Собственность есть владение узаконенное, в силу права. Когда буржуазные революции провозглашали частную собственность священной и неприкосновенной, они не констатировали факт собственности, но превращали в собственность то, чем люди владели фактически. Юридическое признание факта владения есть возникновение собственности как социального феномена. Собственность есть феномен правовой, так что считать ее определяющим признаком общественно-экономической формации, как это делали марксисты, просто бессмысленно.

В западной (и не только в ней) идеологии частная собственность рассматривается как нечто индивидуаль-

ное, а класс собственников рассматривается лишь как класс логический, то есть класс индивидов с одинаковым признаком. Но частные собственники возникли не просто как какое-то число индивидов, обладающих собственностью, а как класс в социальном смысле слова, то есть нечто объединенное в целое благодаря законодательству (конституционному праву) и государству, охраняющему право собственности. С этой точки зрения частная собственность есть общественная собственность, лишь распределенная по частным лицам в ее функционировании. Так что ликвидация частной собственности не может быть не чем иным, как превращением государства во владельца и распорядителя того, чем до этого распоряжались частные лица.

Частные собственники, далее, образуют не просто множество людей, сходных по принципу собственности, но многоступенчатую иерархию с точки зрения размеров собственности. Хотя в буржуазных конституциях наряду с правом собственности провозглашался принцип равенства, частная собственность именно как правовой феномен с самого начала допускала и узаконивала факт неравенства в рамках обладания собственностью.

Наконец, частная собственность есть не просто право индивида распоряжаться чем-то по своему усмотрению, но определенная социальная позиция этого индивида. Это узаконенное и охраняемое государством социальное положение человека, его определенная социальная роль. С этой точки зрения частная собственность есть сложная система социальных отношений.

ЭВОЛЮЦИЯ И СТРУКТУРА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Бесспорно, что в исходном пункте западного общества среди его необходимых условий лежит частная собственность на средства деятельности и на ее продукты. Предыстория Запада была усилением и расширением этого условия. Буржуазные революции были результатом этого и общественным признанием силы и роли класса частных собственников такого типа, то есть собственников предприятий — частных предпринимателей.

Этот фактор сохраняет свою роль и в основах современного Запада. Но по мере развития западнизма (в рассмотренном выше моем понимании) произошли существенные изменения феномена собственности, которые модифицировали его исходные качества. В «снятом» виде тот же процесс постоянно воспроизводится и в жизни современного Запада: глубинные явления общества в их более развитых и поверхностных формах выглядят уже совсем иначе, пороку превращаясь в противоположность своим предпосылкам. Одним словом, феномен собственности надо рассматривать не как нечто неизменное, раз и навсегда данное, а в его историческом развитии и в тех превращениях, какие с ним происходят в развитом западном обществе¹.

Надо, далее, рассматривать не факт собственности в его абстрактном и обобщенном виде, а конкретные отношения собственности в современном западном обществе. Они тут достигли высокого уровня развития, превратились в сложную систему отношений внутри класса собственников. Последний разделился на различные категории, то есть на множество различных подклассов, между которыми установились разнообразные отношения. Эти отношения оттеснили на задний план то общее, что было и есть у различных собственников. Соотношение степеней важности этого общего и того, что различает собственников, можно сравнить с соотношением степеней важности общего свойства всех военных служить в армии и их различий как солдат, унтер-офицеров, офицеров и генералов. Для понимания социальной структуры Запада важнее не то, что владелец однодолларовой акции и владелец акций на миллиард долларов суть оба собственники, а то, что они принадлежат к качественно различным классам общества.

Понятие частной собственности точно так же стало многосмысленным. Если какой-то предмет А является частной собственностью человека (или группы людей) В, из самого этого факта еще не следует, что В может делать с А все, что хочет. Что позволено и что не позволе-

¹ Rolf Dahrendorf. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, 1959.

но А делать с В, зависит от ряда других факторов, например, от обычаев, традиции, общественного мнения, моральных норм, неписаного права или законодательства. В зависимости от характера ограничений, в рамках которых А распоряжается предметом В как своей частной собственностью, следует различать два типа этой собственности. Одно дело, например, собственность на автомобиль и другое дело — на земельный участок. Автомобиль можно продать кому угодно, если, конечно, найдется покупатель, в том числе иностранцу, а земельный участок — не всегда. Собственник контрольного пакета акций может их уничтожить, но не может уничтожить предприятие, акции которого он имеет. Масса людей имеет свои капиталы в банках, не имея возможности распорядиться ими по своему усмотрению. Если, например, немецкая авиационная компания становится собственностью американцев, это не означает, что она переносится в США. Короче говоря, понятие частной собственности само по себе говорит еще очень мало о том, каким является отношение собственника А к его собственности В в реальности. Тут возможны и имеют место многочисленные варианты, определенные общим законодательством и частными договорами А с другими лицами и предприятиями.

Процесс эволюции феномена собственности протекал по таким основным линиям. Первая линия — сосредоточение в руках отдельных людей и групп людей (в частном владении) огромных средств как в виде средств производства, так и в виде денег. При этом само понятие собственности потеряло тот смысл, какой оно имело и имеет в отношении мелкого и даже среднего собственника. Последний действительно является (или являлся) хозяином своего дела, если, конечно, не опутан кредитами, договорами и долгами. Такой свободный собственник может распорядиться своей собственностью по своему усмотрению. Он может начать дело или прикончить его. Может передать дело другим. Но все это не так-то просто сделать для современного крупного собственника. Он может лично как-то выйти из дела, но не может распорядиться делом так, как это мог бы сделать свободный собственник. Он не властен над своей собст-

венностью в полную меру, его власть ограничена. Он является своего рода представителем собственности и выполняет в ее функционировании лишь частичные роли. То, что он имеет много средств для личного потребления, не влияет на суть его положения. Он в предприятии играет лишь отчасти роль идеального собственника. Он уже не может по своему произволу прикрыть предприятие. А главные его функции здесь могут исполнять другие лица, наемные, избираемые, назначаемые. Его положение собственника дает ему возможность занять положение, которое уже не является положением собственника. Собственность становится лишь условием, благодаря которому собственник может сразу занять высокое положение в иерархии социальных позиций. Без собственности ему пришлось бы потратить всю жизнь, чтобы добраться до такого уровня, да и то при том условии, что ему повезло бы. Из десятков и сотен тысяч людей, карабкающихся по ступеням социальной иерархии, лишь единицам удастся достичь ее вершин.

Важнейшим следствием усложнения и укрупнения предприятий, концентрации капиталов и усложнения ситуации рынка явилось развитие класса управляющих и дифференциация функций предпринимателей на функции собственников и функции управляющих делом. В результате собственники утратили часть своей власти над делом, разделили ее с несобственниками, а порою уступили ее последним полностью.

Таким образом, на высшем уровне эволюции феномена собственности он ограничивается своей исходной функцией — быть лишь условием дела. Но теперь он теряет качество необходимого условия, без него в принципе можно обойтись. Его роль становится в значительной мере символической.

Большинство крупных фирм управляется не теми, кто ими владеет, а профессиональными менеджерами. Однако многие менеджеры являются собственниками значительной части своих фирм и имеют долю в других. Значительная доля в больших фирмах принадлежит другим крупным корпорациям, обычно банкам, страховым обществам и другим финансовым организациям. Они контролируют соответствующие фирмы и их менедже-

ров. Образуется сеть руководства бизнесом, которая принимает решения не только внутри отдельных фирм, но и вне их — в других фирмах, поскольку корпорация владеет в них определенной долей. Лидеры различных корпораций сотрудничают друг с другом. Таким путем владельцы долей капиталов фирм контролируют менеджеров внутри фирм. Одним словом, складывается сложная, многомерная и многоступенчатая сеть отношений собственности и управления предприятиями. Отношения собственности не исчезают. Они лишь трансформируются и занимают различные позиции в системе социальных отношений иного рода.

Процесс реструктурирования отношений собственности происходит по многим линиям, которые не предусматривали теоретики. Например, в Германии, по сообщениям прессы, большое число средних предприятий, являющихся собственностью семей, не имеют в семьях их владельцев подходящих продолжателей дела, — наследники не хотят или не могут заниматься бизнесом. По современным условиям для этого нужны профессиональные менеджеры. Многие владельцы таких предприятий продают их своим менеджерам или менеджерам, которых им могут предложить особые фирмы. Менеджеры, покупающие эти предприятия, становятся их собственниками. Но деньги на такие покупки они берут в особых финансовых учреждениях, специализирующихся на операциях такого рода. Например, так называемая «3 — группа» в Германии в 1992 году таким путем участвовала в 4 тысячах фирм. Упомянутые менеджеры-собственники становятся должниками фирм, занятых особым бизнесом управления.

По другой линии эволюции феномена собственности произошло как бы его растворение в массе населения. Слой собственников разросся настолько, что в него теперь входит так или иначе большинство взрослого населения страны¹. Миллионы людей стали владельцами акций, то есть совладельцами каких-то предприятий. Они

¹ Как утверждает Joseph La Palombara в книге «Democracy Italian Style» (New Haven/London, 1987), в 1987 году лишь один из четырех итальянцев не имел собственности.

не имеют никакого влияния на деятельность этих предприятий. Власть над этими предприятиями принадлежит небольшой группе акционеров. Но в этом-то и состоит суть дела. Сама функция собственности и состоит в том, что человек владеет чем-то, но не в том, что он организует какое-то предприятие. Владелец акции волен продать ее по своему усмотрению. Он имеет за эту собственность какой-то доход. И все! На этом функция собственности и кончается. Остальное не есть функция собственности как таковой.

Несколько иначе в пропаганде изображается участие наемных работников в своих предприятиях в качестве совладельцев их. В последние годы эта тенденция приняла настолько широкий размах¹, что некоторые футурологи даже увидели в этом будущее экономики². Сама идея такого участия сотрудников фирм во владении ими есть старая социалистическая идея. Какой бы размах ни принимало это движение, у него, на мой взгляд, есть два пути: либо превращение таких предприятий в «общественную» собственность, либо превращение совладельцев их в фикцию, маскирующую нечто иное, а именно — фактическое социальное структурирование участников дела.

В слой собственников попадают рентнеры, живущие на проценты, пенсионеры, получающие пенсию через банки, и вообще все граждане, пользующиеся услугами банков. Они так или иначе являются владельцами каких-то средств, участвующих в каких-то предприятиях через банки. Пусть это не приносит большинству из них прибыли. Но ведь социальную основу западного общества образует не получение прибыли, а деловой аспект, лишь создающий возможность для прибыли и поддающийся ее воздействию в качестве своего следствия.

Миллионы собственников, о которых идет речь, явля-

¹ Günter Ofner в статье «Vom Mitarbeiter zum Miteigentümer» (журнал «Conturen», № 13, февраль, 1992) приводит такие данные. В США более 12 миллионов наемных работников являются совладельцами в 8 тысячах предприятий, в Западной Германии — 1,5 миллиона, во Франции — 6 миллионов, в Англии — 2 миллиона.

² Например, John Naisbitt в книге «Megatrends 2000». New York. 1990.

ются уже не собственниками в первоначальном смысле слова, но собственниками потенциальными и фиктивными. Когда все суть собственники, понятие собственности теряет смысл. Эти миллионы являются собственниками вынужденными. Все общество в целом теперь превратилось в единый деловой механизм, взяв на себя часть функций собственников и сделав само понятие собственности бессмысленным.

Следующая линия эволюции собственности — развитие договорных и вообще правовых отношений до такой степени, что о свободе отношений между различными социальными категориями людей уже и речи быть не может. Люди вольны или невольны заключать договоры. Но, заключив их, вынуждены действовать в этих рамках, ограничивая тем самым свою свободу как собственников.

Существенным образом ограничивает сферу частной собственности то, что значительная часть предприятий является государственной собственностью. Политика приватизации, усилившаяся в восьмидесятые и девяностые годы нашего века, мало что изменила в этом отношении.

Отмечу, наконец, такую важнейшую линию эволюции западного общества, как разрастание сферы государственности и образование класса государственных служащих, охватывающего многие миллионы работоспособных граждан, порою — более 15% работающего населения страны¹. Эта огромная армия служащих живет уже не по законам собственности, а по законам коммунальных отношений лиц, не имеющих собственности. Аполонеты частной собственности зачисляются и их в собственники, объявив собственностью тот факт, что люди имеют постоянное место работы, а также их пенсионный фонд. Такое обращение с понятием собственности есть просто словесное жульничество за счет неопределенности и многосмысленности слов. В западном обществе обладатель рабочего места не имеет права отдать его кому-

¹ Согласно «The Universal Almanac» (1990) в 1990 году федеральное правительство США нанимало более 3 миллионов служащих, а на всех уровнях правительства нанималось 17,3 миллиона че-

то другому или продать за деньги, без чего никакой частной собственности нет.

Сказанное не следует понимать так, будто на Западе исчез класс частных собственников или он перестал играть важную роль. Такой класс существует и обладает огромной властью. Но в него входят далеко не все те, кто имеет какую-то собственность. В него входят те, кто использует свою собственность в качестве капитала. В него входят также те, кто благодаря собственности может занять более или менее высокое и выгодное положение в социальной структуре или по крайней мере иметь условия для использования своих способностей и своего труда для добывания средств существования. И эти люди играют важную роль в обществе не в качестве собственников, а в качестве лиц, занявших определенное положение в обществе и использующих собственность как средство деятельности и карьеры.

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Частное предпринимательство, как правило, связывают необходимым образом с частной собственностью. Но это ошибочно. Предприниматель есть человек или какое-то объединение людей, которые организуют производство ценностей или услуг. Необходимым условием предпринимательской деятельности является возможность и право распоряжаться какими-то ресурсами, их использованием и реализацией результатов деятельности. Частная собственность на средства производства может служить одним из условий такого рода, возможно — решающим. Но не всякий частный собственник есть предприниматель. В западных странах имеются значительные слои населения, которые суть частные собственники, но не предприниматели. Предприниматель не обязательно есть частный собственник ресурсов предприятия. Он может арендовать эти ресурсы у их собственника (у частного лица, у общины, у государства). Он может взять кредит в банке, может быть посредником в какой-то фирме. Собственники ресурсов в этой их функции собственников предпринимателями не являются.

Частным предпринимателем является предпринима-

тель, который характеризуется такими определяющими признаками. Во-первых, он есть юридически признанный субъект дела, то есть он занимается предпринимательской деятельностью по праву. Во-вторых, он организует и ведет дело (предприятие) на свой страх и риск, не подчиняется в этой функции государству, несет ответственность за результаты дела и за его судьбу.

Предприятие не является частным, если им распоряжаются учреждения власти, начиная от местных властей и кончая центральной. Такие предприятия включают в «общественный» сектор. Хотя деятельностью их распоряжаются назначаемые или избираемые лица, юридическим их субъектом является тот или иной уровень системы власти и управления. Частные предприятия включают в «частный» сектор предпринимательства (экономики).

Общественный сектор принято отождествлять с коммунистической экономикой. Плохую (сравнительно с частным сектором) работу его считают свидетельством экономической несостоятельности коммунизма. Это ошибочно. Оба сектора суть элементы западнизма. В общественный сектор попадают некоторые предприятия в силу причин неэкономического характера, а также предприятия, которые важны для общества, но не могут выжить как частные. Доминирующим в западнизме является частный сектор, то есть частное предпринимательство. Оно остается таковым, несмотря на изменения в структуре частной собственности, о которых я говорил выше. Оно останется таковым, если даже в деловой сфере не будет ни одного частного собственника, являющегося юридическим субъектом предприятия. Коммунистическая экономика имеет сходство с общественным сектором западнизма. Но не более того. Она имеет иные основания. Это, как я уже говорил, суть отношения коммуналности, а не дела.

ЭКОНОМИКА

Деловые клеточки объединяются в единое целое — в то, что называют хозяйством или экономикой страны. Экономика, коротко говоря, есть производство (включая

добычу и сбор) и распределение предметов потребления (вещественных благ) и услуг.

Экономика считается основой (базисом) западного общества. В этом нет ничего страшного, если в слове «основа» не вкладывать никакого социологического смысла, а иметь в виду просто тот факт, что экономика поставляет социальному организму средства существования. Но обычно идут дальше такого метафорического смысла слова «основа», а именно — имеют в виду то, что организация экономики и отношения между людьми в ней определяют собою характер (тип) всего общественного организма. Наиболее отчетливо эта концепция была выражена в марксистской теории общественно-экономической формации, которая так или иначе до сих пор оказывает какое-то влияние на состояние умов в этой сфере познания и идеологии.

Экономику западного общества надо рассматривать с двух точек зрения, если отвлечься на время от ее взаимоотношений с другими феноменами общества. Первую из этих точек зрения я буду называть содержательной или вещественной, имея в виду то, что связано с производством и доведением до потребителей вещей и вещественных услуг. Вторую точку зрения я буду называть формальной или денежной, имея в виду все то, что связано с деньгами, прибылью, капиталом, банками, ценами, рынком и прочими элементами денежного хозяйства. Обычно под экономикой и имеют в виду именно денежное хозяйство, принимая вещественное хозяйство лишь в качестве сферы его функционирования. Я не отдаю предпочтения ни тому, ни другому, считая их двумя аспектами одного и того же явления. При рассмотрении каждого из них придется отвлекаться от другого. Но это не будет означать их разделение и рассмотрение как явлений, существующих наряду друг с другом.

СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ

О клеточной и социальной структуре экономики я уже говорил выше. Добавлю к сказанному еще следующее.

Большинство известных мне авторов разделяют экономику западных стран на три сферы: сельское хозяйст-

во, промышленность и обслуживание. Некоторые авторы дают несколько иную классификацию¹. В первую сферу они включают сельское хозяйство, добычу руд и лесоводство. Во вторую сферу включают переработку сырых материалов в готовую продукцию. В третью сферу включают услуги, в том числе медицинское обслуживание, обучение, управление, церковь.

Я считаю, что классификации такого рода лишены социологического смысла. Переработка сырого мяса в бифштексы и антрекоты есть переработка сырых материалов в готовую продукцию, но вряд ли это отнесешь к сфере промышленности. Понятие «сфера обслуживания (услуг)» вообще является бессмысленным. В эту сферу не попадают те люди из промышленности и сельского хозяйства, которые заняты не непосредственным производительным трудом, а трудом по его обслуживанию. По некоторым данным², в промышленности таких большинство. В одну категорию обслуживания (услуг) объединяются разнокачественные предприятия и учреждения, одни из которых обслуживают непосредственно людей (магазины, рестораны, парикмахерские и т. п.), а другие — другие предприятия, в том числе промышленные и сельскохозяйственные (транспортные фирмы, исследовательские и информационные учреждения и т. п.). К тому же вообще нелепо включать в экономику больницы, школы, университеты, церковь и административные учреждения. В таком случае с не меньшими основаниями в эту сферу можно включать органы власти, полицию и армию. Короче говоря, рассматриваемые классификации не характеризуют экономику адекватным образом и относятся скорее к сфере идеологии, чем науки.

Расчленяя экономику по «принципам мясника», теоретики игнорируют или отодвигают на задний план другие ее важные аспекты. Например, экономика разделяется на ведущие и второстепенные отрасли по степени важности для страны, а также на прогрессирующие и консервативные с точки зрения производительности труда. Первое разделение общеизвестно и очевидно,

¹ Например, Antony Giddens. Sociology. Cambridge, 1989.

² Согласно немецким газетам таких до 2/3.

так что нет надобности долго пояснять: производство угля и стали, например, важнее, чем производство зубочисток и пепельниц. Во втором случае речь идет о том, что не все отрасли производства развиваются равномерно. Некоторые в силу общественных потребностей и благоприятных условий вырываются вперед, как это произошло, например, с авиационной и автомобильной промышленностью, с электроникой и компьютерами. Происходящие здесь социальные процессы еще не изучены достаточно глубоко и полно. Я не специалист в этой сфере науки, но, судя по той информации, которая попадалась мне на глаза, тут имеет место не только взаимное стимулирование, но и взаимное препятствование. Ресурсы общества не безграничны, и процветание одних отраслей имеет следствием тенденцию к упадку других. И как это ни странно на первый взгляд, больше всего страдают ведущие отрасли экономики. Они нуждаются в помощи со стороны государства, так что тенденция к их социализации не является случайностью или следствием какой-то идеологии.

В различных источниках приводятся различные величины, характеризующие распределение работающих граждан западных стран по упомянутым трем сферам экономики. Чаще приводятся такие величины: от 20 до 25% работающих заняты в промышленности, от 3 до 6% — в сельском хозяйстве, от 70 до 75% — в сфере обслуживания. Эти данные истолковываются, само собой разумеется, как показатель очень высокой производительности труда и эффективности экономики Запада. Я не оспариваю это утверждение. Однако я считаю, что эти данные лишены социологического смысла, как и сама классификация сфер экономики.

Согласно приведенным данным, в сфере производства материальных ценностей в странах Запада занято меньше одной трети работающих граждан. Причем проценты занятых в материальном производстве имеют тенденцию к сокращению. Есть основания предполагать, что лет через пятьдесят, если не произойдет ничего из ряда вон выходящего, он упадет до десяти или даже до пяти. Бесспорно, это говорит о росте производительности труда. Но какого? Труда работающих людей. Назо-

ву такую производительность абстрактной. Производительность труда общества в целом, однако, характеризуется также многими другими факторами, в том числе — наличием массы трудоспособного населения, не занятого в хозяйстве. Если его присоединить к той части работающих, которая занята в сфере производства материальных ценностей, то картина будет уже не такой радужной. А эта часть населения имеет тенденцию увеличиваться. Я предполагаю, что через те же самые пятьдесят лет, если опять-таки процесс не будет прерван из ряда вон выходящими событиями, она вырастет до таких размеров, что пропадут выгоды от сокращения производительной части населения, то есть выгоды от роста абстрактной производительности труда. Думаю, что тут Запад достиг некоторого потолка, преодолеть который невозможно.

Из тех 20—25% работающих, которые заняты в промышленности, отнюдь не все заняты непосредственно производительным трудом. Большинство из них занято в сфере обслуживания производительной части в собственном смысле слова. Если их включить в сферу обслуживания, то, наоборот, суждения о высоте производительности труда западных стран будут еще восторженнее. И еще бессмысленнее, поскольку никаких разумительных критериев различения производительного и непроизводительного труда не существует. Да и вряд ли они возможны в принципе. Если, например, считать производительным трудом производство материальных ценностей, то как быть с производством вооружений, предметов роскоши и вещей, которыми пользуются паразиты и преступники?

От 3 до 6% работающих занято в сельском хозяйстве. Но характеризует ли это реальную социальную структуру западного общества существенным образом? Почему бы, например, не подсчитать, сколько людей вообще занято в той сфере экономики, в которой продукты сельского хозяйства производятся, хранятся, транспортируются и вообще достигают потребителя, причем не только внутри данной страны, а и во всем мире, кормящем эту страну? Думаю, что картина получилась бы иная.

ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ПОТРЕБЛЕНИЕ

Самой простой и абстрактной схемой всякой экономики является такая: производство готовой к потреблению продукции (включая услуги) — приобретение этой продукции потребителем (включая использование услуг). Более кратко эту схему можно изобразить так: производство — потребление. В западной экономике эти два элемента схемы разделены и обособлены так, что большую часть из того, что люди производят, они не потребляют сами, и большую часть того, что они потребляют, они не производят сами.

Приведенная схема усложняется тем, что производство готовой к потреблению продукции дифференцируется и возникает отношение между производством материалов для окончательной продукции или частичной продукции (деталей) для нее. Эта схема может усложняться еще более за счет того, что производству готовой к окончательному потреблению продукции может предшествовать два и более этапов производства. Важно здесь то, что некоторые производители здесь выступают также и в роли потребителей. Например, в схеме «производство материалов — производство деталей — производство более сложных частей — производство окончательной продукции» второе, третье и четвертое звено являются и потребителями.

Усложнение отношений производства и потребления происходит также вследствие того, что между производством окончательной продукции и ее потребителем вклиниваются посредники, задача которых — довести готовую продукцию до потребителя. Это, например, магазины. Задача таких посредников — распределять готовую продукцию по потребителям. Посредник в свою очередь может дифференцироваться, то есть распределение будет осуществляться в два и более этапов. Например, первым этапом распределения может быть крупная фирма, а вторым — магазины, приобретающие у нее товары.

Все элементы этих схем атомизированы, то есть состоят из множества отдельных предприятий производителей и множества отдельных потребителей. Окончание

одних цепочек движения вещей и услуг может стать началом других. Цепочки перекрещиваются. Продукция от производителей может расходиться по многим различным линиям (к разным посредникам и потребителям). К потребителям продукция может сходиться по разным линиям (потребитель приобретает различные вещи и пользуется различными услугами). Образуются пункты распределения, в которые продукция стекается по разным линиям и откуда она уходит точно так же по разным линиям.

В обществе складывается густая сеть производителей, распределителей и потребителей. Отношения между ячейками этой сети находятся опытным путем и строятся на основе договорных соглашений. Это индивидуальная сеть в данном районе страны и в стране в целом. В стране складывается множество таких более или менее обширных и до известной степени автономных сетей, которые переплетаются в сети более сложные и в конечном счете в единую хозяйственную сеть страны.

Я подчеркиваю, что сети такого рода на разных уровнях складываются опытным путем, на основе личных контактов владельцев их ячеек или лиц, каким-то путем получивших право вступать в переговоры, принимать решения и заключать контракты, одним словом — предпринимателей. Это — живой процесс. В нем имеют место пробы, ошибки и изменения, какие случаются в процессе жизни всякого сложного организма. Люди, участвующие в этом процессе, являются профессионалами в своем деле, а если включаются в него впервые, так или иначе приобретают опыт и становятся профессионалами. Весь процесс есть дело и подчиняется законам дела.

Я обращаю внимание на все эти общеизвестные, казалось бы, явления потому, что они удивительным образом игнорируются или недооцениваются в профессиональных исследованиях, и тем более в идеологии. А между тем именно они образуют связную (я бы сказал — «плотную») хозяйственную среду или ткань, имеющую свои законы и играющую гораздо более важную роль в жизнедеятельности социального организма, чем вырванные из этой среды и всемерно раздутые свобода предпринимательства и отношений «свободного» рынка.

Понятие «распределение» имеет также другой смысл,

чем тот, который рассмотрен выше, а именно — распределение жизненных благ между гражданами общества в зависимости от того, какое положение они занимают в обществе и какими возможностями располагают. К этой проблеме я обращаюсь ниже.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Пункты распределения, о которых я говорил, это рынок, на котором происходит встреча потребителей и производителей. Здесь имеет место взаимное влияние потребителя и производителя. Потребитель воздействует на производителя путем выбора из множества предлагаемых вещей и услуг то, что ему хочется или что он может позволить себе. Производитель воздействует на потребителя, предлагая и так или иначе навязывая ему то, что он хочет сбыть. Чем детерминирован выбор, осуществляемый потребителем? Тут играют роль привычки, вкусы, реклама, случай, покупательные возможности, отсутствие времени на более тщательный выбор, отсутствие опыта, безразличие и другие факторы. Выбор того, что сделано лучше при той же цене, и того, что дешевле при том же качестве, образующий основу так называемой свободной конкуренции производителей, представляет лишь один из принципов, которым руководствуется покупатель, причем не всеобъемлющий. К тому же разница в предлагаемых вещах и услугах, которые может себе позволить потребитель, обычно не настолько велика, чтобы вообще осуществлять какой-то сознательный и расчетливый выбор. Да и разница в ценах вещей и услуг, которыми себя ограничивает потребитель, обычно незначительна. Так что фактически роль свободной конкурентной борьбы за покупателя на некоем свободном рынке не является всеобъемлющей, как это изображают апологеты свободного рынка и свободной конкуренции. Их роль ограничена прежде всего не какими-то мерами государства, монополиями, картелями и другими внешними факторами, а самим конкретным процессом жизни людей, пользующихся рынком. Только в тех случаях, когда дело касается больших покупок, осуществляемых профессионально занятыми этим делом людьми, дейст-

вует коммерческий расчет в чистом виде. Но каков объем таких покупок в общем объеме покупок?

Ассортимент производимой продукции и услуг детерминирован исторически сложившимися потребностями потребителей, а последние, в свою очередь, детерминированы привычно производимыми вещами и услугами. Тут исторически складывается определенный жизненный стандарт, который, с одной стороны, стимулирует производство (то есть предложение) товаров и услуг, а с другой стороны, он же и ограничивает производство. Спрос не безграничен. Тут складывается более или менее устойчивое и динамичное равновесие спроса и предложения (потребления и производства), лишь время от времени и лишь частично нарушаемое привходящими обстоятельствами и новаторством производителей. Одним словом, в западной экономике в ее глубине существует некий твердый «стержень» («скелет»), вокруг которого становится возможной ее динамика.

Сказанное также может служить примером, иллюстрирующим одну особенность процессов в социальном организме: они являются не линейными, а циклическими в том смысле, что в них причины и следствия меняются местами, взаимно стимулируют друг друга, так что в них невозможно найти концы. Эти циклические процессы, конечно, получают какой-то «толчок» (имеют начало) в истории организма и постоянно поддерживаются какими-то внешними и внутренними «толчками». Но в основном они приобретают некоторую автономию, подобную обмену веществ в живом организме.

Одним словом, хозяйство как процесс производства, распределения и потребления вещей и услуг имеет свои собственные закономерности, независимые от его денежного облачения. Оно образует определенный «обмен веществ» между организмом общества и его средой, а также между частями организма довольно высокой степени интенсивности уже само по себе, независимо от его денежной формы. Последняя привносит в этот «обмен веществ» нечто такое, что делает его лихорадочным, причем непрерывно ускоряющимся.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

Очень часто капиталом называют не только деньги, но и материальные предметы, необходимые для производства ценностей и услуг. При этом возникает двусмысленность. Упомянутые материальные предметы сами по себе суть средства производства вещей и услуг. Они оцениваются в деньгах, приобретаются на деньги, — в них инвестируются деньги в качестве капитала. Если все то, во что инвестируются деньги, считать капиталом, то и рабочая сила есть капитал. На этом пути чисто словесной эквилибристики запутываются самые банальные проблемы.

Я думаю, что введенное Марксом (а может быть, и раньше его) понятие «производительные силы» тут вполне научно и уместно. Оно охватывает материальные средства производства и рабочую силу, которая их использует для производства вещей и услуг.

Западнизм возникал не только как новая форма социальной организации, но и как более высокий уровень производительных сил. Маркс правильно обратил внимание на этот факт, но он же и вульгаризировал его. Исторически дело обстояло не так, будто прогресс производительных сил имел следствием новые «производственные отношения» (новый тип социального устройства), а как раз наоборот: развитие «производственных отношений» западнизма стимулировало развитие производительных сил. Западнизм зародился с теми производительными силами, какие достались от прошлой истории. Он их развил и усовершенствовал. Но свои собственные, качественно новые производительные силы он развил лишь как результат своего расширения и усиления. И с точки зрения субординации различных феноменов в рамках развитого общества западного типа приоритет принадлежит социально-экономическим отношениям (и марксистской терминологии — «производственным отношениям»), а не производительным силам.

На описание производительных сил, с которыми западнизм начал свою историческую «карьеру», достаточно несколько десятков страниц. На описание производительных сил современного западного общества нужны сотни томов. Прогресс в этом отношении поистине поразителен. Десятки тысяч различных профессий. Число

всякого рода вещей, так или иначе используемых в производстве предметов потребления и услуг, вряд ли можно сосчитать. А с точки зрения сложности, совершенства и мощности современные средства производства превзошли все то, что могла вообразить себе фантазия людей еще недавнего прошлого. Этот баснословный прогресс принято ставить в заслугу капитализму. Это справедливо лишь отчасти. Точнее будет видеть основу его в западнизме, лишь частью которого является капитализм.

Прогресс средств производства сопровождался одновременным прогрессом рабочей силы. Последняя должна была быть в состоянии использовать эти средства производства и служить им, поддерживать их на должном уровне и усовершенствовать их. А это образование и обучение миллионов людей в ряде поколений. Рабочая сила должна быть адекватной средствам производства, это есть объективный закон производительных сил. Эта адекватность колеблется в более или менее широком диапазоне. Временами она нарушается, как это можно наблюдать в последнее время. Появляется множество книг и статей о том, что система образования и обучения переживает кризис, не отвечает требованиям современности. Появляются и публичные опасения насчет человеческого материала, неудовлетворяющего требованиям все усложняющейся технологии и социальной организации.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Формирование западнизма имело одним из условий и вместе с тем следствием формирование особого социального феномена, который я называю научно-техническим комплексом. В этот комплекс я включаю науку, технику, научно-техническое просвещение и образование, внедрение научных открытий и технических изобретений в производство.

Наука и техника (научные открытия и технические изобретения) задолго до западнизма доказали свою полезность для жизни людей. Об этом писал еще Аристотель. В эпоху Возрождения интерес к науке и технике достиг высочайшего для тех времен уровня. Он продолжился и был возвышен до философского уровня в сочинениях Френсиса Бэкона и Р. Декарта, а также их

последователей. Французские просветители (особенно Ж.А. Кондорсе), а вслед за ними социалисты-утописты (К.А. Сен-Симон) рассматривали науку и технику как важнейшее средство решения социальных проблем. Они явились предшественниками современной технократической идеологии.

Наука, техника и научно-техническое просвещение (включая специальное образование) сыграли роль одного из важнейших условий формирования западнизма как в смысле влияния на производительные силы общества, так и в смысле влияния на его идеологическое состояние. Не случайно Наполеон, символическая фигура становления западнизма, был не только покровителем буржуазной экономики и одним из родоначальников правового кодекса западнизма и западной государственности, но и покровителем наук. Он сам был математически и технически сравнительно образованным человеком и являлся членом Французской Академии. Тот факт, что он не сумел оценить выдающееся изобретение Фултона, влило свою долю (пусть очень маленькую) в сумму причин его личного поражения.

В XIX веке научно-технический комплекс достиг неслыханного до того уровня развития и обнаружил свои социальные свойства. Начался процесс превращения творческого элемента производства по изобретению и усовершенствованию средств труда в самостоятельную сферу разделения труда, в профессиональную деятельность особой категории людей. Этот процесс стал возможен и дал поразительные результаты благодаря тому, что Запад сам породил достаточно большое число людей с высочайшими творческими и интеллектуальными способностями, а также благодаря тому, что Запад сумел привлечь для этого выдающиеся умы и таланты из других стран и народов.

В XX веке, особенно в период после Второй мировой войны, научно-технический комплекс превратился в фактор социальный. По той роли, какую он стал играть в экономике западных стран, в деятельности государства (в особенности в вооружении армий) и в повседневной жизни граждан, а также по числу занятых в нем людей, по их профессиональной подготовке, по их творческим и интеллектуальным качествам и по их месту в социальной структуре населения он стал самостоятельной сферой

жизни общества, вполне сопоставимой с прочими основными сферами: бизнесом, политикой, правовыми отношениями, средствами массовой информации. Высшие круги этого комплекса входят в высшие, привилегированные слои общества и в правящий его класс наряду с лидерами политики и бизнеса.

В годы после Первой мировой войны роль научно-технического комплекса стала настолько огромной, что на Западе в двадцатые годы нашего века возникло особое социологическое учение — технократия. Основателями его явились американские экономисты Г. Скотт и Т. Веблен. Основная идея этого учения — установление политической власти технических специалистов, которые должны управлять обществом не на основе частных интересов каких-то общественных групп (классов, слоев), а на основе научно-технических знаний и в интересах всего общества.

В годы после Второй мировой войны технократическое направление западной общественной мысли еще более усилилось, получив мощнейшую основу в виде научных открытий и технических изобретений, о каких даже думать не смели самые отважные исследователи, изобретатели и фантазеры еще недавнего прошлого. Известными фигурами этого направления являются Дж. К. Гэлбрайт, Д. Белл, Л. Штайнбух, Г. Краух¹ и другие. Первый из них ввел понятие «техноструктуры», то есть иерархии технических специалистов, которая не только играет решающую роль в управлении производством, но и принимает все более активное участие в принятии политических решений. В том же направлении идет концепция «нового класса» Д. Белла. Развитие компьютерной техники и робототехники нашло отражение в идеях Штайнбуха, Крауха и многих других. По мысли этих авторов, современным обществом должны руководить математики, инженеры, программисты, экономисты и другие специалисты, которые в состоянии найти наилучшие решения различных общественных проблем. Развитие и распространение современной информационной технологии позволит, по их мнению, разрешить

¹ John Kenneth Galbraith. The New Industrial State. 1971. Daniel Bell. The Coming of Post-Industrial Society. 1973.

экономические и политические противоречия в обществе, поднять демократию на более высокий уровень.

Я выше уже сказал, что научно-технический комплекс с самого начала был условием развития западнизма, а в развитом состоянии последнего этот комплекс является одним из важнейших его элементов и неотъемлемым атрибутом западного общества. Но при всех обстоятельствах он не может занять место деловой и политической (государственной) сфер общества. Всему свое место. Бизнес и управление обществом имеют свои специфические правила, требуют особой профессиональной подготовки людей, отличной от профессии математиков, инженеров, программистов, экономистов и других представителей научно-технического комплекса. Деловые, социальные, экономические и политические проблемы не являются проблемами чисто академическими, для решения которых нужен лишь «математический» интеллект, то есть интеллект, ищущий научную истину и оптимальное техническое решение. Это — прежде всего и главным образом проблемы ситуаций, в которых сталкиваются различные и часто (если не чаще) несовместимые интересы людей, групп людей, предприятий, классов, слоев, больших человеческих объединений и даже целых стран. В этих ситуациях идет борьба, считающаяся прежде всего с силами участников их, а не с интересами научно-технических задач как таковых. Научно-технические знания в таких ситуациях используются в их специфической роли, то есть как подсобные средства, а не в качестве инструкций поведения для конфликтующих или кооперирующихся сил. Представители научно-технического комплекса участвуют в таких ситуациях в качестве советников, а не ответственных лиц. Если же они попадают в число последних, они действуют все равно по особым правилам поведения деловой или политической сферы, лишь принимая во внимание то, что им известно в качестве выходцев из научно-технического комплекса.

ДЕНЕЖНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Я рассмотрел экономику западнизма с точки зрения ее содержания. Перейду к рассмотрению ее со стороны формы. Это разделение формы и содержания не являет-

ся абсолютным. В процессе эволюции тут происходят такие изменения, что они меняются местами в их проявлениях. Тем не менее в исходном пункте необходимо фиксировать их принципиальное различие.

Деньги являются одним из величайших изобретений человечества, сопоставимым по своей важности с изобретением языка. Они являются также и великим источником несчастий. Но в истории человечества не было ничего значительного, что принесло бы только одно добро, и никогда не будет. Даже изобретение языка не было абсолютным благом. Язык был, есть и будет одним из мощнейших источников и орудий зла.

Возникли деньги задолго до капитализма и Запада. Возникли они как знаки ценности вещей и услуг и как количественная мера (как средство измерения) ценности, то есть как знаки величин ценностей. Они стали средством обмена и торговли, средством накопления ценностей (богатств), средством осуществления различного рода отношений между людьми, включая брачные, семейные, деловые, политические отношения и действия. Их роль расширялась, упрочивалась и разнообразилась, охватывая все сферы жизни людей. Это послужило одним из важнейших условий формирования феномена Запада. А с победой западнизма создались ничем не сдерживаемые условия для того, что я называю денежным тоталитаризмом. Из формы (средства) социальных отношений людей деньги превратились в самодовлеющую сущность, сделав людей средством для своего бытия.

Испокон веков деньги выполняли функции знака и меры ценностей. Затем к этим функциям присоединилась функция капитала. В современном западном обществе, особенно после Второй мировой войны, в полную силу развилась еще одна их функция, деньги стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения, учета и расчета деятельности людей, учреждений и предприятий, средством управления экономикой и другими сферами общественной жизни, средством управления людьми и контроля за их общественным поведением. В экономической и социологической литературе иногда роль денежной системы сравнивают с ролью кровеносной системы живых организмов. К этому с полным правом можно добавить то, что денежная система выполня-

ет значительную часть и функций нервной системы организма.

Деньги стали (подчеркиваю, стали теперь, а не были такими изначально!) главным регулятором всей основной жизнедеятельности людей западного общества, основным побудительным мотивом, целью, страстью, заботой, контролером, надсмотрщиком, короче говоря — их идолом и богом. Западные люди одержимы деньгами¹ вовсе не потому, что они морально испорчены (в моральном отношении они не хуже людей обществ иного типа), а потому, что деньги стали абсолютно необходимым условием, средством и формой их жизнедеятельности. В деньгах концентрируется и символизируется вся суть жизни людей в этом обществе. Это есть та реальная социальная атмосфера, которой они дышат, социальная пища, которой они питаются, социальная среда, в которой они движутся в поисках средств существования. Деньги для западного человека — это возможность иметь все то, что необходимо для жизни, и иметь то, что сверх необходимого. Это — возможность иметь комфорт, образование, культуру, здоровье, удовольствия. Это — уверенность в завтрашнем дне, уверенность в будущем детей. Кто бы ни был западный человек, он так или иначе, прямо или косвенно, сам или через других людей вынужден быть участником, объектом и субъектом денежного тоталитаризма.

По вещной форме деньги разделяются на такие категории: 1) товарные деньги, имеющие ценность как вещи, то есть сами по себе; 2) бумажные денежные знаки и монеты; 3) ценные бумаги, чеки, кредитные карты, юридические денежные документы. Определяющими для современного западного общества являются денежные знаки, выпускаемые специальными банками и охраняемые государством, — государственные денежные знаки. Так называемые товарные деньги начинают играть роль денег в экстремальных ситуациях. В нормальных условиях они суть вещные ценности, оцениваемые в государственных деньгах и в принципе обмениваемые на них. Указанные в третьем пункте бумаги предполагают в основе

¹ По сообщению журнала «American Health» (конец 1991), у американцев на первом месте стоят деньги.

государственные деньги и возможность иметь с их помощью денежные знаки. Так что деньги, без которых немислим капитал и капитализм, суть фактор государственности, то есть суть явление не только в деловом аспекте общества, но и в коммунальности.

УСЛОВНЫЕ ДЕНЬГИ

Лишь государственные деньги являются тем универсальным и всеобъемлющим инструментом общества, о котором говорилось выше. В этой форме они становятся основой для высшей стадии эволюции денежной системы — для системы условных денег, то есть для учета, расчета и регулирования деятельности и отношений людей в воображаемых деньгах, но без участия реальных денежных знаков. Люди получают заработную плату, осуществляют покупки, оплачивают бытовые услуги, платят налоги, получают кредиты, короче говоря — осуществляют бесчисленные денежные операции, не прикасаясь руками к деньгам. И все те, кто вовлечен в эти дела, по большей части тоже не прикасаются к этим деньгам. Производятся банковские расчеты в неких потенциальных деньгах, происходит передвижение воображаемых денег путем манипуляций с числами на бумагах, относящихся к определенным людям, учреждениям, организациям и предприятиям.

Как рядовые граждане, так и предприятия во многих случаях должны расплачиваться наличными. Но это в основном мелкие операции. Операции с участием значительных сумм денег и в этих случаях совершаются посредством чеков и кредитных карточек (пластиковых денег), которые делают эти операции безналичными¹. Огромные денежные суммы циркулируют в сфере преступности и в незаконных операциях в общем и целом неупреступных граждан. Но это не умаляет доминирующую роль условных денег.

¹ Согласно «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ) 28.12.1991 в Западной Германии в 1991 году имело место 400 миллионов случаев оплаты вещей и услуг только посредством Euroscheks. Число кредитных карточек («пластиковых денег») в Германии в 1993 году достигло 7 миллионов. В Западной Европе 7 тысяч банков вело операции с помощью этих платежных средств.

Условные деньги не сводятся к реальным. Они суть новое качество в социальных отношениях людей. Величина условных денег, циркулирующих в обществе, во много десятков раз превосходит величину реальных денег, которых было бы достаточно для нормальной жизни общества, если бы условных денег не было. Но общество уже не может жить без последних.

Уровень условных денег как всеобъемлющий и доминирующий стал возможен благодаря развитию определенной тонкой технологии и компьютерам. Практические его удобства несомненны. Но власть денег над людьми от этого не ослабла, а усилилась. Она приняла еще более принудительные формы, неимоверно расширив при этом круг подвластных. Практически почти все занятые (имеющие работу) люди оказались подданными тоталитарного денежного режима. Ослабить власть этого режима можно только одним путем, а именно — усилением своей деловой активности, стремлением любыми средствами увеличить свой счет в банке или хотя бы свести концы с концами.

Банк, хотя в нем и работают люди, имеет дело с обезличенными числами. Он беспощаден. Власть денежного тоталитаризма вынуждает людей на более интенсивную жизнедеятельность, а все общество — на более интенсивный обмен веществ, какого не знали и не знают общества иного типа. Уйти полностью из-под власти этого режима можно только такими путями: быть от рождения или стать очень богатым человеком, самому войти в касту диктаторов, удовлетворяться каким-то постоянным источником дохода, уйти в сферу преступности или опуститься на уровень полной нищеты.

Условные деньги (безналичный денежный расчет) не имеют ничего общего с коммунистической идеей исчезновения денег в некоем будущем обществе всеобщего изобилия. Согласно коммунистическому идеалу, необходимость в деньгах отпадет, поскольку все потребности людей будут удовлетворяться. Нелепость этой идеи теперь очевидна всем, и нет необходимости ее критиковать. По изобилию материальных богатств современное западное общество превосходит все то, что могли себе вообразить коммунисты прошлого. Но роль денег от этого не уменьшилась, а, наоборот, всемерно возросла, подобно тому, как не отмерло, а усилилось государство в

коммунистическом обществе, хотя отношения частной собственности были почти полностью ликвидированы.

Высшим результатом развития денег явилось то, что они стали исчезать из повседневной жизни людей как телесные феномены. Но при этом они сохранили и усилили свое значение в бестелесных расчетах денежных учреждений. Они скрылись в оболочку денежного механизма. Они спрятались за кулисы повседневного жизненного спектакля, сохранив за собою функцию режиссера этого спектакля.

ДЕНЕЖНЫЙ МЕХАНИЗМ

Нет надобности доказывать то, каких космических величин достигает объем денежных операций в современном многомиллионном западном обществе. И было бы удивительно, если бы в этом обществе денежного тоталитаризма не сложился механизм, осуществляющий и охраняющий этот тоталитаризм. Он сложился, достиг огромных размеров и стал одной из важнейших опор общества. Описание его можно найти в бесчисленных социологических, юридических и экономических сочинениях, в учебных пособиях, в справочниках, в описаниях стран.

Механизм денежного тоталитаризма образует гигантская финансовая система общества, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом, в том числе и все то, что связано с капитализмом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли этого подразделения общества он превратился в механизм общества в целом. Он включает в себя два рода учреждений и предприятий:

- 1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т. д.), а также крупные фирмы и концерны, обладающие большими суммами денег и выполняющие функции, аналогичные отдельным функциям банков; 2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Есть банки частные и общественные, отдельные и объединенные в группы, личные и акционерные, универсальные и отраслевые, кредитные, ипотечные, коммерческие, национальные, международные. Сами они имеют сложную структуру — иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой вообще уже невозможно функционирование денежного механизма.

Не буду утомлять читателя скучными цифрами на этот счет. Приведу лишь несколько примеров. Американская Банковская Ассоциация имела в 1988 году¹ 250 тысяч банковских служащих. Она имела свою специальную школу, которая ежегодно охватывала более 150 тысяч человек, выпускала свои журналы («Capital» и «Banking»). Баден-Вюртембергское Акционерное Общество имело 132 отделения. Сицилийский банк имел 358 отделений в Италии, а также филиалы и представительства во многих городах Европы и Америки. Национальный Вестминстерский банк имел 82 тысячи служащих. Это лишь малая часть общей сети денежных предприятий Запада.

Денежный механизм организован так, что в нем неразрывно соединяются принципы дела и принципы коммуналности. В нем принципы коммунальной субординации и координации доведены до уровня точности часового механизма и беспощадности бездушной машины, так что коммунистические и другие диктаторские режимы выглядят в сравнении с ним как демократическая расслабленность и распушенность.

РЕАЛЬНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Сумма денег, циркулирующих в той или иной форме в современном мире, достигает астрономических размеров. Это, конечно, отражает огромные богатства челове-

¹ Bank-Lexikon. Gabler, 1988.

чества. Но вместе с тем денежная сфера превратилась в автономную, в значительной мере независимую от реальной экономики. Среди трех важнейших перемен в мировой экономике в последние десятилетия П. Друкер¹ называет то, что двигателем ее стала не торговля товарами и услугами, а движение капиталов, то есть денежных масс. Произошел переход от «реальной» экономики к «символической».

В мировой экономике «реальная» и «символическая» экономики существуют в значительной мере независимо друг от друга. Движение капиталов независимо от торговли во много раз превосходит то, что необходимо для торговли. Например, на лондонском долларовом рынке проходило в 25 раз больше долларов, чем общий объем мировой торговли. Плюс к тому — валютные операции в 12 раз превосходили объем мировой торговли. Таким образом, «символическая» экономика в 1986 году почти в 40 раз превосходила «реальную».

Хочу заметить, что такого рода диспропорции являются обычными и для других социальных явлений, например — для соотношения сфер производства и услуг, управленческого аппарата и управляемых объектов, государственно-бюрократической системы и прочих сфер общества. В этой избыточности надо различать необходимую часть и такую, без которой можно было бы в принципе обойтись, но которая складывается по инерции и в силу способности завоевывать место в обществе, не считаясь с интересами целого.

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, ДЕНЬГИ

Вопрос о государстве и праве я буду специально рассматривать дальше. Здесь же я коснусь их лишь как элементов денежного механизма западного общества.

Общеизвестна марксистская схема, до сих пор оказывающая влияние на умы мыслителей. Капитализм, согласно этой схеме, есть базис западного общества, а западное государство есть надстройка над ним. Капиталисты покупают государственную власть, и та служит им.

¹ Peter Drucker. The Frontiers of Management. New York, 1986.

Западное государство есть государство буржуазное, капиталистическое. Я отверг эту концепцию как научно несостоятельную еще в довоенные годы, не зная тогда ничего о западной критике марксизма, опираясь на очевидный факт разрастания и усиления советской государственности, которая мне представлялась как прямое продолжение и развитие дореволюционной русской государственности. Государство не есть надстройка над каким-то базисом. Оно имеет свои корни, независимые от капитализма. Оно может проводить политику в пользу капиталистов. Последние могут оказывать на него давление. Но это не означает, будто государство становится органом капитализма. Оно само использует капитализм в своих интересах и в интересах исполняемой им роли в обществе. Наполеон, германский кайзер, русский император и королева Великобритании были не в большей мере слугами капиталистов, чем капиталисты — их слугами.

Капитализм не смог бы занять прочное место в мире без покровительства и защиты со стороны государственной власти. Последней самой нужно было, чтобы частное предпринимательство расширялось и укреплялось. Она стремилась установить прочную финансовую систему, урегулировать налоги, ввести правовые нормы, определяющие правила частного предпринимательства. Эта деятельность власти в самой большой степени подготовила буржуазные революции. В результате революций произошли структурные изменения власти и смена лиц, но государство с его функциями осталось. Оно увеличилось в размерах и приспособилось к новым условиям своего собственного (а не в качестве слуги!) существования. Оно укрепилось в своей роли важнейшего элемента денежного механизма.

Функция охраны денежной системы испокон веков принадлежала государству. Государства западных стран не являются в этом отношении оригинальными. Новым здесь являются масштабы денежной системы и место государства в ней.

Функции государства в отношении денежной системы общеизвестны. Первая из них — выпуск денежных знаков и контроль за обращением денежных средств. Эту функцию исполняет центральный банк (Германия)

или несколько законодательно ограниченных банков (Англия), среди которых один может быть главным (США). Эти банки считаются независимыми от государства. Но что из себя представляет эта независимость на деле? Самым независимым считается Федеральный банк Германии. На его примере лучше всего можно показать, каковы реальные взаимоотношения государства и денежных предприятий¹.

Федеральный банк Германии есть собственность государства, и уже одно это говорит о том, насколько вообще тут уместно говорить о независимости первого от второго (о независимости объекта собственности от собственника). Задача этого банка — регулировать циркулирование денег, предоставлять кредиты хозяйству, охранять стабильность денежной системы, регулировать выпуск банкнотов. По закону он не зависит от приказов правительства. И согласно тому же закону, он обязан поддерживать экономическую политику правительства, если это согласуется с его задачей охраны валюты страны. Он дает советы правительству относительно денежной политики. С другой стороны, члены правительства могут принимать участие в дискуссиях банка и просить отложить те или иные его решения. Они при этом не имеют права голоса. Правительство назначает членов дирекции банка на определенный срок, включая президента и вице-президента. Но члены дирекции не могут быть заменены другими, если они сами не захотят покинуть свой пост. Если происходит смена правительства, то новое правительство не может заменить членов дирекции банка до истечения срока. Здесь как зависимость, так и независимость взаимны и относительны.

Центральный (государственный, главный) банк не зависит от правительства, но правительство есть лишь часть государства, а не все государство. Центральный банк не может быть независимым от государства, ибо он сам есть часть государства. Я думаю, что в системе разделения властей западнистского государства к трем традиционным его частям — к законодательной, исполнительной и судебной властям — следует добавить четвертую, денежную.

¹ Справочник «Die Deutsche Bundesbank», 1989.

Государство устанавливает свод законов, регулирующих все действия и отношения людей, предприятий и учреждений, так или иначе облаченные в денежную форму. Государственные учреждения следят за исполнением законов и принимают карательные меры в отношении нарушителей их. Государство проводит определенную финансовую политику, принимая меры для обеспечения экономики деньгами и кредитами, регулирует массу денег.

Государство устанавливает определенную систему налогов. Особые государственные службы следят за соблюдением налогового режима. Благодаря налогам государство становится обладателем огромных денежных сумм — самым крупным владельцем денег в стране. И государственные траты денег превосходят все прочие.

В общественном сознании налоги воспринимаются как нечто неизбежное и естественное. Критике подвергается не сам феномен налогов, а налоговая политика государства и ее крайности. Для подавляющего большинства граждан, имеющих какой-то доход, налоги имеют силу природной необходимости. Они вынуждены платить их, совершая обычные денежные операции (делая покупки в магазинах, оформляя покупки недвижимого имущества, получая наследство и т. п.), а также в виде специальных платежей раз в год или каждые три месяца (выплачивая часть предполагаемого подоходного налога). Для предприятий, осуществляющих свои операции через банки, уклониться от налогов в большинстве случаев невозможно.

Налоговое законодательство неуклонно разрастается. Например, в 1913 году закон о налогах в США занимал 14 страниц, а в 1991 году — более девяти тысяч страниц. Чтобы разобраться в налоговых законах, нужна особая специализация юристов. Роль налоговых советников огромна. Они образуют особый слой посредников между государством и налогоплательщиками. Их задача — найти компромисс, устраивающий государство и терпимый для налогоплательщика, причем в рамках законов и данной экономической ситуации в стране. Это делается, разумеется, не бесплатно (на Западе ничто не делается бесплатно, за исключением пустяков). Тем не менее это все же экономнее, чем обходиться без таких посредни-

ков. А в большинстве случаев без них просто не обойтись по многим причинам.

В Германии, например, в любом супермаркете можно купить объемистую книгу, обучающую налогоплательщиков тому, как уклоняться от налогов или сводить их к минимуму уголовно ненаказуемыми методами. Есть такие наставления и в других странах. Но я должен признаться, что я никакую пользу из изучения этой книги не извлек. Думаю, что я не одинок в этом. Без специалистов здесь все равно не обойтись. Как представители большого бизнеса используют законы, чтобы обойти законы, об этом надо писать особую книгу. К высокой квалификации их налоговых советников тут присоединяются личные связи и знание ситуации в сфере бизнеса и власти.

Множество людей, так или иначе занятых в налоговой сфере, разнообразно по специализации и по социальному положению, не говоря уж об имущественных различиях. Несмотря на эти различия, однако, эти люди функционируют в сфере государственности, управляющей экономикой.

В западном обществе деньги в принципе должны приобретаться легально, то есть в соответствии с юридическими нормами (законами), и должны пройти через государственный финансовый контроль, проверяющий их законность и взимающий с них налоги. Так что граф Монте-Кристо в современном западном обществе вроде бы невозможен. Однако принцип легальности денег постоянно нарушается. Мне не попадались обобщающие и суммарные данные на этот счет. Да они и невозможны в силу характера самого феномена. Но по тем сведениям, какие появляются в средствах массовой информации, можно судить, что сфера нелегального функционирования денег огромна. Практически можно истратить любые деньги, неподконтрольные государству. Существуют банки, в которых люди, раздобывшие большие деньги и желающие скрыть их, могут завести секретные счета. «Отмывание» незаконно нажитых денег и сращивание преступного бизнеса с законным стало обычным явлением. Более того, современная западная экономика вряд ли могла бы вообще существовать, если бы она целиком и полностью была заключена в рамки законности.

КАПИТАЛИЗМ

О капитализме написано не меньше книг, чем об Иисусе Христе, Вагнере и Моцарте, которые, по подсчетам некоторых специалистов, являются чемпионами в этом отношении. Я здесь выскажу на эту тему лишь то, что мне кажется наиболее важным для понимания сущности современного западного общества, то есть западнизма.

Когда речь заходит об определении западного общества в его самых фундаментальных чертах, то в сознании сразу же всплывает слово «капитализм». Это слово вошло в широкое употребление сравнительно недавно, думаю — в середине прошлого века. Причем оно появилось сначала с негативным оттенком, как слово из языка социалистов¹. Оно обозначало множество частных предпринимателей (капиталистов), которые оперировали сравнительно большими суммами денег (капиталами) с целью получения прибыли, причем путем организации производства товаров на основе использования наемного труда. В связи с распространением коммунистических идей западное общество стало рассматриваться как общество капиталистическое, то есть как такое, в котором господствуют капиталисты. Капитализмом стали называть социальный строй западноевропейских стран и США. Критика этого феномена стала лейтмотивом политической и идейной жизни западных стран, охватив даже сферу литературы и изобразительного искусства. Слова «капитал», «капиталист» и «капитализм» приобрели негативное значение.

Марксисты навязали понимание западного общества как капиталистического всей интеллектуальной и политической элите Европы. Ленин объявил капиталистическим даже российское общество, в котором капиталистов в западноевропейском смысле можно было пересчитать на пальцах. Он был не одинок. На этой позиции стояла основная масса русской интеллигенции. И русская революция 1917 года прошла под антикапиталистическими лозунгами, хотя основную массу ее участников состав-

¹ Capitalism Today. Edited by Daniell Bell and Irving Kristol. New York/London, 1970.

ляли малограмотные крестьяне, а не пролетарии европейского образца.

Любопытно, что власти западных стран, включая США, не чинили практически никаких серьезных препятствий критике капитализма и западного общества с этой точки зрения. Самые острые критики капитализма пользовались всеобщим уважением¹ и не подвергались преследованиям вовсе не потому, что в западных странах и в России господствовала демократия (ничего подобного еще не было), а потому что западное общество еще не ощущало себя капиталистическим, не говоря уж о России, а власти западноевропейских стран и России вообще считали капитализм лишь одним из явлений жизни своих стран, причем подвластным им. Власть денег и капитала в этих странах все еще оставалась властью капитализма в более обширной социальной среде, а не самодовлеющей силой, которая сама со временем (после Первой мировой войны) станет превращаться во всеобъемлющую среду для всего остального. Марксистская оценка западного общества как тотально капиталистического была преувеличением в интересах идеологической и политической борьбы. В реальности правители западного общества в такой же мере были слугами капитала, в какой сам капитал служил интересам некапиталистических привилегированных и правящих слоев общества.

В течение почти семидесяти лет после 1917 года, когда наступил необычайный подъем идеологии и практики коммунизма, в мире доминировало представление о западном обществе как о капиталистическом, причем с негативным оттенком даже в самих западных странах. Раздавались голоса в пользу капитализма, но они не влияли на общую ситуацию заметным образом. В апологии западного общества стремились избегать употребления слова «капитализм», предпочитая нейтральные слова вроде «индустриальное общество», «плюрализм», «демократия». Получили распространение идеи, будто западное общество вообще уже не является капиталистическим, будто капитализм эволюционирует в сто-

¹ Например, писатели Т. Манн, Т. Драйзер, Д. Лондон, М. Горький, А. Чехов и многие другие.

рону социализма. В одном немецком справочнике было написано, будто слово «капитализм» есть этикетка, которую советская пропаганда навешивала на западные страны. Это, конечно, курьез. Но курьез характерный.

Приведу несколько примеров определений термина «капитализм», чтобы профессионально нейтральный читатель имел представление о состоянии умов в этом центральном пункте понимания западного общества. «Капитализм есть социальная система, основанная на признании индивидуальных прав», — заявляет один автор¹. Обратите внимание: социальная система, основанная на праве! «Капитализм есть экономическая система, в которой доминирует частная собственность на средства производства», — заявляет другой автор². Обратите внимание: экономическая система! И под такое определение подойдет и феодальное общество, и рабовладельческое. «Капитализм есть экономическая система, в которой все производство финансируется заранее и протекает во времени, которая состоит из кредиторов и должников», — заявляет третий автор³. «Капитализм есть социальная и экономическая система, в которой индивиды свободны быть владельцами средств производства и свободны стремиться к максимальной прибыли, а распределение ресурсов определяется системой цен», — заявляет четвертый автор⁴. Этот автор определяет капитал как совокупность средств, делающих возможным производство, — машин, зданий, транспортных средств и т. п., за исключением земли и рабочей силы. «Капитализм есть экономическая система, в которой решения принимают частные собственники на средства производства, информацию о состоянии спроса и предложения поставляет рынок со свободной конкуренцией и целью является достижение прибыли», — заявляет пятый автор⁵. Марксизму принадлежит определение капитала

¹ Ayn Rand. Capitalism. New American Library, 1970.

² John Cornwall. Capitalism. Encyclopedia of Economics. McGraw-Hill Book Company, 1982.

³ Paul C. Martin. Der Kapitalismus. München, 1986.

⁴ Graham Bannock, R. E. Baxter, Evan Davis. Dictionary of Economics. Hutchinson, 1987.

⁵ Jurgen Kromphardt. Konzeptionen und Analysen des Kapitalismus. Göttingen, 1980.

как денег, приносящих прибыль (прибавочную стоимость), и сведение капитализма к отношению между капиталистами и наемными рабочими (к эксплуатации вторых первыми).

В результате исторических перипетий слово «капитализм» превратилось в идеологическое выражение с расплывчатым смыслом. С логической точки зрения, основной причиной многосмысленности этого слова является то, что один и тот же объект осознается людьми различно, выделяются его различные признаки, принимаются во внимание различные этапы его истории, а также то, что политические и идеологические мотивы вторгаются в его понимание.

С победой Запада в «холодной войне» против Советского Союза и его блока слово «капитализм» стали употреблять в нейтральном и затем в уважительном смысле, причем как обозначение социального строя западных стран. Реабилитировали слово и переосмыслили то негативное, что ранее с ним ассоциировали. Началось безудержное восхваление частной собственности и капитализма со всеми их проявлениями в человеческом поведении (а они в течение ряда столетий были предметом критики, негодования и презрения со стороны лучших представителей рода человеческого), прославление эгоизма, корыстолюбия, жестокости и т. д. как якобы самых светлых мотивов прогресса человечества. Апологеты капитализма пришли в такое неистовство, какого не было за всю историю капитализма. Были отброшены все сдерживающие моральные принципы и даже элементарные правила приличия.

ЭВОЛЮЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Я придерживаюсь такого смысла терминов. Капитал есть сумма денег, которая более или менее продолжительное время используется ее владельцем (владельцами) для приобретения дополнительных денег сверх этой суммы, то есть прибыли (или прибавочной стоимости). Использовать деньги как капитал — значит инвестировать их в дело, приносящее прибыль, или жить на проценты от них. Последнее в конечном счете тоже означает, что кто-то использует твои деньги как капитал. Ко-

нечно, не всегда удается практически получить прибыль. Владельцы денег несут убытки и даже разоряются. Но все равно их намерением остается использование денег с целью получения прибыли. Капиталисты суть люди, группы людей или организации, являющиеся владельцами денег и использующие их как капитал. Капитализм есть совокупность всех явлений данного общества, которые касаются деятельности капиталистов и функционирования капиталов. Общество является капиталистическим, если в его экономике доминирует капитализм. Но это не означает, что социальный строй общества сводится к капитализму. Западнизм содержит в себе капитализм, но не исчерпывается им.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В его истории различаются два периода — периоды «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем. «Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты имели огромное влияние, общество еще не было капиталистическим в строгом смысле слова. Степень вовлеченности масс населения в денежные отношения по законам капитала была еще такой, что следовало говорить об исторически сложившемся обществе, в котором капитализм занимал определенное место, но еще не был всеобъемлющим, тотальным. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в капиталистическое в строгом смысле слова, начав при этом терять некоторые черты «старого» капитализма. Это породило иллюзию, будто западное общество перестает быть капиталистическим вообще.

После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территориальных единиц и целых стран в социальные объединения, функционирующие по законам огромных денежных систем и огромных капиталов. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это сыграло свою роль, а в организации жизни большинства населения таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала.

Этот процесс в каком-то смысле даже был против концентрации капиталов и образования монополий. Но

вое качество в развитии капитализма возникло не по линии концентрации капиталов и образования монополий, что в свое время фиксировал Ленин и ошибочно счел высшей и последней стадией капитализма, а по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государственной власти в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства и усилением его роли, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала. Превращение «старого» капитализма в «новый» происходило по многим линиям. Выше, в разделе об эволюции и структуре частной собственности, я уже говорил на эту тему. К сказанному там я добавлю еще следующее.

ТОТАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Если капитал понимать как деньги, приносящие прибыль или по крайней мере употребляемые с целью приобретения прибыли, а капиталиста — как предпринимателя, использующего деньги как капитал, то банки изначально являются капиталистами. Превращение банковской системы в денежный тоталитаризм привело к тому, что подавляющее большинство членов общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, то есть осуществляя основную часть своих денежных дел через банки. К этому присоединился рост акционерных предприятий и банков. Например, в Западной Германии в 1983 году было 4 миллиона акционеров, а в 1991 году число их выросло до 10 миллионов. В США в 1970 году 30 миллионов рядовых граждан владели двумя третями общего капитала промышленности. 80% населения были собственниками сумм денег, так или иначе функционировавших в общей

сумме капиталов, то есть были соучастниками коллективного капитала¹.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами хотя бы уж тем фактом, что они вынуждены свои денежные дела осуществлять через финансовые предприятия и учреждения, не говоря уж о миллионах акционеров, современное западное общество стало почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным. Общество в целом стало превращаться в единый капитал.

Одновременно тот же самый процесс сделал социологически бессмысленными понятия «капиталист» и «капитализм». Ничего парадоксального в этом моем утверждении нет. Просто с этими понятиями уже нельзя описать адекватно специфику западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий свои дела через банк, пенсионер, рентнер, владелец большого капитала, директор (президент) банка, менеджер, получающий денег больше среднего предпринимателя, — все это суть люди разных социальных категорий. Владелец банка, оперирующий миллиардами долларов, и акционер, владеющий акцией в несколько тысяч долларов, оба являются представителями класса капиталистов в той же мере, в какой солдаты и генералы принадлежат к одной социальной категории военных. Если даже принять понятие «класс капиталистов» как имеющее смысл, на первый план должна выйти более важная проблема, а именно — какова социальная структура этого класса, из каких подклассов состоит этот класс и каковы между ними взаимоотношения. С точки зрения понимания сущности общества, эти внутренние различия и отношения в социальном классе капиталистов важнее, чем тот общий признак, по которому образован логический класс капиталистов. Ситуация здесь подобна той, какая имеет место в отношении граждан коммунистической страны, которые все суть трудящиеся, все суть наемные служащие государства, но которые различаются по другим, более важным признакам.

О другом аспекте эволюции капитализма писали еще

¹ Peter Drucker. The Frontiers of Management. New York, 1986.

Маркс, и особенно Ленин. Это — процесс укрупнения предприятий и концентрация капиталов. Констатируя этот факт, марксисты сделали из него идеологические и политические выводы. Они при этом игнорировали следствие этого процесса, имеющее важнейшее значение для понимания структуры западного общества, а именно — эволюцию отношений собственности, о которой я уже говорил выше. В результате этой эволюции класс капиталистов дифференцировался. Предприниматели, объединяющиеся в сложные корпорации, теряют часть свободы в качестве капиталистов. Обладатели больших капиталов теряют в какой-то мере возможность распоряжаться ими по своему произволу, а более мелкие владельцы денег такую возможность не приобретают вообще. Они остаются собственниками, но лишь потенциально. Складывается класс потенциальных капиталистов. Происходит разделение функций собственника и распорядителя капитала. Складывается класс, который я бы назвал классом функциональных капиталистов. Власть собственника становится в значительной мере номинальной, если он не попадает в класс функциональных капиталистов. Последние распоряжаются не столько своей, сколько чужой собственностью.

ПРИБЫЛЬ

Центральным пунктом понимания капитала и капитализма является понимание природы прибыли. Не буду повторять общеизвестные истины о периоде первоначального накопления капиталов. Перейду сразу к современному состоянию. Во-первых, нельзя сводить причину такого явления, как прибыль, к психологической жажде наживы. Я не отвергаю существование такой жажды. Я лишь утверждаю, что при объяснении феномена капитализма надо исходить из объективных, а не субъективных факторов. Феномен прибыли сначала возникает как возможность заработать больше того, что предприниматель потратил на дело. По мере эволюции капитализма получение прибыли становится вынужденным — возможность переходит в необходимость. Предприниматель вынуждается на такую организацию дела, чтобы получать дополнительные средства в качестве условия

выживания предприятия. Эта необходимость усиливает субъективную потребность в наживе, становится ее главным стимулом.

Капитализм возник и развился в мировое и эпохальное явление не по инициативе отдельных корыстолюбивых людей, хотя и это сыграло роль, а прежде всего как нечто вынужденное объективными закономерностями самого дела, в которое вовлекались определенного типа люди, в том числе корыстолюбивые. И в наше время главную опору его составляют не субъективные интересы отдельных людей, а закономерности самой социальной организации многомиллионных масс людей.

Если бы было объективно возможно отказаться от прибыли и капиталисты субъективно захотели бы от нее отказаться, общество разрушилось бы в течение кратчайшего времени. Убеждение, будто западное общество есть общество свободного предпринимательства, есть идеологическая бессмыслица. Это общество есть общество вынужденного частного предпринимательства, в котором юридически свободным считается то, что на самом деле есть продукт экономического принуждения.

Во-вторых, само понятие прибыли неоднозначно в социальном смысле, хотя оно и является однозначным экономически. Одно дело прибыль как нечто вынужденное обстоятельствами и необходимое для выживания предприятия, — как говорят, нормальная прибыль. И другое дело — прибыль как такой прирост денег, который позволяет их владельцу за сравнительно короткий срок нажить огромные деньги, превосходящие среднюю норму прибыли, — сверхприбыль. Прибыль в первом смысле вынуждено добывать большинство предпринимателей. Прибыль во втором смысле удастся получить лишь немногим счастливицам благодаря исключительным условиям. Когда апологеты капитализма приводят примеры преуспевших предпринимателей, они выделяют именно таких исключительных удачливых и игнорируют тысячи разоряющихся. Конечно, такие исключительные удачливые суть своего рода знаменосцы капитализма, и роль их в этом несомненна. Тем не менее нормальная прибыль и сверхприбыль не просто количественное различие в одном и том же качестве. Это качественное различие. Преуспевающий предприниматель, ухитряющийся получить

сверхприбыль, есть такая же редкость в огромном множестве заурядных предпринимателей, как кинозвезды, зарабатывающие широкую славу и огромные деньги, в армии рядовых актеров и прочих безвестных тружеников киноиндустрии, ведущих заурядное существование. Эти кинозвезды относятся к иной социальной категории, чем их бесчисленные заурядные собратья по профессии.

В-третьих, современный капитал существует не сам по себе, а как элемент в сложном комплексе явлений. Огромные суммы денег организуют эти явления в некое целое. Эти суммы денег приносят прибыль, но не все явления организуемого ими комплекса сами по себе (по отдельности) приносят прибыль. Имеется большое число предприятий (думаю, их большинство), которые еле сводят концы с концами и даже убыточны. Это, как правило, мелкие и средние предприятия. Но и крупные предприятия несут убытки, о чем регулярно сообщают газеты. Например, крупнейший концерн Запада «General Motors» в 1991 году понес убытки в 4,45 миллиарда долларов, а «IBM» — 4,75 миллиарда в 1992 году. В эти годы несли убытки бесчисленные крупнейшие предприятия. Банкротства гигантских фирм стали обычными. Их спасали банки, государственные субсидии, переход в другие руки, слияние с другими фирмами, махинации, сокращение производства и массовые увольнения (например, «IBM» уволил 100 тысяч человек из 400 тысяч работавших).

Тот факт, что предприятия работают с убытком, не означает, что они перестают быть капиталистическими. Это состояние временное. В общей системе экономики происходит перераспределение прибылей и возникновение новых предприятий на месте погибших. Так что принципы капитализма сохраняют силу как принципы именно тотального, а не атомарного капитализма.

В современном западном обществе имеется большое число людей, получающих прибыль не будучи предпринимателями (например, от роста цен на картины, земельные участки, дома). Многие учреждения и предприятия вообще не рассчитаны на получение прибыли — правительственные учреждения, школы, университеты, больницы и другие. В США каждый четвертый работающий человек занят в таких неприбыльных предприятиях.

Их доля, судя по всему, имеет тенденцию возрастать. Западнизм, повторяю, не исчерпывается капитализмом.

Общий процесс денежного тоталитаризма ведет к увеличению доли предпринимательства, работающего на основе кредитов от банков или от крупных концернов. В таких случаях предприниматели выплачивают проценты, вынуждаясь тем самым любыми средствами добиваться какой-то прибыли. Тем самым принцип свободы предпринимательства в смысле максимализации прибыли, если он вообще когда-то имел всеобщую силу (что сомнительно), превращается в принцип принудительной минимальной прибыли, необходимой для выживания предприятий.

РЫНОК

В западной пропаганде сейчас рынок превозносится до небес. Некоторые «смельчаки» объявляют его одним из самых выдающихся изобретений человечества¹. Комизм этой оценки рынка состоит в том, что рынок в том виде, как его описывают такие авторы, является не изобретением, а отказом от какого бы то ни было изобретения на этот счет и даже препятствованием изобретению чего-то более разумного.

Рынок противопоставляется как капиталистическая добродетель коммунистической плановой и командной экономике как злу. Хотя некоторые авторитетные специалисты, например — Милтон Фридман², считают, что чистая командно-плановая и чистая рыночная экономика не существуют, что все экономические системы являются смешанными, противопоставление их стало догмой западной идеологии.

Сейчас господствует убеждение, будто коммунистическая экономика потерпела крах, и будущее будто бы принадлежит экономике рыночной. Но так было не всегда. В сороковые годы многие предрекали будущее не рыночной, а планово-командной экономике³. Это объяс-

¹ Например, Robert Heilbroner и Lester Thurow в книге «Economics Explained».

² Milton Friedman. Market or Plan?, 1984.

³ Например, J.A. Schumpeter. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y., 1942.

нялось, как я думаю, мировыми успехами коммунизма и национал-социализма. Теперь же дифирамбы рынку имеют основой крах советского коммунизма. Если история сделает какой-то новый зигзаг, найдутся теоретики, которые отыщут дефекты рынка и достоинства планово-командной экономики.

Установился определенный штамп в описании рынка. Он с незначительными вариациями кочует из одной книги в другую, из одной статьи в другую, из одной речи в другую — короче говоря, он заключается в следующем¹. Предприниматель на свою личную ответственность принимает решение, какие ценности производить и какие услуги предлагать, а также как это делать. Он свободен в своей предпринимательской деятельности. Потребитель свободен относительно своих доходов и выбора ценностей и услуг, предлагаемых предпринимателем. Предприниматель осуществляет свои планы в рамках свободной конкуренции, договоров, инвестиций и цен в соответствии со своими ожиданиями прибыли. Рынок поставляет предпринимателю информацию о спросе и предложении и координирует их, а также осуществляет финансовые акции. Производители от потребителей узнают, что им производить, за какие цены продавать. Производители не зависят друг от друга. Они стремятся делать вещи и выполнять услуги как можно лучше и продавать как можно дешевле, дабы привлечь потребителей. По выражению Адама Смита², рыночные операции протекают так, как будто ими манипулирует «невидимая рука». Последняя есть сам рыночный механизм, а не государство. Задача государства — обеспечить рынку возможность выполнять его функции, не мешать ему работать, защищать от всякого заинтересованного вмешательства³.

Читая подобный вздор, я невольно вспоминаю старый советский анекдот. Воспитательница в детском саду рассказывала детям о том, каким прекрасным является советское общество. Один из детей заплакал. Воспита-

¹ Это можно найти еще в книге F.A. Hayek. *The Road to Serfdom*. 1944.

² A. Smith. *The Wealth of Nations*. 1976.

³ Ludwig Mises. *Human Action*. Yale, 1949.

тельница спросила, почему он заплакал. Ребенок ответил, что он хочет в Советский Союз. Хотел бы я знать, что испытывают миллионы производителей и потребителей, читая такие описания рынка, как приведенное выше?! И не думают ли они с тоской о том, как было бы хорошо пожить при «настоящем» капитализме со «свободным» рынком, управляемым безликой «невидимой рукой»?!

Я ничего не имею против слова «рынок». Важно, что на самом деле представляет из себя тот феномен, который называют этим словом. То, что западные политики, бизнесмены, теоретики и идеологи называют рынком и описывают так, как я пересказал выше, в реальности вообще не существует. Это описание рынка есть лишь абстракция от реальности, обработанная методами идеологии. В сочинениях теоретиков, претендующих на некую научную объективность, идеологическая апологетика принимает лишь более изощренную форму. Образцами на этот счет могут служить сочинения одних из наиболее почитаемых теоретиков — Кейнса и Хайека. Их работы ориентированы не на беспристрастный анализ реальности, а на советы активным деятелям бизнеса и политикам, что нужно делать, чтобы капиталистическая экономика процветала. Причем советы явно конъюнктурные. Будучи по сути дела противоположными, они одинаково хорошо выполняли роль апологетики капитализма каждая в свое время и в своих условиях.

О реальности рынка можно узнать лишь из работ критиков рынка и из тех мест работ теоретиков капитализма, в которых они критикуют друг друга или критикуют факты реальности, мешающие реализации их проектов (не соответствующие их теориям). Ниже я изложу мои соображения о рынке, которые основываются на обыкновенном здравом смысле и на суждениях многих западных специалистов, так или иначе попадающих на страницы книг, журналов и газет.

Буду называть реальным рынком ту сферу жизни общества, в которой реализуются отношения между производителями вещей и услуг, с одной стороны, и их потребителями, с другой. Абстрактным рынком буду называть то, как реальный рынок выглядит в описаниях идеологов, политиков и заинтересованных бизнесменов, фактичес-

ки выполняющих в этом случае функции идеологов. Абстрактный рынок — это не весь реальный рынок, а лишь отдельные его стороны, части и свойства, абстрагированные от реального рынка и суммированные в некий воображаемый, но выдаваемый за реальный рынок. На реальном рынке скрещиваются и переплетаются интересы всех сил общества. Это поле сражения. Абстрактный рынок выглядит как беспристрастная технология экономики.

Механизм реального рынка — это не «невидимая рука» А. Смита, а вполне осязаемая стратегия и тактика участников битвы за покупателя и за возможность формировать покупателя применительно к интересам производителей. Производители делают не то, что хотят, а то, что можно сбыть. Потребитель выбирает (если выбирает!) из того, что ему навязывают, причем он обрабатывается так, чтобы он не мог уклониться от этого. Производители стремятся помешать друг другу всеми доступными средствами, причем далеко не всегда экономическими и законными. Информацию о спросе и предложении предприниматели получают не в момент выхода на рынок, а до этого. И лишь в порядке исключения на рынке. Рыночная конъюнктура обычно известна заранее. И если предприниматели лезут на рынок несмотря ни на что, так у них просто нет другого выхода. Лезут они, чтобы хоть что-то урвать.

Рассмотрю отдельные компоненты рынка несколько подробнее.

КОНКУРЕНЦИЯ

Слово «конкуренция» имеет двоякий смысл. В одном смысле оно обозначает борьбу людей за свои личные интересы и цели в условиях, когда другие люди заняты тем же самым, и при этом борьба одних как-то сказывается на успехе борьбы других, конкретнее говоря — препятствует их успеху. В этом смысле конкуренция есть явление универсальное. А в обществе западного типа она является всеобщей и всеобъемлющей. В этом смысле западное общество есть общество конкурентов. Любой производитель товаров и услуг является конкурентом для других производителей в борьбе за покупателя, ибо

покупательные средства людей не безграничны. Армия безработных является конкурентами для человека, ищущего работу. Политики конкурируют за места министров, президентов и прочие должности. Деятели культуры конкурируют за славу и гонорары. Гангстеры конкурируют за возможности обирать жертвы. Короче говоря, формула «Человек человеку волк» есть формула реального западного общества. Общество прилагает усилия к тому, чтобы как-то ограничить и ослабить действие ее. Но она была, есть и будет одной из опор и движущих сил западного общества, несмотря ни на что. Она есть неустрашимый закон природы.

Во втором смысле слово «конкуренция» обозначает лишь одну из форм борьбы за существование в западном обществе. Обычно для выделения ее употребляют ограничительное слово «свободная». Свободная конкуренция предполагает, что участвующие в ней люди являются свободными и независимыми друг от друга в той сфере, в которой они конкурируют. Единственное, чем они различаются с точки зрения их борьбы, есть качество и ценность того, чем они располагают. В сфере экономики это — качество продукции и услуг, а также стоимость предлагаемых вещей и услуг. Апологеты западного образа жизни, превознося конкуренцию как одну из его опор, имеют в виду именно такую «свободную» конкуренцию.

В социально-экономической литературе можно найти все логически мыслимые варианты суждений о свободной конкуренции. Одни авторы за нее, другие — против. Одни считают, что время ее прошло, другие — что время ее наступает. И с годами отношение к ней менялось. Но я не встретил ни одной работы, в которой была бы высказана наиболее близкая к истине (на мой взгляд) точка зрения, а именно — что свободная конкуренция никогда не была не то что единственной, но даже господствовавшей автономной формой экономической активности в западном обществе, что ее роль преувеличена и идеализирована.

Вот как, например, описывал «свободную» конкуренцию Хайек в широкоизвестной книге «Дорога к рабству» (1944). Я приведу, разумеется, лишь фрагменты его

описания. Согласно Хайеку, капитализм есть конкурентная система, основанная на свободном распоряжении частной собственностью. В условиях конкурентной системы, по его словам, заранее неизвестно, кому повезет, а кому нет. Все зависит от способностей и удачливости самих людей. Это — единственный строй, где человек зависит лишь от самого себя. Конкуренция ведет к такой организации производства товаров, какую обеспечил бы только некий идеальный центр, в точности знающий все то, что знают все люди в совокупности, и способный использовать это знание самым эффективным образом. В таком понимании, замечу кстати, свободная конкуренция подобна всесильному коммунистическому государству, только без недостатков последнего.

В конкурентной системе, продолжает Хайек, производится все то, что хоть кто-нибудь умеет производить и может продать с прибылью по приемлемой для покупателя цене. Производится все теми, кто может это делать по крайней мере столь же хорошо и дешево, как и другие. Произведенное продается по цене более низкой или столь же низкой, какую в принципе мог бы назначить некто, кто на самом деле этот товар не продает. Конкуренция заставляет действовать разумно. Она выдвигает несколько наиболее рациональных индивидов, которые вынуждают остальных вступать в борьбу. И так далее в том же духе. Нынешние идеологические апологеты капитализма ушли в своих дифирамбах «свободной» конкуренции еще дальше. И число их многократно возросло.

Реальная конкуренция имеет мало общего с такой идиллической картиной. К конкуренции не стремятся преднамеренно. Она не есть средство облагодетельствовать человечество. Она есть борьба за существование. Она вынуждена тем обстоятельством, что слишком много людей не имеет иной возможности жить, как за счет производства вещей и услуг, — избыточностью производителей и производимого по отношению к покупательной способности потребителей. Цель конкуренции — вытеснить конкурентов, в конечном счете — уничтожение самой конкуренции. В реальности конкуренция всегда погружена в совокупность других средств борьбы, в число которых входит обман, насилие, реклама,

дискредитация противников, взаимное препятствование (привентация), преступления.

Реальная сфера конкуренции есть царство преступности. В прессе постоянно сообщают о взятках государственным чиновникам от частных фирм, чтобы получить заказы. Например, в 1992 году в Италии разразился грандиозный скандал в связи с разоблачением преступных махинаций между бизнесом и политиками. Вовлеченными оказались сотни людей, включая ведущих политиков страны. А сколько случаев остается неразоблаченными?! И это — элемент рынка со «свободной» конкуренцией! В Германии и Австрии прошли многочисленные процессы по поводу незаконных операций фирм, сбывавших оружие и создававших химические предприятия в арабских странах. И это тоже элемент реального рынка со «свободной» конкуренцией! Согласно немецкой прессе¹ Германия «производила» 10 миллионов тонн ядовитых отходов, из которых две трети вывозилось за границу. Сложился особый бизнес на этом, причем необычайно прибыльный. По немецким законам эти ядовитые отходы рассматривались как обычные товары! Вспомни, читатель, что писал кумир западной общественной мысли Хайек по поводу «свободной» конкуренции! Эта ситуация с отравлением планеты — реальный пример для нее. А таких случаев не счесть. И гласности предаются они в порядке исключения. «Свободная» конкуренция предоставляет преимущества не столько гениям добра, сколько гениям зла.

В действительно свободной конкуренции участвует не так уж много предприятий и предпринимателей. Тон в ней задают сильнейшие во всех отношениях участники, добивающиеся успеха за счет перераспределения покупательной способности населения в свою пользу. Большинство же действует вне условий свободного соревнования. Высокая экономическая эффективность западного общества достигается за счет действия множества факторов, среди которых в первую очередь следует называть трудовую диктатуру, плановость работы предприятий, денежный тоталитаризм, диктатуру банков, государственную политику и контроль, научно-технический

¹ Например, в «TV. Horen und Sehen», № 40, 1992.

прогресс. И лишь где-то совсем не на первом месте следует назвать «свободную» конкуренцию.

В пропаганде «свободной» конкуренции обычно приводят примеры преуспевших предпринимателей. При этом, конечно, умалчивают о том, сколько миллионов предпринимателей успеха не имело. И уж совсем остается в тени тот факт, что преуспевшие, как правило, добивались выдающихся результатов не благодаря некоей свободной конкуренции, а благодаря исключительным обстоятельствам, позволившим им оказаться вне сферы конкуренции.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В изображении апологетов рыночной экономики западный рынок выглядит как огромная толкучка, по которой бродят случайные продавцы товаров и услуг и случайные потребители, которые высматривают, что им нужно, и торгуются насчет цен. Предприниматели якобы узнают на этой толкучке, что нужно производить для удовлетворения потребностей потребителей и по каким ценам. Но в реальности ничего подобного просто нет. Реальный рынок есть сложная организация образа жизни миллионов людей. В этой организации можно увидеть все логически мыслимые варианты отношения производителей и потребителей. Тут имеет место и то, что спрос стимулирует производство и предложение. Бывает, что что-то создается независимо от потребностей и вне их, а затем предлагается потребителям и входит в круг их потребностей. Бывает, что потребителям навязывается какой-то товар или услуга, и они вынуждены с этим мириться. Но в этом сложном и изменчивом переплетении интересов и взаимных воздействий совершенно отчетливо обнаружилась тенденция, не соответствующая идеологически-пропагандистской картине рынка, а именно доминирующая роль предложения.

Спрос сохранил и будет сохранять роль доминирующего фактора в той части сферы потребления, которая включает в себя самые необходимые, естественные и традиционные потребности людей, скажем — фундаментальные потребности. Но в той части потребностей, которая выходит за рамки фундаментальных, доминирую-

щую роль прочно захватило предложение. А именно эта часть потребностей заняла экономически более важное место в жизни западных людей.

Замечу между прочим, что капитализм возник как привоз и производство предметов и услуг сверх фундаментальных потребностей. Его самая динамичная часть и сейчас существует как предложение вещей и услуг сверх привычных (новых), а также как нововведение в привычные. Он изобретает новые потребности и новые средства удовлетворения потребностей. Он добивается прибылей за счет предложения чего-то нового, изобретенного. Отсюда буквально маниакальное стремление к новизне, причем далеко не всегда разумное. Доминирование предложения над спросом — это в натуре капитализма.

Предложение теперь в гораздо большей мере формирует спрос и потребности людей, чем обратное влияние. Самолеты, автомашины, телевидение, видео, компьютеры, факсы и многие тысячи других предметов потребления и услуг не были изначальными потребностями людей. Они были изобретены искусственно и затем навязаны людям «сверху», то есть со стороны производства. Западные люди живут в мире вещей и услуг, изобретенных небольшой группой личностей в последние несколько десятилетий и предложенных широким слоям населения как дар новой цивилизации. Поставив себе на службу мощнейшую рекламу и средства массовой информации, современный крупный бизнес превратил рынок в свое орудие насильственного воздействия на потребителей, а отнюдь не в царство свободы. Это целиком и полностью относится и к сфере «духовного» производства — к культуре. Здесь даже в более отчетливом и неприкрытом виде выступает диктатура рынка.

Классическим примером того, как предложение формирует спрос, является внедрение компьютеров в жизнь человечества. Совсем еще недавно они были неизвестны людям, а в 1991 году только в личном пользовании было уже более 100 миллионов компьютеров. Аналогично обстояло дело с электрическим освещением, радио, телевидением, телефоном, автомобилями, самолетами. Большинство предметов потребления, которые можно

видеть в быту западных людей, относятся к той же категории.

Идеологическим мифом является и утверждение о свободном ценообразовании на рынке. Я за пятнадцать лет жизни на Западе не видел ни одного случая, чтобы покупатели оказали какое-то влияние на цены товаров и услуг, если не считать толкучки и базары на курортах, а также распродажи товаров по бросовым ценам. На основную массу товаров и услуг цены устанавливаются теми, кто продает их, причем исключаящие всякий торг. Цены рассчитываются специалистами с учетом многочисленных факторов, а также опытным путем. Мне не известна динамика цен по различным категориям товаров и услуг в западных странах. Но я могу точно констатировать, что доминирующей тенденцией за годы моей жизни на Западе было общее удорожание жизни, причем помимо инфляции. Росли неуклонно цены на жилье, автомашины, предметы бытового обихода, питание, одежду, книги, газеты, транспорт. На какие-то товары и услуги цены снижались по тем или иным причинам (например, на компьютеры), но это нисколько не повлияло на общее удорожание жизни, несмотря на практически неограниченные возможности производства товаров и услуг в смысле их количества. Предприниматели шли на сокращение производства и увеличение цен в явном противоречии с догмами апологетов «свободного» рынка.

Спрос, конечно, влияет на предложение. Но лишь в ничтожной мере в том смысле, в каком это изображает апологетика рынка. На самом деле в гораздо большей степени спрос влияет на перетасовки в сфере производства и предложения товаров и услуг. Потребители, осуществляя какой-то выбор на рынке, влияют на производителей в смысле выгоды не непосредственно для себя, а для кого-то другого. Они уже реализовали свою выгоду, осуществив выбор. Последствия же этого акта им неподконтрольны.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЫНКА

Далеко не все в экономике Запада попадает в сферу рынка — рынок не является всеобъемлющим. В сферу рынка не попадает общественное обслуживание (боль-

ницы, школы, транспорт и т. п.), по крайней мере значительная часть военной промышленности, жизненно важные для страны, но нерентабельные с точки зрения рынка отрасли промышленности, единичные государственные проекты больших масштабов и многое другое. Да и в том, что, казалось бы, должно быть естественной сферой рынка, можно выделить стабильную часть, установившуюся опытным путем в течение многих лет. В этой части предприниматели мало чем рискуют, они заранее знают своих клиентов, конкуренция почти исключена, спрос и предложение скорректированы, бессмысленно говорить о каком-то определении цен спросом и предложением. В этом смысле предприниматели имеют свой определенный рынок сбыта — своего потребителя. Рынок в определенном выше смысле (с конкуренцией, подвижным спросом и предложением) охватывает лишь динамичную часть сферы отношения производителя и потребителя. Но и эта динамичная часть находится под воздействием многочисленных нерыночных факторов, включая обычаи, традиции, общественное мнение, политику, медиа.

В жизни страны возникает масса проблем, которые рынок сам по себе не способен решить и которые можно решить лишь силами государства¹. Необходимо, как на этом в послевоенные годы настаивала значительная часть теоретиков и политиков, социальная, то есть общественно ограниченная и контролируемая экономика. Дефекты рынка должны быть восполнены усилением экономической роли государства. В последнее десятилетие началось обратное идейное движение в сторону ограничения роли государства и предоставления большей свободы рынку². Однако государство уже заняло прочную позицию в экономике. К этой теме я вернусь ниже.

Другой фактор, ограничивающий свободу рынка, это концентрация капиталов и укрупнение предприятий. Эта тенденция не ослабляется, а усиливается. В США, например, в 1950 году 200 крупнейших компаний контролировали 40% национального производства, а в 1970 го-

¹ Например, Peter Czada, Michael Tolksdorf, Alparslan Yenil. Wirtschaftspolitik. Opiaden, 1987.

² Например, Arthur Seldon. Capitalism. Oxford, 1990.

ду — уже 60%¹. Американский концерн «General Motors» обладал в 1985 году капиталом в 283 миллиарда долларов. В нем работало 800 тысяч наемных лиц. В концерне «IBM» работало 400 тысяч человек, в концерне «Ford» — 369 тысяч. В Западной Германии в 1974 году было 294 крупных концерна, а в 1986 году — уже 802². Корпорации с миллиардными активами, десятками тысяч наемных рабочих, мощными управляющими штатами фактически доминируют на рынке, определяют выпуск продукции и цены. Рынок превращается в координацию различных объединений предприятий. Крупное предприятие овладевает важнейшими рынками. Это давало основание утверждать, что время конкурентного капитала прошло³.

Концентрация капиталов и укрупнение производства в рамках отдельных стран дополняются такими же процессами международного масштаба. Всевластие сверхкрупного бизнеса основывается на использовании всех современных научно-технических, финансовых и информационных возможностей.

В том же направлении действуют банки. Они контролируют частные предприятия, владея их акциями, и управляют правом голоса своих клиентов, депонирующих у них свои акции. Банки заинтересованы в надежности своих кредитов предприятиям, а свободная рыночная конкуренция создает для них опасность. Естественно, банки принимают меры к ограничению свободы рынка.

НЕМЕЦКОЕ ЧУДО

Апологеты свободного рынка часто ссылаются на «немецкое чудо» как на несокрушимый (по их мнению) аргумент в пользу их концепции. В послевоенной истории Западной Германии действительно в лабораторно чистом виде можно было наблюдать механизмы западнизма, подобно тому, как в Восточной Германии — меха-

¹ См. примечание на стр. 122.

² Например, Peter Craza, Michael Tolksdorf, Alparslan Yehal. Wirtschaftspolitik. Opiaden, 1987.

³ Jörg Huffscheid. Die Politik der Kapitals Konzentration und Wirtschaftspolitik in der Bundesrepublik. Suhrkamp Verlag, 1969.

низмы коммунизма. Тут начинали почти с нуля, но имея в качестве образцов результаты западнизма в его наиболее отчетливой форме американизма¹.

«Немецкое чудо» произошло не просто благодаря рынку, но благодаря американским инвестициям капиталов (план Маршалла) и благодаря социальной рыночной экономике, то есть благодаря экономике, контролируемой и регулируемой государством. Считается, что теоретическое обоснование такой экономики было дано Кейнсом, а в Германии А. Мюллером-Армаком. Практическая реализация этой теории была осуществлена под руководством Людвиг Эрхарда. При этом весьма неохотно вспоминают или совсем забывают о том, что у них были предшественники, в теории — идеолог гитлеровской экономической политики К. Шиллер, в практике — сам Гитлер.

ПЛАНИРОВАНИЕ

Рыночная экономика Запада противопоставляется плановой экономике коммунистического общества. Это противопоставление лишено научного смысла. Оно является идеологически-пропагандистским, ибо при таком противопоставлении как плановая, так и рыночная экономика преподносятся в тенденциозно искаженном виде.

Планирование деятельности отдельных предприятий, отраслей производства и экономики страны в целом само по себе ничего плохого не представляет. Дело не в планировании как таковом, а в том, какой вид оно принимает в том или ином обществе, какую роль в нем играет и к каким последствиям ведет. Еще совсем недавно (в шестидесятые и семидесятые годы) многие западные теоретики смотрели на планирование иначе, чем сейчас². Вот что, например, говорилось в книге одного немецкого автора³, которого никак нельзя было заподозрить в симпатиях к коммунизму (или социализму). Развитие капиталистической экономики достигло уровня.

¹ Например, Bernard Keller. Wirtschaftspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin/München, 1980.

² Например, J. K. Galbraith. Die moderne Industriegesellschaft. München, 1967.

³ См. примечание 3 на стр. 143.

когда нужны новые организационные формы. Старые организационные формы (частная собственность и конкуренция) стали препятствием. Частное предпринимательство структурируется уже не в расчете на конкуренцию. Частная собственность играет все меньшую роль сравнительно с большими капиталистическими организациями. Требуется планирование в интересах капитала, то есть частнокапиталистическое планирование. Это не есть введение некапиталистической хозяйственной формы. Это — в интересах тех, кто раньше действовал в рамках конкуренции. И такой переход от конкуренции к плану уже начался.

Приведенные мысли вызревали и высказывались тогда, когда в Западной Германии имел место экономический кризис, который был результатом именно рыночной экономики. Так что некоторые крайности сторонников плановости отчасти объясняются тревогой за судьбу капитализма. Но именно эта тревога заставляла отодвигать в сторону идеологические и пропагандистские соображения и говорить хотя бы кусочек правды. В восьмидесятые годы в связи с усилением наступления Запада на коммунистический мир, двигавшийся к поражению в «холодной войне», идеологическая ориентация Запада изменилась на противоположную. Плановость прочно связали с коммунизмом. В противовес ей стали превозносить рынок и конкуренцию как нечто специфически западное и противоположное плановости.

Чтобы сравнение западнизма и коммунизма с точки зрения плановости экономики имело научный смысл, нужно определить объем планируемых феноменов экономики в обоих обществах, отвлекаясь от того, какие учреждения, организации, предприятия и лица занимаются делом планирования. По моим предположениям, процент планируемых феноменов в западной экономике ничуть не ниже, чем таковой в экономике коммунистической. И с точки зрения важности планируемых феноменов западное общество не уступает коммунистическому. Иное дело — распределение планирующих функций и операций по различным подразделениям, сферам, учреждениям, организациям и т. д. С этой точки зрения различие западного и коммунистического общества бросается в глаза, и прежде всего различие на уровне

государственных учреждений и предприятий. Рассмотренные два аспекта (объем планируемого и распределение планирующих функций), как правило, не различаются, на первый план выдвигается второй, и плановость представляется как специфика коммунистической экономики, что неверно или бессмысленно.

Рассматривая экономику с точки зрения объема планируемых феноменов, можно констатировать как факт, что западная экономика является плановой в очень высокой степени, и степень плановости неуклонно растет. Это является неизбежным следствием усложнения делового аспекта общества. Более того, и с точки зрения распределения планирующих функций имеет место сильная тенденция в сторону схождения с коммунистической экономикой. Усиливающаяся роль государства в экономике (налоговая политика, кредиты, общественные заказы, инвестиции) и распределение гигантского бюджета вполне сопоставимы с планирующей ролью коммунистического государства.

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК

В западной идеологии, по крайней мере начиная с сороковых годов, идет борьба двух направлений — государственников и рыночников (так бы я назвал их). Самыми характерными фигурами тут являются соответственно Кейнс и Хайек. Оба направления признают роль рынка и роль государства. Но каждое из них делает упор на то или на другое, причем так, что фактически получается их противопоставление.

Я считаю такое противопоставление лишенным научного смысла. Роль государства в функционировании рынка общеизвестна и очевидна. И дело не в том, слишком велико или слишком мало участие государства в работе рынка. Дело в том, что государство является не просто охранителем и регулировщиком (в какой-то мере) рынка, а в том, что оно само есть фактор экономики и крупнейший участник рынка. Обычно в государстве выделяют лишь один его аспект, а именно — власть и управление обществом как целым. Но государство одновременно есть гигантское предприятие, дело которого

заключается в том, чтобы выкачивать средства для своего существования. А это средства для 10—15% работающих граждан и их семей.

Государство распоряжается колоссальными денежными суммами. Оно является самым крупным покупателем на рынке, размещая заказы бесчисленным фирмам и предоставляя им кредиты. А образование наднациональных рынков и мирового рынка с необходимостью превращает государственную власть «национальных государств» в участников рынка наряду с гигантскими концернами и банками.

Скажу коротко о таком явлении, как государственный долг. В 1950 году государственный долг Западной Германии был 18 миллиардов марок, а в 1992 году стал 1300 миллиардов. В 1995 году ожидается 2000 миллиардов. В Италии в 1991 году государственный долг был 2000 миллиардов марок. А США побили все рекорды на этот счет: в 1992 году их государственный долг превысил 4000 миллиардов долларов (более 6000 миллиардов марок).

Государственный долг есть явление не случайное. Это не результат плохой политики, хотя и этот фактор играет роль. Он неизбежен в условиях западнизма при любой политике. От него не могут избавить никакие политические гении, ибо это явление экономическое. В 1989 году США выплатили около 20% национального дохода в качестве процентов за государственный долг. Кому идут эти платы? За чей счет, если государство само по себе ничего не производит? На эти вопросы вы вряд ли найдете подробные и правдивые отчеты в средствах массовой информации и в общедоступных книгах. И тем более не найдете научно-убедительного объяснения этого феномена. Но и без этого очевидно одно: государство тем самым производит перераспределение средств в соответствии с объективными экономическими законами, которые в такой форме устанавливают некую социальную «справедливость». Вместе с тем рост государственного долга есть признак того, что в обществе увеличиваются диспропорции между его сферами и частями, и это вносит свой вклад в общую сумму условий и причин назревающего кризиса.

Я думаю, что наступает время, когда придется гово-

речь не просто об экономике и политике как о связанных, но различных факторах западного общества, а о едином политико-экономическом или экономико-политическом комплексе. Я имею в виду при этом не слияние этих феноменов, а образование нового уровня в структуре западного общества в связи с превращением экономики в межнациональную и глобальную. Пока этот уровень еще слит с экономикой и политикой в старом смысле, еще не выработал адекватные себе формы. Это дело будущего. Но к этому идет. К данной проблеме я вернусь ниже.

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ

Я выше уже касался проблем управления. Добавлю к сказанному еще ряд соображений, связанных с темой рынка.

Рыночная экономика Запада противопоставляется коммунистической экономике как командной, управляемой «сверху». Это противопоставление точно так же является идеологически-пропагандистским. Во всяком достаточно большом и сложном обществе экономика так или иначе управляется, причем «сверху», ибо управление по самому смыслу понятия есть управление «сверху».

В эпоху «старого» («атомарного») капитализма степень управляемости того, что образовывало капитализм, была низкой. Идеологи и теоретики, вырывавшие в абстракции капитализм из его социальной среды, создали иллюзию, будто капиталистическая экономика вообще есть царство анархии. В эпоху «нового» («тотального») капитализма последний стал почти всей (практически всей) экономикой западного общества. Став тотальным, он утратил свое исключительное право быть анархичным, слабо управляемым или неуправляемым совсем. «Невидимая рука» превратилась во вполне видимую и осязаемую управляющую руку.

Существуют различные формы управления. В советском обществе имело место единое, централизованное и прямое (командное) управление экономикой. Не следует преувеличивать его силу и педантизм. В изображении идеологов обеих сторон (как апологетов, так и кри-

тиков) оно тенденциозно искажалось. На самом же деле отступления от абстрактных норм этой системы управления были настолько велики, что огромная часть советской экономики была вне сферы официальной системы управления. Такой была, например, теневая экономика. Таким было мизерное в отдельных случаях, но огромное в общей массе частное «предпринимательство», которое тоже было полузаконно или совсем незаконно юридически.

Экономика современного западного общества отличается от советской с точки зрения управления. Но это не значит, будто она вообще никак не управляется. Во-первых, процент управляемых «сверху» действий людей в сфере экономики тут не меньше, чем в обществе коммунистическом. Во-вторых, тут существует совокупность учреждений, организаций и личностей, которые совместно выполняют функции, аналогичные функциям высшей власти коммунистической системы управления экономикой. В этот управляющий комплекс входят государственные учреждения, советы банков и предпринимателей, эксперты и т. д. Они управляют экономикой не прямыми командными методами, а опосредованно, то есть путем принятия определенных законов и манипулирования денежными суммами. Но их решения должны кем-то претворяться в жизнь, а для этого требуются командные методы и контроль. Так что элемент командной системы управления присутствует и в западной экономике и имеет тенденцию к усилению.

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Вряд ли в мире найдется хотя бы несколько человек, которые будут оспаривать утверждение, что западная экономика является самой эффективной в мире и в истории человечества вообще. Но что это такое — высокий уровень эффективности экономики? Технический уровень? Открытия и изобретения? Производство хороших вещей, причем в большом количестве? Высокая производительность труда? Рациональная организация? Если присмотреться к тому, что на Западе пишется и говорится на эту тему, то можно заметить односторонность и

тенденциозность в понимании эффективности экономики и в отборе критериев ее оценки, переходящие в идеологическое извращение и фальсификацию. Это особенно сильно стало проявляться в последнее время, после окончания «холодной войны» в пользу Запада. При этом восхваление экономики Запада сопровождается дискредитацией экономики бывших коммунистических стран. Я не собираюсь заниматься здесь апологетикой экономики коммунизма и критикой экономики Запада. Я хочу лишь сказать, выражаясь метафорически, следующее. Когда на том основании, что птицы лучше летают, чем рыбы, начинают доказывать, будто птицы и плавают лучше, чем рыбы, то получается ложное представление как о рыбах, так и птицах.

Говоря об эффективности западной экономики, надо принимать во внимание то, что подход к этой проблеме различен на различных уровнях, — на уровне отдельных предприятий, отраслей экономики, экономики целой страны и, наконец, всего западного мира. Надо далее различать абстрактную и реальную эффективность. В случае абстрактной эффективности принимаются во внимание лишь некоторые признаки экономики, причем в наиболее развитых и характерных образцах. В случае же реальной эффективности принимается во внимание вся совокупность важных признаков экономики, причем во множестве реально существующих факторов.

Надо, далее, различать экономический и социальный подход к экономике. В первом случае экономика рассматривается сама по себе, во втором же случае она рассматривается с точки зрения проблем социальных (условия труда, занятость, жизненные гарантии и т. д.). Наконец, надо различать эффективность экономики и экономическую эффективность общества. В последнем случае нужна суммарная оценка экономики с учетом не только экономических и социальных критериев, но и факторов иного рода, касающихся общества в целом (способность переживать природные катастрофы и кризисы, вести войны и т. д.). Одним словом, проблема эффективности экономики и общества с точки зрения экономики есть на самом деле сложный комплекс разнородных проблем, исключающий единое и однозначное решение.

Возьмем такой пример. Всего от 3 до 6% работающих людей в западных странах занято в сельском хозяйстве. Идеологи истолковывают это как якобы бесспорный показатель высокой производительности труда. Мол, этих 3—6% достаточно, чтобы удовлетворить потребность страны в продуктах сельского хозяйства. Это, однако, неверно фактически, так как страна может ввозить более половины продуктов сельского хозяйства из других стран. Так что надо учитывать и тех, кто занят в сельском хозяйстве стран-экспортеров. Кроме того, надо учитывать не только тех, кто непосредственно занят в производстве продуктов, но и тех, без которых это производство и реализация его продуктов вообще невозможны, то есть иначе подходить к проблеме, иначе расчленять общество, иначе производить измерения.

Кроме того, эти 3—6% можно интерпретировать совсем иначе, а именно так: лишь 3—6% работающих могут заработать на жизнь в сфере сельского хозяйства. На этом примере отчетливо видно различие двух подходов к эффективности экономики — западнистского и коммунистического. Принцип первого — минимизировать число занятых в каком-то деле и максимализировать интенсивность труда. Принцип второго — дать возможность максимально большому числу людей существовать за счет этого дела и облегчить условия труда. С точки зрения решения проблем социальных коммунистическая экономика эффективнее западной, уступая ей в чисто экономическом плане.

Экономическую эффективность общества в целом принято измерять стоимостью суммарной продукции общества. Прирост суммарного продукта считается признаком нормальной и даже цветущей экономики. Многие специалисты отмечали бессмысленность такого критерия и несоответствие его реальному положению¹. При таком подходе не принимаются в расчет другие, более существенные факторы, например — инфляция, рост налогов, удорожание жизни, рост безработицы, загрязнение окружающей среды, структурные изменения в экономике и многие другие.

¹ Например, Stephan Schmidheiny. Kurswechsel. München, 1992.

С принятыми критериями оценки экономики теоретики могут создать любую желаемую картину состояния экономики в зависимости от социальной, политической и идеологической конъюнктуры. Замечу между прочим, что годовой прирост национального продукта в коммунистическом Китае в 1992 году был 10—12%, а в передовой в экономическом отношении стране Запада — в Западной Германии — он был близок к нулю. А колоссальный прирост в Советском Союзе когда-то повергал в панику Запад.

ОЖИРЕНИЕ И ПАРАЗИТИЗМ

В западной экономике производятся не только жизненно необходимые продукты, но и излишние, без которых люди в принципе могут обойтись, сохраняя жизненный уровень. Примером производства такого рода может служить производство пиротехнических средств и праздничных безделушек, которых в одной только Западной Германии ежегодно продавали на несколько миллиардов марок. В США сложилась целая отрасль экономики, занятая контролем за весом людей, которая в 1992 году имела оборот 43 миллиарда долларов. В Германии выпускалось более 200 предметов для операций с куриными яйцами. Трудно сказать, каких огромных размеров достигает производство избыточных предметов потребления и роскоши. Производительность труда в этой сфере может быть высокой, но это показатель не экономической эффективности, а своего рода ожирения общества. Степень такого ожирения западного общества необычайно высока и имеет тенденцию увеличиваться.

Характерным для западного общества является также высокая степень паразитарности. Я имею в виду большое число людей, ничего не дающих от себя обществу, живущих паразитами за его счет. Тут существуют и процветают группы таких людей, целые слои и категории. Большое число людей занято производством ценностей для этих паразитов и обслуживанием их, тем самым включаясь в сферу паразитарности. К этим явлениям относятся также паразитарные аспекты деятель-

ности в целом непаразитарных слоев, учреждений и организаций. Это, например, возникновение должностей и функций, без которых в принципе можно было бы обойтись. Тенденция к росту степени паразитарности Запада является очень сильной и, пожалуй, неодолимой. Между прочим, превращение западного общества в постиндустриальное означает фактически превращение его в ожиревший социальный организм с высочайшей степенью паразитарности. Со временем это неизбежно скажется на его способности самосохранения самым негативным образом.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Экономика западного общества не есть нечто застывшее, монотонное, однообразное. Это процесс, в котором бывают подъемы, бумы, застои, спады и кризисы. Обобщающие теоретические исследования на эту тему мне неизвестны, если не считать сочинения Маркса, Ленина и их последователей. Эти сочинения не соответствуют современному состоянию западного общества, так что то, что я собираюсь высказать здесь, есть результат моих непрофессиональных наблюдений.

В начале девяностых годов экономический спад на Западе стал очевидным всем и был признан как факт повседневной жизни. Хотя некоторые политики и теоретики и поговаривали о скором улучшении, их слова мало кого убеждали. А в 1993 году стали повсеместно говорить уже не просто о спаде, но о кризисе. В качестве критерия оценки ситуации как кризисной, по негласному сговору множества специалистов и вообще пишущих и говорящих на темы экономики, были приняты величины некоторых факторов (безработица, налоги, цены, инфляция, курс акций и т. п.), которые вышли за пределы терпимых («нормальных»).

Я считаю, что понимание экономического кризиса просто как нарушения границ «нормального» состояния экономики является поверхностным и неадекватным его сущности. Кризис проявляется в спаде экономики. Но не всякий спад есть кризис, каким бы сильным он ни был. Тут есть более глубокое различие, связанное с характе-

ром современного («нового», «тотального») капитализма. Современная западная экономика не является стихийно-капиталистической, какой она была во времена Маркса и Ленина и в какой-то мере сохранялась до Второй мировой войны. Она стала организованно-западнистской. К тому, что я уже сказал выше на эту тему, добавлю еще следующее.

Современная экономика западного общества имеет сложную социальную структуру с иерархией уровней, функционирующих по разным законам, причем не только экономическим, но и коммунальным. Высшие уровни иерархии, играющие решающую роль в экономике, функционируют вообще не столько как феномены экономические, сколько как феномены коммунальные, — как всякого рода союзы глав и представителей банков и крупных концернов, как надэкономические учреждения, организации, сговоры, блоки и т. п., которые превращают экономику в нечто подобное государственной организованности. А с другой стороны, государство входит в сферу экономики не как нечто внешнее ей, не просто как орган охраны экономики, а как крупнейший владелец и распорядитель капиталов наряду с банками и концернами.

Положение современной западной экономики зависит теперь главным образом от ее социальной организации и способности руководства экономикой («видимой руки») управлять экономикой теми методами, какими оно действует в нормальных условиях, и принимать меры, благодаря которым экономика удерживается в определенных рамках. О кризисе, в отличие от просто спада экономики, можно говорить тогда, когда экономика становится неуправляемой, и обычные меры «видимой руки» оказываются неэффективными. Подчеркиваю, об управлении здесь речь идет в том смысле, в каком об этом говорилось выше.

Сейчас руководители западной экономики предпринимают меры к тому, чтобы остановить спад экономики: не допустить настоящий кризис. Ситуацию в западном мире пока еще нельзя считать кризисом. Это скорее спад и депрессия на грани кризиса.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

В наше время главные источники прогресса втекают в экономику Запада сверху и извне, а не пробиваются снизу и изнутри. Они не являются разрозненными и стихийными. Они организованны и преднамеренны, заранее спланированы и задуманы. Это научные открытия и технические изобретения, являющиеся результатом огромных усилий со стороны государства и государствовподобных предприятий с участием больших масс и объединений специалистов высокой квалификации. Это рационализация экономики в соответствии с рекомендациями, разработанными специалистами на высотах экономики и вне ее. Это — потребности в решении крупных задач, которые под силу лишь сверхкрупным объединениям предприятий и государству. Это интернационализация и глобализация экономики, рождающие более высокие уровни экономики с закономерностями более высокого порядка.

Уже в период подготовки ко Второй мировой войне основные стимулы экономического прогресса пришли в экономику извне, из потребностей глобально-политического порядка. А в годы «холодной войны» эта тенденция усилилась настолько, что теперь и речи быть не может о возврате к прежним стимуляторам прогресса. Думаю, что победоносное для Запада окончание «холодной войны» послужило одной из главных причин экономического спада и усиления тенденции к кризису.

На Западе сложилось убеждение, будто прогресс экономики на основе капитализма безграничен. Это идеологическое заблуждение. Всякий прогресс имеет потолок. Причем причины его ограниченности заключены в нем самом. Одни и те же факторы, стимулируя прогресс, одновременно порождают и его ограничители. Мне кажется, что Запад близок к потолку своего экономического прогресса. Прогресс требует затрат. А затраты растут с каждым шагом прогресса так, что выгоды от него относительно сокращаются. В конце концов затраты превзойдут выгоды, и регресс в других отношениях будет доминировать. К тому же экономический прогресс Запада происходит на более широкой основе, чем толь-

ко капитализм, — на основе западнизма, в котором все большую роль играет аспект коммунальный (коммунистоподобный, если не коммунистический).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Население западных стран распадается на множество категорий, групп, классов, слоев, короче говоря — на множество подразделений по самым различным признакам и в самых различных разрезах общества. Рассматривая различные сферы общества, мы тем самым рассматриваем и структурирование населения страны. И я на эту тему уже сказал довольно много. Сделаю к сказанному еще ряд дополнений. Они будут касаться суммарного структурирования населения.

В течение длительного времени на Западе имел влияние марксистский подход к социальной структуре населения. В основе его лежало деление людей на основные классы, противостоящие друг другу. Основными классами западного общества как общества капиталистического считались владельцы средств производства и наемные рабочие — капиталисты и пролетарии. Этот подход в XX веке был несколько модифицирован немецким социологом Максом Вебером и сохранил некоторое влияние до сих пор. Например, американский социолог Эрик О. Райт¹ разделяет население на класс капиталистов, которые контролируют денежные капиталы, средства производства и рабочую силу, класс рабочих, которые не контролируют ничего, и множество прочих неопределенных категорий между ними. Но большинство авторов считает деление людей на такие классы в отношении современного западного общества лишенным смысла. И не без оснований.

Анализ деловых клеточек западного общества обнаруживает сложную социальную структуру занятых в ней людей с иерархией социальных позиций и с отношениями начальствования и подчинения. А если принять во внимание разнообразие и иерархию клеточек, а также систему коммунальных клеточек, включая систему госу-

¹ Erik Olin Wright. *Classes*. London, 1985.

дарственной власти, то обнаружим социальную структуру членов общества в десятки раз более сложную, чем на уровне отдельных клеточек.

В реальной структуре западных стран нет такой поляризации классов, на какой базировалась марксистская идеология. Вместо абстрактного капиталиста Марксовой схемы можно увидеть множество людей различных социальных категорий — занятого тяжким трудом мелкого или среднего предпринимателя, находящегося в вечном долгу у банка; наемных лиц, выполняющих функции управляющих и надсмотрщиков; менеджера, распоряжающегося акционерным или частным капиталом; директора банка; президента банковского совета или еще какой-то вариант. И лишь в порядке исключения тут увидишь Марксова капиталиста, да и то в частичном виде.

Точно так же обстоит дело с другим элементом-схемы — с наемными лицами. В их числе окажутся директора банков, получающие больше денег, чем миллионеры-предприниматели; менеджеры; государственные чиновники вплоть до президентов, министров, генералов; инженеры; профессора; артисты; спортсмены и прочие лица, ничего общего не имеющие с пролетариатом. В промышленности западных стран занято меньше трети работающих людей, по крайней мере половина которых не является рабочими по профессии. Рабочие в сельском хозяйстве суть ничтожная часть населения. Много людей в сфере обслуживания заняты физическим трудом. Но они не образуют никакой социальной класс. Рабочий класс в том виде, в каком он послужил основой для марксистских идей классовой борьбы и диктатуры пролетариата, вообще больше не существует в западных странах.

Выше я уже говорил о таком явлении в структуре населения, как превращение многих миллионов рядовых граждан в собственников каких-то денежных сумм, которые в совокупности образуют огромные капиталы. Хотя эти люди не становятся капиталистами, они становятся участниками жизни капиталов отнюдь не в роли наемных рабочих, а в роли мелких собственников и участников капиталов. Наемные рабочие, попадающие в это

множество, теряют свою «классовую чистоту», если так можно выразиться.

Упомянутый выше Райт подробно описал категорию граждан США, которую он назвал выражением «Символические аналитики». Эту категорию образуют наемные лица. Большинство из них окончили колледжи или университеты. Многие имеют ученые степени. Они имеют дело с теми или иными жизненными проблемами не непосредственно, а путем манипулирования с символами, — со знаковыми данными о реальных явлениях, операциях, процессах. Их орудия — математические алгоритмы, научные теории, кодексы законов, финансовые операции, психологические средства, логические рассуждения. Они отражают реальность в абстрактных образах, перерабатывают последние и экспериментируют с ними, передают другим специалистам и в конце концов воплощают результаты своей деятельности в реальность. К этой категории относятся, например, ученые, инженеры-дизайнеры, юристы, финансовые советники, советники по налогам, издатели, журналисты, работники телевидения, создатели фильмов, работники рекламы, деятели искусства, проектировщики и т. д. Представители этой категории работают в одиночку или небольшими группами. Они редко вступают в непосредственные контакты с теми, кто использует их труд. Они чаще имеют партнеров или помощников, чем начальников или надзирателей. В США в начале девяностых годов число таких людей составляло 20% работающих, то есть больше, чем число работающих в старом смысле.

Означает ли это, однако, что общество уже не распадается на классы с различными интересами, что наступила эпоха единства всех слоев населения и классового примирения? Ни в коем случае! Изменилась структура расслоения членов общества на различные категории, слои, классы и т. п., так что старые представления утратили реальный смысл, что было воспринято как исчезновение социального расслоения вообще.

Договоримся относительно смысла слов. Я уже говорил о том, что надо различать два смысла слова «класс», а именно — логический и социальный. В логическом смысле образовать класс предметов — значит взять ка-

кой-то термин «А» и построить новый термин «Класс А» (или «Множество А»). Например, из термина «стол» образуется термин «Класс (множество) столов», из термина «рабочий» — термин «Класс рабочих», из термина «капиталист» — термин «Класс капиталистов». В социальном смысле под классом понимают нечто большее. Обычно при этом предполагают общность интересов людей (членов класса) и совместность действий. Например, говоря о рабочем классе, имеют в виду то, что общим для них является стремление улучшить условия труда и увеличить зарплату, а их единство образуется и проявляется в профсоюзах, забастовках, политических партиях. Волна организованных профсоюзами мощных забастовок в Германии в 1992 году за повышение зарплаты вновь вернула в употребление выражение «рабочий класс», казалось, навечно выпавшее из социального лексикона¹.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Прежде чем непосредственно изложить мой взгляд на классовую структуру западного общества, сделаю краткое историческое отступление.

Принято считать, что основными классами феодального общества были феодалы (владельцы земли) и крестьяне, находившиеся в той или иной зависимости от них (крепостное право, барщина, оброк). Бесспорно, в феодальном обществе были и феодалы, и крестьяне, и феодальная зависимость вторых от первых. Но такое членение есть членение по принципам мясника, а не по принципам органичности. В реальности в основе имела место поляризация между первичными феодальными группами (буду употреблять такое выражение) и крестьянскими общинами. В феодальную группу входил феодал (а возможно — несколько родственников), члены семьи, слуги и вооруженные дружины. Элементарным членом логического класса «Феодалы» были не отдельные люди, а именно феодальные группы. Благодаря системе вассальной зависимости и в конечном счете благо-

¹ Только в мае 1992 года бастовало 400 тысяч человек.

даря монархическому государству феодалы объединялись в социальный класс феодалов.

Крестьяне тоже не были всего лишь элементами логического класса. Они образовывали общины, вступали в личные контакты с крестьянами других общин. Они не образовывали целостный социальный класс в масштабах страны или вообще большого региона, как феодалы. Тем не менее и тут были отношения, позволяющие говорить о классе в социальном смысле. Образованию такого класса способствовала церковь, а также развитие буржуазных отношений. Возникавшие время от времени крестьянские бунты и войны были признаками классовости крестьян. Между прочим, ведь и рабочий класс в западных странах не имел единой организации в масштабах страны. Он всегда был расколот на различные группы, причем обычно преднамеренно, с целью помешать революционной ломке общества.

КЛАССЫ ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА

И в западном обществе, если к нему подойти не с принципами мясника, а с принципами органичности, можно обнаружить самым очевидным образом основные классы, а именно — класс работодателей (или нанимателей) и класс работников (или нанимаемых). Элементами первого класса являются не только отдельные предприниматели, но и группы людей, совместно распоряжающихся ресурсами дела и организующих дело. В наше время такие группы играют решающую роль. Они имеют различные размеры — от нескольких человек до многих тысяч, как это можно видеть в больших компаниях. В эти группы входят как собственники средств деятельности, так и наемные лица — менеджеры, работники контор и канцелярий, короче говоря — все те, кто представляет и отстаивает интересы группы работодателя, будучи членами этой группы. Работодателем может быть не только группа, владеющая и распоряжающаяся средствами частной компании, но и общественное и государственное учреждение. Определяющим признаком работодателя является то, что он распоряжается средствами деятельности и может нанимать других людей, то есть функ-

дия в отношении «Наниматель — нанимаемый». Вне этого отношения работодатели и члены групп работодателей обладают другими признаками, в том числе сходными с представителями класса нанимаемых. Классовое расчленение общества есть лишь одна из частичек его структуры, а не вся структура.

В класс нанимаемых входят не только рабочие, но и служащие всякого рода, включая государственных служащих. Важно отметить одну особенность членов класса нанимаемых: это — отдельные люди, а не группы людей, не организации, не учреждения. Если работодатель имеет дело с группой, учреждением или организацией, он имеет с ней дело не как работодатель и не как с нанимаемым, а как предприниматель с другим предпринимателем. Это отношение иного рода, не отношение классовое.

Как показало забастовочное движение в Германии в последние годы, работники общественных служб (почта, уборка мусора, транспорт) и даже государственных учреждений (включая полицию) ведут себя в качестве нанимаемых по отношению к нанимателям точно так же, как рабочие. Это вызвало волну возмущения в общественном мнении. Но никто не обратил внимания на то, что имевшие тут место конфликты суть конфликты классовые, которые раньше признавались только в отношении собственников-капиталистов и наемных рабочих, занимавшихся в основном физическим трудом. Теперь же можно констатировать новый вид классовых отношений и классовых конфликтов.

В класс наемных работников входят и лица, сами являющиеся собственниками денежных сумм, акций, имущества (домов, земельных участков, вещей). В подавляющем большинстве это не пролетарии в том смысле, как их описывали Маркс и Энгельс. Тем не менее это не утешает того, что они занимают определенное положение в отношении «Наниматель — нанимаемый», а именно являются в этом отношении нанимаемыми. Этим классовым отношением не исчерпывается их социальный статус. Их интересы как нанимаемых не совпадают полностью с интересами нанимателей. А иногда они вступают в конфликт.

Члены логического класса нанимателей образуют различного рода объединения, разумеется — в своих интересах. Тем самым они организуются в класс нанимателей в социальном смысле. Именно организуются. Эта их классовая организация есть существенная часть структуры общества. Объединяются в социальный класс и нанимаемые. Происходит это благодаря профсоюзам, партиям, демонстрациям, забастовкам. Тут организация не является такой сильной, как у нанимателей. Однако она настолько сильна, что некоторые апологеты капитализма видят в этом угрозу демократии и рыночной экономике¹.

Класс нанимаемых не есть нечто единое для всей страны. Это множество социальных объединений нанимаемых, к каждому из которых применимо понятие класса в социальном смысле. Такие классы существуют в различных частях страны, порою — по несколько в одном и том же регионе. Различные профсоюзы и партии создают такие классы в самых различных районах, сферах и аспектах общества. Единый класс нанимаемых, на мой взгляд, в современных условиях вряд ли возможен. К тому же правящие силы общества заинтересованы в такой раздробленности. Логический класс нанимаемых по другим признакам состоит из людей, интересы которых различны и даже враждебны порою. Классовые интересы не являются всеобъемлющими, а порою они вообще являются второстепенными.

Аналогично существует несколько социальных классов нанимателей. Но тут возможности объединения лучше, чем у нанимаемых. В некоторых отношениях тут имеет место объединение в масштабах страны благодаря совокупности организаций, союзов, учреждений, сговоров и т. д., образующих систему управления экономикой.

Западное общество является многомерным, то есть одновременно структурируется в различных аспектах. Рассмотренное классовое расслоение является лишь одним из многих, причем не главным.

Одна черта классовых конфликтов, о которых я упо-

¹ Например, Р. Drucker. См. примечание на стр. 117.

мянул выше, заслуживает особого внимания. Борьба шла лишь за перераспределение в пользу нанимаемых долей доходов и средств, которыми располагали предприятия и учреждения и которыми распоряжались работодатели, а также за незначительные (с социалистической точки зрения) изменения в условиях труда. Социальные отношения вообще не подвергались критике и не ставились под сомнение. Они устраивают обе стороны. Борьба шла в этих рамках. В этом смысле классовые конфликты уже не являются антикапиталистическими, какими они были в XIX столетии и в начале XX. В связи с теми изменениями, какие произошли в структуре собственности, вопрос о собственности вообще потерял смысл как вопрос классовой борьбы. Доля нанимаемых в распределении благ зависит не столько от того, сколько капиталисты оставляют себе, эксплуатируя наемных лиц, сколько от общей экономической конъюнктуры и от положения предприятий и учреждений в этой конъюнктуре, а также от общей экономической политики государства. Сокращение личной доли работодателей в распределении благ не удовлетворило бы претензий нанимаемых даже в ничтожной мере. По этой причине классовые конфликты такого рода разрешаются путем переговоров враждующих сторон и экономических расчетов, составляющих часть экономических расчетов в обществе в целом. Классовая борьба в старом смысле перестала существовать. Ее роль борьбы социального масштаба перешла к массовым движениям иного рода и к борьбе между различными феноменами внутри системы западнизма.

СОВРЕМЕННОЕ РАБСТВО

При рассмотрении социальной структуры населения Запада нельзя игнорировать миллионы иностранных рабочих и иммигрантов, без которых современное западное общество вообще немислимо. В 1991 году в Западной Германии жило около пяти миллионов иностранных рабочих, то есть 6,5% населения. Во Франции иностранные рабочие составляли 8% населения, в Швейцарии — 16%, в Люксембурге — 23%. Большое число иностранцев проникало на Запад в качестве иммигрантов. В США

иммигранты составили чуть ли не основную часть прироста населения. Помимо легальной иммиграции, огромное число иностранцев проникало на Запад нелегально. Правительству США время от времени приходилось давать права гражданства миллионам нелегально жившим в стране иностранцам, которых было уже невозможно (да и нежелательно) выселить обратно на родину. До последнего времени на такой наплыв иностранцев смотрели сквозь пальцы. Лишь когда этот наплыв превысил всякие границы, стали принимать решительные защитные меры. В США построили металлическую стену от потока беженцев из Мексики. В Германии построили электронную охрану границы от нашествия с Востока. В Италии пришлось использовать армию, чтобы сдерживать поток албанцев.

Жажда многих миллионов людей из незападных стран добровольно переселиться на Запад ничуть не влияет на их социальный статус в западном обществе. Они тут образуют особый устойчивый социальный слой, сопоставимый с рабами Римской империи. Они бесправны, как и рабы. Во всяком случае, права их ограничены сравнительно с коренным западным населением. Условия их жизни тоже сопоставимы с рабскими¹. Конечно, с ними обращаются лучше, чем с рабами в Риме или в США в прошлом веке. Тем не менее они попадают в западные страны извне в качестве дешевой рабочей силы и для видов труда, какими граждане западных стран считают недостойным себя заниматься. Например, в Германии турки получают в два или три раза меньше немцев за ту же работу, а нелегально живущие тут люди из бывших коммунистических стран готовы работать вообще за гроши (за плату в десять и более раз меньше, чем немцы). Эти люди воспроизводятся в западных странах в этом их статусе, как воспроизводились (а не только захватывались в войнах) рабы в Риме. Создаваемая западными идеологами идиллическая картина, будто современные рабочие являются совладельцами предприятий или по крайней мере соучастниками

¹ Я не настаиваю на слове «рабство» как на научном понятии.

дела, заинтересованными в его процветании, к рассматриваемому слою не относится.

В процентном отношении класс рабов в Римской империи был менее многочисленным, чем класс современных рабов в западных странах. Но римское общество считается рабовладельческим, а западное демократическим. Впрочем, рабство в греческих демократиях было обычным явлением, а рабство в США даже в XX веке не мешало им считать себя самой демократической страной в мире.

К сказанному следует добавить еще тот факт, что большое число западных предприятий вынесено вовне, в те места планеты, где имеется дешевая рабочая сила и не действует западное законодательство в отношении работающих на этих предприятиях туземцев. Эти люди косвенно суть тоже элемент социальной структуры множества людей, вовлеченных в жизнедеятельность западного общества.

Существование рассматриваемого слоя уже породило на Западе проблемы, которые вошли в число важнейших и труднейших проблем современности. Представители этого слоя утвердились в западных странах и начали борьбу за условия жизни и работы, по крайней мере близкие к таковым коренного западного населения. Последнее увидело в них конкуренцию и угрозу своему будущему. Естественно, начались конфликты, получившие название расовых. В США они давно стали привычными. Теперь и Западная Европа становится ареной для них.

Не играет роли, как мы будем называть эти проблемы и конфликты. Важно то, что они стали фактом жизни Запада. Важно то, что они пришли надолго и всерьез. Важно то, что рассматриваемый слой объективно необходим для существования западного общества, причем именно в таком полурабском состоянии. А Запад сам загнал себя в ловушку проповедью гражданских свобод, прав человека и западного общества как общества равных возможностей.

В какой-то мере Западу повезло с тем, что проблемы такого рода приняли форму расовых: это позволяет скрыть их социальную сущность и органичность их для западнизма. В противном случае они давно обнаружили бы себя как проблемы классовые.

БЕЗРАБОТИЦА

Безработица считается одним из самых страшных дефектов западнизма. Она является постоянным, а не временным состоянием общества. Как установил Уильям Беверидж¹, даже в случае полной занятости число безработных будет достигать 3% от числа занятых. В последнее десятилетие безработица в западных странах устойчиво держится на уровне 7—9% от числа работающих, так что приведенную выше величину 3% следовало бы удвоить.

Наличие безработных вызывает недоумение по целому ряду причин. В стране миллионы безработных граждан, а одновременно тут занято в два раза больше иностранных рабочих. С другой стороны, предприниматели данной страны инвестируют свои капиталы и создают предприятия в других странах, давая там работу большому числу людей. Почему эта «нелепость» имеет место? То, что предпринимателям это выгодно, очевидно и общеизвестно. Иностранным рабочим меньше платят, чем своим. Они не имеют профсоюзов. Не надо тратить на их социальное обеспечение. В других странах рабочая сила дешевле. Не надо думать о социальных проблемах чужого населения и т. д. Но дело не только в этом. Безработица, возникнув как постоянно действующий фактор, воспроизводится уже с необходимостью и выполняет разнообразные функции, не заложенные в ней как таковой. Она играет роль фактора трудовой дисциплины, сдерживает претензии работающих, заставляет благополучных ценить то, что они имеют. Многие граждане страны не хотят работать на тех же условиях, на каких работают иностранцы, и заниматься тем же унизительным трудом. А другие хотели бы, да не могут, так как места уже заняты, и требуется профессиональная подготовка, какой у них нет. Многих устраивает пособие по безработице.

Безработица вполне уживается с дефицитом рабочей силы. Имеются профессии, в которых условия труда тяжелые, а оплата низкая (например, низший медицин-

¹ William H. Beveridge. Full Employment in Free Society. London, 1944.

ский персонал), и люди не идут на эту работу, предпочитая пособие по безработице или случайные заработки. А с другой стороны возникают новые профессии, требующие высокой и необычной квалификации, на овладение которой нужно время, усилия и способности, какими обладает далеко не всякий. Развитие западнистской цивилизации пошло в таком направлении, что проблема способностей большого числа людей для овладения новыми профессиями приобретает все более важное значение. Думаю, что дефицит людей, способных на это, будет возрастать и может со временем стать препятствием прогресса.

Когда приводят данные о безработице, то указывают только зарегистрированных в качестве таковых. Но существует еще скрытая безработица. В Германии в 1992 году, например, было зарегистрировано около трех миллионов безработных, а скрытая безработица (по сообщениям газет) превышала два миллиона.

Нет надобности говорить о том, что означает безработица для людей в материальном и в морально-психологическом отношении. В США миллионы людей из поколения в поколение не имеют постоянной работы. О том, что они живут на уровне ниже нищенского, не раз говорили президенты США. Страх потерять работу является важнейшим фактором, определяющим душевное состояние людей в странах Запада. Спад экономической активности в начале девяностых годов и рост безработицы резко усилили, по моим наблюдениям и по сведениям прессы, состояние душевной депрессии в широких слоях населения.

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ

Структурирование населения западных стран не исчерпывается классовым. Оно происходит по многим другим линиям, в том числе по линии распределения жизненных благ. Неравенство людей с этой точки зрения в западных странах чудовищное. На одном полюсе общества происходит накопление баснословных богатств, на другом — беспросветной нищеты. Одна часть членов общества имеет доступ ко всем жизненным благам, ко

всем достижениям цивилизации, о которых еще совсем недавно не могли мечтать даже самые привилегированные люди, а другая часть лишается той крупницы благ, какую раньше располагали даже бедняки.

Во всяком обществе так или иначе происходит разделение на богатых и бедных. Но в различных обществах это принимает различные размеры и формы, а также различно переживается людьми. Вот некоторые данные на этот счет. В Великобритании¹ в 1987 году 0,1% высшего слоя населения владело 7% богатства страны, а 50% средних и низших слоев — лишь 4%. Девять миллионов граждан (то есть 17% населения) в 1986 году жило на уровне нищеты. В 1989 году треть жителей Лондона жила в нищете². Во Франции 1% населения владел 30% национальных богатств, зато 10% самых бедных имели всего 0,03% национальных богатств. Восемь миллионов жило в нищете³. В Западной Германии 17 семейств владеют имуществом стоимостью более 100 миллиардов марок. Одновременно здесь до трех миллионов взрослых не умело читать и писать⁴, шесть миллионов человек не имело средств существования, крова и надежд на будущее⁵. В других странах положение было не лучше. В 1963 году в США произвела сенсацию книга Майкла Харрингтона⁶, в которой говорилось о десятках миллионов людей, живших в нищете. Несмотря на меры правительства как-то улучшить положение, в 1989 году в США жило в нищете 31,5 миллиона человек, а в 1990-м — 33,6 миллиона, то есть 13,5% населения⁷.

Аналогичную картину контрастов богатства и бедности можно увидеть, рассматривая размеры доходов работающих граждан. В Великобритании в 1985 году 5% работающих получало 16% общенационального дохода, а

¹ Antony Giddens. Sociology. Polity Press, 1989.

² Charles Booth. Life and Labour of the people in London. London. 1989.

³ Эти данные фигурировали в средствах информации как общеизвестные.

⁴ FAZ, 19.09.1990.

⁵ TV. 16—22.02.1991.

⁶ Michael Harrington. The Other America. N.Y., 1963.

⁷ International Herald Tribune. 28.09.1991.

50% — всего 5%. Во Франции 1% имели месячный доход не менее полумиллиона франков. То, что высокие доходы имеют капиталисты, это привычное явление. Новым тут является возникновение класса наемных лиц, имеющих очень высокие доходы и занимающих экономически влиятельные позиции. Например, глава Шпрингеровского концерна в Германии имел в 1969 году оклад 1,2 миллиона марок, хотя он не был владельцем предприятия (по нынешним ценам — это более трех миллионов). Многие авторы считают, что решающим фактором в разделении общества на слои становится позиция в социальной иерархии, а не собственность¹. А это один из важнейших признаков общества коммунистического.

К категории сверхбогатых людей следует причислить главарей преступных организаций, кинозвезд, модных певцов и танцоров, выдающихся спортсменов и музыкантов, изобретателей и представителей других категорий, сохраняющих или приобретающих огромные состояния благодаря общепризнанным и стабильным условиям западного общества.

Согласно сообщениям в средствах массовой информации и в профессиональных сочинениях, большинство жителей западных стран имеет высокий жизненный стандарт. Но это не отражает фактическую роль бедности, пусть в процентном отношении она и выглядит вроде бы безобидно. Бедность особенно страшна не тогда, когда она всеобщая (тогда она воспринимается как нормальное состояние), а именно тогда, когда бедных сравнительно немного. Тогда бедные, видя благополучие большинства, ощущают себя отверженными, а большое число благополучных живет в страхе попасть в это меньшинство отверженных. Бедность при этом воспринимается как самая страшная и неизлечимая болезнь. Окружающие сторонятся бедных, как заразных больных.

Бедность не есть злой умысел каких-то сил западного общества. Она есть неизбежное следствие объективных законов западнизма. Положение вряд ли улучшилось бы в этом отношении, если бы вдруг отобрали богатства у сверхбогатых. Последние не сами проедают

¹ J. Huffs Schmid. См. примечание 58. Helmut Arntz. Facts about Germany. 1959.

свои богатства, они играют роль своего рода пунктов перераспределения общественных богатств. Объем жизненных благ, особенно современных, не безграничен, на всех все равно не хватит. К тому же по законам капитализма выгоднее не ликвидировать бедность, а повышать интенсивность и производительность труда одних, выбрасывая в категорию отверженных других¹.

УРОВНИ ДОХОДОВ

В западной социологической и экономической литературе принято делить население на три уровня (класса, слоя) — на высший, средний и низший. Основанием для деления служит размер собственности и дохода. Каждый такой уровень разделяется в свою очередь на подуровни, обычно — на три. Например, по одной из таких классификаций средний уровень подразделяется на та-

кие:

- 1) собственники мелких предприятий, местных магазинов, небольших ферм; 2) управляющие фирмами и представители профессий высокого уровня; 3) служащие контор, учителя, низший медицинский персонал и т. д. Низший класс делят на квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих, работающие этнические меньшинства. По другим классификациям в низший класс попадают безработные и вообще лица, имеющие доход ниже минимального.

Такого рода классификации очевидным образом искусственны. Почему три уровня, а не четыре или пять? В реальности имеет место непрерывная линия уровней собственности и доходов. В ней просто нет естественных точек разграничения. Фактическая роль таких классификаций — идеологическая: признав очевидный факт социальных и материальных контрастов, направить внимание людей на удобную для апологетики статистическую середину. Когда сообщают, что высший слой составляет пять процентов населения, низший — десять, а средний — восемьдесят пять, то всякая социальная кри-

¹ С. Князев. Вперед к капитализму. «Наш современник», № 10. 1991.

тика общества должна умолкнуть. В средний слой при этом попадают мелкие и средние предприниматели, государственные служащие, профессора, артисты, квалифицированные специалисты, адвокаты, врачи и т. д. О какой тут классовой борьбе может идти речь?!

Сами жители западных стран зачастую затрудняются идентифицировать свою социальную категорию с точки зрения такой классификации. По одним опросам 80% американцев отнесли себя к среднему классу, а по другим — лишь 43%.

Разделение населения на высший, средний и низший слои и установление их численности не есть конец анализа социальной структуры населения. Это — только начало анализа. Средний слой не есть всего лишь один из слоев наряду с другими. Он есть основное население страны, социальную структуру которого надо еще исследовать. Именно эта структура образует основу западнизма, а не крайности в распределении власти, собственности и доходов. Жизнь среднего слоя порождает крайности западнизма, а не наоборот. Западнизм вообще возник как революция «третьего сословия», развившегося в «средний слой».

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ЛИЧНЫЕ СВЯЗИ

Социальный статус человека есть его суммарная характеристика, определяемая многочисленными факторами: уровнем богатства и доходов, положением на иерархической лестнице социальных позиций, престижным уровнем профессии, степенью известности, образованием, культурным уровнем, сферой общения, связями, перспективой роста и другими.

Одинаковый социальный статус сводит в одну группу людей самых различных категорий. Например, в одну группу могут попасть политики, банкиры, танцоры, кинозвезды и ученые, не связанные никакими коммерческими и государственными отношениями. Различный социальный статус разбрасывает по разным группам коллег по работе и соседей, а зачастую и родственников.

В обществе образуется множество групп из лично знакомых людей с более или менее одинаковым соци-

альным статусом. Устанавливается иерархия таких групп. Между ними устанавливаются различного рода пересечения, так что складываются более сложные и обширные объединения, слои, касты и т. д. Общество таким путем оказывается совокупностью лично связанных людей, структурирующихся в зависимости от их социального статуса.

Мне не попадались конкретные данные о том, какой процент деловых операций и решений происходит в таких группах и слоях и какова роль этих решений и операций в жизни людей. Исследование этого аспекта социальных отношений западного общества практически невозможно в силу его интимного характера и формальной недоказуемости утверждений. Я думаю, однако, что процент таких решений и операций высок, а важность их огромна.

В рассматриваемом аспекте происходит структурирование населения, отличное от делового, можно сказать — социальное структурирование. Тут образуются свои клеточки, ткани и органы. Изображение их жизни можно найти в литературных произведениях и кинофильмах, а также в прессе. Но обобщающие научные исследования на эту тему мне неизвестны. Я сомневаюсь в том, что они есть. Это — одно из табу западного общества.

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ

Вертикальной динамикой населения называют переход людей из одного слоя (класса) в другой, более высокого или низкого уровня, то есть повышение или понижение их социального статуса. В западной идеологии и пропаганде создают видимость, будто западное общество есть общество равных возможностей и будто любой в принципе может подняться из низших слоев в высшие. И приводят примеры людей, наживших за короткий срок огромные состояния или добившихся успехов в других сферах. Однако многие западные авторы¹ утверждают, что вертикальная динамика, наоборот, в западных странах незначительна. По их мнению, для подавляющего

¹ Например, William Rubinstein. The Rich in Britain. 1986.

большинства людей главным условием приобрести социальный статус родителей или подняться выше является их рождение в определенном слое, а не другие факторы.

Вертикальная динамика населения в коммунистических странах на первых порах была необычайно высокой. Это и понятно. Социальная иерархия тут складывалась вновь, и все высшие ее уровни создавались за счет выходцев из низших слоев — из «народа». Но уже через одно поколение наметился спад в этом отношении, а через два поколения преимущества рождения стали важным и устойчивым фактором карьеры и жизненного успеха вообще.

Я думаю, что суммарные показатели вертикальной динамики населения мало что говорят о реальной ситуации в обществе с этой точки зрения. Тут необходимо выяснить соответствующие показатели для различных категорий членов общества. Так, для представителей слоев, занятых в коммунальном аспекте общества, возможности продвигаться вверх по иерархической лестнице социальных позиций лучше, чем для других. И на низших ступенях иерархии вертикальная динамика выше, чем на высших.

НАСЛЕДОВАНИЕ

В западном обществе существуют две формы наследования. Первая из них — наследование материальных ценностей (имущества, земли, денег и ценных бумаг) и дела родителей или других лиц в соответствии с правовыми нормами. Исторически оно было необходимым условием возникновения и укрепления капитализма. Со временем тут произошли изменения, но сущность этого наследования сохранилась.

В мелком и среднем (в какой-то мере и в крупном) бизнесе большое число наследников продолжает дело предшественников, чаще — в силу необходимости зарабатывать на жизнь. Но в той сфере бизнеса, которая задает тон в экономике, наследование занятий происходит редко и не по правовым нормам. Многие дети бизнесменов предпочитают профессии иного рода.

Наследование материальных ценностей остается не-

зыблемой основой общества. Тут имеют место юридические ограничения (налоги), но они не меняют сути дела. К тому же находятся способы их обойти. Далеко не все наследуемые ценности используются как капитал. Многие просто проживаются. Но значительная часть используется как средство наживы и накопления богатства, причем применительно к новым условиям. Приведу один пример. В Германии около миллиона человек владеет домами, квартирами и участками земли стоимостью более 300 миллиардов марок. Они передаются по наследству. Наследники, как правило, сами имеют достаточно высокие доходы. Создается особая категория богатых людей¹. Они из поколения в поколение становятся все богаче исключительно в силу права наследования. Одновременно растет число людей, не обладающих таким имуществом, для которых траты на жилье становятся бичом их жизни. Их буквально грабят владельцы жилья. Из-за этого даже люди со сравнительно высоким доходом попадают в категорию бедняков. В экономике в целом, однако, обогащение за счет наследования ценностей теперь, как мне кажется, не является главным способом обогащения. Конкретные данные на этот счет мне не встречались.

Вторая форма наследования заключается в том, что наследуется социальный статус. Происходит это не в силу правовых норм, а благодаря тем возможностям, какие родители и родственники предоставляют наследникам, чтобы они смогли удержаться на том же социальном уровне и даже повысили его. Наследники начинают жизненный путь не с нуля, а уже с более или менее высокого уровня, будучи подготовлены к выполнению определенных функций и к борьбе за успех.

Эта форма наследования играет роль не только заботы родителей о потомстве. Она есть явление социально значимое и целесообразное. В огромном обществе с колоссальным разнообразием выполняемых людьми функций и иерархией степеней их сложности и важности не возможно, чтобы все дети начинали жизненный путь с нуля и проходили одинаковую подготовку. Они должны стартовать с разных уровней и с разными возможностями

¹ TV. № 10, 1992.

ми. Изображение западного общества как общества равных возможностей есть идеологический миф, в который никто не верит.

Вторая форма наследования приобретает все более важное значение и оттесняет первую форму на второе место. В коммунистическом обществе она является главной.

ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Существуют ли какие-то универсальные принципы распределения благ, имеющие силу в отношении всех членов общества или хотя бы большинства? Маркс, объявив рабочую силу товаром, ввел для нее такой принцип: наемные лица получают столько, сколько стоят. А чем определяется их стоимость? Затратами, общественно необходимыми на их «изготовление». А как измерить эти затраты? Универсальным средством для этого как раз и является продажа рабочей силы. Получается порочный круг.

В теории коммунистического общества Маркс сформулировал два принципа распределения — принцип «По труду» для низшей ступени коммунизма и принцип «По потребности» для высшей. Но как сравнивать труд людей различных профессий (а их десятки тысяч!), различных уровней квалификации и различных способностей? И что значит «По потребности»? Значит ли это, что удовлетворяются любые потребности или только такие, которые общество признает в качестве потребностей данного индивида? Одним словом, все эти принципы суть пустышки, тавтологии или идеологические лозунги.

Я считаю, что никакого одного универсального принципа распределения, имеющего силу для всех людей в западном обществе, не существует, если не считать за таковой тавтологии и морализаторские изречения вроде «Каждому — свое». В реальности идет борьба за жизненные блага, в которой каждый стремится использовать свое положение, свои силы и способности. Одни делают это, используя приобретенное или унаследованное имущество и капитал, другие — делая служебную карьеру, третьи — продавая свои способности, четвертые — улучшая квалификацию, пятые — организуя дело, шестые —

грабя и воруя, короче говоря — добываясь благ теми путями, какие возможны для них в данном обществе.

Тут имеется система принципов, вплетенная в общий процесс жизнедеятельности людей. Опытным путем и в результате борьбы интересов находятся нормы вознаграждения деятельности людей. Эти нормы закрепляются договорами, законами, обычаями. Тут есть свои частные принципы, имеющие силу в более или менее узких пределах. Например, человек, занимающий более высокий пост, чем другой человек, в рамках одной и той же сферы оплаты должен получать больше, чем второй. И мало кто оспаривает этот принцип. Точно так же считается само собой разумеющимся, что предприниматель, лучше другого организовавший свой бизнес, имеет и более высокий доход. Но конкретные величины при этом ни из каких принципов не следуют.

В системе принципов распределения западного общества действуют как принципы капитализма, так и принципы коммунальности, причем так, что их трудно разделить. Например, социальный закон, согласно которому каждый стремится урвать для себя максимум того, что возможно в его положении, с его силами и с его способностями, в сфере бизнеса проявляется как принцип предпринимательской деятельности в рамках правовых норм, а в «политическом классе» — как коррупция и использование служебного положения в корыстных целях.

БОГАТСТВО И КАПИТАЛ

Я думаю, что в социальной структуре западного общества следует выделить богатство не просто как обладание ценностями, но как особую социальную категорию того же типа, как капитал, наемный труд, бюрократия и т. д. И прежде всего для этого надо выяснить отношения богатства и капитала.

Не всякое богатство наживается и функционирует как капитал. Не всякий богатый человек есть капиталист. Не всякий капиталист богат. Капитал вообще не есть богатство. Он может служить лишь средством приобретения богатства, причем далеко не единственным. И в западном обществе существуют многочисленные способы

обогащения, отличные от капиталистического, — наследование имущества и денег, высокая плата за занимаемую должность, махинации с имуществом и финансами, игра, грабеж, организованная преступность, плата за открытия и изобретения, огромные гонорары, мошенничество и т. п.

Богатство есть какая-то сумма ценностей. Эти ценности суть земли, дома, драгоценности, ценные вещи (мебель, посуда, одежда, ковры, картины, коллекции всякого рода и т. п.). И, само собой разумеется, деньги и ценные бумаги. Но не любая такая сумма ценностей считается богатством, а лишь такая, которая превышает некоторую общественно значимую величину. Последняя определяется условиями данного общества. То, что является богатством в одном человеческом объединении и в одних условиях, может не быть таковым в других.

Но богатство — не просто сумма ценностей, подобно тому, как капитал не есть всего лишь деньги, приносящие прибыль. Богатство существует не само по себе, а как собственность особого рода людей, живущих среди других людей и вступающих с ними в определенные социальные отношения. Обладающие богатством люди образуют особый социальный класс. Это феномен социальной структуры человеческих объединений.

Какими бы разнообразными путями богатые люди ни приобретали свои богатства и какой бы разнообразный образ жизни они ни вели, они образуют группы на основе личных контактов, а эти группы сплетаются в единые слои в масштабах больших районов, целых стран и континентов. И функционируют они как некая единая ткань, то есть именно как класс не только в логическом, но и в социальном смысле.

Класс богатых возникает во всяком обществе, в котором возможно накопление богатств. Возникает как нечто производное от фундаментальных социальных отношений. Но, возникнув и укрепившись, он становится хозяином общества, точнее говоря — организует господствующие слои общества в единое частичное общество богатых. Он сравнительно немногочислен. Но он овладевает львиной долей богатств общества, основными и самыми щедрыми источниками доходов, наилучшими

каналами карьеры и вообще средствами жизненного успеха.

Класс богатых сохраняет и увеличивает свои богатства самыми различными путями, причем как некапиталистическими (я о них уже упоминал выше), так и капиталистическими. Хочу особое внимание обратить на то, что в высших этажах денежной системы оперирование огромными денежными суммами и приобретение их в личное владение в значительной мере выходит за рамки капиталистического бизнеса в собственном смысле слова. Это — игра на бирже, грандиозные банковские махинации, валютные операции высших финансовых учреждений, государственные денежные операции больших масштабов, операции на уровне символической экономики вообще, взаимоотношения бизнеса и представителей власти. В средствах массовой информации время от времени предаются гласности случаи, из которых можно видеть, как огромные суммы денег некапиталистическими методами перекачиваются в карманы представителей класса богатых. Стало своего рода общим местом говорить, что в истоках большинства крупных состояний можно найти какие-то преступления, то есть некапиталистические методы обогащения, приписываемые почему-то капитализму.

Класс богатых есть явление не столько в деловом, сколько в коммунальном аспекте общества. Это с полной очевидностью можно наблюдать в коммунистических и бывших коммунистических странах. В советской России не было класса капиталистов. Но там сложились значительные слои богатых людей. На это обращали внимание многие авторы из кругов коммунистов. Они считали это признаком перерождения советского общества в капиталистическое. На самом деле это было образование некапиталистического класса богатых людей в рамках коммунистического общества на чисто коммунальной основе. Этот класс возникал из партийных и государственных чиновников, директоров предприятий, в которых имелись возможности личной наживы, высокооплачиваемых деятелей культуры, главарей преступных организаций, мошенников и прочих категорий граждан коммунистического общества, имевших дело с деньгами и материальными ценностями.

Коммунистический класс богатых становился фактическим хозяином советского общества, вербуя в свой состав наиболее влиятельных и склонных к обогащению граждан. Он и стал опорой тех преобразований советского общества, которые начались в 1985 году и привели к распаду Советского Союза и катастрофическому состоянию страны. В результате этих преобразований класс богатых, который до этого существовал скрытно и даже считался преступным, вышел на поверхность и был признан законным.

Западная пропаганда изображала этот процесс как переход к капиталистической рыночной экономике и демократии. На самом деле это был процесс в рамках коммунизма. Стремительно складывался непроизводительный класс богатых, прибиравший к рукам всю экономику и оставлявший ничтожные возможности для капитализма. Русские предприниматели, пытавшиеся действовать по принципам капитализма, жаловались именно на это.

Частная собственность сохранила полную силу для класса богатых как условие его существования. В данном случае это не есть средство организации деловой жизни общества, как это имеет место в отношении капитализма. Тут это есть средство удовлетворения классового эгоизма. Класс богатых не является классом производительным. Лишь допуск в него представителей бизнеса несколько затушевывает его паразитизм. Критики западного общества, как правило, отождествляли классы богатых и капиталистов, приписывая второму пороки первого.

СФЕРА КОММУНАЛЬНОСТИ

Западнизм возник как слияние множества разнородных элементов человеческой истории, как результат неповторимого стечения разнообразных исторических обстоятельств, а не как нечто, выросшее из одного «яйца», из одной «точки роста». Это — тип общественного устройства, который является плюралистическим уже по своему происхождению. Из множества исторических источников его я выше выделил три основных — деловой, коммунальный и человеческий. Я в общих чертах рассмотрел первый из них. Перейду теперь ко второму. Од-

новременно это будет рассмотрением коммунального аспекта сформировавшегося западнизма.

Коммунальный аспект (коммунальность) западнизма развился столь же грандиозно, как и деловой. Причем он имеет тенденцию к разрастанию и усилению. Должен заметить, что он доминировал не только в коммунистических странах. Нечто подобное имело место в Древнем Египте и Китае, в Византии, в дореволюционной России. Советский коммунизм явился результатом и завершением русской истории как истории по преимуществу государственной, то есть коммунальной.

И в эволюции общества в рамках одного и того же типа соотношение делового и коммунального аспектов со временем меняется. Возможно, что конечным результатом эволюции любого достаточно большого общественного организма так или иначе является разрастание и доминирование коммунальности. В таком случае не избежать этой участи и обществу западному. Тогда можно будет сказать, что Запад достиг потолка прогресса и началось его внеисторическое бытие. Но это только предположение. Может случиться так, что по каким-то внешним причинам Запад просто не доживет до «такого естественного» конца.

Сфера коммунальности включает в себя совокупность двоякого рода феноменов: 1) таких, благодаря которым данное множество людей живет как единое целое, воспроизводится и сохраняется как таковое во времени, поддерживает внутренний порядок во взаимоотношениях между различными частями целого, защищает себя от разрушительных внешних сил; 2) таких, благодаря которым указанные в первом пункте феномены сами воспроизводятся и заключаются в определенные рамки.

В число феноменов обеих групп включаются, конкретнее говоря, такие. Во-первых, это совокупность органов власти и управления страной в целом и ее территориальными подразделениями вплоть до минимальных, административно-бюрократический аппарат, полиция, суды, тюрьмы, армия, секретные службы и вообще все учреждения, подчиненные органам власти и служащие целям общественного порядка и охраны страны, короче говоря — государство в узком смысле слова или сфера государственности. Во-вторых, это совокупность право-

вых (юридических) норм, а также совокупность людей и учреждений, занятых в функционировании этих норм, — правовая сфера. И в-третьих, это различного рода феномены публичной (общественной, в отличие от предпринимательства) жизни населения страны вроде общественных организаций, партий, движений, добровольных действий граждан в интересах различных групп, слоев и классов населения, а также в интересах страны в целом, — сфера публичности или гражданственности («гражданское общество»).

Коммунальность западнизма оформлена и закреплена в особых органах, учреждениях и организациях людей. Это эмпирически наблюдаемые подразделения общественного организма, которые мы суммарно обозначаем словами «государство», «право» и «гражданское общество». Сфера коммунальности не исчерпывается этим, но я намерен рассматривать ее в дальнейшем лишь в этом воплощении.

КЛАССИЧЕСКИЙ ОБРАЗЕЦ

Западные страны («национальные государства») внутри себя разделяются на более мелкие территориальные единицы, а в другом направлении образуют более крупные объединения — группировки, блоки, союзы. На всех уровнях этой иерархии имеют место феномены коммунальности. Но в полном объеме и в наиболее завершенном виде коммунальность в наше время сконцентрирована на уровне суверенных стран («национальных государств»). Это фиксировал еще Т. Гоббс. Этот уровень определяет прочие. От него какая-то часть элементов коммунальности «опускается» вниз, на более мелкие деления, и какая-то часть «поднимается» вверх, на более крупные объединения. На этих уровнях возникают свои системы коммунальности. Однако в иерархии человеческих объединений возможна только одна полная и относительно завершенная система коммунальности, а именно та, которая обладает суверенитетом. Тот факт, что правительство одной страны может выполнять волю правительства другой страны, в данном случае не имеет значения. При этом будет иметь место за-

висимость одной суверенной в социологическом смысле коммунальности от другой. Чтобы понять коммунальность западнизма как таковую, надо в качестве объекта наблюдения взять ее состояние в современных суверенных (пока еще суверенных!) западных странах, то есть в классически завершенном виде. Если эти страны утратят национальный суверенитет и «растворятся» в более обширной общности, коммунальность будет деформирована и растерзана так, что потребуются усилия на выявление ее закономерностей, которые сейчас пока еще доступны для наблюдения без особых усилий.

При первом взгляде на сферу коммунальности западных стран бросается в глаза ее раздробленность и разбросанность сравнительно с тем, как эта сфера выглядела в коммунистических странах. Тем не менее в исходном пункте исследования ее следует рассматривать как единое целое, а ее раздробленность — как разделение функций и разделение частей при исполнении этих функций. Такой подход соответствует реальной связи элементов коммунальности между собою, как обнаруживает более пристальный анализ.

Возможны различные соотношения частей коммунальности в рамках системы одного и того же типа, а также колебания этих соотношений. Возьмем, например, политическую систему Италии. В течение почти 50 лет она находилась в состоянии перманентного кризиса. С точки зрения постороннего наблюдателя создавалось впечатление, будто Италия находилась на грани политической катастрофы. Но шли годы, а никакой катастрофы не было¹. Правительственные кризисы в Италии сами по себе не были кризисом системы государственности в целом. Как целое она оставалась достаточно сильной и устойчивой, чтобы сохранять страну как суверенное «национальное государство» и поддерживать на терпимом уровне общественный порядок. Во время Четвертой республики во Франции имели место частые и продолжительные политические кризисы, создаваемые партиями в парламенте. Однако это не мешало тому, что транспорт работал, мусор убирался, законы и порядок соблюдались, административный аппарат вы-

¹ J. La Palombara. См. примечание на стр. 93.

полнял свои функции. Коммунальность в целом была достаточно сильна, чтобы поддерживать жизнь общества в более или менее нормальном состоянии. Аналогично «слабое» центральное правительство США не есть показатель слабости сферы коммунальности в целом. В США она, пожалуй, сильнее, чем в других странах Запада с сильной центральной властью.

ВАРИАНТЫ

Коммунальные сферы западных стран разнообразны. Англия, Голландия, Бельгия, Дания, Швеция, Норвегия и Испания суть монархии, а Франция, Германия, Италия и Австрия суть республики. США, Германия и Австрия суть федерации, а Франция и Италия — нет. В США и Франции — «сильный» президент, а в Германии и Австрии — «слабый». В монархиях глава государства не президент, а монарх. В Англии первым лицом в системе политической власти является премьер-министр, в Германии и в Австрии — канцлер, в США и Франции — президент. В США большую роль играет Верховный суд, а в Западной Европе об этом третьем ингредиенте государства почти не слышно совсем.

Легко видеть и различия в конституциях. В Англии вообще нет конституции в собственном смысле слова. Ее заменяют законодательные документы, принятые в разное время¹, и традиционная «политическая культура». Конституция США вступила в действие в 1789 году, а в 1790 году ее ратифицировали все 13 штатов. Конституция Бельгии была принята в 1831 году и изменена в 1988-м, Дании — в 1949-м и изменена в 1983-м, Франции — в 1958-м и изменена в 1976-м, Италии — в 1947-м и изменена в 1967-м и т. д. Одни конституции, как видим, менялись со временем, другие — нет.

В Италии премьер-министры менялись чаще, чем в Англии. Но это не означает, будто итальянская политическая система была менее стабильной, чем в Англии. В национальных выборах в Италии участвовало 90% из-

¹ Начиная с Magna Charta Libertatum 1215 года и кончая Парламентскими законами 1911 и 1949 годов. Плюс Common Law (неписанные традиционные правила).

бирателей, а в США обычно менее 50% участвовало в выборах президента. В 1992 году в выборах президента приняло участие 54% избирателей, что было оценено как беспрецедентная политическая активность населения. Но это еще ничего не говорит о достоинствах и недостатках как итальянской, так и американской политической сферы. Судить о том, что тут есть норма и что отклонение от нормы, по отдельным показателям нельзя.

ТИП КОММУНАЛЬНОСТИ

Несмотря на упомянутые различия, в западных странах имеется нечто общее, что позволяет говорить об особом типе коммунальности, — о коммунальности западнизма. Этот тип характеризуется тем, какие именно функции коммунальная сфера выполняет в обществе, каковы взаимоотношения этих функций, как воспроизводится система коммунальности, какова ее структура и т. д. Например, не является существенным то, как называется тот или иной пост и занимающий его человек, — король, президент, премьер-министр или канцлер. Важно то, что такой пост существует и имеет определенные функции, а занимающий его человек исполняет эти функции по правилам государственности.

СУБЪЕКТИВНЫЙ И ОБЪЕКТИВНЫЙ ПОДХОД

В понимании сферы коммунальности преобладает субъективный подход. Это и понятно: в этой сфере сознательный и волевой характер поведения людей особенно отчетливо выражен и даже преувеличен. Субъективность подхода проявляется, в частности, в том, что источники дефектов государственности видят в личных качествах должностных лиц, возлагают надежды на то, что новые правители радикально улучшат положение, и выдвигают планы улучшения этой сферы, не считаясь с ее объективными законами. Лишь немногие авторы стремятся следовать объективному подходу и рассматривать коммунальность такой, какой она вынуждается быть в силу закономерностей ее структурирования и функционирования, а также такой, какой ей позволяют стать об-

стоятельства в качестве совокупности людей, имеющих свои эгоистические интересы¹.

Само собой разумеется, теории, выдвигаемые с целью улучшения сферы коммунальности, и действия по их реализации оказывают влияние на положение в обществе. Но не стоит преувеличивать это влияние. Оно касается внешних форм, а не сущности коммунальности. И, как правило, оно лишь закрепляет то, что уже делается фактически.

Деятельность людей в сфере коммунальности есть особого рода профессиональная деятельность, имеющая в качестве основы специфические закономерности этой сферы. Когда западные политики и идеологи (особенно американские и немецкие) утверждают, будто в политике нужно руководствоваться правилами морали, они говорят просто чушь, рассчитанную на оболваненных обывателей. Правила поведения людей как профессионалов в сфере коммунальности не имеют ничего общего с правилами морали. И одно из этих правил как раз заключается в том, чтобы придавать своему неморальному поведению видимость моральности.

В активную деятельность в сфере коммунальности вовлекаются и дилетанты, а время от времени — широкие слои населения. Дилетанты обычно играют роли второстепенные или марионеточные, а массы манипулируются профессионалами.

КОММУНАЛЬНЫЕ КЛЕТОЧКИ

Коммунальная сфера, как и деловая, в основной ее части имеет клеточную структуру. Коммунальные клеточки создаются решениями властей, то есть сверху. Их функции строго определены. Они не обладают автономией и суверенитетом. Они существуют за счет тех средств, которые им выделяются государством. Они не производят ничего для продажи. Это учреждения власти всех уровней, полиция, армия и другие учреждения, выполняющие общественные (коммунальные) функции. Я называю их коммунальными клеточками.

¹ Так рассматривал бюрократию Макс Вебер.

Коммунальные клеточки не являются частной собственностью. Но они и не собственность государства и общин. Ими кто-то распоряжается, но это есть отношение иного рода, чем собственность. В них все сотрудники суть наемные. Сейчас, как правило, они нанимаются на постоянную работу. Какая-то часть нанимается на ограниченный срок по контракту.

В деловых клеточках сотрудники обычно нанимаются по контракту на определенный срок. Найм на постоянную работу является исключением. Однако, как утверждают некоторые специалисты, практически не так-то просто уволить уже работающих людей (в обычных условиях, конечно, а не в условиях сокращения производства и массовых увольнений). Согласно П. Драккеру, в США зачастую практически невозможно уволить работающего человека, поскольку суды, как правило, принимают решение в пользу нанимаемых, а не нанимателей. Не берусь судить о том, насколько это верно. Но о тенденции закреплять рабочее место за работающим человеком мне приходилось читать в сочинениях и других специалистов.

П. Драккер утверждает даже, что можно говорить о собственности на рабочее место. Слово «собственность» здесь, конечно, неуместно, поскольку человек, занимающий рабочее место, не может по своему произволу передать его другому или продать. Тут имеет место явление иного рода. Оно, кстати сказать, характерно для общества коммунистического, в котором все граждане принимаются на работу в принципе бессрочно. Такое право на рабочее место имеет обратную сторону — прикрепление людей к каким-то первичным коллективам, то есть к местам работы.

В коммунальных клеточках есть возможности увольнять людей в случае надобности, несмотря на то, что они нанимаются бессрочно. Так что разница в отношениях нанимателей и нанимаемых в деловых и коммунальных клеточках не абсолютна. Сейчас трудно предсказать, как будут эволюционировать эти отношения. Не исключено, что в коммунальных клеточках все более серьезную роль будет играть система контрактов на определенный срок. Но не исключено также и то, что в деловых клеточках система найма будет эволюционировать в сторону по-

стоянной должности, как это было до последнего времени в Японии. Во всяком случае, люди стремятся к этому. Если они добьются того, что это станет нормой для всех, то западное общество сделает самый решительный шаг в сторону осмеянного реального коммунизма. Природе западнизма соответствует такая система отношения нанимателей и нанимаемых, в которой первые зависят от вторых в минимальной степени, а вторые от первых — в максимальной.

ДЕМОКРАТИЯ

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных элементов коммуналности западнизма, я должен отделаться от идеологического наваждения, навязываемого со словом «демократия».

Согласно К. Попперу¹ демократия есть открытое и плюралистическое общество, в котором можно выражать несовместимые взгляды и бороться за достижение конфликтующих целей. Здесь каждый свободен исследовать проблемную ситуацию и предлагать свое решение. Каждый свободен критиковать предложения других. Политика правительства меняется под влиянием критики. Возможно смещать людей у власти в течение разумного времени и без насилия заменять их другими. Возможно альтернативное правительство, причем путем свободных выборов. Имеется возможность повышать жизненный уровень населения, минимизировать страдания и недостатки, максимализировать счастье.

Вместе с таким явно апологетическим и чрезмерно широким пониманием демократии как целого общественного устройства у Поппера можно найти и понимание ее как средства помешать кому-либо приобрести слишком большую власть — как ограничения власти. Замечу кстати, что благодаря демократии к власти в Германии пришел Гитлер, а слово «слишком» явно не есть критерий оценки типа власти.

Аналогично в работах Ф. Хайека² можно найти самые

¹ Karl Popper. The Open Society and its Enemies. 1945.

² F.A. Hayek. The Road to Serfdom. 1944. The Political Order of a Freepeople. London, 1979.

разнообразные суждения о демократии. Последняя рассматривается в них и как защита от тирании, и как мирная передача власти, и как средство поддержания социального мира, и как средство защиты свободы личности, и как особая процедура принятия правительственных решений. Утверждается, что демократия возможна только в рамках капитализма. Вместе с тем у Хайека можно найти и критику демократии, причем тоже весьма характерную для западного способа социального мышления (я к ней вернусь ниже).

Невозможно перечислить явные определения демократии и суждения, играющие роль неявных определений. Ограничусь лишь примерами. В одном из справочных пособий¹, например, демократия определяется как власть, осуществляемая населением страны (народом) как целым. Представительная демократия заключается в том, что граждане выбирают своих представителей, которые правят в их пользу и ответственны перед ними. Другие авторы² называют демократией политическую систему, в которой обычные граждане контролируют правящую элиту и оказывают на нее влияние посредством выборов, политических партий, неформальных и формальных групп, прессы, демонстраций, петиций и т. п. Макс Вебер характеризует демократию как средство защиты общества от произвола политических лидеров и от засилия бюрократии. Й. Шумпетер считает демократию средством образования эффективного и ответственного правительства. По его мнению, демократия дает возможность заместить данного политического лидера или правящую партию другими.

По мнению С.Е. Финера³, либеральная демократия есть английское изобретение. В ней правительство ограничено в своих решениях и действиях. Общество признается плюралистическим. Правительство правит в интересах всех, а не отдельных групп. Меньшинство имеет шансы стать большинством. Имеется избираемый представительный орган власти. Имеется социальная и экономическая оппозиция власти, включая частные фирмы

¹ Political and Economic Encyclopedia of Western Europe. 1990.

² Gabriel A. Almond and Sidney Verba. The civic culture. 1963.

³ S.E. Finer. Comparative Government. Penguin Books, 1970.

и их объединения, рыночный механизм, профессиональные ассоциации, политические партии. Имеет место разделение власти на законодательную, исполнительную и юридическую, разделение в рамках законодательной власти и разделение на федеральную и локальные власти.

В плюралистических теориях демократии роль последней видят в урегулировании отношений между различными группами с различными интересами.

Целый набор различных употреблений слова «демократия» привел Я. Жолковский¹. Вот некоторые из них. Демократия есть возможность для граждан свободно участвовать в принятии политических решений, влияющих на их жизнь. Демократия есть политическая система, в которой власть исполняется с согласия управляемых. Демократия есть управление в рамках правил, установленных с согласия управляемых, в рамках правосудия и справедливости. Демократия есть социально-политическая система, в которой каждый индивид или группа может полностью и свободно выразить свое мнение по обсуждаемым проблемам. Демократия есть политическая система с выборной представительной властью, многопартийностью, плюрализмом, оппозицией, публичностью действий власти.

Одним словом, термин «демократия» не является термином научным в силу аморфности его смысла и многозначности даже в рамках сочинений одних и тех же авторов. Он является характерным термином идеологии. Употребляя его, различные люди вроде бы имеют в виду один и тот же объект, но при этом видят его с различных сторон, понимают его различно, испытывают к нему различные чувства и имеют различные цели при его описании. Кроме того, все определения и суждения такого рода так или иначе высказаны под влиянием сравнения политической системы западнизма с коммунистической и с диктаторскими режимами иного рода.

На мой взгляд, демократия не есть некий эмпирически данный предмет, заключенный в более или менее

¹ Януш Жолковский. Доклад в «Council of Europe». 18—19. 09.1990.

определенные пространственные границы. Ее нельзя показать таким же образом, как можно показать полицию, учреждение власти, предприятие и т. п. В реальности имеется множество отдельных свойств и сторон различных явлений западнизма. Различные люди осуществляют выбор и группировку каких-то из этих свойств и сторон, причем делают они это различно и дают им различное истолкование. Так что бессмысленно искать какое-то одно значение слова «демократия» как единственно правильное — его просто не может быть по самому способу оперирования словом. Это слово употребляется как обозначение некоторой совокупности признаков коммунальности западнизма, тенденциозно отобранных с определенной идеологической целью. Я ни разу не встретил такого определения демократии, в котором в числе ее признаков указывались бы тюрьмы, коррупция, закулисные сговоры, заведомый обман избирателей, насилие и другие признаки западной системы власти, не менее органично присущие ей, чем обычно называемые. В число признаков демократии включают лишь такие, которые выгодно характеризуют западную систему коммунальности в сравнении с другими ее типами.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И НЕИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Я не имею ничего против слова «демократия» и против того феномена, который им обозначается. Но я считаю необходимым различать идеологическое описание демократии (идеологическую демократию) и демократию как реальность (реальную демократию). Первая есть лишь абстракция от второй. Первая отражает отдельные черты второй, причем в идеализированном виде. Если людям рассказывать всю подноготную реальной демократии, они придут в ужас и разрушат всю систему государственности, устроив затем еще худшую. Так что идеализация демократии в идеологии есть защитная реакция общества от разрушительных умонастроений. Демократия в реальности может выжить лишь со всем тем, что образует ее «ужасную» подноготную. Если бы

она в реальности была именно такой, как ее изображают в идеологии, она не просуществовала бы и нескольких лет.

В одном журнале¹ я прочитал такую характеристику американской демократии. Скрытый центр организует выборы, избирает президента и создает нужное для себя правительство. Выборы «представителей народа» — циничный обман. Борьба партий — наглое издевательство над подлинной демократией (обратите внимание: «подлинная демократия»!). В ход пускаются все средства — шантаж, подкуп, обман, насилие. Кандидаты раздают обещания направо и налево, сулят самые благодетельные реформы, своим сторонникам обещают деньги, теплые места и всякие блага. Судьба выборов президента зависит от суммы затраченного на это дело капитала. Борьба партий за власть, постоянные колебания то в ту, то в другую сторону вынуждают стоящих у власти уходить со своих постов, а победители, зная, что их постигнет та же участь, стараются извлечь из своего положения возможно большие для себя выгоды. Девиз «Ловите шанс!» — руководящее правило чиновников. Взятничество, продажность и личные своекорыстные влияния господствуют во всей политической системе. Во главе партий стоят акулы житейского моря, принцип жизни которых — урвать как можно больше. Духом продажности и подкупа проникнуты все учреждения. Независимый суд не существует. За деньги можно откупиться от всего и избежать справедливого возмездия. Газеты в распоряжении тех, кто создает политическую погоду и дает направления внутренней и внешней политики государства. Зависимые от подачек хозяев общества газеты или молчат, или кричат о том, что приказано, но они никогда не говорят правды. Ловкие проходимцы одурачивают народ и поворачивают общественное мнение по своему усмотрению. Газеты и продажные партийные лидеры заставляют народ слепо и без рассуждений верить, будто все делается во имя свободы, права, равенства, прогресса, демократии. Положение не меняется от того, какая из двух партий у власти. Меняются люди, система остается. Было бы ошибочно утверждать, будто автор этого

¹ В. Петров. Правда об Америке. «Наш современник», № 2, 1992.

памфлета не имел никаких оснований для него. Он имел их. Но и признать такое описание за научную истину нельзя. Оно является идеологическим, как и противоположное описание американской демократии в американской и проамериканской пропаганде. Научный подход имеет совсем иную ориентацию. Наука в силу самих ее методов должна оставить без внимания большую часть того, что служит пищей для идеологии любого направления. Если следить за индивидуальными свойствами людей в системе власти, за их личными связями и взаимоотношениями, за их интригами и махинациями, за их интеллектуальными и моральными качествами, если следить за конкретными особенностями партий, за ходом избирательных кампаний, за подбором людей в правящие клики и прочими деталями реальной жизни системы власти, то понять ее сущность и закономерности будет невозможно. Знатоки политической кухни написали тысячи сочинений, в которых проявили знание мельчайших ее деталей, но ни один из них не сделал серьезного научного открытия.

С точки зрения научного (хотя бы просто неидеологического) подхода в отношении приведенного выше памфлета можно сказать следующее. Никакой «подлинной» демократии не существует и никогда не будет на свете. Это идеологический миф, абстракция. Реальная демократия всегда давала, дает и будет давать материал для критики. Она в принципе не может быть «подлинной» в смысле обладания одними только добродетелями. Она всегда подлинная, поскольку существует долгое время и служит самосохранению общества. Если бы американская политическая система не обладала теми признаками, которые дали основания для рассмотренного памфлета, то она вообще была бы невозможна, и американское общество давно развалилось бы. Если допустить, что вдруг исчезли бы все упомянутые в памфлете дефекты политической системы и она стала бы образцом нравственности и ума, то из этого не следует, что она стала бы лучше функционировать, чем в ее современном виде. Скорее всего, она стала бы работать хуже.

То, что я только что сказал, не есть одобрение и оправдание свойств политической системы США, которые критики ее изображают как пороки. Это есть ориентация

внимания на то, что эта система не есть всего лишь вымысел умных и добрых или, наоборот, глупых и злых людей. Она сложилась исторически в соответствии с объективными социальными законами, ответственность за которые персонально не несет никто, как и награду за которые не следует давать персонально никому. Эту систему можно как-то улучшить или, наоборот, ухудшить. Но не настолько, чтобы отпали всякие поводы для критики или всякие зацепки для апологетики. В обществе такого размера, такой степени сложности, такой разнородности человеческого материала, такой степени активности, как США, лучшей системы власти и управления тут просто не может быть хотя бы потому, что она уже сложилась, достаточно сильна, чтобы сохранять себя, устраивает господствующие слои общества и даже большинство населения, охраняет целостность страны и независимость.

Вообще говоря, демократия в ее реальном виде (со всеми достоинствами и недостатками) имеет место на Западе не потому, что так захотели умные и хорошие люди, и не потому, что это самое хорошее изобретение человечества, а потому что западное общество просто ничего другого и не могло себе позволить, если бы даже захотело отказаться от нее. Недостатки демократии не являются результатом злых умыслов и плохих дел каких-то ее носителей. Они суть обратная сторона ее достоинств. Они суть неустраняемая форма реализации достоинств.

О ТЕРМИНЕ «ГОСУДАРСТВО»

Государство есть эмпирически данное явление, причем очевидное всем взрослым и здравомыслящим людям, не претендующим ни на какое глубокомыслие. Государство — это вполне материальные, во всяком случае, вполне ощутимые элементы жизни общества: органы власти всех уровней, начиная с высшей власти (парламент, конгресс, президент, министры и т. п.) и кончая самой низшей (локальные учреждения): полиция, суды, тюрьмы, армия. И каковы функции этих органов общества — точно так же общеизвестно. Но когда за дело берутся мыслители, они с самого начала хотят продемонстриро-

вать высоты своего понимания и дают такие определения общеизвестным и очевидным вещам, которые превращают эти вещи в нечто непостижимое для здравого ума. Начинается неразбериха, которая тянется столетиями, причем каждый новый великий мыслитель добавляет в эту неразбериху кусочек своей мудрости, от которой неразбериха становится еще запутаннее.

И. Кант определил государство как «объединение множества людей, подчиненных правовым законам». Очевидно, тут под государством понимается целое объединение людей, а не какой-то орган этого объединения, ибо правовым законам подчиняются не только государственные чиновники, но и другие граждане общества. Так что тут смешивается государство как орган общества и общество, управляемое этим органом. Вместе с тем Кант, говоря о государстве, имел в виду именно орган общества, а не все общество, обладающее этим органом. Кроме того, у Канта в определение государства входит указание на право. Тут право не отличается от государства в качестве особого феномена.

Г. Кельзен определял государство как «относительно централизованный правопорядок», включая тем самым право в понятие государства. Ю. Хабермас определял государство как политическую организацию общества, включая в нее и право. Опять-таки в одной дефиниции смешиваются различные феномены. Не говоря уж о том, что и тут право не отличается от государства, выражение «политическая организация общества» является двусмысленным: в нем смешано то, как организовано целое общество, и то, с помощью чего это осуществлено.

Почти во всех определениях государства, какие мне попадались, так или иначе предполагалось население, занимавшее определенную территорию, то есть смешивалось понятие государства как определенного объединения людей и понятие государства как определенного органа управления таким объединением. И даже в тех случаях, когда различие этих двух словоупотреблений осознавалось и фиксировалось, оно тут же забывалось как нечто существенное для понимания государства как органа власти и управления. Например, А. Гидденс дает такое определение. Государство существует (о нем имеет смысл говорить) там, где имеется политический аппара-

рат (парламент, суд, гражданские службы, чиновники), управляющий данной территорией, власть которого основывается на системе законов и на способности использовать силу для проведения своей политики. И далее добавляется, что современное государство есть «национальное государство», какими являются западные страны. Это определение может служить классическим образцом несоблюдения правил логики. Тут в одну кучу эклектически сваливаются различные феномены. Автор торопится в исходном пункте всунуть в определение термина то, что по идее должно быть затем высказано с помощью этого термина, но не должно входить в его определение.

ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Я считаю, само стремление дать дефиницию государства в исходном пункте его описания является логически ошибочным. Потому любая дефиниция тут будет эклектическим смешением и совмещением разнородных явлений. В исходном пункте описания государства не нужна и даже противопоказана всякая его дефиниция. Подобно тому, как нелепо давать дефиницию коровы, намереваясь изложить результаты ее исследования или собираясь заняться этим. Достаточно ее показать. Так и с государством. Достаточно дать понять читателю, о чем пойдет речь, перечислив всем известные объекты, которые включаются в государство, то есть достаточно «показать» этот эмпирический объект, подобно тому, как это делают исследователи живых организмов. Такой подход имел место у Гоббса, у Маркса и у Вебера, хотя и не в столь категорической форме, как здесь.

В западной общественной мысли доминировало всегда представление о государстве как об общечеловеческом (неклассовом) явлении. Марксизм ввел в широкое употребление представление о государстве как об органе господствующих классов, как об орудии угнетения одних классов другими. Это представление не есть всего лишь вздор. Оно есть идеологическое преувеличение и абсолютизация лишь одного из свойств государства. Государство на самом деле служит господствующим слоям, группам, классам и вообще каким-то

силам общества. Последние используют государство в своих интересах. Они манипулируют должностными лицами, сами поставляют своих представителей в систему власти, особенно в высшие ее этажи. Все это так. Тем не менее государство есть особое и самостоятельное явление сферы коммунальности. Оно есть орган целого. Оно вырастает как продукт целостности объединения людей и в интересах целостности.

Тут — центральный пункт понимания государства, а именно — понятие целостности и интересов целого. Интересы целого и интересы целостности не есть интересы всех граждан общества и даже не есть интересы большинства. Это особые интересы. Они могут порою вступить в конфликт с интересами каких-то групп граждан, большинства и даже всех. Иногда эти интересы может выражать и защищать всего один человек. Иногда они вообще не осознаются и отстаиваются их противниками даже против их собственных интересов. Так что мнение большинства населения страны еще не есть показатель интересов страны. Всякого рода голосования и референдумы далеко не всегда суть высшая справедливость. Чаще мнение большинства не совпадает с интересами целого, поскольку это мнение диктуется умонастроениями минуты, а интересы целого порою охватывают десятилетия и столетия, если не всю историю данной человеческой общности.

Интересы целого и целостности в общем виде очевидны. Это защита страны от внешних врагов, завоевание новых территорий и покорение других народов, охрана общественного порядка, преследование преступников, борьба против внутренних разрушительных сил, охрана денежной системы, организация почты, создание системы образования и т. д. Входит сюда и налоговая система. Замечу между прочим, что нашлось бы мало энтузиастов, которые, будучи освобождены от налогов, стали бы платить их добровольно и испытывать от этого удовольствие.

Но оценка государства как органа целостности обществ фиксирует лишь одну сторону дела. Государство способно выполнять функцию целостности общества лишь при том условии, что оно, будучи «уполномочено» обществом на эту роль в историческом процессе своего

формирования, становится самодовлеющим социальным феноменом, существующим для самого себя, а не для чего-то другого, — становится субъектом истории, использующим общество как сферу и орудие своего собственного бытия. Без такого, я бы сказал, «государственного эгоизма» государство просто немыслимо. Оно должно прежде всего позаботиться о себе, чтобы позаботиться должным образом о том, органом чего оно является. Как конкретно осуществляется эта вторая забота, дающая основания и оправдания первой, хорошо известно из истории человечества. В ней преобладало и преобладает в этом отношении зло, а не добро. Функция целостности не есть явление в сфере морали и гуманизма.

Обособление функций целостности в качестве функций особой категории людей (то есть разделение людей на управляющих и управляемых) само было первым делением людей на социальные категории. Это деление останется навечно в человечестве, пока оно объединяется в большие группы и целостные общества. Оно с самого начала было основанием социального неравенства людей и останется таковым навсегда. Это объективный закон человеческого бытия. Можно ослабить или усилить его действие, скрыть или деформировать, но никому не дано отменить этот закон.

Различаются далее такие два подхода к государству. При одном из них государство рассматривается как нечто раз и навсегда данное. Для него подыскивается дефиниция, в которую стараются влихнуть то, что считается самым важным, и в этих рамках дается более или менее детальное описание государства в том виде, в каком оно сложилось и известно тем, кто дает дефиницию и описание. В случае второго подхода государство рассматривается как явление историческое, то есть с точки зрения его возникновения и эволюции. Классическим образцом второго подхода являются концепции Гегеля и Маркса. Я разделяю взгляд на государство как на явление историческое (возникающее во времени в определенных условиях и развивающееся), но не разделяю все известные мне конкретные концепции на этот счет.

Я считаю нелепым говорить о возникновении и эволюции некоего государства вообще. При таком способе

мышления создается впечатление, будто однажды где-то возникло существо по имени Государство, и оно с тех пор существует и эволюционирует как таковое, образуя некую непрерывную линию государственности. Никакого такого Государства не было и нет. История человечества есть история возникновения, развития и гибели общественных организмов, в которых на определенной стадии и в определенных условиях возникает орган их целостности — государство. История отдельного органа целого как история самостоятельного социального феномена так же нелепа, как, например, история некоего Мозга в отрыве от истории организмов, обладавших мозгом.

Государство, повторяю и подчеркиваю, возникает, существует и развивается не само по себе, а в рамках той или иной человеческой общности, как ее орган. Оно возникает тут не по марксистской схеме, то есть не как результат возникновения частной собственности и раскола общества на антагонистические классы (хотя и этот фактор играл свою роль), а как явление коммунальности, то есть из того факта, что множество людей вынуждалось жить совместно из поколения в поколение как целое, поддерживать внутренний порядок, защищаться от внешних врагов, организовываться для совместной деятельности. Оно возникает не сразу в завершенном виде, со всеми его функциями, какие можно видеть в современных обществах, а лишь с некоторыми функциями (например, защита данного объединения людей от врагов), причем сначала в примитивной форме. Прочие функции развиваются как расширение и укрепление уже возникшего (или зародившегося) государства. Так, функцию управления внутренней жизнью общества государство приобретает (если это удастся!) лишь в результате развития, а не в исходном пункте.

И структура государства, адекватного данной человеческой общности (данному типу общественного организма), складывается не сразу. Имеются общие законы формирования, структурирования и функционирования государства, присущие любым достаточно большим и сложным человеческим объединениям, в которых есть потребность в государстве и возможности для его появления. Но в различных человеческих объединениях эти законы проявляются и действуют различно. Государство

западного общества не есть исключение в этом отношении. Оно возникло и развивается (оно еще не достигло потолка!) в соответствии с общими законами коммунальности, но в специфических условиях Запада и для удовлетворения потребностей общества западнистского типа. Среди этих условий следует упомянуть и государственность феодального общества. Однако государство западнизма возникло не просто как продолжение последней, а как новое качество, лишь использовавшее предшествовавшее государство как одно из условий.

ГОСУДАРСТВО ЗАПАДНИЗМА

С самого начала существования западнизма государство феодального общества было его опорой и защитой. Поддерживая и стимулируя западнизм, это государство готовило гибель не государственности вообще, лишь ее определенной исторической формы — феодальной государственности. Буржуазные революции в Западной Европе, расчистив почву западнизму, привели к установлению формы государственности, более соответствующей торжествующему западнизму. Величайшая из буржуазных революций — Великая французская — имела результатом формирование мощного бюрократического аппарата и правового кодекса, которые гораздо более соответствуют сущности западнизма, чем декларации прав человека и демократических свобод.

Завоевав доминирующее или по крайней мере влиятельное положение в обществе, западнизм оказал влияние на исторически данную форму государства, трансформировал его применительно к своим потребностям и развил до неслыханных доселе масштабов. Государство, послужив условием западнизма, само стало необходимым элементом западнизма, причем с тенденцией стать хозяином общества.

Сложность понимания государства как элемента западнизма заключается в том, что в нем самым причудливым образом переплетаются оба главных аспекта и источника западнизма — деловой и коммунальный. Тут коммунальные явления организуются и действуют по законам делового аспекта, а деловые — по законам коммунальности. К этому присоединяются остатки старой го-

сударственности, например — в виде монархий. В более «чистом» виде процесс формирования государственности западнизма протекал в США. Но зато там переплетение делового и коммунального аспектов оказалось более запутанным, чем в Европе. В Европе были Наполеон и Гитлер, которые, как говорится, поставили точку над «і». Американские Наполеон и Гитлер еще только маячат на горизонте истории.

Сфера государственности западных стран огромна по числу занятых в ней людей, по затратам на нее общества и по ее роли в жизни людей. Например, одно только федеральное правительство США в 1990 году нанимало более трех миллионов человек. В 1987 году в США на всех уровнях государственности число только гражданских наемных лиц достигало 17,3 миллиона человек, то есть 15,4% всех наемных работников¹. Вычислить затраты на сферу государственности точно невозможно, так как значительная их часть идет, минуя государственные учреждения, — как частное предпринимательство, частные и общественные фонды, благотворительность, преступность. Тем не менее те данные, которые встречаются в печати, производят устрашающее впечатление². Бессмысленно ставить вопрос, окупаются эти расходы или нет. Они суть траты, не рассчитанные на возврат. Если они приносят какой-то доход, то лишь как следствие определенной политики государства. Однако без таких трат общество будет деградировать. С точки зрения интересов целого такие траты важнее, чем приносящие прибыль инвестиции капиталов. Эффективность государства должна измеряться иными критериями, нежели эффективность экономики. К этой теме я вернусь ниже.

Сфера государственности западных стран имеет тенденцию к разрастанию³. Это обусловлено увеличением

¹ The Universal Almanac. 1990.

² По мнению Ла Паломбара (см. примечание на стр. 93), в Италии траты на сферу государственности достигали половины национального дохода, в США — более трети. Согласно другим источникам, в Италии в 1992 году было 3,5 миллиона неувольняемых и незаемщаемых государственных служащих.

³ Это заметил еще Адольф Вагнер (1835—1917). По последним данным, в 1993 году в Германии 20% работающих были заняты в сфере государственности.

размеров и усложнением управляемого общества. Но не только этим. Сфера государственности стремится к самовозрастанию как особая сфера общества по законам коммунальности, причем независимо от потребностей общества, то есть в силу своих собственных потребностей. Это автономное самовозрастание может происходить в ущерб интересам общества. Не исключено, что со временем в сфере государственности будет занята половина работающих граждан, а расходы на нее будут поглощать почти все доходы общества. Государство будет пожирать плоды труда управляемого им общественного организма, и это послужит одной из причин упадка Запада.

Происходит не просто разрастание государства, но увеличение объема его функций, как это предсказал еще в начале нашего века А. Вагнер. Первоначально функции государства западнизма были традиционными — армия, полиция, юстиция, общественный порядок. Теперь государство взяло на себя, кроме того, почту, железные дороги, воздушный транспорт, телевидение, снабжение водой и энергией, научные исследования, образование, секретные службы, пропаганду, космические исследования, крупные проекты, регулирование экономики. Короче говоря, нет такой сферы общественной жизни, в которой так или иначе не участвовало бы государство. Приватизация многих функций такого рода является лишь частичной, так как государство все равно сохраняет за собой решающую роль и контроль. К тому же приватизация обычно выглядит тут скорее как жест отчаяния, чем как нечто рациональное.

Чтобы лучше понять сущность государства западнизма и представить себе его перспективы, полезно посмотреть на государство в коммунистическом обществе, поскольку оно есть не только вид государства наряду с другими, но лабораторно чистый пример того, что должно получиться из государства, если оно станет полным господином общества и разовьет все свои потенции. На Западе такие попытки были предприняты Наполеоном и Гитлером. Но они были кратковременными, не были доведены до логического завершения и были разгромлены внешними силами. В Советском Союзе экспери-

мент с государством был доведен до предела. Он выявил все потенции, функции и амбиции государства как такового¹.

Если вы выделите в абстракции все элементы, свойства и функции западного государства, представите себе в воображении их как некое единое социальное существо, использующее окружающее его общество как арену его деятельности и среду существования, вы получите то, что в Советском Союзе было воплощено в реальность. Западная государственность есть государственность, развитая до высокого уровня, но «растворенная» в западнизме и в западной цивилизации. Неявное признание этого факта можно увидеть в жалобах многих западных теоретиков по поводу вторжения государства в те сферы, в какие ему вторгаться, по мнению этих теоретиков, не следовало бы. А порою об этом говорят прямо².

Структура государства западнизма определяется многими факторами. Основные из них суть следующие два. Первый связан с внутренней организацией государства, второй — с его ролью в обществе. Государство образует огромное число людей, сейчас — до 15% работающих. А эта масса людей должна быть как-то организована и сама как-то управляться. Иначе государство не может выполнять свою роль в обществе. Современным огромным и сложнейшим обществом можно управлять, только управляя самим его управляющим органом. Эта вторичная задача управления имеет тенденцию стать главной.

Второй основной фактор структурирования государства заключается в том, что оно должно выполнять огромное число дел, а это возможно лишь при условии разделения функций, то есть образования различных деловых учреждений и различных уровней деловой иерархии, управляющих различными сферами и частями общества.

В структуре современного западного государст-

¹ Отсылаю читателя к моим книгам «Коммунизм как реальность» и «Кризис коммунизма».

² J. La Palombara в книге «Politics within Nations» (1974) утверждает, что государство контролирует все.

ва обычно выделяются такие элементы: 1) центральное правительство; 2) местные (территориальные) органы власти; 3) административно-бюрократический аппарат; 4) органы общественного порядка и защиты страны; 5) правящая элита; 6) политические партии и «околоправительственные» организации. Между ними имеет место множество взаимоотношений, образующих многомерную сеть отношений. Они выполняют разнообразные функции, точно так же переплетающиеся в сложную и даже запутанную систему. Плюс к тому все они и их функции погружены в среду сферы коммунальности, которая сама погружена в среду целого общественного организма. Практически государство имеет контакты со всеми сферами общества, слоями населения и районами страны. Оно так или иначе запускает в них свои «щупальца».

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Высший или центральный орган государства западной страны образует законодательное представительное собрание и исполнительная власть. Первое избирается населением страны и представляет его. Это парламент, конгресс, национальное собрание, бундестаг. Основная задача его — законодательство, представительство интересов населения как целого и его различных подразделений, общий контроль за положением в стране и деятельностью всей системы государственности. Оно имеет свою структуру. Существуют двухпалатные и однопалатные собрания. В том и другом случае имеет место система должностных лиц, система комитетов и экспертов, подсобных служащих — «технический» аппарат, без которого не может работать никакая большая организация людей.

Функции исполнительной власти — руководство повседневной деятельностью государства. Тут тоже есть свои варианты. Основные формы их — президентская и парламентарная системы. Образец первой — США, образец второй — Англия. В случае первой системы глава исполнительной власти (президент) избирается прямо всеобщими выборами, в значительной мере независим от законодательной власти, имеет контроль над назна-

чением членов правительства (кабинета), может апеллировать прямо к народу (референдум, плебисцит). В случае парламентарной системы имеются варианты. Один из них — глава исполнительной власти избирается законодательным собранием, которое доминирует. Другой вариант (английский) — законодательная и исполнительная власть сосредоточены в кабинете, правящая партия решает, кто будет главой исполнительной власти. Французский вариант — смешанный. Его иногда называют квазипрезидентским. Исполнительная власть тоже имеет свой «технический» аппарат с распределением и иерархией функций и должностей.

В американской центральной власти, помимо законодательной и исполнительной власти, имеется еще третий ингредиент — судебная власть (Верховный суд).

Во всех сочинениях западных авторов при характеристике центральной власти прежде всего говорится о разделении властей. Идею разделения властей выдвинули еще Джеймс Харрингтон (1656) и Шарль Монтескье (1748). Согласно этой идее каждая из трех частей власти должна делить некоторую долю власти с другими частями, снижая возможность для каждой стать чрезмерной в исполнении ее функций. Тем самым предполагалось избежать абсолютной деспотической (тиранической) власти.

В наиболее «чистой» форме этот идеал разделения властей реализовался в США. На первый взгляд благодаря ему была достигнута желаемая цель. И в самом деле здесь судьи в какой-то мере являются законодателями. Исполнительная власть покушается на суд и законодательные функции. Международные соглашения президента, а также назначения президентом людей на посты, включая назначения в Верховный суд, должны быть подтверждены сенатом. Президент имеет право вето на решения конгресса. Конгресс может предъявлять обвинения федеральным судьям и смещать их. Законопроект не может стать законом, пока не одобрен обеими палатами конгресса и не подписан президентом. Верховный суд может объявить действия законодательной и исполнительной власти неконституционными.

Но эти же самые свойства власти с разделением на

три вида можно истолковать не как средство ограничения власти, а как показатель единства власти, внутренне расчлененной в силу разделения функций. Об этом говорит тот факт, что в правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно законодательная¹. Она тут имеет высшую власть над другими частями. При этом остается разделение функций между различными учреждениями власти как чисто деловое удобство. В Великобритании законодательная и исполнительная власть сосредоточены в одном органе — в кабинете. Если партия выигрывает большинство голосов на выборах, парламент назначает ее лидера премьер-министром, а тот назначает министров — кабинет. Последний несет коллективную ответственность. Главная фигура во власти — премьер-министр. Кабинет — его кабинет. Он представляет нацию. Исполнительная власть здесь есть придаток законодательной, а законодательная — продолжение исполнительной. Последняя действует в соответствии с первой, которая дает согласие. Законодательная инициатива исходит от исполнительной власти.

В существующем разделении властей, на мой взгляд, произошло наложение того, что обуславливалось законами коммунальности, на то, что явилось результатом исторической традиции. Второй аспект фактически подчинился первому. Разделение властей утратило ту роль, какую на него хотели возложить раньше. Многие авторы подвергали жестокой критике фактическое положение на этот счет, не отдавая, однако (на мой взгляд), отчета в том совмещении двух аспектов, о котором я только что упомянул. Из критиков такого рода назову здесь Карла Шмидта² и из более поздних авторов Ф. Хайека³.

По мнению Хайека, классическая теория разделения власти между законодательным и исполнительным органом (о судебной власти и говорить не стоит!) фактически не воплотилась в жизнь. Современные законодательные органы занимаются не столько разработкой и одобрением общего кодекса поведения, сколько решениями,

¹ Во Франции так было во время Четвертой республики.

² Karl Schmidt, 1926.

³ F.A. Hayek. См. примечание 2 на стр. 187.

направляющими конкретные действия исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей, между общими и частными задачами власти. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный орган, стало называться законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Сама концепция закона потеряла значение. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство — его побочной функцией.

Считая приведенные утверждения Хайека во многом справедливыми, я, однако, отвергаю его интерпретацию критикуемого им факта. Хайек считает это извращением демократического идеала и ищет способы исправить это извращение¹. Я же считаю это нормальным явлением для современного западного государства, разделение властей считаю делом второстепенным, раздутым в идеологии и пропаганде, а идеалы некоего разумного разделения неосуществимой мечтой поклонников никогда не существовавшей старины. Кроме того, за годы, прошедшие после того, как был выдвинут идеал разделения властей и определены функции представительной власти, в мире произошли грандиозные перемены, повлиявшие на характер законодательства и на условия деятельности исполнительной власти. Например, такие проблемы, как строительство дорог и уборка мусора, которые Хайек относил к числу пустяков с точки зрения законодательного органа, на самом деле оказались куда более важными, чем некие абстрактные нормы поведения и справедливости. Западное государство в силу жизненной необходимости спустилось с небес абстрактной болтовни о некоей справедливости и всеобщем благе на землю конкретных проблем выживания подвластных граждан.

Сейчас наступил такой период в развитии государственности западнизма, когда главной функцией государ-

¹ Идея Хайека выбрать по жребию 500 человек и дать им 20 лет на выработку законодательства просто смехотворна.

ства становится управление внутренней жизнью общества, а законодательство превращается в средство управления. Законодательство уже сыграло свою основную историческую роль, установив рамки деятельности государства. Оно вошло в плоть и кровь западного общества. Остается необходимость охраны его и корректировки в связи с важными переменами. Перевороты эпохального значения, требующие решающей роли законодательной власти, в рамках западнизма не предвидятся.

Новый период в истории государства западнизма еще только начался. Претензии государства на роль правителя всей внутренней жизни общества встречают, естественно, сопротивление. Исход борьбы еще не предрешен фатальным образом. Пока тут можно говорить о стремлении государства к максимально возможному для него контролю над подвластным обществом и о стремлении каких-то сил общества к максимально возможной для них независимости от государства. В результате их борьбы рождается какой-то компромисс и срастание государства с противоборствующими силами. Но что бы при этом ни произошло, любой результат так или иначе будет развитием государственности, пока она не достигнет логического предела.

Разделение властей сохраняет, конечно, какое-то значение. Но не то, какое этому придается в речах и сочинениях теоретиков и политиков. Оно сохраняет, в частности, значение внутренней самозащиты одних частей системы власти от засилия других, то есть роль средства предохранения не столько от тирании системы власти по отношению к подвластному обществу, сколько от тирании в рамках самой системы власти независимо от ее отношения к обществу.

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ

Обычно, говоря о западном государстве, имеют в виду центральную власть и мало внимания уделяют государственности более низких уровней или совсем игнорируют ее. А между тем это весьма важный элемент государственности.

О масштабах местной государственности можно су-

дить по таким, например, данным¹. В США 50 штатов и один район типа штата. В 1986 году там было 3139 округов. А территориальных единиц более низкого уровня (города, районы, деревни, школьные районы) — многие десятки и даже сотни тысяч. В них нанималось более 14 миллионов гражданских лиц. В Великобритании в 1991 году было 60 больших округов, 500 районов и больших городов, 11 тысяч «коммун». Они нанимали более двух миллионов человек, тратили 10% национального дохода. Местные правительства составлялись из ста тысяч избранных лиц. Во Франции (в метрополии) в 1989 году был 21 административный регион, 96 департаментов, 3708 кантонов, 36 443 признанных коммуны. Было выбрано 500 тысяч муниципальных советников. В Италии было 20 регионов, 96 провинций, 8 тысяч муниципалитетов. Даже в маленькой Швейцарии было 26 кантонов и 3 тысячи местных коммун. И на всех уровнях местной государственности занято определенное число людей, в сумме дающее огромные числа.

Различаются два типа территориальной власти — федеральный и унитарный. Пример первого — США, Канада, Австрия, Швейцария и Германия. Пример второго — Франция. В первом случае внутри страны сосуществует несколько уровней правительства. Каждый из них имеет некоторую степень автономности. Власти низших уровней принимают какое-то участие в делах центрального правительства. Власти каждого уровня могут прямо воздействовать на граждан. При этом граждане одновременно управляют властями нескольких уровней. В унитарной системе власть сосредоточена у центрального правительства. Власть на более низком уровне осуществляют чиновники, делегируемые свыше. Однако федеральная система не исключает централизацию. Последняя фактически возникает в той или иной форме. А унитарная система не исключает автономию. Функции местных властей сходны (дела и интересы управляемых территорий), сходны способы финансирования (местные налоги, от центрального правительства, пожертво-

¹ Эти сведения взяты из различных источников.

вания) и способы укомплектования людьми (выборные, наемные, государственные чиновники, добровольцы).

Самой сильной после центральной власти в иерархии территориальной структуры государства является второй уровень (штат в США, земля в Германии). Постепенно сила власти снижается. На низшем уровне ей отводится роль орудия решения «бытовых» проблем. Это естественно, поскольку в западных странах действует механизм самоорганизации деловой сферы общества. Тем не менее эта ветвь государственной активности играет существенную роль. Благодаря ей происходит учет местных условий, поступает информация в центральные органы власти, последние так или иначе испытывают давление снизу, масса людей получает возможность участвовать в политической и гражданской деятельности и делать карьеру, масса людей получает работу.

У меня нет никаких эмпирических данных для того, чтобы судить о тенденциях эволюции государственности западнизма по этой линии. Но общая тенденция к разрастанию государства, к увеличению объема его функций и к усилению роли государства в различных сферах жизни людей должна порождать тенденцию к унификации системы власти и к превращению местных властей различных уровней в исполнительный аппарат центральной власти. Я говорю всего лишь о тенденции, ибо одновременно действует и противоположное стремление. Так что реальный процесс должен быть компромиссом и равнодействующей противоположных сил.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Сфера государственности западнизма многомерна. Помимо упомянутых выше аспектов структурирования ее, имеет смысл выделить в ней политический, бюрократический и правовой аппараты. Я имею в виду именно аппараты, то есть совокупности учреждений и занятых в них людей. Это структурирование лишь отчасти совпадает с разделением властей, о котором речь шла выше. При этом законодательная и исполнительная власти предстают как элементы политического аппарата, а судебные органы, которые в некоторых странах считаются

частью политической власти, должны быть отнесены к правовому аппарату.

Политический аппарат образует совокупность выборных учреждений власти со всеми теми невыборными учреждениями, которые непосредственно обслуживают функционирование выборных учреждений в качестве органов власти.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

Важнейшим элементом западной государственности является партийная (точнее говоря — многопартийная) система. Этот элемент настолько важен, что в идеологии и пропаганде часто его используют как определяющий признак западной государственности вообще. Это стало обычным во второй половине XX века, когда западная государственность противопоставлялась коммунистической как многопартийная однопартийной.

Некоторые теоретики считают партийную систему не частью государства, а околуправительственными организациями, входящими в «гражданское общество». Думаю, тут нет базы для серьезной полемики. Партийная система есть сложное образование. Есть основания включать ее в число элементов государственности в одном ее аспекте («парламентские партии») и в число элементов гражданского общества (внепарламентские объединения добровольцев). Тут мы имеем характерный пример многомерности социальных феноменов. Во всяком случае, партии суть часть механизма, с помощью которого государственность смыкается с гражданским обществом и с телом страны в целом.

В определении политических партий теоретики и политики более или менее единодушны. Политической партией называют, например, объединение людей с общими убеждениями, имеющее целью контролировать правительство или стать его частью, причем конституционным путем¹. Другой вариант: политическая партия есть формальная организация, сознательная цель кото-

¹ John Kingdom. Government and Politics in Britain. Polity Press, 1991.

рой — ввести в общественные учреждения личности, которые будут контролировать механизм правительства¹. Различия тут, как и в других вариантах, чисто фразеологические. Опять-таки отмечаю стремление дать дефиницию эмпирического объекта путем выделения признака, который кажется главным, причем объекта, известного всем и очевидного без всяких дефиниций. Если человек не имеет такого привычного представления о партиях, то дефиниция ему не скажет ровным счетом ничего. А с точки зрения теоретического описания партий дефиниция вообще излишня или, хуже того, становится препятствием их понимания.

Партийная система Запада не всегда имела такой вид, какой она приняла сейчас. Например, в Германии в XIX веке партии возникли как выразители и защитники интересов определенных общественных групп, например — рабочих, католиков. Партии не были ответственными носителями государственной власти, они противостояли власти. Они были похожи на общественные организации, которые сейчас являются внепарламентскими. Лишь после Второй мировой войны в Германии сложилась современная партийная система, причем под влиянием победителей в войне (США и Англии). Так что те теоретики, которые сейчас сочиняют дефиниции рассмотренного вида, до Второй мировой войны давали бы совсем другие определения политических партий Запада.

В западных странах возникали раньше и возникают теперь партии, имеющие целью радикальное изменение западного общества и даже уничтожение западнизма. Периодом расцвета таких партий была середина XX века, когда национал-социалистская партия захватила власть в Германии, а фашистская партия — в Италии. Еще ранее в России был установлен коммунистический социальный строй, стимулировавший коммунистическое движение во всем мире. После Второй мировой войны большую силу в странах Западной Европы приобрели коммунистические партии (Франция, Италия, Испания). Социалистические и социал-демократические партии в значительной мере разделяли устремленность коммунистов

¹ International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1985.

на радикальные перемены — на построение более человеческого, демократичного социализма («социализма с человеческим лицом»), чем советский.

«Правые» радикальные партии были разгромлены в результате Второй мировой войны. После разгрома Советского Союза в «холодной войне» и разгрома коммунизма в Восточной Европе коммунистические партии в западных странах пришли в жалкое состояние, потеряли прежнее значение и прежние амбиции. Они еще ранее начали превращаться в партии западнистские («еврокоммунизм»). Теперь же они поспешили предать свои прежние идеалы и стали лихорадочно приспосабливаться к новым условиям просто с целью выживания в любом виде. Арену западной истории почти безраздельно захватили партии западнизма, образующие элемент западной системы государственности.

ОБ ОДНОЙ ДИСКУССИИ О ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ

Прежде чем непосредственно дать обобщенную характеристику партиям западнизма, расскажу о дискуссии в Германии в 1992 году по проблемам партийной системы. В прессе заговорили о кризисе партийной государственности. Особенно сильную полемику породило выступление президента Вайцзекера¹. Вот основные тезисы его выступления. Партии превратились в неписанный конституционный орган, имеющий сильное (а порой главенствующее) влияние на остальные. Партии проникают во все слои и сферы общества, чтобы приобретать для себя избирателей. Партии создают политиков по профессии, специальностью которых становится умение побеждать противников и поддержка интересов партии. Партии одержимы победой на выборах, а после победы забывают о концептуальной политической задаче руководства.

Хотя Вайцзекер считал упомянутые явления в партийной системе отступлениями от некоей подлинной демократии, он тем не менее констатировал таким обра-

¹ Richard von Weizsäcker im Gespräch mit G. Holfmann und W. Perger. Frankfurt am Main, 1992.

зом эти явления как факт. То же самое делали другие участники дискуссии¹, исходя из других установок. Например, Вольфганг Эгер, назвав позицию Вайцекера ностальгией по «золотой демократии», объяснял сложившуюся ситуацию новыми условиями в обществе. Современное состояние партий, по его мнению, есть результат исчезновения традиционных общественных милье, из которых партии «кормились» как в отношении персонального состава, так и в отношении идей. Партия больше не является продленной рукой определенного милье, которое поставляло ей представления о ценностях и оказывало ей поддержку. Теперь партия должна сама позаботиться об этом. Депутаты становятся зависимыми от партии и вынуждены подчиняться партийной дисциплине. Партия стала сложным образованием. «Базис» партии образуют партийные активисты и политики по профессии.

Сложился особый «политический класс» со своим механизмом рекрутирования, тренировок и поведения. В статье Х.М. Энценсвергера² дано описание этого класса, которое с незначительными коррективами можно выдать за описание партийных работников коммунистической страны. Причем это описание в той или иной мере применимо к партиям других стран, а не только Германии. Тут можно видеть действие законов коммунальности, одинаковых для стран с различным социальным строем.

Отмечу, наконец, такой весьма важный фактор партийной системы западнизма, затронутый в дискуссии, как финансирование партий. Согласно прессе³, значительную долю средств для проведения выборов партии получают от государства. К этой теме я вернусь ниже.

¹ Из многочисленных публикаций, которые мне пришлось просмотреть, отмечу следующие: Wolfgang Jäger «Sensucht nach der goldenen Demokratie», FAZ, 19.10.1992. Hans Magnus Enzensberger «Erbarmen mit den Politikern», FAZ, 5.09.1992. Peter Lösche и Franz Walter «Die SPD», Darmstadt, 1992. Hans H. von Arnims «Die Partei, der Abgeordnete und Geld», 1991. Christine Landfrieds «Parteifinanzen und politische Macht», 1990. Erwin K. und Ute Scheuch «Cliques, Klüngel und Karrieren», 1992.

² См. примечание 1.

³ FAZ, 11.04.92.

На мой взгляд, эволюция партийной системы Германии в последние десятилетия не есть отступление от некоей подлинной демократии — таковой вообще не существует. Это есть закономерное развитие государственности западнизма, то есть реальной демократии, если в слово «демократия» не вкладывать никакого иного смысла, кроме того, что оно обозначает политическую сферу западного общества. Западная партийная система имеет тенденцию стать более определенно и явно тем, чем была партийная система в коммунистической России, хотя и в форме многопартийности.

ПАРТИИ ЗАПАДНИЗМА

Не все политические организации, возникающие в странах Запада, суть элементы западнизма. Образцами партий западнизма (партий западнистского типа) являются общеизвестные партии западных стран, которые в одиночку или в коалиции становятся правящими, играют активную роль в деятельности органов власти, существенным образом влияют на их политику. Это республиканская и демократическая партии США, Лейбористская и Консервативная партии Великобритании, Социал-демократическая, Христианско-демократическая и другие партии Германии, Социал-демократическая и Народная партии Австрии, Социалистическая партия Франции и т. п.

Партии западнизма разнообразны. Они переживали и переживают какие-то изменения¹. И нельзя сказать, что их эволюция закончилась. Наоборот, им еще предстоит изменения, прежде чем можно будет сказать, что они достигли состояния, наиболее адекватного их сущности. Ниже я хочу отметить такие их признаки, которые мне кажутся устойчивыми, касаются их сущности именно как феноменов западнизма и имеют тенденцию к усилению.

Западнистские партии не имеют никаких намерений радикально перестраивать свое общество и тем более менять его социальный строй, экономику и систему государственности. Они стремятся к сохранению и укреп-

¹ S.E. Finer. См. примечание 3 на стр. 188.

лению западнизма. Они суть его неотъемлемая часть. Они существуют и действуют в рамках законности, а не вопреки ей и не против нее. Они сами суть охранители законности. Конечно, их представители и руководители далеко не святые. Но их отступления от законности носят не социально-политический, а криминальный характер.

Считается, что основная цель западнистской партии — участие в выборах своих лиц в органы власти. Иногда партию так и определяют, как группу граждан, публично организованную для захвата и контроля правительства путем выборов. По словам М. Вебера, партия есть инструмент мобилизации избирателей посредством пропаганды и агитации. Но теперь функции партии западнизма фактически не сводятся к выборам должностных лиц в правительство. Они довольно многообразны. Это, например, рекрутирование новых членов, политическое образование и воспитание населения, информация, воздействие на общественное мнение, выдвижение политических идей и программ, стимулирование дискуссии и участие в них, суммирование и урегулирование интересов, стимулирование политической активности граждан. Если партия побеждает на выборах, она организует повседневные операции представительных органов (в частности — парламента). Если же она не побеждает, она действует как официальная оппозиция. При всех обстоятельствах партия наблюдает за деятельностью правительства и воздействует на него. Она есть составная часть системы государственности, как и правительство.

Партия состоит из множества людей (а это — десятки и сотни тысяч человек) и как таковая имеет определенную структуру. В одних случаях структура выражена слабо (как в партиях США), в других — сравнительно сильно (как в партиях Англии, Германии и Франции). Но при всех вариантах в них так или иначе можно выделить три элемента: рядовых членов партии, служащих бюрократического аппарата для повседневной работы и политиков, руководящих партией и участвующих в правительстве. Кроме того, имеют место несколько организационных уровней между членами партии на местах и центральными органами партии. Даже в США, которые считаются

образцом «бесструктурных» партий, имеют место клубы разных уровней, а по крайней мере раз в четыре года (на время выборных кампаний) они на много месяцев (на семь) превращаются в централизованные и структурированные организации. Сам тот факт, что будто бы в США не одна республиканская и не одна демократическая партии, а по 51 партии в каждой из них, говорит не о полной бесструктурности, а об определенной форме структуры, пока достаточной для условий США. Я говорю «пока», так как такая «бесструктурность» в случае необходимости может очень быстро стать или проявить себя как жесткая структура.

В партиях имеются секции для работы с молодежью, с рабочими, с женщинами, с фермерами, со студентами, с интеллектуалами. Это суть рабочие рычаги партии для проведения выборов. При этом дело не ограничивается лишь разговорами о выборах. Предметом внимания становятся все интересующие людей проблемы.

Наконец, имеются околопартийные или околоправительственные организации и группы, поддерживающие партию, особенно в период выборных кампаний (профсоюзы, ассоциации предпринимателей и т. п.).

Современные западнистские партии не являются выразителями и защитниками интересов каких-то определенных групп населения. Они ориентируются на все категории населения, претендуют на то, чтобы считаться партиями общенародными. Это явление бесклассовости или надклассовости партий в идеологии и пропаганде изображается как показатель социального примирения, — будто социальная борьба в старом смысле исчезла, уступив место мирным парламентским дебатам¹. Мне это напоминает идеологически-пропагандистское изображение ситуации в коммунистических странах в свое время. Тогда отсутствие многопартийности объясняли единством народа, отсутствием антагонистических классов. Социальная борьба в обществе тогда сводилась к борьбе между хорошим и еще лучшим.

Я думаю, что бесклассовость партий западнизма требует более серьезного объяснения, нежели ссылка

¹ Например, Heinrich Schneider. Staatliche Ordnung und politische Bildung. München, 1987.

на некое «классовое примирение». Возникнув в определенных исторических условиях, западнистские партии воспроизводятся и существуют как особые объединения людей прежде всего для самих себя — они борются за самосохранение. Чтобы добиться своих целей (занять посты, фигурировать на сцене истории, делать карьеру, ощущать себя причастными к исторической деятельности и т. д.), партии должны что-то делать и для «народа». Это их способ добывать «хлеб насущный». Партия нуждается в поддержке какой-то части населения, в голосах избирателей, в средствах. Она должна что-то обещать и какие-то обещания выполнять. Она так или иначе есть партия для какой-то части населения, отдающей ей предпочтение перед другими. Она должна обращаться ко всем, во всяком случае — к возможно широкому кругу избирателей, чтобы собрать в свою пользу голоса тех, кто ей отдает предпочтение. Раз партия выживает и существует из десятилетия в десятилетие, это означает, что она устраивает какие-то влиятельные силы общества, так или иначе служит им в обмен на их поддержку.

Интересно, что одни и те же партии фигурируют на арене истории в течение многих десятилетий. И одна из функций этих партий, за хорошее исполнение которой их поддерживают влиятельные силы, — создать видимость классового примирения, помешать возникновению или усилению классовых партий, которые могли бы объединить недовольных и направить их активность на изменение существующего общественного устройства. В этом смысле они суть партии господствующих сил общества.

Западнистские партии не имеют четкой и систематизированной идеологии, то есть определенной концепции человеческого общества, истории и человека, совокупности ценностей и моральных принципов, принципов деятельности властей, проектов будущего состояния общества. Партии не имеют далеко идущих целей и программ их достижения. Они действуют, руководствуясь ближайшими практическими целями. Они стремятся завоевать популярность в массах и получить как можно больше голосов на выборах, выдвигая для этого лозунги и программы применительно к конкретным условиям. Всем известно, что к этим лозунгам и программам не следует относиться серьезно. Те, кто избирается в орга-

ны власти, хотят быть переизбранными. Поэтому они избегают далеко идущих заявлений. Их принцип — обещать немного всем, не угрожать серьезно никаким значительным силам общества¹.

ГОСУДАРСТВО, ПАРТИЯ И ДЕНЬГИ

В упомянутой выше дискуссии в Германии о статусе партий одним из важнейших был вопрос о финансировании партий. И это, конечно, не случайно. В современном западном обществе никакая более или менее массовая организация не может долго существовать и играть заметную роль в обществе, если она не имеет постоянных источников финансирования. Всякая значительная организация и ее функционирование стоит денег. Все дело в том, кто эти деньги дает и в какой форме. В Германии предметом публичного интереса стал тот факт, что значительную часть расходов партий на выборные кампании оплачивает государство. Это стало одним из поводов для утверждений о превращении партий в государственные учреждения. Эти упреки имеют, на мой взгляд, основания. Но я считаю сами эти основания не уклонением от сути государственности западнизма, а вполне закономерной тенденцией ее эволюции.

Партии западнизма являются элементом государственности, поскольку поставляют своих людей в государственные учреждения, влияют на деятельность органов власти и на их политическую линию. Государственное финансирование их есть другой аспект признания их фактического статуса.

Финансирование партий есть, пожалуй, один из самых запутанных аспектов жизни западного общества. Общество тут явно сопротивляется тому, чтобы сложился и обнаружился с очевидностью тот механизм государственности, какой имел место в коммунистических странах. В последних партийный аппарат был официально признан в качестве стержня государственности. И какие бы меры ни предпринимались на Западе, чтобы помешать этому, соответствующая тенденция так или ина-

¹ J. La Palombara. См. примечание 2 на стр. 202.

че дает о себе знать. Многопартийность ей не помеха. Множество партий, допущенных до участия в политической жизни в качестве партий западнизма, можно рассматривать как множество фракций, клик, мафий и т. п. одной правящей партии, еще не дозревшей до коммунистического образца или предпочитающей видимость плюрализма.

В начале 1992 года в Италии разразился скандал в связи с тем, что социалистическая партия (в то время «правящая») получала вознаграждение от предпринимателей за то, что передавала им общественные заказы. Глава партии Кракси заявил, что так поступали все партии. Под следствием оказалось более 400 человек, включая глав социалистической и социал-демократической партий, 9 министров, 46 депутатов, 12 сенаторов, 192 местных политика и государственных чиновника. Не берусь судить, в какой мере тут оказалась припутанной персональная коррупция. Я выделяю лишь то, что связано с интересами партий.

Аналогичный скандал разразился во Франции. В систему партийной коррупции оказались замешанными высшие лица страны. По словам политолога Ива Мени, опубликовавшего обстоятельное исследование на эту тему, коррупция никогда еще не была во Франции такой систематической, организованной и методической, как в последнее десятилетие.

Коррупция есть многостороннее и многообразное явление. В данном случае интерес представляет тот ее аспект, который касается финансирования партий. Пока те способы финансирования, которые дали основания для рассмотренных скандалов, считаются преступными. Но партии нуждаются в деньгах, а легальные источники явно недостаточны. Партии имеют возможность добывать средства другими, нелегальными путями. И вынуждаются на это. И никакие разоблачения и суды не в состоянии остановить усиление этой объективной тенденции.

Естественно, стали раздаваться голоса в пользу легализации партийной коррупции, называя ее «параллельным финансированием» и другими выражениями, снимающими с нее криминальную оценку. Они отражают суть дела, но пока еще в завуалированной форме. А суть дела заключается в том, что партии и партийные функци-

онеры стремятся занять официально то положение в обществе, какое они уже занимают в системе государственности фактически, то есть положение, идеальным образцом для которого было положение аппарата КПСС и партийных чиновников в системе советской государственности.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ

Для чего много партий, если все они — «общенародные»? Во-первых, тут сыграли свою роль исторические условия, вследствие которых сложилось именно несколько партий, и они выжили. Во-вторых, любое достаточно большое множество людей распадается на несколько группировок в силу общих законов коммуналности, какими бы хорошими ни были взаимоотношения между людьми. В-третьих, в большом обществе всегда имеет место различие интересов людей и их конфронтация, что находит выражение в самых различных формах, в том числе — в форме политических группировок. И в-четвертых, многопартийность как явление в сфере государственности вырождается в двухпартийность. В случае трех и более партий образуются блоки, из которых один становится правящим (побеждает на выборах), а другой остается в оппозиции, получая какой-то кусочек власти и связанных с нею жизненных благ.

Только что описанная ситуация напоминает матч по боксу между чемпионом мира и претендентом, в котором победитель получает 15 миллионов долларов, а побежденный — 5. Побежденная партия не сходит со сцены. Она остается в качестве лояльной оппозиции, рассчитывая на следующий раз выиграть матч. К тому же ее просто невозможно ликвидировать, если бы победитель и захотел, — у нее есть корни в обществе.

Наконец, ядро партии есть своего рода предприятие, поставляющее политические услуги. Оно существует по общим законам рынка. Сведение многопартийности к двухпартийности, а последней — к компромиссу победителя и побежденного отражает общую тенденцию рынка к концентрации и укрупнению предприятий.

Новые партии пробиваются к жизни с большим трудом. Это удастся лишь в порядке исключения. Это, на-

пример, партия «зеленых» в Германии. Политический рынок всячески препятствует появлению потенциальных конкурентов, как это имеет место, например, в отношении «правых» партий в Германии и Франции. Им не дают ходу не ради каких-то высших идеалов (последние суть лишь предлог и маскировка), а из опасения, что они могут завоевать на свою сторону избирателей и испортить признанным партиям их политическую ситуацию.

ПАРТИЙНОСТЬ И ПСЕВДОПАРТИЙНОСТЬ

Принято разделять системы государственности на однопартийную и многопартийную. Классическим образцом первой считается та, какая была в Советском Союзе до 1985 года. Я утверждаю, что никакой однопартийной системы государства вообще не существует. То, что называют однопартийной системой, есть на самом деле система псевдопартийная. Если власть захватывает одна партия, уничтожив другие партии, и удерживает власть достаточно долго (ее правление становится более или менее стабильным), то она перестает быть партией и превращается частично в элемент государственного аппарата и частично в элемент структуры деловых клеточек. Слово «партия» сохраняется, сохраняются некоторые внешние признаки, например — партийные взносы, собрания, фразеология. И это вводит в заблуждение. КПСС в этом отношении могла служить образцом псевдопартии, а советская государственность — образцом государственности псевдопартийной. О партийной государственности можно говорить в строгом смысле слова тогда, когда партия, продвинув своих людей в государственные учреждения, сама не становится таковым и когда она есть именно партия, то есть организация лишь части граждан страны наряду с другими организациями.

В западных странах имеет место тенденция к превращению партийной системы государственности в псевдопартийную. Упомянутые выше жалобы на то, что партии превратились в особый государственный орган, отражают эту тенденцию.

С первых же дней эмиграции я увидел, что жизнь за-

падных стран насыщена социально-политической активностью большого числа людей не меньше, чем в коммунистической России, где это было естественно в силу доминирования коммунального аспекта. Я при этом рассуждал так. Во-первых, люди в массе никогда и нигде достаточно долго не делают бескорыстно ничего такого, что требует от них длительных усилий и навыков. Раз масса людей регулярно занимается социально-политической деятельностью, причем людей неглупых, образованных и деловых, значит, это удовлетворяет какие-то их потребности. Во-вторых, эти люди заняты в сфере коммунальности и действуют по законам коммунальности, общим для всех обществ с развитой коммунальностью. Естественно, они должны использовать преимущества своего положения в своих интересах — каждый стремится урвать для себя долю благ, которая доступна ему в его положении. В-третьих, раз в данной сфере функционирует большое число людей, они должны установить определенные взаимоотношения друг с другом, позволяющие им совместно эксплуатировать эту сферу. И в-четвертых, они должны становиться профессионалами в их деле.

Информация, по самым различным каналам попадавшая в мое сознание, убеждала меня в правильности приведенных выше установок. Я все более и более узнавал в феноменах общественно-политической жизни Запада то, что мне уже было известно по жизни в советской России. Здесь тоже существует неявный, даже скрываемый, неустойчивый, а в значительной мере незаконный слой социально-политической жизни, аналогичный таковому в России. И там он не афишировался, скрывался и порою даже наказывался. Но как там, так и здесь он является закономерным.

Недавно мне попала в руки книга Эрвина и Уты Шойх «Клики, группировки и карьеры» (1992), в которой изложены результаты эмпирического исследования немецкой партийной системы именно в этом плане. Согласно этой книге, в Германии на всех уровнях иерархии, начиная от местных общин и кончая уровнем страны в целом, происходит превращение партийных активистов (политиков вообще) в часть правящего слоя, — происходит сращивание политики и управления. А с другой сто-

роны, партии «врастают» в хозяйственную жизнь общества и в другие его сферы. Политики становятся сотрудниками концернов, занимают совсем не политические посты. Образуются своего рода картели больших партий и клики профессиональных политиков. Они решают, кто и какие посты будет занимать в учреждениях, в которые власти имеют доступ. Они распределяют в своих кругах возможности иметь жизненные блага и привилегии. Клики образуются по принципам личных связей, — происходит «феодализация» партийной системы. Через клики происходит допуск к власти. Партии и клики превращают государство в свою добычу, в источник карьеры и всяческих жизненных благ. Тенденция к «пропорциональной демократии» ведет к тому, что фактически потеря власти исключается, власть и влияние политиков, партий и клик обеспечивается на длительное время сверх сроков, на которые выбираются политики.

Разумеется, такое описание реальной государственности западнизма не соответствует идеологическому и пропагандистскому изображению западной демократии. Зато оно точно соответствует объективным законам коммунальности, которые делают все системы государственности сходными во многих отношениях, независимо от социального строя. Приведенное описание немецкой партийной системы воспринимается мною так, как будто оно сделано на опыте советской России.

По моим наблюдениям, в западной системе государственности имеется ядро из партий, клик и политиков по профессии, которое не менее устойчиво, чем соответствующие «ядра» в государственном аппарате коммунистических стран. Я не рассматриваю это явление (как вообще все то, о чем сказано в рассмотренной книге) как нечто безнравственное или нарушающее чистоту некоей «подлинной» демократии. На мой взгляд, без всех этих явлений, вызывающих гнев и осуждение, вообще невозможно реальное функционирование системы государственности, невозможна ее стабильность и преемственность. Устранение такого рода «дефектов» привело бы к дефектам еще худшего сорта, в частности — к укомплектованию системы власти случайными людьми и дилетантами, которые превзошли бы своих предшественников по всем их порокам. Прекрасным примером на этот счет

может служить ситуация в нынешней России: тут правящие сейчас «демократы» превзошли предшественников коммунистов в отношении коррупции, лживости и прочих пороков, уступив им в профессионализме управления.

ВЫБОРЫ

Люди, занятые в системе власти и управления, разделяются на две категории с точки зрения того способа, каким они попадают на посты, а именно — на таких, которые нанимаются и назначаются на посты «сверху», и таких, которые избираются «снизу». Подавляющее большинство принадлежит к первой категории — к корпусу государственных чиновников. Число лиц второй категории невелико в сравнении с ними. Они образуют депутатский корпус. Но внимание к лицам второй категории в специальной литературе и в средствах массовой информации во много раз превосходит внимание к лицам первой категории. Это объясняется не столько той ролью, какую играют в системе власти избранные народа, сколько интересами идеологии. Определяя демократию как систему, в которой правительство образуется по воле большинства избирателей, идеологи заботятся не столько о раскрытии, сколько о сокрытии сущности государственной власти западнизма.

Реальные выборы имеют мало общего с их идеологически-пропагандистскими восхвалениями. Большое число граждан, имеющих право голоса, игнорирует выборы¹, мотивируя это тем, что от их участия или неучастия ничто не изменится, что результаты выборов не меняют ничего в их положении, что большинство кандидатов им неизвестно лично, что кандидатов где-то выбирают в узком кругу и потом навязывают избирателям².

Но несоответствие реальных выборов их пропагандистскому образу не означает, что они суть нарушения неких разумных норм. Обывательские представления о неких абсолютно справедливых и честных выборах в

¹ В выборах президента США в 1992 году приняло участие рекордное число избирателей — 54%.

² Например, по опросам, результаты которых опубликованы в FAZ, 17.02.1992.

принципе неосуществимы. Даже тогда, когда выборы должностных лиц происходят в группах из нескольких десятков человек, начинаются конфликты, интриги, махинации, насилие, обман и т. п. А в обществе из многих миллионов человек это тем более неизбежно. Западная система выборов демонстрирует максимум того, что вообще возможно с точки зрения некоей честности по чисто «техническим» причинам. Но если даже допустить, что реализовалась бы абсолютная справедливость, в кандидаты выдвигались бы умнейшие и честнейшие граждане, все кандидаты имели бы одинаковые условия и т. д., положение во власти не улучшилось бы. Скорее всего, оно ухудшилось бы, ибо были бы выбраны не профессионалы управления, а устраивающие большинство безликие дилетанты, и вели бы они себя не по правилам поведения во власти, а как примитивные новички. Единственным спасением тогда было бы, если бы избранные морально чистые гении срочно обучились обманывать, заниматься демагогией, воровать и прочим порокам реальных политиков.

Суть западной системы выборов заключается не в том, чтобы осуществлять абстрактную идею демократии, а в том, чтобы дать возможность практически отобрать каких-то лиц в органы власти и узаконить их в качестве таковых. Выборы есть характерная для западнизма форма легитимации власти. Никакой другой основы легитимации тут нет. Рассматривать в качестве основы легитимности власти законодательство (конституцию) ошибочно чисто логически. Законы устанавливают лишь процедуры легитимации власти. Но легитимацию как таковую, то есть общественное признание конкретных личностей в качестве носителей власти, осуществляют лишь выборы.

Западная система выборов при всех ее недостатках (с точки зрения критиков) позволяет решить одну важнейшую проблему власти: она позволяет осуществлять сменяемость формально высшей власти, сохраняя при этом стабильность и преемственность системы государственности. Тем самым общество ограждается от излишних и опасных радикальных перемен. Несмотря на деловую динамичность, западное общество в своей социально-политической части является консервативным. Конечно, и западная система допускает иногда перебои,

как это случилось в Германии и Италии, когда путем выборов к власти пришли нацисты и фашисты. Аналогичная угроза после Второй мировой войны возникла со стороны коммунистов. Но на Западе извлекли уроки из прошлого. Радикальные партии по крайней мере в ближайшие годы вряд ли смогут прийти к власти путем выборов.

БОЛЬШИНСТВО

Органы представительной власти выбираются большинством голосов. Принцип большинства применяется и в случае принятия решений ими. Этот принцип подвергался жестокой критике. Рассмотрю характерный пример такой критики.

Демократия, как утверждает Ф. Хайек, претендуя на право решать большинством голосов любой вопрос, превратилась в форму правления, при которой правящий орган ничем не ограничен. Необходимость создания организованного большинства для поддержки интересов отдельных групп породила новый источник произвола и пристрастности. Большинство в парламенте, чтобы остаться большинством, должно делать все мыслимое в пользу групп со специфическими интересами, то есть покупать их поддержку, предоставляя им привилегии. Мы, сами того не желая, создали машину, позволяющую именем гипотетического большинства санкционировать меры, неугодные большинству, — такие меры, которые население, скорее всего, отвергло бы.

Хайек, как и некоторые другие авторы¹, считает западную демократию в современном виде (после Второй мировой войны) тоталитарной. По их мнению, принцип большинства не есть гарантия демократии. Они считают, что упомянутые выше дефекты «тоталитарной демократии» не заложены в самой сути западной демократии. Тут якобы произошло извращение демократического идеала. Сами принципы демократии хороши, но их применяют неверно.

¹ J. L. Talmon писал о «тоталитарной демократии» (в книге «The Origins of Totalitarian Democracy»). J. K. Galbraith писал о западной форме власти как о монополистической (в книге «The Affluent Society», Boston, 1969).

Приведенные рассуждения Хайека суть характерный пример идеологического подхода к социальным проблемам. Они напомнили мне рассуждения некоторых идеологов коммунизма, которые утверждали, будто идеалы коммунизма сами по себе хороши, но их исказили Сталин и Брежнев, будто они применяли хорошие идеалы неверно. Аналогия в способе мышления полная.

Замечу между прочим, что утверждения Хайека о неограниченности власти правящего органа является просто чепухой. Любая власть ограничена способностью подвластных выполнять ее решения и рамками интересов ее самосохранения. Юридический статус власти так или иначе отражает эти ограничители.

Идеологический подход к социальным явлениям исходит из смысла слов и из абстрактных определений, а не из эмпирической реальности. Для него ошибочными бывают не априорные представления о реальности, а сама реальность. Черты западной демократии, считаемые результатом неверного применения верных принципов, суть результат эволюции общества в соответствии с объективными социальными законами. Выше я уже говорил об интересах общества как целого в отличие от интересов каких-то групп людей и даже большинства. Понятие большинства как определяющего фактора в принятии решений властью лишено смысла, если его истолковывать буквально (то есть абстрактно) и употреблять его там, где оно вообще неуместно. Правительство всегда выражает волю большинства и никогда. Правительство и есть воплощение большинства, как бы к его решениям ни относилось само эмпирическое большинство. Последнее вообще не имеет никакой воли. Волей его всегда является воля манипулирующего им меньшинства. Большинство вообще не существует как изначально данный фактор. Оно должно быть создано, организовано как нечто искусственное. В этом и заключается функция демократического правительства. Большинство создается именно благодаря тем мероприятиям («механизмам») власти, которые служат объектом нападков со стороны идеологов обоих направлений, — как разоблачителей, так и улущателей.

Именно организованное (искусственное, фиктив-

ное) большинство есть единственный способ для демократического правительства действовать в интересах общества как целого. Именно таким путем западное государство выполняет свою основную функцию, причем выполняет наилучшим образом. Лучший — не обязательно хороший. Лучший — значит, прочие способы еще хуже.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС

В последние годы для обозначения людей, профессионально занятых политической деятельностью в качестве избранных членов правительственных учреждений, обслуживающих их советников, функционеров политических партий и других общественных организаций и движений, как-то причастных к политике, стали употреблять выражение «политический класс». Возможно, оно употреблялось и ранее, но я не стал искать его происхождение.

Люди такого рода (то есть представители логического класса политиков) суть явление не новое. Но во второй половине XX века тут произошел качественный скачок. Этот класс многократно увеличился количественно. В него стали вовлекаться представители самых различных слоев населения, а не только привилегированных. Благодаря масс-медиа их деятельность стала публичной, театрально открытой и рассчитанной на непосредственное воздействие на массы населения. Представители этого класса функционируют и делают карьеру не в одиночку, а в составе различного рода групп, организаций, движений. На высшем уровне они фигурируют как представители политических партий и как партийные функционеры, занимающие посты в государственных учреждениях.

Вместе с тем в жизни политического класса есть такие стороны, которые тщательно скрывают или по крайней мере не афишируют. Это то, как представители этого класса используют свое положение в корыстных интересах, из каких кругов они рекрутируются, какого типа люди отбираются в их число, какое получают образование, как тренируются на роль политиков, как возвышаются по ступеням карьеры и т. д. Лишь в связи со скандаль-

ными разоблачениями на короткое время и частично приподнимается завеса над упомянутыми аспектами жизни класса политиков. Кое-что попадает в мемуарную и художественную литературу, а также в кинофильмы, но обычно в качестве частных и наказуемых преступлений. Лишь в последнее время этот класс стал привлекать внимание как особый социальный феномен, включая и его скрытые аспекты.

В упоминавшейся выше книге Эрвина и Уты Шойх дано общее описание представителей класса политиков на основе рассмотрения конкретных личностей. По их мнению, для профессиональных политиков важна не компетентность в какой-либо профессии, а компетентность в политической деятельности как особой профессии, в частности — коммуникативная компетентность, соответствие духу времени, политические связи, личные отношения с членами клики, услужливость в отношении к влиятельным силам общества. Политики имеют массу привилегий — бесплатные полеты и поездки с высшим комфортом, почетные приемы, возможность бесплатно пользоваться автомашинами, обеспеченная старость, всякого рода подачки и гонорары и т. п. Плюс к тому практически неразоблачаемая коррупция. Если какой-либо видный политик путем выборного процесса вроде бы исключается из политики, для него, как правило, находится пост, на котором он продолжает пользоваться привычными привилегиями. Образуется своего рода партийная «номенклатура».

Политический класс есть явление в сфере коммуналности. Последняя достигает предельного уровня в коммунистическом обществе. Тут этот класс становится господствующим и развивает все свои потенции. В западном обществе он такого уровня вряд ли может достигнуть. Тем не менее тенденцию к этому он имеет в силу своего положения в обществе, реальных возможностей и образующего его материала. Во всяком случае, то, что я узнал о политическом классе западного общества, поразительным образом похоже на то, что мне пришлось наблюдать в течение многих лет в советской России в почти обнаженном виде. Можно сказать, что советское общество выболтало очень многое такое, что скрыто в

обществе западном и о чем тут стараются не говорить вслух.

Есть универсальные черты политического класса, подобно тому, как универсальные черты имеют бюрократы, военные, работники секретных служб, гангстеры, проститутки, попы и другие категории людей. Например, преимущества с точки зрения попадания в этот класс и успехов в нем имеют индивиды, не обладающие выдающимися способностями и не являющиеся профессионалами высокого класса в какой-то узкой сфере деятельности, но зато обладающие довольно широким спектром посредственных способностей. Тут ситуация подобна той, какая имеет место в спорте: выдающийся в каком-то виде спорта спортсмен не может стать чемпионом по многоборью. А политики подобны в этом отношении столборцам, если бы такие существовали. Если бы Рейган был выдающимся актером, он не стал бы президентом США. Если бы Шмидт был выдающимся пианистом, он не стал бы канцлером ФРГ.

Преимущества в классе политиков имеют люди, свободные от моральных ограничений, тщеславные, склонные к закулисным связям и махинациям, способные притворяться, склонные к позерству и демагогии и т. д. Достаточно понаблюдать некоторое время поведение современных политиков, чтобы без труда фиксировать эти их качества. Во всяком случае, люди, попадающие в их число, скоро обучаются этим способностям, если стремятся к успеху и имеют его в какой-то мере. Тут уж ничего не поделаешь — таковы объективные законы коммунального поведения людей.

ПОЛИТИКА

Целый ряд авторов рассматривает политику как умение добиваться целей любыми средствами («цель оправдывает средства»), умение маскировать подлинные цели и придавать благородный вид грязным средствам их достижения, умение вводить в заблуждение противника, умение манипулировать людьми, умение управлять людьми и заставлять их выполнять волю правителей. Это мнение близко к истине. Никакой моральной политики

вообще не существует. Правила морали тут вообще неприменимы. Политика не аморальна. Она не является моральной, то есть в ней действуют свои правила, не имеющие ничего общего с правилами морали. Стремление придать политике моральный вид есть один из приемов политики вводить в заблуждение массы с целью использования их в интересах политиков.

Хотя существует особая профессия, называемая политологией, никакой более или менее полной и систематизированной науки о законах политической деятельности не существует. Этому есть объяснение. Если бы такая наука была создана и стала общедоступной, то она выглядела бы в глазах обывателей как нечто аморальное, циничное, грязное, преступное, а люди в сфере политики выглядели бы как негодяи, лжецы, насильники, изверги, кретины, жулики. Все знают, что это представление близко к истине, но все делают вид, будто такие явления суть редкие исключения, будто политики действуют тоже в рамках правил морали¹. И хотя науки о фактических (а не воображаемых) правилах политики нет, начинающие политики быстро усваивают их из самых различных источников или заново открывают их сами. Это тоже отчасти объясняет то, что особая наука тут вообще не требуется. Отдельные кусочки ее фиксируются лишь в порядке исключения, да и то с дурной репутацией, как это произошло с сочинениями Макиавелли и анонимным сочинением «Сионские протоколы»².

Во всякой системе управления людьми есть аспект командный и манипуляционный. Первый доминирует в коммунистической системе, второй — в западнистской. Во втором случае власть не непосредственно требует исполнения ее воли, а путем воздействия на сознание людей, в результате которого насилие сверху принимает форму добровольности снизу.

Во всякой системе управления людьми есть также два аспекта иного рода, а именно — публичный и скрытый. В коммунистической системе доминирует скрытый

¹ Политики США и Германии особенно рьяно говорят о морали в политике.

² Я познакомился с этим сочинением лишь в 1991 году.

аспект, принимающий тут форму тотальной секретности. В западнистской системе, наоборот, преувеличен аспект публичной власти. Он тут нарушил всякую меру. Главным в нем стало не привлечение «народа» к деланию политики, а стремление политиков к паблисити, удовлетворение их тщеславия и завоевание популярности. Политики буквально теряют рассудок от тщеславия, смотрят на каждое свое слово и каждую позу как на нечто такое, что имеет историческое значение, решает судьбы народов. Болезнь «звезд» стала профессиональной болезнью политиков, наряду с киноактерами и спортсменами. Политические спектакли занимают огромное место в средствах массовой информации. А что начинается с политиками в периоды выборных кампаний и в случае более или менее важных событий на планете, к которым они могут как-то примазаться! Если бы здравомыслящим людям сейчас в концентрированной форме показали политические спектакли последних десятилетий, они подумали бы, что им показывают сумасшедший дом. Популизм стал не качеством отдельных политиков вроде Франца Йозефа Штрауса, Рональда Рейгана, Гельмута Коля, а всеобщим явлением¹.

ВЛАСТЬ И ПОДВЛАСТНЫЕ

Всякая власть заботится о самосохранении и упрочении своего положения, о своих интересах как людей определенной категории, существующих и имеющих жизненные блага за счет исполнения функций власти. Это вполне естественно. Но тут есть одно отличие властителей от подвластных: власть по самой своей роли в обществе обязана заботиться о подвластных. Тут действует объективный социальный закон: власть заботится о подвластных настолько, насколько это нужно для ее самосохранения и удовлетворения ее потребностей. Власть стремится использовать свое положение в своих интересах максимально, а заботы о подвластных свести к минимуму. Конкретные величины на этот счет колеблют-

¹ Populismus und Aufklärung. Herausgeben von Helmut Dubiel. Frankfurt am Main, 1981.

ся в определенных границах, выход за которые угрожает не только подвластным, но и самой власти.

В связи с ростом государственного аппарата и затрат на него, а также с ростом аппетитов властителей и возможностей злоупотребления своим положением возникла тенденция к снижению степени заботы государства о подвластных и к возрастанию степени заботы о себе. Одним из проявлений этой тенденции является рост коррупции государственных служащих, снижение производительности их труда, рост бюрократизма и другие явления, которые на Западе охотно критиковали, видя их в коммунистических странах, но игнорировали или преуменьшали как признаки и своей государственности.

В западном обществе повседневная жизнь основной массы населения не так уж много зависит от правительства. Демократия осознается массой людей прежде всего как возможность жить независимо от власти. Однако вмешательство государства в жизнь населения становится все более ощутимым. Это происходит не вследствие ошибок правительства или злого умысла, а в силу объективной необходимости. Это касается не только традиционных сфер государственной активности, но и других сфер, которые считались запретными или полуперезапретными для нее, включая экономику.

Психологическое отношение подвластных к государственной власти формируется под влиянием многих факторов, включая характер народа, исторические традиции, положение государства в обществе. В большом числе людей можно найти все мыслимые варианты на этот счет. Но в обществе все же складывается некоторое суммарное отношение к власти. Например, для русских характерно сочетание двух крайностей: раболепства и холуйства перед властью, с одной стороны, и презрение, надругательство, с другой. Это в характере народа и его истории, в которой власть всегда была принуждением сверху и извне.

На основе знакомства с западной литературой, кино и масс-медиа, а также на основе личных наблюдений у меня сложилось впечатление, что на Западе нет такого раболепства и такого нигилизма по отношению к власти,

как в России. Тут преобладает гражданское отношение, то есть люди осознают и признают закономерность и целесообразность существующей государственности. Деятельность последней подвергается систематически критике, но критике конкретной, не ориентирующей на ее уничтожение. Здесь не происходит накопление антигосударственных умонастроений, переходящих в полное отрицание системы власти вообще. Критические умонастроения постепенно становятся публичными, как бы рассасываются. Каким бы критичным ни было отношение западных людей к власти, я всегда замечал границу, которую тут никто не преступал, но которую в России преступали все, начиная от критиков режима и кончая самими представителями власти, а именно — границу гражданского уважения к власти, границу гражданской ответственности за судьбу общества.

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА

Тема взаимоотношений между государством и экономикой является многосторонней. Кроме того, эти взаимоотношения в реальности суть результат многих обстоятельств. Я хочу коснуться лишь некоторых сторон этих отношений, причем по необходимости в упрощенном (идеализированном) виде.

Государство и экономика образуют неразрывное единство. Государство создает и охраняет условия для нормального функционирования экономики, экономика создает и постоянно воспроизводит средства существования для государства. Жалобы теоретиков на вмешательство государства в экономику или, наоборот, экономики в политику просто лишены смысла. Вернее, они суть идеологическое отражение каких-то недостатков в жизни страны, приписываемых либо плохой политике, либо плохой экономике, либо неправильным их отношениям. В зависимости от общих умонастроений идеологи либо настаивают на усилении роли государства в экономике¹, либо на невмешательстве государства в эконо-

¹ Например, Кейнс и Шиллер.

мику¹. И в самой реальности происходят колебания в ту или другую сторону².

В представлении некоторых идеологов (их, пожалуй, большинство) задача государства в отношении экономики — законодательство, принуждение участников экономической сферы к соблюдению этих законов и охрана должного порядка в этой сфере. Государство должно получать все средства для своего функционирования из сферы экономики в виде налогов. Но в реальности этот идеал не соблюдается буквально. В реальности государство само становится феноменом в сфере экономики, причем оно вынуждается к этому, а не просто делает это по своему произволу.

Среди обстоятельств, вынуждающих государство на экономическую роль, в первую очередь надо назвать то, что государство удерживает за собою эмиссию денег и вообще контроль за денежной системой, которая сама по себе есть важнейший фактор экономики. Государство может предоставить это право какому-либо банку³, но все равно при этом оно сохраняет контроль за ним. Огромные суммы денег, поступающие государству в виде налогов, суть капитал со всеми атрибутами капитала, а не просто пачки ассигнаций. Государство является крупнейшим банкиром страны. В отличие от обычных банкиров, оно использует деньги не столько как капитал, сколько тратит их. Причем тратит, как правило, больше, чем получает дохода, — отсюда рост государственного долга⁴. Тем не менее оно в качестве банкира предоставляет кредиты частным фирмам.

Второе обстоятельство, вынуждающее государство на экономическую роль, образует набор общественных нужд, которые не в состоянии удовлетворить частный

¹ Например, Хайек и Фридман.

² Например, усиление роли государства в Швеции и Франции с приходом к власти социалистов и противоположная политика приватизации М. Тэтчер и Р. Рейгана. Кейнс был отодвинут, на первый план вышли Хайек и Фридман.

³ Наполеон учредил «Банк де Франс» как частное предприятие, объединявшее 40 тысяч акционеров.

⁴ В 1987 году правительство США выплачивало только одних процентов на государственный долг около 20% своих расходов.

сектор (рынок). Для этого складывается так называемый общественный сектор. Очертить его границы трудно. Но, грубо говоря, в него попадают те предприятия, которые действуют не полностью на основе рынка. Деление не всегда четкое. Например, так называемые коммерческие камеры имеют правительственную власть регулировать коммерческую активность на местном уровне, но фактически они не являются правительственными учреждениями. Иногда правительство поручает частным организациям страхование здоровья и имущества граждан, а также сбор налогов.

В общественный сектор попадают устарелые предприятия и отрасли промышленности, которые неконкурентоспособны в качестве частных, но необходимы или хотя бы полезны стране. Это «мусорный сектор», по выражению Ла Паломбара. В него, далее, попадают предприятия, отрасли промышленности и мероприятия, которые имеют значение для страны, но не по силам отдельным частным фирмам. Это — энергетика, транспорт, связь, защита от эпидемий и стихийных бедствий, дороги, почта, образование, информационная служба, безопасность, социальное страхование, забота о стариках и инвалидах и многое другое.

Вот что писал Ла Паломбар о ситуации в Италии с этой точки зрения. Думаю, что это описание имеет силу и для других стран. Промышленные лидеры (по словам Ла Паломбара) на словах за свободное предпринимательство и прочие атрибуты либеральной экономики. Но на практике — иное. За фасадом их слов, за их благочестивыми заявлениями о том, что было бы лучше для экономики, если бы правительство и политики не совались бы в бизнес, скрывается тесная связь между правительством и бизнесом. Итальянские ведущие промышленники не вовлечены открыто в политику, как это имеет место в отношении деловых кругов США. Они не занимают политических постов и постов в правительстве, не участвуют видимым образом в канализации финансовой поддержки кандидатов и политических партий, как это имеет место в США (там это делается явно!). Они действуют другими методами: подкуп, печать, телевидение, запутанные директораты и финансовые компании, манипули-

рование биржей, контроль коммерческих банков, которые мнимо принадлежат государству и обществу.

С другой стороны, многочисленные правительственные учреждения вовлечены в экономику. Значительная часть ее находится в руках общественных корпораций. Государство является важным фактором в промышленности и банках, на рынке труда и капитала, во внешней торговле.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Во взаимоотношениях государства и бизнеса нет раз и навсегда установленной гармонии. В жизни происходят перемены, и пара «государство — бизнес» на них вынуждена реагировать. Колебания в ту или иную сторону в смысле нарушения равновесия контрагентов пары вполне естественны, как и колебания умонастроений людей в отношении их ролей.

Характерным примером на этот счет может служить ситуация с «200 семействами» во Франции¹. К тридцатым годам нашего века произошло сращивание бизнеса и государства. Многие главы двухсот богатейших семейств располагали депутатскими мандатами, заседали в Национальном собрании и Сенате. В то же время политические деятели часто занимали посты в руководстве компаниями. Среди них — бывшие министры. Двести представителей 53 семейств занимали более тысячи административных постов в различных компаниях и много мест в выборных государственных органах. В послевоенные годы государство перешло в наступление против всевластия двухсот семейств. Были национализированы ряд банков и страховых обществ, энергетика, железные дороги, угольная промышленность. До 1984 года управление экономикой было делом государства. Но затем начался обратный ход. Государство не смогло удержать контроль над экономикой. Вновь огромную власть приобрели 200 семейств.

В рассмотренной борьбе государства и бизнеса дело, конечно, не сводится к 200 семействам. Суть дела заключается в том, что система власти западного обще-

¹ Г. Милези. Les nouvelles deux cents familles. 1991.

ства не ограничивается властью политической, то есть государством. Она есть гораздо более сложное образование, в котором государство есть одна из частей. Другой частью является система управления экономикой, не зависящая в большой степени от государства, — власть экономическая. Эти две основные ветви власти срастаются и переплетаются, но не поглощают друг друга полностью. Они до некоторого предела сохраняют независимость. Порою они вступают в конфликты и ведут серьезную борьбу друг с другом, главным образом — под давлением общества.

Экономическая власть не имеет такую законодательно оформленную структуру, как политическая власть. Она не афиширует себя. И все же она дает о себе знать настолько ощутимо, что многие теоретики и идеологи считают ее главной властью западного общества, а государство считают ее марионеткой. Это, конечно, преувеличение. Но оно отражает реальность. Так что говоря о разделении властей в западном обществе, следует в первую очередь назвать разделение власти на политическую и экономическую. Думаю, что со временем это будет оформлено и законодательно.

АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Вторым важнейшим элементом государства западного мира наряду с представительной, избираемой и сменяемой властью является административно-бюрократический аппарат. Он никого не представляет, не избирается, сохраняется в более или менее неизменном виде при всех переменах в обществе и в представительной власти. Для подавляющего большинства граждан западной страны власть предстает прежде всего как сеть учреждений этого аппарата. Для них деятельность центрального правительства выглядит скорее как театральное представление. Лишь время от времени, когда высшие власти обсуждают и принимают законы, затрагивающие интересы широких слоев населения непосредственно (например, повышение налогов), эти слои замечают наличие представительной власти. Впрочем.

они по опыту знают, что законы предрешены за кулисами власти, и не строят особых иллюзий относительно парламентских спектаклей. Власть со всей ее безликой и беспощадной рутинной для них предстает в облике анонимных чиновников в лабиринтах контор.

Классическое описание бюрократии дано Максом Вебером¹. Он называет такие признаки ее: 1) иерархия должностей; 2) писанные правила деятельности; 3) чиновники нанимаются на постоянную работу, получают гарантированную зарплату в соответствии с занимаемой должностью; 4) разделение функций внутри учреждений; 5) никто не является собственником ресурсов, с которыми работает.

Размеры этого аппарата огромны. Большинство людей, занятых в системе государственности, заняты в нем. Это более 10% работающих граждан. Он построен по армейскому принципу начальствования и подчинения. В нем имеется множество иерархических ступеней. Например, в Великобритании в 1988 году было 12 ступеней² только в одной из трех категорий чиновников (нанимаемых правительством, гражданских служащих и чиновников министерств). Эти ступени суть: постоянные секретари, заместители секретарей, подсекретари, ассистенты секретарей, старшие начальники, начальники, старшие чиновники, высшие чиновники, чиновники, канцелярские служащие, канцелярские ассистенты. А в совокупности в иерархии чиновников можно насчитать десятки ступеней.

Работники бюрократического аппарата имеют ряд привилегий сравнительно с прочими гражданами. Это прежде всего постоянное рабочее место, возможность постепенно повышаться по службе, гарантированная пенсия, сравнительно легкие условия труда. А это — факторы коммунистического образа жизни. Соблазн их очень силен. В западном обществе имеется тенденция к превращению других категорий граждан (профессора, ученые, сотрудники масс-медиа и т. д.) в служащих того же рода, что и чиновники государства.

¹ Max Weber. *Economy and Society*. Berkley, 1978.

² John Kingdom. См. примечание на стр. 210.

ВНУТРЕННЯЯ ВЛАСТЬ

Система государственности западных стран состоит из огромного числа людей. Она сама нуждается в управлении, то есть в каком-то множестве людей, управляющих самой властью как системой. Назову это множество людей внутренней властью. Наличие ее можно заметить в любой системе государственности. В простейших случаях это фавориты, тайные советники, «серые кардиналы». В более сложных случаях — группы мафиозного типа. При всех обстоятельствах внутренняя власть не конституируется формально, то есть как официально признанный элемент структуры государства. Она остается в тени. Ее существование официально отрицается. Она обнаруживается публично лишь в скандальных случаях и в разоблачениях.

В аппарат внутренней власти входят и представители публичной власти. Но они в нем выполняют другие функции сравнительно с официальными. Помимо них в него входят представители администрации и сотрудники личных канцелярий, сотрудники секретных служб, влиятельные лица, неофициально участвующие в деятельности правительства, родственники членов аппарата власти и т. д. Тут возможно, что в аппарате внутренней власти жена главы правительства играет более важную роль, чем он сам.

К аппарату внутренней власти примыкает и отчасти перекрещивается с ним околуправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных знакомых, любовниц и т. д. Это «кухня власти». О ней много пишется в мемуарах видных политиков и близких к ним лиц.

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Особое место в системе власти занимает совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Те данные, которые попадают в печать, фрагментарны и, скорее всего, фиктивны. Зачастую этот аспект

власти играет решающую роль в политике. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома.

В реальной жизни людей и их объединений постоянно переплетаются открытая (явная) и скрытая (тайная) линии. Не все в человеческой жизни вылезает наружу и становится явным. Утверждение, будто нет ничего тайного, что не стало бы явным, ложно. Оно верно лишь в отношении пустяков или явлений, утративших значение или ставших орудиями открытой политической борьбы. Секретные службы, секретные договоры, тайные махинации, тайные общества и т. д. — все это обычные феномены жизни людей и их организаций.

Роль открытого аспекта, как правило, преувеличивается и афишируется, роль скрытого обычно преуменьшается и маскируется. Лишь иногда деятельность последнего вылезает наружу в скандальных случаях. Но это — в порядке исключения. Точно так же лишь изредка публикуются книги о нем. Причем эти книги пишутся так, что суть событий невозможно понять в океане или, точнее говоря, в свалке конкретных имен и фактов.

Исторический процесс во многом выглядел бы иначе, чем его изображают теоретики сейчас, если бы все тайное становилось на самом деле явным. Да и сам исторический процесс протекал бы иначе. Только вот трудно сказать, лучше или хуже. Скорее всего, еще хуже.

СВЕРХВЛАСТЬ

В специальной социологической литературе фигурирует выражение «правлящая элита»¹. Я вместо него предпочитаю выражение «сверхвласть», так как оно точнее отражает суть этого элемента системы власти западного общества.

Сверхвласть образуется из множества активных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице общества. По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу, по богатству, по известности и т. д. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе. В их число входят ведущие промышленники и банкиры, крупные землевла-

¹ Например, С. Wright Mills. The Power Elite. 1956.

дельцы и династические семьи, хозяева газет и издательств, профсоюзные лидеры, кинопродюсеры, знаменитые актеры, хозяева спортивных команд, священники, адвокаты, университетские профессора, ученые, инженеры, хозяева и менеджеры масс-медиа, высокопоставленные чиновники, политики.

Разумеется, не все представители упомянутых категорий граждан входят в сверхвласть, а только избранные личности и признанные лидеры соответствующих секторов общества.

Эта элитарная среда существует не только на национальном уровне, но и на более низких — на региональном и локальном. Она образует своего рода неформальные «директораты», контролирующие все ключевые учреждения общества. Члены ее знают друг друга лично. Они вырабатывают в своих кругах координированную политику. Тут готовятся и принимаются наиболее важные решения. Групповые интересы тут ослаблены или не действуют совсем.

Сверхвласть не есть всего лишь сговор личностей определенного рода, хотя сговор тут имеет место. Без личных сговоров в обществе не делается ничего серьезного. Они суть нормальный и абсолютно необходимый элемент человеческих объединений. Сверхвласть есть явление закономерное. Без нее публичная власть вообще не могла бы существовать в условиях сложнейших человеческих объединений, какими являются западные страны. Она не зафиксирована и не признана как явление правовое, конституционное. Но в этом нет никакой надобности, ибо она в принципе есть образование качественно иного рода, чем просто политическая власть. Она аккумулирует в себе высший контроль над всеми аспектами общества, включая всю его систему власти.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНИЗМА

Трудно назвать публикацию на тему о государственности западных стран, в которой она не подвергалась бы критике в каком-то отношении. Но опять-таки мне не встретилась ни одна публикация, в которой было бы изложено всестороннее исследование проблемы эффективности западного государства, не говоря уж об

эффективности системы власти и управления в целом, включая не только политическую, но и экономическую власть, и сверхвласть. Не думаю, что тут есть какие-то идеологические табу. Скорее всего, тут дает знать о себе необычайная сложность проблемы, зависимость ее решения от наличия научной теории западного общества в целом, а также практическая ненужность именно научного ее решения. Я здесь ограничусь лишь несколькими методологическими замечаниями.

Прежде всего надо различать оценку типа государства и состояния его в конкретной стране в конкретное время. Возможно, что государство во втором смысле находится в плохом состоянии, но из этого не следует, что плох сам его тип. Плохое состояние может исправиться, а тип государства остается.

При оценке типа государства с точки зрения его эффективности надо принимать во внимание множество показателей. Надо установить в том числе, какие проблемы входят в его компетенцию и какие нет, какие проблемы оно способно решать и какие в принципе неспособно, как оно справляется с рутинными обязанностями и как с новыми проблемами, как реагирует на чрезвычайные обстоятельства, каковы его размеры сравнительно с управляемым обществом, во что обходится его содержание обществу и т. д. Причем все эти показатели надо наблюдать в течение длительного времени и в широком диапазоне.

Государственность западнизма еще не изучена настолько, чтобы делать категорические выводы о ее эффективности. Возьмем, например, проблему безработицы. Западные правительства из десятилетия в десятилетие обещают решить ее, но все безуспешно. В Советском Союзе и других коммунистических странах безработица была ликвидирована. Означает ли это, что коммунистическое государство эффективнее западнистского? Нет, конечно. Коммунистическое государство не само по себе решило эту проблему, а как орган общества особого типа. Причем оно решило ее за счет низкой производительности труда и распределения тягот потенциальной («размытой») безработицы на всех работающих. Западнистское государство действует в условиях общества иного типа, оно в принципе не может решить эту проблему. Самое большее, что ему тут доступно, — это принять

меры, облегчающие участь безработных и сдерживающие рост безработицы. И с этой точки зрения усилия западного государства являются весьма значительными.

В последние годы Запад был потрясен серией политических скандалов, которые дали повод для утверждений о кризисе западной системы государственности вообще. Вывод явно поспешный. Политические кризисы и раньше часто случались на Западе. В Италии они были хроническими. Это естественное явление в условиях западного общества. Важно тут то, что эти кризисы преодолеваются и общество из-за них не разваливается. Сравним опять-таки с этой точки зрения государственность Советского Союза и Запада. Первая жила без кризисов много десятилетий, порождая идеологические спекуляции насчет преимуществ коммунизма. Но вот в восьмидесятые годы начался первый в истории кризис государственности коммунизма. И она не смогла преодолеть его, рухнула в поразительно короткие сроки. Государственность западнизма сравнительно безболезненно переживает свои кризисы. Но это — не благодаря своим добродетелям, а благодаря своему положению в обществе, которое можно при желании считать даже недостатком. Она не обладает такой полнотой власти, как коммунистическая государственность. Она есть лишь часть более обширной системы власти. Она ограничена системой самоорганизации западного общества и наличием в ней системы самоуправления помимо государства. Если бы она захотела разрушить свое общественное устройство, ей просто не дали бы это сделать. У коммунистической государственности таких ограничителей нет. Она полновластна. И потому кризис ее привел к краху всего общественного организма. Аналогично обстоит дело со всеми основными характеристиками государственности.

ВЛАСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ

Между властью и коммуникацией всегда имела место тесная связь. Власть вообще немыслима без коммуникации. Но после Второй мировой войны в западных странах и в мире вообще произошли такие изменения, что можно говорить о революции в этом отношении. Сказочных высот и масштабов достигла коммуникационная тех-

ника. Возникли бесчисленные предприятия и организации, занятые сбором, обработкой, распределением и поставкой информации (пресс-агентства, институты общественного мнения, центры документации и т. п.). Многочисленные науки и научные учреждения вовлечены в разработку проблем информации. Общеизвестно, какое место в жизни общества заняли средства массовой коммуникации. Коммуникационная сфера стала необходимым условием деятельности больших предприятий и организаций. И было бы удивительно, если бы сфера государственности осталась вне влияния этого фактора.

Хотя на рассматриваемую тему публикуется очень много статей и книг, в них фактически не найдешь серьезного социологического анализа хотя бы таких проблем. Каковы масштабы влияния коммуникационных предприятий, учреждений и организаций на сферу государственности? Как конкретно проявляется влияние коммуникационного аспекта на поведение властей и их решения? Какой вид имеют коммуникационные учреждения в рамках самой системы государства, то есть как элементы его структуры? Как отразился прогресс средств коммуникации на структуре и работе государства? При этом я имею в виду не такие банальные факты, как компьютеры в государственных учреждениях и компьютерная обработка информации о состоянии той или иной сферы общества, предоставляемой членам правительства, парламентариям и лидерам партий, а изменения более глубокие и серьезные — изменения социальные.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Западное государство специфически характеризуется тем, что оно является правовым. Существует мнение, будто всякое государство является правовым. К такому пониманию тяготело кантовское понимание государства как объединения людей, подчиненных правовым законам. В наше время Г. Кельзен утверждал, что «всякое государство есть правовое государство»¹.

¹ Hans Kelsen (1881—1973) — один из крупнейших теоретиков государства и права.

Я думаю, что тут имеет место скорее терминологическая неясность. Верно, что никакое большое объединение людей не может жить без определенных правил (норм) поведения граждан и что всякое государство принуждает граждан к соблюдению этих правил. Но характер самих этих правил, способ их установления, действия государства в рамках этих правил и отношение государства к ним различны в различных типах обществ. А с этой точки зрения позиция, согласно которой не всякое государство является правовым, а лишь такое, власть которого ограничена правом и осуществляется в рамках права¹, ближе к истине. Коммунистическое государство, например, не является правовым по своей сути, хотя внешне претендует на правовой статус.

Надо различать правовой аппарат как часть государства наряду с политическим и бюрократическим аппаратами и правовую сферу общества в целом. Правовой аппарат есть совокупность государственных учреждений, следящих за соблюдением правовых норм и наказывающих за их нарушения. Это суды, тюрьмы, полиция в той части, в какой речь идет о расследовании преступлений. Правовая сфера включает в себя правила (нормы), зафиксированные в законодательстве, и поступки людей согласно этим нормам. Она не совпадает со сферой государственности.

Правовые нормы и поступки людей разделяются на две категории. К первой категории относятся такие из этих норм, которые зафиксированы в основных законах, и прежде всего — в конституциях. Они определяют статус отдельных граждан, их объединений и основных территориальных подразделений страны, а также статус высших органов власти. К нормам второй категории относятся такие, которые охватывают добровольные договорные отношения между отдельными гражданами, между гражданами и фирмами, между фирмами, между частными лицами и государством, короче говоря — договорные ситуации, в которых оказываются члены общества и их объединения.

¹ Эту позицию разделял Carl Schmitt (1889—1985).

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Правовые нормы первой из названных выше категорий определяют статус высших органов власти. В этом смысле западное общество является правовым, а еще уже — конституционным.

Тут надо различать то, как государство стало конституционным, и то, как оно существует в качестве конституционного. В первом случае это — одна историческая акция, придавшая государству статус законности. Во втором же случае государство является таковым на основе конституции, обязано жить и действовать в рамках конституции, обязано управлять страной согласно конституции. С этой точки зрения идея разделения властей, как бы с нею ни обходились на практике, отражает статус государства как государства правового. В стране так или иначе должны быть какие-то законные силы, которые следят за этим фундаментальным признаком государства. Правовые нормы первой категории не ограничиваются основными законами страны. Они вводятся вновь и детализируются на всех уровнях власти. С этой точки зрения законодательная функция государства является постоянной. Эти нормы отличаются от текущих распоряжений органов власти тем, что являются общими (в известных пределах, конечно) и безличными. Сюда могут войти и нормы, касающиеся проведения дорог, и обращения с мусором, и прочие, которые Хайек лишает статуса законов, но которые тем не менее обладают этим статусом, хотя и на более низком уровне иерархии общих законов страны.

СТАТУС ГРАЖДАНИНА

К нормам первой из названных выше категорий относится все то, что называют правами человека и гражданскими свободами. Эти нормы — не пропагандистские и идеологические лозунги, а практически действующие основы для поведения людей в западном обществе. С этой точки зрения западное общество является правовым. Право и поступки людей согласно этому праву образуют одну из опор западного общества. Причем это — специфическое свойство общества западнистского ти-

па. Никакой другой тип общества не предполагает такую опору. О правах человека принято говорить как о врожденных и неотъемлемых. Это записано в Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. И с тех пор это (некая врожденность и неотъемлемость прав человека) считается чем-то само собой разумеющимся. Никто не обращает внимания на то, что это чепуха как с логической, так и с практической точки зрения. Никаких врожденных прав вообще не существует. Вся правовая сфера есть искусственное изобретение человечества, есть искусственное средство организации общественной жизни. Давно ли о правах человека никто не помышлял?! Они не могут быть неотъемлемыми, поскольку отрезок истории, когда о них заговорили, исчезающе мал по сравнению с прошлой историей человечества. Да и в наше время эти права у людей постоянно отнимают. В ООН есть особая комиссия, которая следит за тем, чтобы у людей не отнимали то, что якобы неотъемлемо и врожденно.

Права человека суть именно права, устанавливающие статус гражданина общества западнистского и никакого другого. В отношении к прочему миру придание им формы неких неотъемлемых и врожденных прав есть идеологическое оружие Запада в борьбе за мировую гегемонию и предлог для вмешательства в жизнь других народов.

Точно так же является нелепостью все то, что в западной идеологии и пропаганде говорится о демократических свободах. Свобода является божеством идеологии западнизма. Она здесь считается высшей ценностью человеческой жизни. В чем угодно можно сомневаться, только не в абсолютной ценности свободы. Я не встречал в западной литературе на социальные темы ни одного сочинения, в котором постулат свободы подвергался бы сомнению. В связи с этим мне приходит на ум недоумение русского историка В. Ключевского по поводу ситуации в России при царе Алексее Михайловиче. Тогда был принят закон, запрещающий людям добровольно отдаваться в крепостную зависимость к помещикам. За нарушение закона людей били плетью и высылали в Сибирь. Священное человеческое право на свободу пре-

вратилось в тяжкую повинность. Но это не могло остановить добровольное закрепощение крестьян. Почему? Да потому, что свобода вовсе не была высшей ценностью для подавляющего большинства людей на планете и не является сейчас. Миллионы людей готовы променять свободу на положение сытых полурабов в западных странах.

Права человека и гражданские свободы не являются абсолютным благом. Они вообще не есть ни благо, ни зло. Они суть лишь правовые нормы, устанавливающие статус человека как гражданина общества западнизма. А какие блага и какие неприятности будет иметь человек в рамках этих норм, это зависит от множества других, внеправовых обстоятельств.

СВОБОДА

Надо различать реальные возможности для совершения поступков и формально-правовой их аспект. Общая схема свободы западного общества имеет такой вид: если у тебя есть реальная возможность совершить такой-то поступок, то ты свободен совершить его, то есть ты имеешь право на это, тебе не должны чинить в этом препятствия, ты не должен быть наказан за это. Например, ты свободен с формально-правовой точки зрения в выборе способа зарабатывать на жизнь. Но как обстоит дело с твоими реальными возможностями?! Ты свободен путешествовать по миру, но есть ли у тебя для этого средства?! Ты свободен переселиться из одной страны в другую. Но всякий ли может это позволить себе?! Ты волен высказывать и пропагандировать свои идеи. Но для этого надо иметь идеи и средства их распространения, какими располагают опять-таки не все. Да и с наличными средствами далеко не любые идеи тебе позволят распространять те, кто распоряжается издательствами, журналами, газетами, телевидением, радио.

В западном обществе гипертрофически развит правовой аспект свободы, а аспект реальных возможностей игнорируется или остается на заднем плане. В коммунистическом же обществе, наоборот, центр тяжести перемещается в сферу реальных возможностей свободы

поведения людей. Разумеется, при этом имеются в виду не западные, а свои, коммунистические свободы, которые лишь отчасти совпадают с западными. Хотя люди тут реализуют свои возможности с усилиями, и далеко не всегда успешно. Тем не менее во многом это им удается.

В аспекте реальных возможностей следует особо выделить то, что я здесь называю социальной свободой (или несвободой). Я при этом имею в виду характер и степень зависимости (или независимости) человека от других людей с точки зрения приобретения средств существования. С этой точки зрения подавляющее большинство западных людей не является свободными, то есть находится в положении вынужденности поступков. Свобода выбора, которую они имеют, есть лишь возможность выбора варианта вынужденности. Например, вы юридически свободны передвигаться по стране в поисках работы и принимать или отвергать условия работодателей. Но если у вас нет других источников существования, вы вынуждены именно искать место работы, чтобы жить, — вы социально несвободны. Чтобы стать социально свободным, вы должны иметь независимые от других людей источники существования. В коммунистическом обществе люди все зависят от государственных предприятий и учреждений, а также от общественных организаций, но в гораздо меньшей степени зависят от других людей лично или совсем от них не зависят. Степень социальной свободы здесь выше, чем в западном обществе.

Когда граждане коммунистических стран добровольно разрушали свой социальный строй, они воспринимали свои реальные возможности как нечто само собой разумеющееся и неотъемлемое. Они надеялись добавить к ним еще и западные, то есть правовые свободы. Но это оказалось невозможным. Приобретая свободу как правовое отношение западнизма, граждане бывших коммунистических стран утратили реальные возможности социальных отношений коммунизма. Получив право свободно совершать поступки, о которых они мечтали, они не получили реальную возможность осуществлять их на деле. Зато они потеряли возможность совершать поступки, которые раньше были привычными, не получив

право на них. Выиграв в одном, они потеряли в другом. Реальная западная свобода обнаружила себя совсем не так, как она была прославлена в пропаганде.

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сфера договорных отношений в западном обществе огромна. Никакой другой тип общества не может сравниться с ним в этом отношении. И с этой точки зрения оно есть правовое в самом своем фундаменте. Тут социальные отношения между людьми облекаются в форму добровольных договорных отношений.

Договорные отношения не являются автоматически соблюдаемыми и абсолютно надежными. Они постоянно нарушаются. Участники их должны обладать какими-то средствами, чтобы отстаивать то, что им положено иметь согласно договорам. На страже этих отношений стоит государство с его судебными органами. Но есть способы обходить их. К тому же и суды требуют времени и средств. Так что договорные отношения превращаются в поле битв в рамках права, на основе права, за соблюдение права или за безнаказанное нарушение. Идиллия существует лишь в пропаганде и идеологии.

КЛАСС ПРАВОВИКОВ

В западном обществе сложилась такая густая и запутанная сеть правовых норм и отношений, в которой рядовой гражданин самостоятельно неспособен поступать без ущерба для себя. Это касается также владельцев и управляющих предприятий всех рангов и размеров. Обществу потребовалось огромное число специалистов в этой сфере. И они появились, образовав значительный слой с высоким уровнем доходов.

Этот слой разнообразен по составу. Его представители отчасти суть служащие государства, отчасти служащие частных фирм, отчасти частные предприниматели. Но все они так или иначе выполняют функции в сфере государственности. По делам своих клиентов они имеют постоянные контакты с судебными органами и государственными учреждениями.

СУД

Одна из догм западной идеологии гласит, будто суд в западных странах является независимым. Это мнение бессмысленно. Законы выдумывают и утверждают не сами судьи. Судьи суть служащие государства. Решение суда не есть решение академической задачи. Оно есть результат борьбы различных сил с противоположными интересами, если дело касается каких-то важных проблем, а объективная истина в таких случаях недостижима в принципе. Правовые нормы составлены так, что допускают различную интерпретацию. Они разнообразны, и в зависимости от ситуации могут быть выбраны различные варианты. От ловкости и связей специалистов-юристов зависит исход дела. На решения судов влияют многие неюридические факторы — средства массовой информации, личности участников дела, характер адвокатов, политические интересы, общественное мнение и т. п. Часто юридические процессы длятся годами и стоят больших денег. Все это общеизвестно. Информацией о юридических скандалах пестрят газеты. Эти скандалы разрушают образ западного суда как объективного, беспристрастного, неподкупного. Однако не стоит впадать и в другую, критическую крайность. Суд выполняет свои функции в условиях живого общественного организма и как элемент системы государственности, а не на небесах божественной справедливости. И в подавляющем большинстве случаев, как мне кажется, он держится в рамках реальной (неидеализированной) справедливости.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Понятие «гражданское общество», как и большинство понятий социальных наук, является смутным и многосмысленным. Еще с XVIII века идет традиция включать в гражданское общество экономические, религиозные, моральные, национальные и другие негосударственные феномены. Это словоупотребление объяснимо условиями XVIII и XIX веков, когда западнизму приходилось еще утверждаться в борьбе с феодализмом, который олицетворялся государством. В XX веке западнизм победил

бесспорно. Государственность стала адекватной социальной организации и экономике. И уже в рамках западнизма стали выделять некоторую совокупность социальных явлений, отличающихся как от явлений государственности, так и от экономики. Но и в этом случае, как правило, происходило и до сих пор происходит смешение двух словоупотреблений — нового и старого¹.

Я здесь употребляю выражение «гражданское общество» (или «гражданственность») как обозначение совокупности добровольных негосударственных и неделовых (неэкономических) объединений граждан с целью защиты своих частных интересов, а также с целью защиты общих интересов, игнорируемых государством и деловыми кругами.

Объединения людей в рамках гражданского общества разделяются на организации и массовые движения с элементами организованности. Они могут быть более или менее устойчивыми, но могут создаваться и для единичных акций. В число таких объединений входят профсоюзы и различные союзы вроде союзов предпринимателей, государственных служащих, деятелей культуры, врачей, фермеров, рентнеров, юристов, спортсменов, стариков, инвалидов, женщин, алкоголиков, молодежи, потребителей, гомосексуалистов, этнических меньшинств и т. п. Число их огромно².

Действия таких объединений разнообразны. Это — акции протеста, демонстрации, митинги, забастовки, заявления, петиции. Они стремятся добиться улучшения условий труда и быта, приостановить разрушение окружающей среды, изменить отношение к себе со стороны власти и общества, прекратить нарушения прав человека, приостановить пагубные действия властей, ограничить мощные концерны. Они наблюдают деятельность правительства, участвуют в создании общественного

¹ Например, John Keane в книге «Democracy and Civil Society» (London/New York, 1988) писал о вторжении государства в гражданское общество с целью контролировать частные инвестиции капитала, редуцирование безработицы и других операций.

² По мнению Ла Паломбара, в Италии в 1980 году было 7 тысяч добровольных организаций. Согласно Emil Hubner (Das Politische System der USA. München, 1991) в США в 1989 году только на общенациональном уровне было зарегистрировано 21 500 организаций.

мнения, оказывают влияние на самые различные аспекты жизни общества.

К гражданскому обществу относится так называемая гражданская инициатива — добровольная и бескорыстная деятельность отдельных граждан и их кратковременных групп по привлечению внимания общества к негативным фактам и побуждению его на какие-то меры для устранения этих недостатков. В ряде случаев массовые движения и организации начинаются как гражданская инициатива. Так возникло, например, движение «зеленых» и «альтернативное движение» (о последнем я буду говорить ниже).

Гражданское общество тесно связано с другими сферами общества. Так, профсоюзы суть организации людей, занятых в производстве. Но они не входят в структуру самой производственной организации. Они защищают интересы работающих именно как работающих, но делают это вне производства. Союзы предпринимателей не являются экономическими объединениями, хотя члены их суть деятели экономики. Даже государственные служащие создают свои союзы для защиты своих интересов просто как работающих граждан, причем в этой роли они противостоят государству в качестве рядовых граждан, а не представителей власти.

Политические партии, будучи элементами государственности, одновременно являются элементами гражданского общества. Это очевидно, например, в отношении партии «зеленых» в Германии, которая приобрела статус политической организации совсем недавно. Остаются в сфере гражданского общества коммунистические партии. Аналогично — социалистические партии, поскольку они выступают с требованиями сокращения безработицы, обеспечения широких слоев населения медицинским обслуживанием и жильем, одним словом — выражают интересы неимущих масс.

Гражданское общество существует в рамках законности. Но в нем постоянно возникают тенденции выйти за эти рамки. Это, например, группы, организации и движения «правых» и «левых» экстремистов.

Важный элемент гражданского общества образуют массы и массовые движения.

МАССЫ

На тему о массах в свое время, когда эта тема была чрезвычайно актуальной (подъем коммунизма, национал-социализма, фашизма), были написаны тысячи книг¹. И как водится в таких случаях, само понятие масс осталось аморфным. Авторы работ о массах обычно называют признаки масс, которые иногда обнаруживаются очевидным образом, например — потерю рациональности поведения, сильное возбуждение, возникновение больших сборищ и т. п. Такие признаки, однако, можно видеть и в поведении других скоплений людей, которые нельзя считать массами в социологическом смысле, — в очередях, на железнодорожных станциях, в моменты природных катастроф, в толпах беженцев. А главное — названные выше признаки суть временные состояния масс, а не нечто присущее им постоянно.

Авторы сочинений о массах, как правило, рассматривают частные случаи масс, которые дали знать о себе в коммунистических, нацистских и фашистских движениях, и как нечто исключительное, а не как всеобщее и заурядно-повседневное явление. А кое-кто из них идет настолько далеко в этом отношении, что говорит о массах, как о мифе, или, во всяком случае, считает, будто с крахом упомянутых движений массы исчезли вообще.

Я слово «масса» («массы») употребляю в излагаемом ниже смысле. Массу образует множество людей вне их постоянной деятельности, в тот период, когда они в какой-то мере предоставлены самим себе. Масса в этом смысле образуется из обычных граждан общества как просто свободных людей, имеющих возможность думать о своем положении, способных проводить это время по своему усмотрению, совершать какие-то поступки без принуждения извне, свободно. Они способны на это главным образом во вне рабочее время, когда вообще теря-

¹ Назову книги некоторых западных авторов из числа тех, с которыми мне приходилось сталкиваться. Jose. Ortega y Gasset. *Der Aufstand der Massen*. 1930. Hermann Broch. *Massenpsychologie*. 1959. Elias Canetti. *Masse und Macht*. 1960. David Riesman. *Die einsame Masse*. 1950. Bruno Bettelheim. *Aufstand gegen die Masse*. 1960. Walter Hagemann. *Vom Mythos der Masse*. 1951. Theodor Geiger. *Die Masse und ihre Aktion*. 1926.

ют работу или по каким-то причинам вырываются из привычного образа жизни. В таком положении оказываются люди различных возрастов, положений, профессий. Для образования массы (масс) необходимо, повторяю и подчеркиваю, большое число людей, имеющих свободное от работы время и силы использовать их для внерабочих занятий.

Важно понять смысл этого «предоставлены самим себе». В жизнь людей всегда кто-то вмешивается извне и стремится оказать на них какое-то влияние. Но все же при этом у них остается часть времени и часть их сознания и чувств, о которых можно сказать, что тут люди предоставлены самим себе. Массы кажутся политикам и интеллектуалам таинственными и непредсказуемыми именно потому, что они не учитывают эту предоставленность людей самим себе, которая время от времени образуется и заполняет психику людей неизвестным для политиков и интеллектуалов содержанием. Церковь могла в течение многих столетий удерживать контроль над населением, поскольку не позволяла ему образовывать массы, не оставляя людей предоставленными самим себе.

Все граждане страны бывают в таком положении. Но не все вливаются в то, что я называю массами. Массы образуются в основном из представителей низших и части средних слоев населения. Представители высших и близких к ним средних слоев предпочитают быть вне масс. Они образуют объединения иного рода.

Как представители масс, люди общаются между собой, обмениваются мнениями, влияют друг на друга. Тем самым они заполняют часть своего сознания, о которой я говорил выше, определенным содержанием и настраивают определенным образом свою эмоциональность. При этом для них теряют силу законы делового аспекта и приобретают силу законы аспекта коммунального. Происходит какая-то их группировка, выделяется активное ядро, появляются свои авторитеты и вожди, происходят какие-то сборища. В этой среде постепенно накапливаются и распространяются определенные умонастроения и эмоции.

Этот процесс является в той или иной степени стихийным. Его до поры до времени не замечают или игнорируют немассовые силы общества. Но когда он дости-

гает критических пределов, превосходит эти пределы и как-то вырывается наружу, он привлекает к себе внимание общества. Естественно, находятся желающие воздействовать на людей в этом состоянии, использовать их в своих интересах. Эти заинтересованные лица вносят в стихийный процесс свои идеи, лозунги, организацию. Возникают массовые движения.

Массы суть объект деятельности для вождей, агитаторов, организаций, партий, идеологий, религий. Самую серьезную теорию масс и правил оперирования ими построили впервые русские революционеры XIX века и большевики во главе с Лениным в XX веке, а также немецкие национал-социалисты во главе с Гитлером.

Проблема заключается в том, кто и как обращается с массами на Западе. Все те, кто разоблачал коммунистов, нацистов и фашистов как неких злоумышленников, обманывавших массы в своих интересах, сами занимаются тем же самым. И по-другому они просто не способны действовать в силу законов масс и обращения с ними. Они сами суть участники работы «религии» и «церкви» западнизма по установлению своего влияния на массы, своего контроля над ними.

КОЛЛЕКТИВ И МАССА

Некоторые теоретики считают, что масса людей есть коллектив. Но что такое коллектив? Не буду спорить о словах. Я определяю коллектив следующим образом. Коллектив образует некоторое множество людей, которое длительное время существует и действует как единое деловое целое, причем члены коллектива вступают не только в деловые, но и какие-то внеделовые отношения. В коллективе имеет место разделение деловых функций, а также разделение людей на внеделовые категории. Примером коллективов могут служить семьи, роды и племена в прошлом, группы людей в длительных экспедициях, предприятия и учреждения в коммунистических странах, группы преступников и заговорщиков, группы людей, занятых длительное время совместными исследованиями, и т. п. Если коллектив понимать таким образом, то масса не есть коллектив. Она есть человеческое объединение иного рода.

В проблеме отношения коллектива и массы есть один аспект, интересный с точки зрения понимания массовых движений в современном западном обществе. Дело в том, что человек исторически сформировался как член коллектива, как существо коллективное. Индивидуальность человека как самостоятельного «Я» есть изобретение западной цивилизации. Последняя разрушила коллективистские основы человеческого бытия и развила на их месте объединение людей, обладающих самосознанием «Я», то есть изобрела целесообразные и рациональные организации. Но природная потребность не умерла в людях совсем. Она где-то дремлет, а время от времени вспыхивает в стихийных формах, в частности — в массовых движениях. Однако в условиях западного общества эта потребность не может породить устойчивый образ жизни для большого числа людей.

ХАРАКТЕРНЫЙ ПРИМЕР

Рассмотрим такой характерный пример к сказанному выше. Это так называемое альтернативное движение. Оно возникло в семидесятые годы в Германии и других западноевропейских странах как протест против существующего социально-политического строя, против условий труда и образа жизни. Участники движения — в основном молодые безработные «академики», то есть молодые более или менее образованные люди. На первых порах они выдвинули утопические планы преобразования общества в духе социалистов-утопистов и стихийных коммунистов прошлого. Они хотели начать сразу на уровне идеологической утопии с политической перспективой, начать сразу с широкого, но единого движения. Но скоро их переориентировали на создание мелких предприятий в духе фаланстер Фурье и трудовых коммун Оуэна, а также общественных инициативных групп, которые и получили название альтернативных проектов или коллективов. В начале восьмидесятых годов в Западной Германии было 12 тысяч таких проектов и коллективов. В них работало 80 тысяч человек¹.

¹ По данным книги «Akiuell», Chronik Verlag, 1984.

Выше я сказал, что движение было переориентировано, а не эволюционировало в силу внутренних причин, независимых от внешнего воздействия. Кто и как это сделал? На Западе выработался механизм манипулирования массовыми движениями. Участники альтернативного движения организовали материальную поддержку средствами государства, местных властей, общественных организаций и частных фирм, а также идейную «поддержку» средствами масс-медиа и идеологов.

Участники движения хотели установить новые формы совместной (коллективной) жизни и работы в самоопределяющихся и самоуправляющихся коллективах. На место западных ценностей они хотели утвердить такие, как солидарность, общение, самовыражение, творчество. Хотели ликвидировать разделение умственного и физического труда. Установить социальное равенство мужчин и женщин. Ввести совместное воспитание детей. Создать предприятия, социально целесообразные и дружеские в отношении окружающей природы. В этих предприятиях никто индивидуально не должен был извлекать прибыль лично для себя. Все доходы должны были стать общим достоянием. Конкуренция должна была исчезнуть. Новые общественные отношения без наживы за счет частной собственности и без карьеризма должны были вытеснить существующие.

Во всем этом легко заметить то, с чего начиналось когда-то коммунистическое (или социалистическое) движение в далеком прошлом, попытки чего имели место в послереволюционной России, что проповедовала марксистская идеология, что отчасти было реализовано в коммунистических странах. Но те, кто манипулировал этим движением, полностью игнорировали исторический опыт на этот счет, и в первую очередь — колоссальный опыт реального коммунизма в Советском Союзе. Последний изображался как «Империя зла», якобы ничего общего не имевшая с наивными идеалами участников альтернативного движения.

В это движение включились самые разнообразные движения, начиная от женских и экологических и кончая психотерапевтическими. Образовалось огромное число групп, организаций и мелких предприятий экономического, социального и культурного характера, обычно —

от пяти до двадцати членов. Это мастерские, группы прикладного искусства, магазины сельскохозяйственных продуктов, не испорченных удобрениями, детские группы, психотерапевтические, антинаркотические и антиалкогольные организации, свободное радио, кино и театры.

Хотя движение приняло широкий размах, его фактически контролировал тот самый механизм, о котором я говорил выше. Существование и состояние движения зависело от финансирования, так как сами альтернативные коллективы были нерентабельными. Поддерживая их, давали тем самым занятие и средства существования большому числу людей, причем в самом активном возрасте. Целью тех, кто манипулировал движением, было не допустить образование единой идеологии, которая очевидным образом стала бы антикапиталистической, помешать политическому объединению, держать движение в таком состоянии, чтобы в любой момент его можно было бы ликвидировать, прикрыв источники финансирования и предоставив его участников самим себе.

Но движение само пошло на спад, несмотря на поддержку. Наступило разочарование. Одно дело — идеалы, и другое дело — их реальность. Идиллия возможна лишь на миг, да и то лишь для того, чтобы дать почву для разочарования. Никакое движение не может изолироваться от окружающего мира со всеми его пороками и соблазнами. Никакое движение не может уклониться от действия объективных законов социального бытия. Фактически участники движения вынуждались на полутрущобный образ жизни со всеми его кошмарами. Ничего серьезного из него развиться не могло. Если уж гигантская страна с огромными ресурсами не смогла устоять от действия разрушительных сил истории, так могла ли уцелеть ничтожная песчинка?!

ДРУГОЙ ПРИМЕР

В апреле 1993 года в Вашингтоне состоялась демонстрация гомосексуалистов. Явление это во многих отношениях характерное. Это была самая крупная оппозиционная демонстрация по числу участников — более мил-

лиона. И самая ничтожная с точки зрения социальной значительности цели — она шла с требованием прекратить дискриминацию гомосексуалистов.

Не знаю, какова доля биологических причин в самом явлении гомосексуализма. Но как явление массовое оно есть социальная болезнь, обусловленная причинами социальными. Среди этих причин — слабость, непрочность и распад человечности и человеческих отношений, невозможность и непрочность семей, трудности иметь детей и тревоги за их будущее, гипертрофия секса, пропаганда сексуальных излишеств и разврата и т. д. Идеология, проповедующая право меньшинств на существование как важнейший признак западной демократии, фактически поддерживает гомосексуализм как массовое движение. Это движение отвлекает на себя большие социальные силы, которые могли бы быть направлены на цели более значительные. Одним словом, пусть лучше гомосексуализм, чем коммунизм! А то, что эта массовая болезнь способствует абсолютному сокращению числа носителей западнизма, то есть западоидов, с этим можно не считаться, — этот фактор пока не так уж актуален.

ДРУГИЕ МАССОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Современное западное общество есть общество массовых явлений еще в том смысле, что в них участвует большое число людей. Мы говорим, например, что спорт, туризм, наркомания, преступность и т. п. стали массовыми, имея в виду то, что большое число людей занимается спортом, туризмом, употреблением наркотиков.

Среди такого рода массовых явлений следует особо выделить такие, когда одним видом деятельности постоянно занимается большое число независимых непосредственно людей. Благодаря современным условиям (образование, средства коммуникации и информации) у них вырабатывается сходное понимание многих явлений действительности и сходная реакция на них. Хотя они лично могут быть не связаны друг с другом, они в некоторых ситуациях поступают сходным образом так, как будто сговорились или получили указание из какого-то единого центра, управляющего ими. Это особенно силь-

но ощущается в сфере культуры, масс-медиа, науки. Механизм согласованности действий разрозненных индивидов в социально значимых ситуациях пока не изучен.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Под общественным мнением понимается то, что люди думают по тому или иному поводу. Выясняется общественное мнение путем опросов, включая опросы по социологически разработанным методам, а также путем выслушивания и чтения того, что люди говорят и пишут независимо от специальных опросов. Но ограничиваться сказанным в отношении общественного мнения как элемента гражданского общества было бы крайне недостаточно.

Не все, что на уме у людей, входит в общественное мнение, а только некоторая часть думаемого, от которой зависит судьба отдельных общественно значимых явлений (решений правительства, карьеры политиков, книг, фильмов и т. п.). Общественное мнение не является полностью стихийным. Оно формируется и манипулируется какими-то силами общества. Оно используется в чьих-то расчетах, то есть играет роль фактора социальной борьбы. Оно не есть всего лишь сумма мнений отдельных людей. Оно есть результат взаимной информации и обмена мнениями, то есть нечто единое, согласованное. Оно действует не автоматически одним лишь фактом публичности. Оно имеет механизм своего формирования и влияния на ход событий. В наше время решающая роль в этом механизме принадлежит масс-медиа. Само исследование общественного мнения в конкретных случаях есть элемент механизма его формирования, а предание гласности результатов исследования есть элемент механизма его воздействия на общество в желаемом для кого-то духе. Я считаю, что общественное мнение вообще не существует как таковое (то есть именно как мнение общественное!) вне механизма его формирования и публичного обнаружения. Если оно не обнаруживает себя публично, оно остается мнением множества разрозненных индивидов и не превращается в мнение ка-

кой-то общественной группы или каких-то масс населения как целого.

Каков бы ни был механизм общественного мнения и как бы оно ни использовалось, оно есть элемент гражданского общества. Последнее не обязательно должно быть в оппозиции к правительству и другим элементам западнизма. Оно может одобрять и поддерживать их. Оно плюралистично как по многообразию частей, так и по многообразию и изменчивости позиций.

О ДВУХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЗАПАДНИЗМА

Понятие «плюрализм» характеризует различные структурные элементы западного общества с точки зрения их дифференцированности и раздробленности, с точки зрения множественности их составных частей. При этом обычно имеют в виду разделение властей, многопартийность, большое число организаций и движений гражданского общества, идеологическое многообразие.

Одни теоретики истолковывают плюрализм как добродетель западного общества, другие видят в нем источник нестабильности общества и удивляются, почему в США, стране классического плюрализма, такая стабильная политическая система. Я думаю, что эта американская стабильность базируется именно на раздробленности общества. Тут государство выступает в роли объединяющего фактора и верховного судьи в улаживании постоянно конфликтующих социальных групп и интересов.

В свое время в Западной Европе имела место феодальная раздробленность. Она в конце концов была ликвидирована путем возникновения и усиления централизованной государственности. Нечто подобное происходит на Западе теперь. Тут идет борьба двух противоположных тенденций — тенденции к плюралистической раздробленности и тенденции к ее преодолению. Первая стимулируется деловым аспектом западнизма. Вторая реализуется как усиление государственности, то есть по законам коммунального аспекта западнизма. По этой линии западное общество уподобляется коммунистическому.

В пятидесятые и шестидесятые годы на Западе получила распространение теория конвергенции, согласно которой происходит сближение капиталистической и социалистической (коммунистической) социальных систем путем усиления элементов социализма в капиталистических странах и усиления элементов капитализма в социалистических странах, а в будущем произойдет слияние этих систем в смешанное общество, соединяющее в себе положительные свойства каждой из них. Сторонниками этой концепции были. Дж. Гэлбрайт, Р. Арон, П. Сорокин, Я. Тинберген, К. Керр и другие¹. В семидесятые годы к ней присоединилась концепция, согласно которой социализм и капитализм перенимают друг у друга в основном не положительные, а отрицательные черты. Эту концепцию высказывали Г. Маркузе, Ю. Хабермас и другие.

Идея конвергенции отразила объективную тенденцию западного общества к усилению сферы коммунальности, проявившуюся в усилении роли государства в экономике, в образовании класса менеджеров, в элементах планирования, в расширении общественного сектора, в усилении социальной роли государства. Последнее заключалось в том, что государство все более вынуждалось на заботу о социальных нуждах и правах населения своих стран (о рабочих местах, образовании, пенсии, жилье, медицинском обслуживании и т. д.). Образец на этот счет явила Швеция.

Но «шведская модель» потерпела крах. Идеологи расценили это как показатель несостоятельности коммунизма (социализма) вообще. Думаю, что для такого вывода тут нет достаточных оснований. Тут напрашивается другой вывод, а именно — что в условиях западнизма тенденция государства уподобиться государству коммунистическому имеет пределы, выход за которые ведет к тяжелым последствиям. Шведские социалисты, находившиеся у власти, перестарались.

Рассматриваемая тенденция не означает, будто тут

¹ Clark Kerr. *Industrialism and Industrial Man*. Cambridge, 1960. D. Bell. *The Coming of the Post-Industrial Society*. 1973. A. Touraine. *The Post-Industrial Society*. London, 1974.

происходит перерастание капитализма в коммунизм, как полагали некоторые теоретики¹. Такое перерастание в принципе невозможно, так как капитализм и коммунизм имеют разные корни. По той же причине невозможен и противоположный процесс перерастания коммунизма в капитализм. Те явления, которые развились в Советском Союзе в брежневские годы и дали повод некоторым критикам советского общества говорить о его перерождении в капиталистическое, на самом деле были лишь развитием внутренних потенций самого коммунизма, подобно тому, как «социализация» западного общества была лишь развитием внутренних потенций западнизма. В восьмидесятые годы в странах Восточной Европы и в Советском Союзе начался процесс внедрения западной демократии и рыночной экономики. Но произошло это не в силу имманентного развития коммунизма, а вследствие разгрома этих стран в «холодной войне» и насильственной их западнизации. К этой теме я вернусь ниже.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Существование общества западного типа предполагает в качестве необходимого условия производство адекватного ему человеческого материала, то есть достаточно большое число людей, способных жить в этом обществе и своей жизнедеятельностью воспроизводить общественный организм в его существенных чертах — западоидов. С другой стороны, раз общество такого типа существует, процветает и покоряет планету, оно порождает адекватный себе человеческий материал — западоидов. Этот процесс взаимного обусловливания происходит не сам по себе, не автоматически, не бессознательно. Он направляется и подкрепляется особой сферой общества — сферой образования, обучения и воспитания людей, а также манипулирования ими путем воздействия на их сознание и чувства. Эта сфера столь же важна для самосохранения общества, как и рассмотренные выше деловая и коммунальная сферы.

¹ J.A. Schumpeter утверждал это еще до начала пятидесятых годов.

В последние десятилетия стали довольно много писать и говорить о том, что эта сфера находится в состоянии кризиса. И не без оснований. Преступность. Насилие. Наркомания. Моральное разложение. Распад семьи. Алкоголизм. Сексуальная распущенность. Крах традиционных ценностей. Причем поражают не отдельные факты сами по себе, а их масштабы. Все исчисляется тысячами, десятками и сотнями тысяч, миллионами. Поражает и то, что всему этому люди подвержены чуть ли не с пеленок. Пороки общества спустились с уровня взрослых в детскую среду. Средства массовой информации переполнены сообщениями о такого рода фактах в жизни школьников, о каких раньше можно было узнать разве что из фильмов и книг о преступном мире в США. Моралисты негодуют. Теоретики ищут объяснения. Энтузиасты, озабоченные оздоровлением общества, изыскивают меры для преодоления всех этих зол. Но все усилия, кажется, идут впустую.

Я, однако, не вижу ничего катастрофического в состоянии человеческого фактора на Западе. Я думаю, что оно вполне укладывается в нормы этого общества. Меня интересуют сами эти нормы и вытекающие из них последствия.

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Существующая на Западе сфера образования и обучения почти полностью есть продукт западнизма. То, что досталось от прошлого, было переработано и составило ничтожную долю в ней.

Западное общество породило такое гигантское разнообразие видов деятельности и социальных позиций граждан, какого не было в прошлой истории и нет ни в каких других обществах современности. Эти виды деятельности и положений различаются с точки зрения подготовки людей к их замещению в самых различных отношениях и на самых различных уровнях. Для выполнения одних достаточно самое примитивное образование и самое краткое и простое профессиональное обучение. Для них не требуются никакие выдающиеся способности. На другом полюсе — профессии, на овладения кото-

рыми нужны многие годы образования и профессионального обучения, нужны незаурядные способности. Одни социальные позиции может занять и быть при этом на своем месте любой без какой бы то ни было подготовки, на другие позиции люди многими годами обучаются особым правилам поведения и в особой среде. Если бы не было никаких других причин для социального, материального, интеллектуального и прочего неравенства, то одно это разнообразие видов деятельности и социальных позиций породило бы неравенство граждан и их иерархию.

Различие и иерархия учебных заведений в условиях такого разнообразия профессий и социальных позиций, как на Западе, есть абсолютная необходимость самосохранения общества, воспроизводства достигнутого его состояния. На этот аспект жизни общества накладываются другие. Это аспект социальных различий и неравенства, обусловленных другими причинами, а также аспект сферы обучения и образования как особой сферы деятельности людей.

Различные подразделения населения используют сферу образования и обучения как сферу своего собственного воспроизводства, борьбы за свои интересы, борьбы за сохранение и улучшение своего социального статуса. Но эта сфера имеет свою структуру, свои потребности и законы бытия именно как особая сфера общества, отличная от других. Она не является непосредственным и точным отражением потребностей общества в образованных и обученных соответствующим образом людях. Социальная структура населения влияет на сферу образования и обучения, навязывая ей многое такое, что не соответствует ее профессиональным функциям. В нее вмешивается государство, политические партии, массовые движения, общественные организации, церковь, культура, пресса.

Потребность общества в воспроизводстве гигантского числа индивидов, занятых разнообразной деятельностью и занимающих разнообразные социальные позиции, удовлетворяется не как некий рациональный и чисто деловой процесс, не по каким-то правилам справедливости и целесообразности, а в системе социальных отношений с ее разнообразием, неравенством и ие-

рархией возможностей для молодых людей занимать какие-то позиции. Система социальных отношений имеет свои потребности и свои законы воспроизводства, которые не совпадают с таковыми сферы образования и обучения.

Имеющие тут место несовпадения проявляются, например, в том, что система образования и обучения разделяется на два сектора, в которых готовятся люди принципиально различных социальных типов. В одном из этих секторов готовится смена для руководящей элиты общества, в другом — смена для руководимых ею масс. Сейчас первый сектор является в основном частным, второй — государственным¹. Первый — в основном для детей высших слоев и той части средних слоев, которые в состоянии оплатить дорогое обучение и которые имеют личные связи и привилегии. В первом секторе молодым людям прививают сознание и амбиции будущих правителей, хозяев, вождей и наставников общества. Во втором готовят рабочую силу для предприятий и учреждений. Тут людям дают не знания, а умение работать. Их амбиции искусственно занижаются. Фактически тут производится огромная масса умеющих работать, но невежественных, идеологически оболваненных и манипулируемых масс.

Если взять все множество подготовленных (образованных и обученных) людей и все множество требующихся людей разных категорий, то соответствие их устанавливается через постоянные диспропорции и в борьбе за лучшие социальные позиции. Интересный пример на этот счет дает Германия. В 1991 году более трети молодых людей стремилось получить высшее образование. К концу века ожидается более 40% таких. Решающим в этой тенденции являются желания родителей, а не жажда образования и не способности детей, как отмечают специалисты. Социальная суть этой тенденции — немцы должны работать головой, а руками должны работать иностранцы. Это соответствует общей тенденции западного общества к росту доли людей, занятых нефизическим трудом с преобладанием роли интеллекта. Тем не менее тут возникла сильная диспропорция между по-

¹ John Kingdom. См. примечание на стр. 210.

требностями общества и продукцией системы образования. Судя по прессе, это явление не специфически немецкое, а общезападное.

Вследствие рассматриваемых диспропорций в обществе постоянно образуется большое число плохо образованных и плохо обученных людей. Из них пополняются ряды безработных, преступников и деморализованных люмпенов. Возникает также слой людей, формально получающих хорошее образование, но не находящих работы по призванию и по профессии. В него попадают выпускники университетов, дающих слабое общее образование и плохое профессиональное обучение, не имеющие успеха кюнстлеры, не имеющие постоянной работы молодые люди со средним образованием. У этих людей развивается завышенное представление о своей ценности и претензии, не соответствующие их реальной общественной ценности. Это препятствует им заниматься неквалифицированной и низкооплачиваемой работой. Они как-то перебиваются случайными заработками, за счет родственников и общественной благотворительности.

Научно-технический прогресс и экономические перемены служат также источником рассматриваемых диспропорций, создавая дефицит подготовленных специалистов для новых профессий и избыток высококвалифицированных специалистов устаревших профессий. Возникла особая категория переучивающихся, данные о которой фигурируют в данных о рабочем рынке.

Назову все то, что общество создает и поставляет людям в качестве элементов их образования, средствами образованности. Общая сумма этих средств в западном обществе огромна. Никакие общества прошлого и никакие современные общества не могут конкурировать с западными странами в этом отношении. Средства образованности здесь общедоступны потенциально, то есть если человек захочет ими овладеть, если он имеет достаточные способности, если он располагает средствами существования и временем, то он не встретит социально значимых препятствий в достижении своей цели. Различные деловые и государственные тайны не в счет — они суть капля в океане незапретных средств образованности. Подчеркиваю, что общедоступность

средств образованности является лишь потенциальной или условной. Фактически же далеко не все имеют для овладения ими необходимые средства, время и способности.

Вследствие изобилия средств образования и их потенциальной общедоступности произошло обесценивание образованности как таковой в качестве элемента системы ценностей. Произошло относительное (а возможно — и абсолютное) сокращение класса высокообразованных людей, способных быть бескорыстными ценителями достижений культуры, включая общую образованность, — исчезла культурная аристократия как особый социальный слой. На тенденцию к этому в свое время обратил внимание еще Токвиль. То, что было функцией культурной аристократии, растворилось в массе людей, профессионально занятых в сфере образования и культуры, и в общей массе населения, получающей какие-то доли образованности.

Изобилие средств образования и их потенциальная общедоступность не означают, что эти средства распределяются в обществе более или менее равномерно. И тут, как и во всем прочем, на одном полюсе накапливаются огромные богатства, а на другом — нищета. Сложился класс высокообразованной профессиональной элиты в сфере науки и техники, а также в сфере подготовки кадров для нее. Образованность представителей этого класса является, как правило, однобокой, гипертрофически развитой лишь в одном каком-то направлении, так что этот класс никак не может выполнить функции не то что культурной аристократии, а даже просто просветителей общества. Скорее наоборот. Рассказы жрецов науки о хромосомах, генах, атомах, молекулах, космических структурах, подсознании, рынке, процентах и т. д. производят на сознание людей такое же воздействие, какое производили рассказы жрецов культов прошлого о таинственных силах, волшебствах, чертях, богах, чудесах и т. д. на их современников. Массы населения западных стран при этом остаются на уровне невежества и мракобесия, вполне сопоставимых с таковыми прошлых эпох. Изобилие средств образованности само по себе еще не делает общество высокообразованным с точки зрения состояния его граждан. Считается, что раз-

витие интеллектуально-информационной технологии имеет следствием революцию в сфере образования и обучения. Не придавая особого значения слову «революция», надо признать, что развитие этой технологии действительно имеет существенные последствия в рассматриваемой сфере. Но какие? Отмечу одно из них, касающееся самой сущности западнизма. В процессе образования и обучения есть два аспекта. Первый — развитие в человеке его внутреннего интеллектуального мира и его личных способностей. Второй — развитие способности использовать накопленные богатства сферы образованности и человеческих навыков. Второй аспект образует своего рода вторичный уровень образования и обучения. В последние десятилетия он заметно усилился за счет первого, а развитие интеллектуально-информационной технологии сделало его доминирующим.

ВОСПИТАНИЕ

Воспитанием граждан занимается семья, школа, молодежная среда, среда коллег по работе, знакомые, средства массовой информации, кино, литература, реклама, церковь, короче говоря — все то окружение человека, с которым он имеет дело всю жизнь с рождения и до смерти. Воспитание не есть нечто такое, что длится какое-то время, после которого человек считается воспитанным и воспитание заканчивается. Оно продолжается всю жизнь. Его задача — не просто придать человеку определенные свойства, но и постоянно их подкреплять. Сами эти свойства таковы, что без подкрепления не сохраняются или ослабляются. Воспитание есть процесс жизни человека, рассматриваемый с точки зрения влияния на него его среды, приспособления его к среде и поддержания приспособленности на должном уровне.

В западной сфере воспитания людей можно различить то, что передается из поколения в поколение от взрослых детям само по себе, в силу привычек и традиции (скажем, традиционное бытовое воспитание), и то, что делается сознательно и преднамеренно силами людей, занятых в этой сфере профессионально. Эта целенаправленная часть сферы воспитания является огром-

ной по объему, по разнообразию средств и по числу занятых в ней лиц. Мне не попадались суммарные данные на этот счет. Но одно то, что мне довелось лично видеть в магазинах, в телевизионных передачах, в газетах, журналах и кинофильмах западных стран, а также в многочисленных сочинениях специалистов, произвело на меня ошеломляющее впечатление. И одновременно удручающее. Одно дело — производство товаров и услуг в сфере воспитания, и другое дело — характер этих товаров и услуг и человеческий материал как продукция сферы воспитания. Одно дело, например, баснословно огромное число всякого рода фильмов, производимых в западных странах, их артистический профессионализм и техническое совершенство, и другое дело — каковы эти фильмы по содержанию и каковы результаты их воздействия на людей. Тут могучие воспитательные средства фактически поставлены на службу оглупления, идеологического оболванивания и развращения многомиллионных масс людей. Об этом почти в один голос буквально кричат сами же деятели сферы воспитания. Но общество уже не имеет сил препятствовать этому процессу.

Объект моего внимания в этом очерке — не Запад вообще, а лишь феномен западнизма. Поэтому я в дальнейшем ограничусь рассмотрением лишь целенаправленной части сферы воспитания.

Ядро, стержень и основу западной системы сознательного воспитания людей и манипулирования ими путем воздействия на их сознание и чувства образует совокупность феноменов, которые подобны религии и церкви в феодальном обществе. Это — идеологическая и сенсологическая (культурологическая) сфера.

ТЕРМИН «ИДЕОЛОГИЯ»

Слово «идеология» на Западе употребляют не очень охотно. Вместо него стараются употреблять другие выражения вроде «общественное сознание», «мировоззрение», «социализация», «индоктринация» и т. п. А если оно и употребляется, то, как правило, в негативном смысле. Эта традиция пошла с легкой руки Наполеона и затем была подкреплена Марксом, определившим идео-

логию как ложную, искаженную и превращенную форму сознания. В наше время смысл термина «идеология» ограничили идеологиями такого рода, как коммунистическая, национал-социалистская и фашистская, которые на Западе стали рассматриваться как исчадия ада. Тем не менее я буду употреблять это слово, полагая, что оно в данном случае имеет больше оснований, чем все прочие выражения, претендующие на аналогичную роль. Причем я буду употреблять его как социологически нейтральный термин, не вкладывая в него никакого негативного смысла. Позитивного тоже.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА

Существует широко распространенное убеждение, будто прошедшее столетие было эпохой идеологий, будто эта эпоха прошла и наступила эпоха деидеологизации, или постидеологическая эпоха. Инициаторами этого убеждения были Р. Арон, Д. Белл, К. Поппер и другие западные мыслители¹. По их мнению, в западных странах наступила эпоха затухания социальных конфликтов и общенационального согласия интересов. Идеологии, выражавшие частные интересы групп, слоев, классов общества, потеряли значение. Их место стала занимать наука. Убеждение, будто наступил конец идеологии, основывается на том факте, что потерпели крах нацистская, фашистская и марксистская идеологии. При этом поразительным образом не замечается или умышленно игнорируется то, что крах одних идеологий еще не есть конец идеологии вообще, что существуют другие формы идеологий, что даже потерпевшие исторический крах идеологии не умерли совсем, а изменили свой вид применительно к новым условиям или возраждаются вновь под другими названиями.

Но дело не в этих остатках идеологий, потерявших прежнее значение или даже запрещенных. Не они определяют идеологическое состояние западного общества. Тут появились многочисленные новые идеологии, имеющие распространение и влияние в массах, например,

¹ D. Bell. The End of Ideology. N.Y., 1961.

пацифистская, экологическая, феминистская, гомосексуалистская. А главное — все то, что авторы теории постидеологического общества (деидеологизации, конца идеологии) приписывают коммунистической и другим дискредитированным идеологиям, на Западе существует в других формах и в неявном виде, причем в еще более грандиозных масштабах. Идея конца идеологии сама есть идея чисто идеологическая, есть идея западной идеологии, которая в полном соответствии с общими законами идеологии лишь себя считает истиной, а другие формы идеологии — ложью и даже преступлением.

Во всех встречавшихся мне работах, в которых в какой-то мере речь шла об идеологии, под идеологией имелись в виду лишь какие-то идеи и учения. Но это лишь часть сложного комплекса явлений, который я буду называть идеологической сферой общества. Эта сфера состоит из следующих трех основных компонентов. Первый из них образует определенная совокупность представлений, понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т. п. людей обо всем том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения. Я буду называть этот элемент идеологической сферы идеологией.

Второй элемент идеологической сферы образует совокупность людей, организаций, учреждений, предприятий и используемых ими средств, так или иначе связанных с разработкой идеологии (можно сказать — с производством идеологических товаров и услуг), с ее распространением и доведением ее до потребителя, то есть до отдельных членов общества и их объединений. Я называю его идеологическим механизмом.

Третий элемент идеологической сферы образует фактическое состояние сознания и чувств людей, которое складывается в результате воздействия на них всей совокупности факторов их жизни, а не только идеологии. Назову его идеологическим состоянием. Оно касается тех же вопросов, что и идеология. Но полного совпадения тут нет. То или иное идеологическое учение может остаться в книгах, которые массы людей не читают, а сознание их может быть заполнено идеологическим содер-

жанием из других источников, — опыт жизни, литература, кино, газеты, беседы со знакомыми и т. д. Да и идеологические учения усваиваются людьми применительно к их индивидуальным способностям и интересам.

Надо различать идеологическое состояние отдельных людей, их объединений и общества в целом. Идеологическое состояние объединения людей не есть сумма состояний членов объединения или нечто одинаковое, осредненное для них. Это тем более касается общества в целом. В силу разделения функций в объединениях людей выделяются особые их члены, которые выполняют идеологические функции объединения как целого. Они как-то считаются с идеологическим состоянием прочих членов объединения, но в гораздо большей мере навязывают им идеологию, какую они считают идеологией объединения. Прочие члены объединения не обязательно признают идеологию объединения полностью и безропотно. Они вообще могут не знать ее толком и даже не знать вообще. Важно, чтобы какая-то достаточно влиятельная часть объединения признавала ее. Она формируется различными путями. Может быть занесена извне и навязана «сверху». А в случае общества в целом — это длительный и сложный процесс.

Чтобы стать элементом идеологического состояния общества, идеология должна быть адекватна идеологическому состоянию в той его части, которая формируется по другим линиям, в основном — по линии жизненного опыта населения страны. Эта адекватность не есть нечто установленное раз и навсегда, не есть нечто постоянное и неизменное. Тут, как и во всяком сложном жизненном процессе, бывают колебания, нарушения соответствия, конфликты. Сохранение адекватности, о которой идет речь, есть одно из важнейших условий самосохранения общества.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА ЗАПАДНИЗМА

Я различаю идеологическую сферу западных стран вообще и специфическую идеологическую сферу западнизма. В первую входит все то, что можно увидеть в идеологической сфере западных стран, в том числе комму-

нистическая, нацистская, националистическая, социалистическая и т. п. идеологии. Входит в нее и идеология западнизма. Вторая же сфера есть лишь часть первой. Но часть особая: она есть одна из опор западного общества наряду с теми, которые я рассмотрел выше, есть один из основных элементов западнизма, чего не скажешь о других идеологических феноменах.

На Западе бытует убеждение, будто никакой особой западной идеологии вообще не существует. Оно противоречит как истории становления западного общества, так и его современному состоянию. Именно западная идеология была одним из важнейших условий победы западнизма. Разрушение ее привело бы западное общество к гибели. Я вовсе не ставлю в вину Западу то, что он развил мощнейшую идеологическую сферу в себе. Это — не недостаток, а необходимое условие его самосохранения. Я просто поражаюсь тому, что западные идеологи боятся признать этот, казалось бы, очевидный факт. Впрочем, теперь, когда Запад избавился по крайней мере на некоторое время от страха перед коммунизмом, отношение к своей идеологии тут стало меняться. Ведь изменилось же отношение к капитализму настолько, что многие западные теоретики открыто называют его светлым будущим всего человечества!

Те, кто отвергает существование особой западной идеологии, представляют себе идеологию в том виде, какой она приняла в коммунистических странах, в особенности Советском Союзе, то есть в виде единого идеологического учения, которое навязывает населению как нечто обязательное слой единого и централизованного идеологического аппарата, являющегося частью государственного аппарата. Но отсутствие в стране единой государственной идеологии и государственного идеологического аппарата еще не означает отсутствие в этой стране всякой идеологии и всяких средств идеологической обработки населения.

Если сравнить ту сферу общества, которая в коммунистических странах была подвержена деятельности идеологического аппарата и влиянию государственной идеологической концепции, с аналогичной сферой жизни людей западных стран, то без особого труда мож-

но заметить, что в западных странах и без упомянутых средств идеологии достигается аналогичный результат, причем гораздо эффективнее, на мой взгляд, чем в коммунистических странах. Если употребить слово «оболванивание», обычно применяемое к коммунистическим странам, то можно констатировать как факт, что система идеологического «оболванивания» на Западе является неизмеримо более мощной, чем та, какая была в Советском Союзе в сталинские и даже брежневские годы. Причем это касается не только рядовых граждан, полностью погруженных в сферу действия идеологии, но и профессиональной среды, занятой изучением общественных явлений. Почти все, что мне приходилось читать, смотреть и слушать о Западе, либо имело откровенно идеологический характер, либо было пропитано идеологией, либо вынуждало к определенным идеологическим выводам. Например, даже в вульгарной газетной пропаганде редко можно было встретить такие восторженные дифирамбы частной собственности, капитализму и прочим атрибутам западнизма, как в претендующих на высшую научность книгах Хайека, Поппера и других представителей идеологической элиты Запада.

Идеологическая сфера западнизма возникла не путем решения высших властей и навязывания ее обществу сверху, то есть не как искусственное образование. Она сложилась в течение многих десятилетий и даже столетий естественным путем, как часть общего процесса формирования западного общества. Создававшие ее люди не знали, что они создавали именно идеологическую, а не какую-то иную сферу. Во всяком случае, они не ставили перед собой такую цель сознательно, если не считать одну попытку такого рода, о которой буду говорить ниже.

Идеологическая сфера западнизма складывалась по самым различным линиям и на различных уровнях как определенная форма понимания мира, человека, познания, общества вообще и нового общественного устройства, как форма самосознания нового общества. Одновременно она складывалась и как организация общественного сознания, и как стандартизация сознания людей, и как совокупность средств ориентации в новой социальной среде и приспособления к ней, и как систе-

ма самозащиты общества от разрушающих его и противодействующих ему сил. Подобно тому, как западнизм в целом стал основой и остоном западного общества, его идеологическая сфера стала выполнять эту роль для всей сферы общественного сознания Запада.

Идеологическая сфера западнизма является многомерной, как и все прочие его сферы. Ее можно рассматривать не только в том плане, в каком различаются упомянутые выше три элемента ее, но также в том плане, в каком различаются производства, распределение и потребление материальных ценностей и услуг, то есть в плане производства распределения и потребления идей. В этом плане вполне правомерно говорить об идеологическом рынке со всеми его атрибутами, включая «невидимую руку».

Идеологическая сфера западнизма не есть нечто статичное, раз и навсегда сложившееся. Она есть динамичный процесс, в котором воспроизводятся некоторые устойчивые элементы, отмирают одни элементы и возникают новые, происходит непрерывная переработка информации о событиях на планете в идеологическую продукцию, то есть в миллионы книг, статей, речей, представлений.

Внутри самой идеологической сферы имеет место разделение функций. Если мы скажем, что одна из ее функций — дать людям представление о Вселенной, основанное на достижениях науки, это не значит, что вся идеологическая сфера занимается такой просветительской деятельностью. Этим занимается какая-то ее часть, да и то непостоянно.

Есть другие части, в задачу которых входит умышленно создавать ложное представление о каких-то странах, например — о России и о русских. Какие-то люди и учреждения строят проекты будущего общества, другие разрабатывают методы дискредитации враждебных западнизму идей и движений. Одним словом, никакая дефиниция не в состоянии дать исчерпывающее и бесспорное определение этой сферы. Роль определения тут может выполнить только обстоятельное научное исследование. Но мне такое исследование не встречалось. Думаю, что его нет вообще, ибо оно не в интересах самой идеологической сферы.

ПРЕДЫСТОРИЯ ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНИЗМА

20 июня 1796 года в революционном Париже произошло событие, имевшее ничтожное влияние на ход истории и оставившее малозаметный след в памяти человечества, хотя по своей сути оно должно быть отнесено к числу самых характерных явлений становления западнизма. В этот день в Национальном институте наук и искусств, в секции моральных и политических наук выступил с докладом А. Десто де Траси, лидер группы философов, получивших название идеологов. Виднейшими представителями этой группы стали Кабанис и Кондорсе. Доклад Десто де Траси назывался «Проект идеологии». Докладчик предложил проект обобщения и систематизации учений выдающихся мыслителей Ф. Бэкона, Локка, Кондильяка, Гельвеция и других в виде особой «теории теорий» или науки об идеях — идеологии. Позднее он изложил свой проект в книге «Элементы идеологии»¹. Он не претендовал на то, что создал законченное идеологическое учение. Он рассматривал свое сочинение как первый набросок его. Существенное место в его проекте занимали мысли об использовании идеологии для усовершенствования общественного устройства.

После краткого и нешумного успеха «идеологов» их влияние сошло на нет. Наполеон назвал их демагогами и болтунами. Маркс назвал Десто де Траси буржуазным доктринером. Ирония истории тут заключалась в том, что Наполеон сформировался под влиянием идей праотцов западной идеологии (Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо, Мабли, Вольнея и других), а Маркс сам стал доктринером, правда — антибуржуазным.

Попытка Десто де Траси была первой, на мой взгляд, в истории попыткой создать единое и систематизированное идеологическое учение западнизма. Именно идеологическое, а не какое-то иное. Попытка не удалась и осталась единственной в своем роде. Замечу кстати, что Десто де Траси предвосхитил не только идеологические учения коммунистических стран XX века, но и модные в середине XX века идеи метатеорий, метанаук, метаязыков.

¹ A.L.C. Destutt de Tracy. Elements d'ideologie. 1801—1815.

То, что я выше сказал о формировании идеологической сферы западнизма в целом, относится и к его идеологии. Последняя не была занесена на Запад извне, как это произошло с марксистской идеологией в России, а возникла и развилась тут имманентно. Она складывалась веками, естественно-историческим путем, в общем процессе духовного и культурного развития народов Запада, а не навязана кем-то сверху как нечто готовое. Будучи сама естественным элементом западнизма, она сложилась по общим законам западнизма и как адекватное ему социальное образование. Адекватное не в том смысле, в каком научные знания считаются адекватными изучаемым объектам (истинными), а в том смысле, что она отвечала условиям своего общества, его культуре, его человеческому материалу, его потребностям.

Идеология западнизма создавалась усилиями огромного числа философов, экономистов, социологов, политологов, писателей, политических и общественных деятелей, ученых. Среди создателей ее были такие выдающиеся личности, как Бэкон, Локк, Гоббс, Смит, Милль, Монтескье, Руссо, Гельвеций, Дидро, Вольтер, Гольбах, Кант, Гегель и многие другие, имена которых навечно остались в памяти человечества. XIX век вообще можно назвать идеологическим ураганом. А в XX веке сложилась идеологическая среда, в которой стали принимать участие десятки и сотни тысяч специалистов всякого рода.

В создании идеологии западнизма использовались все лучшие достижения западноевропейской культуры. Родоначальники идеологии западнизма не подозревали того, что они выполняли «социальный заказ», а именно — создавали основы для системы обработки и стандартизации сознания людей, создавали своего рода «духовные» координаты для ориентации людей в сложном окружении и потоке событий, создавали систему ограничителей и критериев оценки поведения людей. Продолжателям их дела в развитом западном обществе эта сфера стала представляться уже как нечто само собой разумеющееся.

Конечно, были и сохраняются в какой-то мере сейчас национальные различия в идеологии западнизма. Общеизвестны различия во взглядах между родоначальника-

ми английской (Бэкон, Локк, Гоббс, Смит, Милль и другие), французской (Монтескье, Конт, Вольтер, Гельвеций, Монтень и другие) и немецкой (Кант, Гегель, Ницше, Фихте, Шопенгауэр и другие) идеологии. В каждой западной стране идеология вырастала из того лучшего, что создавала ее национальная культура, вырастала как национальное самосознание. Тем не менее идеология западнизма сложилась как явление общезападное. Пожалуй, в области идеологии западное единство начало складываться как единство западнистское раньше, чем в экономической и политической сферах.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНИЗМА

Как в историческом процессе формирования, так и в современном состоянии идеология западнизма не была и не является феноменом, отделенным от науки, литературы, живописи, журналистики и даже от религии. Она растворена, рассеяна во всем и вообще не воспринимается как идеология. Подавляющее большинство западных людей не знает, что такое идеология. Попытка «идеологов» периода Великой французской революции отделить ее в качестве особого феномена не могла иметь успеха, хотя и исходила из благих намерений. В коммунистических странах, наоборот, даже школьники знали, что такое идеология. Идеология четко отличалась от прочих явлений культуры, не растворялась в них. Она была заметна, бросалась в глаза, вызывала раздражение и насмешки. Она вообще выглядела как нечто чужеродное и ненужное, хотя на самом деле ее организующая и воспитательная роль была огромна.

На Западе нет единой государственной (официально признанной) идеологии в форме целостного учения, как это было в Советском Союзе до недавнего времени. Тут нет книги, о которой можно было бы сказать, что в ней изложены по крайней мере основы идеологии западнизма. Последняя настолько разбросана, можно сказать — растворена в неидеологических явлениях, что ее как будто бы нет совсем. Можно заметить ее отдельные проявления и кусочки, а не нечто более или менее сис-

тематизированное и локализованное в откровенно идеологических текстах.

Идеология западнизма изложена в бесчисленных монографиях солидных ученых, в учебных пособиях для школьников и студентов, в популярных книгах и статьях для широкого круга читателей, в лекциях по телевидению, в газетных и журнальных статьях. Все то, что называют общественными науками, так или иначе содержит идеологию в больших дозах.

Трудно сказать, появится ли когда-нибудь человек, который возродит идею Десто де Траси и создаст суммарное, обобщенное и систематизированное учение, наподобие учения Будды, Магомета, Христа или хотя бы марксизма-ленинизма, и это учение будет признано в качестве изложения идеологии западнизма. Скорее всего — нет, так как такое учение не соответствует характеру западного общества как общества западнизма и духу его идеологии. Внешний идеологический хаос тут не случаен, он более соответствует задачам и условиям функционирования идеологии, чем канонизированная система воззрений.

Идеология западнизма является плюралистической в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли. Ее части невозможно механически объединить в единое логическое целое. Эти части зачастую противоречат друг другу, враждуют между собою. Тем не менее этот плюрализм можно рассматривать как разделение труда в рамках некоторого единства и как выражение индивидуальных различий авторов текстов. Во всяком случае, мы говорим об экономике Запада как о чем-то едином, хотя прекрасно знаем об ожесточенной борьбе между ее частями. Мы говорим о политической системе западных стран, зная о борьбе партий и фракций внутри партий. Так почему нельзя в том же смысле говорить о западной идеологии, если даже она кишит внутренней враждой?!

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА

Хотя на Западе нет единого учения, которое сыграло бы роль государственной идеологии, здесь имеется все же нечто такое, что придает единство и преемствен-

ность идеологическому плюрализму. Это идеологическая среда специалистов, работающих в разных учреждениях, но образующих своеобразную касту. Они изучают сделанное в прошлом, осуществляют отбор, обработку и систематизацию идей и учений, издают и переиздают сочинения отобранных авторов, готовят справочники и учебники, короче говоря — осуществляют своего рода канонизацию имен, идей, учений. Эти специалисты изучают современную им общественную жизнь, данные науки и техники, вообще все то, что считают важным и интересным для масс населения. Они осмысливают изучаемое в рамках привычной для них традиции и с принятыми в их среде критериями, производят дальнейший отбор материала в идеологическую сферу. Это организованная работа, осуществляемая из поколения в поколение. Лица, вновь вступающие в эту сферу, получают определенную подготовку, продолжают дело предшественников по тем же правилам. Если они не будут это делать, они не попадут в эту сферу, а попав в нее, не будут иметь успеха и не удержатся в ней. Они обязаны следовать определенным правилам профессиональной идеологической среды, чтобы заработать на жизнь, делать карьеру, приобретать известность.

Тут складываются свои группы, школы, течения. Они конфликтуют друг с другом. Но при этом они проявляют терпимость и взаимное внимание. Они сосуществуют и совместно делают одно общее дело. Они суть члены одной корпорации. Они легко опознают друг друга, совместно охраняют свою сферу от посторонних вторжений, угрожающих им как корпорации. Ведь и в рамках единой христианской религии были внутренние враждующие части, не говоря уж о коммунистической идеологии.

УРОВНИ ИДЕОЛОГИИ

В идеологии западнизма можно выделить три уровня — элитарный, пропагандистски-просветительский и житейский. Первый уровень образуют сочинения, претендующие на научность, внеидеологичность, творчество. Тут действительно делаются и научные открытия — идеология питается соками науки. Идеология тут обле-

кается в форму высокого профессионализма. Профессиональный уровень в отношении отдельных проблем, конкретных деталей, эрудированности и формального аппарата тут довольно высок. Но он уживается с банальностью выводов, с игнорированием объективных законов социального бытия, с предрассудками и предвзятыми установками.

Второй уровень образует множество книг, статей, лекций и докладов широкого круга специалистов, занятых обучением студентов, выступлениями на конференциях, популяризацией и пропагандой идей, журналистикой. И третий уровень образуют средства человеческой деятельности, которые так или иначе могут быть носителями идеологии, — фильмы, романы, телевизионные передачи, школьные уроки, повседневная пропаганда и даже реклама.

Различия этих уровней настолько значительны на первый взгляд, что идеологи высшего уровня никогда не признаются в том, они делают общее дело совместно с идеологами низшего уровня. Тем не менее они делают общее дело. Тут имеет место разделение труда в интересах выполнения разнообразных функций идеологической сферы. Одно дело — выработать рафинированную идеологическую идею с учетом состояния науки, общественного сознания, политической и экономической ситуации и т. д., и другое дело — вдальблывать эту идею в головы обывателей, по необходимости придавая ей примитивный вид.

Такое «вертикальное» разделение функций имело место и в идеологии Советского Союза. Аристократы ее, которым было дозволено быть запанибрата с западными коллегами по профессии, с презрением относились к рядовым пропагандистам, поносившим последними словами западных коллег советских идеологических аристократов. Однако рядовые пропагандисты лишь обнажали суть того, что сочиняли аристократы марксизма-ленинизма. Как о коммунистической идеологии нельзя судить лишь по сочинениям Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина и других видных теоретиков марксизма, а нужно опуститься на уровень, на котором идеология поступает к массовому потребителю, так в анализе идеологии западнизма нужно принимать во внимание не

только элитарный, но и примитивный потребительский уровень.

Идеология для всех одна. Если бы можно было извлечь ее из связи с другими явлениями, в которые она погружена, обнаружилось бы, что она с интеллектуальной точки зрения примитивна на всех уровнях. Различаются, строго говоря, не уровни в ней как таковой, а уровни общих контекстов, в которых она вырабатывается, сохраняется и распределяется. Непримитивны и даже нарочито усложнены эти их контексты. Пилюли идеологии сами по себе не настолько приятны, чтобы люди стали их глотать добровольно и с удовольствием. Они подслащиваются более приятными «веществами» и растворяются в них, чтобы люди могли поглощать их, даже не замечая того. Идеологическая обработка населения западных стран вообще построена не как принудительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей идеологии деятельность.

ВНЕКЛАССОВОСТЬ ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНИЗМА

Идеология западнизма не является идеологией какой-либо социальной группы, партии, слоя или класса. Она есть идеология внегрупповая, внеклассовая, всеобщая. Это не значит, что ее принимают все граждане, все группы, все классы. Это не значит, будто она объединяет все категории и группы граждан, будто она выражает их общие интересы, будто она является идеологией «классового примирения». Это не значит, что она входит во все идеологические концепции и частные идеологические феномены, существующие на Западе. Это означает, что ни один класс, ни один слой, ни одна партия и ни одна социальная группа не заявляет о ней как о своей идеологии. Она возникает, сохраняется и распространяется как особый и самостоятельный элемент общественного устройства. Ее положение в этом отношении сходно с положением государства. Она сохраняет этот статус, если даже отвергается какими-то людьми или группами людей, подвергается критике в каких-то ее проявлениях.

Она живет, поскольку она есть сфера жизнедеятельности большого числа людей, занимающих стабильные позиции в обществе, имеющих влияние и сбыт своей продукции, способных отстаивать свое положение.

В поле влияния идеологии находятся так или иначе все граждане общества, включая и враждебно настроенных. Раз люди читают книги, газеты и журналы, раз они обучаются в школах и университетах, раз они смотрят фильмы, телевидение и рекламу, раз они слушают своих политиков и общественных деятелей, раз они участвуют в каких-то общественных действиях, они вольно или невольно впитывают в себя идеологию западнизма, подвергаются идеологической обработке («оболваниванию»). И тем самым они поддерживают идеологию. Потребляя продукцию идеологии, они дают ей возможность существовать, — они тем самым питают идеологию. Они просто не могут от нее избавиться, если бы даже захотели. Идеология западнизма в этом смысле есть дело всего общества, всех групп, слоев, классов.

Идеология западнизма испытывает влияние других идеологических феноменов и сама влияет на них. Но в нее не входят никакие частные идеологии — она есть особое явление сравнительно с ними. Идеологическая сфера Запада включает в себя многочисленные частные идеологические образования и идеологию западнизма как идеологию общества в целом, основанного на западнизме. Повторяю, подобно государственности, она есть идеология целого и целостности общества.

Должен заметить, что и в этом отношении идеология западнизма не является исключением. Советская государственная идеология с самого начала заявила о себе как об идеологии всех «трудящихся», всего общества. Там не было особых идеологий для рабочих, крестьян и служащих. Насмехаясь над коммунистическими идеями дружественных классов и бесклассового общества, идеологи западнизма сами проповедуют идеи классового примирения и единства интересов различных слоев населения, что, как и в случае с советской идеологией, имеет известные основания. Кстати сказать, эта проповедь есть одна из функций идеологии западнизма как идеологии целостности общества.

Неклассовая идеология западнизма, как я уже заме-

тил, не предполагает, что с ней все согласны и все принимают ее. Она имеет противников. Многие безразличны к ней и вообще понятия не имеют о том, что таковая существует. Тем не менее она по бесчисленным каналам господствует над сознанием людей. Ею пропитана вся атмосфера, которую дышит сознание людей. Избежать ее власти просто невозможно, живя в западном обществе. Оказывая влияние и на враждебные ей умонастроения, она борется против них не менее ожесточенно, чем религиозные учения прошлого с ересями.

ИДЕОЛОГИЯ И НАУКА

Идеология западнизма зародилась и формировалась как стремление создать научное понимание всего того, что входило в круг интеллектуальных интересов людей, в противовес религиозному учению обо всем этом, то есть о космосе, природе, обществе, человеке, мышлении, познании. Наука осталась источником идеологии и в наше время. И останется до тех пор, пока наука не исчерпает себя и пока существует западнизм. Но наука не становится идеологией. Идеология пожирает науку, но не превращается в то, что она пожирает. Продукты ее «пищеварения» суть нечто иное, чем пища.

Наука и идеология различаются по целям, по методам и по практическим приложениям. Наука имеет целью познание мира, достижение знаний о нем. Она стремится к истине. Идеология же имеет целью формирование сознания людей и манипулирование их поведением путем воздействия на их сознание, а не достижение объективной истины. Она использует данные науки как средство, опирается на науку, принимает наукообразную форму и даже сама добывает какие-то истины, если это уже не сделано другими. Но она приспособливает истину к своим целям, подвергает ее такой обработке, какая необходима для более эффективного воздействия на умы и чувства людей и в какой заинтересованы те или иные группы людей, организации, классы и даже целые народы.

Идеология, как и наука, оперирует понятиями и суждениями, строит теории, производит обобщения, систе-

материализует материал, классифицирует объекты, короче говоря — осуществляет многие мыслительные операции, какие являются обычными в науке. Но между идеологией и наукой и в этом есть существенное различие. Наука предполагает осмысленность, точность, определенность и однозначность терминологии. Она по крайней мере к этому стремится. Утверждения науки предполагают возможность их подтверждения или опровержения. Понимание науки предполагает специальную подготовку и особый профессиональный язык. Наука вообще рассчитана на узкий круг специалистов. В идеологии все эти условия не соблюдаются, причем не вследствие личных качеств идеологов, а вследствие необходимости исполнить роль, предназначенную для идеологии. В результате ориентации на обработку сознания масс людей и на манипулирование ими получают языковые конструкции, состоящие из расплывчатых, многосмысленных и даже вообще бессмысленных слов, из непроверяемых (недоказуемых и неопровержимых) утверждений, из односторонних и тенденциозных концепций. Результаты науки оцениваются с точки зрения их соответствия реальности и доказуемости, то есть критериями истинности, результаты же идеологии — с точки зрения их эффективности в деле воздействия на сознание людей, то есть критериями социального поведения.

Методы идеологии и науки лишь частично совпадают. Но по большей части они настолько различны, что можно констатировать принципиально различные типы мышления — идеологический и научный. Для первого характерным становится априоризм, то есть подгонка реальности под априорные концепции, нарушение правил логики (алогизм) и методологии познания, не говоря уж о научной этике. Приведу пример. В 1992 году группа экономистов по заданию ООН установила, что страны с высоким уровнем жизни имеют более высокий индекс политической свободы, чем страны с низким уровнем жизни. Само это «открытие» не стоит выведенного яйца. Но эти «открыватели» пошли дальше: они сделали вывод, будто причина бедности — политическая система бедных стран. Чтобы преодолеть бедность, эти страны

должны перестроить свой социально-политический строй по западным образцам. Вывод сделан с нарушением всех правил логики и методологии науки. Его идеологическая ориентация очевидна — эти «ученые» имели заданную установку и подгоняли под нее свое якобы научное исследование. Примерами такого рода кишат сочинения бесчисленных «исследователей» общественных явлений.

Различие ориентации (целей, установок, заданий) науки и идеологии имеет в конечном итоге противоположные результаты. Наука создает понимание реальности, а идеология — принципиальное непонимание, лишь принимающее видимость понимания. Идеология создает иллюзию и имитацию понимания. Непонимание в этом случае есть не просто отсутствие понимания. Оно есть наличие противоположной способности, которая увеличивается, принимает изощренные формы, специально культивируется и достигает огромной силы влияния на умы и чувства людей. Она заполняет собою их. Она поглощает понимание, отпихивает его на задворки сознания, узурпирует его функции, выдает себя за подлинное понимание.

Люди, которые руководствуются принципами науки в понимании общественных явлений, суть чрезвычайно редкое исключение. Их почти что нет, а порою они исчезают совсем. Это не случайно. Научное понимание общественных явлений требует высокого уровня образования и гибкости интеллекта, редко и плохо вознаграждается само по себе (то есть если не служит идеологии и политике), не согласуется с обывательскими представлениями, плохо защищено от агрессии со стороны общечеловеческой глупости и от ложной уверенности в том, будто всякий опытный в житейском отношении человек уже тем самым является компетентным судить о фактах общественной жизни.

Общественные явления настолько сильно затрагивают интересы людей, что они (люди), воображая, будто выражают объективную истину, на самом деле выражают свои интересы, лишь придавая им обманчивую форму истины. Ко всему прочему, истина, вся истина и только истина о социальных явлениях людям практически не

нужна. Им достаточно получать капельки истины, растворенные в идеологической жидкости. А обнаженная истина об общественных явлениях порождает гневное осуждение со стороны всякого рода моралистов и демагогов. Они скорее примирятся со злом, чем с научной истиной, объясняющей закономерность и социальную роль зла.

Истины социальных наук в их первоизданном виде служат средством удовлетворения любопытства ничтожного числа одиночек, не играющих в обществе никакой видной роли. Они выполняют свою социальную задачу только в качестве материала для идеологии. Идеология же имеет огромные практические приложения. На ней основывается вся грандиозная пропаганда, воспитание масс в нужном духе («идеологическое оболванивание») и манипулирование массами. Именно идеологически обработанные данные социальных исследований, а не непосредственно научные результаты этих исследований находят применение в деятельности политиков, всякого рода секретных служб, государственных учреждений, партий, общественных деятелей и т. д. Это происходит благодаря тому, что идеология отбирает во множестве возможных истин такие, знание которых непосредственно полезно практически, и придает этим истинам такую интерпретацию, которая ориентирует деятельность заинтересованных лиц в нужном направлении, придает этой деятельности желаемый вид и морально оправдывает ее в их собственных глазах и в глазах масс населения.

Из сказанного следует, что идеология должна содержать в себе какую-то совокупность знаний, которые могут стать научными, если их извлечь из контекста идеологии и очистить от идеологической шелухи. Она должна быть полезной в том смысле, что какие-то люди, усвоив эту совокупность знаний, могли бы действовать в определенного рода ситуациях так, как будто они имеют для этого необходимые научные знания.

В отношении данных естественных наук действуют другие, не менее принудительные причины их идеологического «переваривания». Широкие слои населения проявляют интерес к достижениям науки. Ознакомление их

с этими достижениями предполагает популяризацию, рассчитанную на непрофессиональный уровень людей, что само по себе означает искажение результатов науки, упрощение, схематизацию, привнесение в науку чужеродных образных пояснений и т. д. А главное — при этом приходится иметь дело уже с воспитанными в определенном духе массами людей. Чтобы завладеть их вниманием, просветители и популяризаторы науки превращаются в мошенников, придающих скучным самим по себе результатам науки необычный, яркий, сенсационный и даже мистический вид. От науки при этом остаются лишь имена и смутные намеки на их реальные результаты. Основная масса такой продукции оказывается чудовищным извращением научных истин, умело замаскированным под «подлинную» и «новаторскую» науку. Эти извращения порою принимают такой вид, что не только обыватели с примитивным интеллектом, но даже изощренные в интеллектуальной работе профессионалы сами не могут разглядеть, где истина и где мошенничество. Так произошло в XX веке со многими достижениями логики, математики, физики, психологии, биологии. Вся так называемая «научная фантастика» есть фальсификация достижений науки. Она вполне сопоставима с мракобесием невежественного средневековья.

Процесс превращения данных науки в средство идеологии и в мошенничество за счет науки есть массовый феномен. В нем участвуют сотни тысяч людей, творящих идеологически пережеванную пищу для сотен миллионов потребителей. Многое в этом процессе происходит стихийно и бессознательно. Но бессознательность тут относительна. Участники процесса отдают себе отчет в том, что от них требует рынок потребителей их продукции, как расценит всесильные масс-медиа их творчество, как отнесутся к их творчеству те, кто им платит деньги и обеспечивает успех. Тут складываются свои традиции, привычки, навыки, школы, штампы.

Человек, который самыми безукоризненными научными методами покажет, что почти вся научно-популярная и художественная литература, сложившаяся на основе использования идей логики, математики, физики, психологии и других наук, есть шарлатанство, что науч-

но-фантастические фильмы и романы суть явления антинаучные, такой человек не будет услышан даже в кругах профессионалов.

Для подавляющего большинства людей научное понимание объектов, попадающих в сферу внимания идеологии, было и останется навечно недоступным. Оно возможно лишь для исключительных одиночек, да и то лишь частично, при наличии страстного желания вырваться из пут идеологии и при условии самостоятельных профессиональных исследований соответствующих объектов. Оно навсегда останется лишь мимолетным проблеском в идеологическом тумане, в котором человечество обречено двигаться вслепую, наугад и ощупью, воображая, будто его путь освещен светом разума. Надежда на то, что идеология исчезнет и ее место займет наука, является по меньшей мере наивной.

ЭМПИРИЗМ ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНИЗМА

В познании общества, как и в других сферах исследования эмпирических явлений, применяются эмпирические и теоретические методы. В зависимости от того, каким из них отдается предпочтение, можно говорить об эмпирическом и теоретическом подходах к обществу. В XIX веке и ранее доминировал теоретический подход. Во второй половине XX века почти безраздельное господство захватил подход эмпирический, превратившийся в сбор и обработку статистических данных о явлениях, имеющих злободневный интерес, а также опрос определенным образом отобранных граждан по заранее разработанным анкетам и в обработку данных этих опросов.

Не буду оспаривать пользу эмпирических методов для решения каких-то частных задач. Но было бы ошибочно преувеличивать их достаточность и надежность. Их результаты зависят от субъективного произвола исследователей и опрашиваемых, от случайностей, от априорных установок и предвзятых убеждений, от пропагандистских целей и от политической ситуации. Эмпирическими данными до такой степени переполнены все сообщения средств массовой информации и професси-

ональная литература, что можно констатировать своего рода террор эмпиризма. Числа, величины, проценты, свидетельства отобранных граждан, отсортированные факты — это все кажется бесспорным и убедительным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими «бесспорными» величинами и фактами. Многочисленные примеры этому приводятся в западных публикациях. Например, по данным Сильвии Брунель¹, в 1982 году считалось точно установленным, что в мире ежегодно умирало с голоду 50 миллионов человек, в то время как число всех умиравших в год людей не превышало 48 миллионов. Аналогично в начале девяностых годов писали, будто ежегодно в мире умирало от голода 15 миллионов детей, тогда как число всех умиравших детей было около 9 миллионов. Эмпирические методы превратились не столько в методы научного познания общества, сколько в средства идеологии и пропаганды. Они ограничивают познание общества сведениями о разрозненных фактах. Но знание фактов еще не есть понимание. Информация о фактах теперь имеется в изобилии, является даже чрезмерной. И это уже стало препятствием на пути понимания, причем для большинства людей препятствием непреодолимым. Масс-медиа захламляют сознание людей информацией настолько, что они вообще перестают что-либо понимать. Тут действует принцип: «Пусть знают все, не понимая ничего!»

СУБЪЕКТИВИЗМ ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНИЗМА

Общество состоит из людей, обладающих интеллектом, волей, способностью ставить цели и добиваться их осуществления, способностью планировать свою деятельность и предвидеть ее результаты, короче говоря — обладающих тем, что можно назвать субъективным фактором. Характерным для идеологии западнизма является непомерное раздувание этого фактора, подчеркивание роли отдельных личностей, особенно политических деятелей. Зайдите в любой книжный магазин! Все полки завалены книгами о выдающихся личностях и книга-

¹ Sylvie Brunei. La Tragedie Banalisee. Paris, 1991.

ми самих выдающихся личностей. Включите телевизор! И вы наверняка увидите физиономии каких-то личностей либо в виде объекта непомерного внимания, либо исторгающего потоки слов, долженствующих быть двигателями исторического процесса.

На Западе издевались над культом отдельных личностей в коммунистических странах. Но на самом Западе это же самое делается в масштабах, в сотни раз превосходящих эти страны. Тут постоянно создается и поддерживается культ заурядных президентов, премьер-министров, канцлеров, генералов, профессоров, киноактеров, спортсменов и даже преступников. Тут существует целая индустрия производства «выдающихся» личностей, причем индустрия настолько мощная, что западное общество можно считать культистским. А ведь это есть не воздание должного тому, что сделали люди, а идеологическая работа по оболваниванию масс населения. Людям ежеминутно по бесчисленным каналам вдалбливается в голову убеждение, будто их общество и его эволюция суть результат усилий этих выдающихся личностей.

Но помимо субъективного фактора в жизни общества имеет место и то, что не зависит от разума, воли, желаний, намерений, планов и решений людей, включая все выдающиеся личности, — объективный фактор. Характерным для идеологии западнизма является преуменьшение, игнорирование и фальсификация сущности и роли объективного фактора.

А между тем наличие и роль объективного фактора не менее очевидны, чем фактора субъективного. В общественной жизни участвует огромное число явлений. Далеко не все в ней подконтрольно воле людей. Возникают непредвиденные следствия их деятельности. Людей много, их цели и намерения разнообразны. Суммарный результат их действий далеко не всегда совпадает с тем, к чему стремятся отдельные участники исторического процесса. Люди совершают ошибки в своих расчетах. Возможности их предвидения ограничены. Думая о ближайших результатах своих действий, они не задумываются над более отдаленными их следствиями. Плюс ко всему — далеко не все действия людей включают в себя осознанные цели и предвидение результатов. Многие

действия являются автоматическими, машинообразными или животноеобразными. Короче говоря, имеется достаточно много причин, вследствие которых совокупный процесс жизни людей приобретает черты объективного процесса природы.

Объективный фактор не исчерпывается сказанным. К этому следует добавить еще то, что общественная жизнь происходит в соответствии с объективными, неподвластными воле людей социальными законами. В идеологии западнизма доминирует убеждение, будто никаких объективных законов, аналогичных законам природы, в общественной жизни нет. Это убеждение ложно. Социальные законы суть то в жизни людей и человеческих обществ, что при определенных условиях имеет место с необходимостью, причем независимо от того, осознают люди эти законы или нет, способствуют их проявлению или препятствуют. И с этой точки зрения социальные явления принципиально не отличаются от явлений природы.

Сравню в качестве примера один из законов механики Ньютона и один из простейших социальных законов. Закон Ньютона в логически явной форме можно записать так: «Если на тело не действуют никакие внешние силы (это — условие X), то оно будет сохранять состояние покоя или прямолинейного равномерного движения (Y)». Если взять суждение Y отдельно от X , то оно будет ложным, так как можно привести сколько угодно примеров, когда указанные в нем состояния не сохраняются. Условие X в реальности тоже никогда не выполняется с абсолютной точностью, но лишь всегда более или менее приблизительно, относительно. Чтобы открыть этот закон, Ньютон проделал мысленный эксперимент — допустил условие X и путем логических рассуждений получил Y .

Представим себе теперь такую ситуацию. Ищущий работу человек стоит перед проблемой выбора одного из двух мест работы, которые одинаковы во всем, кроме одного признака: одно предприятие платит за ту же работу больше, чем другое. Какое из этих предприятий выберет нормальный человек, способный оценить ситуацию выбора и нуждающийся в средствах существования? Очевидно, то, которое больше платит. Человек по-

ступает при этом в соответствии с социальным законом, который можно сформулировать так: если нормальный человек вынужден сделать выбор одного из двух вариантов поведения, одинаковых во всем, кроме одного признака, то он предпочтет тот из этих вариантов, который с его точки зрения имеет для него преимущество в отношении этого признака.

В реальности никогда не бывает так, что два варианта одинаковы во всем, кроме одного признака. В реальности действуют многочисленные обстоятельства — неосведомленность людей о положении дел, личные знакомства, обман, реклама, изменения ситуации, традиции, расчеты по многим признакам, ошибки в расчетах. Тем не менее приведенный закон не отменяется, он сохраняет силу как одна из тенденций человеческого поведения, причем в массе человеческих поступков.

Социальные законы не являются принципами морали и юридическими нормами, и наоборот, хотя люди, формулируя нормы морали и права, как-то отражают законы социальные, обычно ничего не зная о последних. Когда всякого рода политики и общественные деятели говорят о преобразованиях и организации общества на основе принципов морали и права, они говорят чепуху.

Люди могут не считаться с какими-то социальными законами, поступать так, как будто их нет. Но это не означает, что эти законы не имеют силу. Люди и в отношении законов природы часто не считаются с ними, что не отменяет законы, но за что люди так или иначе бывают наказаны. Так и в отношении социальных законов. Примерами такого рода наполнена вся история человечества, особенно в наше столетие, которое считается вершиной развития человеческого разума. Все основные глобальные проблемы, над которыми только теперь задумались правящие и деловые люди Запада, явились результатом именно такого пренебрежения к социальным законам.

Авторы сочинений на социальные темы так или иначе говорят о язвах общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве источника зол диктаторов и тиранов, другие — капиталистов и феодалов, третьи — партии и организации вроде партий нацистов, партий коммунистов, органов государственной безопас-

ности, четвертые — экономический и технологический прогресс, пятые — чрезмерный рост населения, шестые — идеологии. И никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы. От этих зол и тиранов человечество не избавится никогда и ни при каких обстоятельствах. Меняя условия своей жизни, люди избавляются от одних тиранов такого рода, но с необходимостью попадают во власть других, порою еще более жестоких. В мире никогда не было, нет и не будет идеального общества всеобщего благоденствия не по вине каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия.

Существует неосознанный страх познания социальных законов, ибо оно несет людям не столько надежды на лучшее, сколько пессимистические выводы насчет будущего. Плюс к тому — идеологический контроль допускает до всеобщего признания в качестве социальных законов далеко не все законы, которые можно было бы в принципе открыть. Идеология навязывает людям в качестве социальных законов то, что таковыми не является. Такими псевдозаконами набита вся словесная сфера, относящаяся к политике, экономике и вообще к западному образу жизни.

Поразительно то, что социологи, отрицающие объективные социальные законы, часто сами дают прекрасные примеры таких законов. Характерен в этом отношении Макс Вебер, который дал блестящее описание феномена бюрократии как организующегося по специфическим социальным законам этой сферы.

Наличие субъективного фактора не исключает действие объективных социальных законов, ибо этот фактор сам есть объективное явление. И в отношении его имеют силу свои социальные законы.

АНТИДИАЛЕКТИЧНОСТЬ ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНИЗМА

Диалектика была открыта на Западе, причем до появления марксизма. Она была мистифицирована тем человеком, который сделал самый значительный вклад в нее, а именно — Гегелем. Маркс, взяв диалектику на воору-

жение в своих исследованиях, не дал ее систематического описания. Он ограничился отдельными разрозненными замечаниями о ней. Его соратник Ф. Энгельс вообще считал диалектический способ мышления Маркса «кокетничанием с Гегелем». Энгельс был первым, кто вульгаризировал диалектику, придав ей вид учения о неких всеобщих законах бытия. Тем самым он чрезмерно обобщил диалектику, распространив ее на сферы познания, где она была лишена смысла (даже на математику!), и оторвав ее от сферы общественных явлений, где она была на месте. Последователи Маркса связали диалектику с политической борьбой, идеологизировали ее, изобразили ее как некое оружие пролетариата. В Советском Союзе учение о диалектике в опошленном виде стало составной частью государственной идеологии. И нет ничего удивительного в том, что на Западе сложилось негативное отношение к диалектике.

Пренебрежение западных исследователей социальных явлений к диалектике не поддается разумному оправданию. Исследуемые явления буквально вопят о том, что они живут не по предписаниям и призывам политиков, идеологов и моралистов, а по объективным законам, которые раньше называли законами диалектики. В них имеет место борьба противоположностей, раздвоение единого и поляризация частей, превращение явлений в свою противоположность, возврат в прежнее состояние на новом уровне («отрицание отрицания»), переход количественных изменений в качественные и т. д. А исследователи, боясь упреков в почтении к диалектике, делают все от них зависящее, чтобы не замечать реальной диалектики социальных объектов, и сочиняют плоские книжки, перенасыщенные «бюрократическими» классификациями и дефинициями.

Диалектический метод исследования (метод мышления) не сводится к известным «законам диалектики». Он включает в себя определенную совокупность приемов мысленного эксперимента, которую Гегель и Маркс называли методом восхождения от абстрактного к конкретному. Я еще в 1951—1954 годы дал систематизированное описание этого метода. Но оно встретило враждебное отношение в советской философии, и моя диссертация находилась в фонде запрещенных рукописей до послед-

него времени. Я убежден в том, что этот метод мог бы стать весьма полезным в описании феномена западнизма. До сих пор «Капитал» Маркса остается уникальным образцом применения его.

ИДЕОЛОГИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Со времени Наполеона, который с презрением относился к идеологии и идеологам, пошла традиция смотреть на идеологию как на ложное, извращенное отражение реальности. В справочниках и словарях часто идеология так и определяется, как ложное учение. Я такой взгляд на идеологию отвергаю. Но я тем самым не хочу сказать, будто идеология дает истинное отражение реальности. Такое утверждение тоже было бы ложно. Тут есть третья возможность, а именно — что идеология ни истинна, ни ложна. Ее вообще нельзя рассматривать с точки зрения истинности и ложности. Отдельные фрагменты, будучи взяты сами по себе, то есть вне их идеологической среды и исключительно с точки зрения их отношения к реальности, могут оказаться истинными и ложными. Подходить же к идеологии в целом с критериями истинности и ложности — это все равно как рассматривать картины Пикассо, Кандинского и ряда других художников XX века того же рода с точки зрения их адекватности какой-то якобы изображаемой реальности.

В отношении идеологии и ее частей уместна оценка в соответствии с критериями эффективности воздействия их на умонастроения и поведение людей. При этом утверждения идеологии не непосредственно соотносятся с реальностью, а опосредованно, то есть в качестве факторов поведения людей и их объединений вплоть до целых стран и народов.

Идеология извращает реальность. Но она это делает в основе своей не в силу дурных намерений и глупости, а в силу своей роли и средств исполнения роли, то есть изобразительных средств. Лишь на этой морально безупречной основе развивается практика сознательно-го извращения реальности и соответствующая система приемов. При этом идеология переходит в пропаганду. В сфере идеологии начинают доминировать специалис-

ты, готовые проводить любую пропагандистскую линию за те блага, какие дает им их профессия и положение в обществе, и из корыстных и карьеристских соображений. Как в случае с коммунистической идеологией продолжателями дела ее основателей стала огромная армия беспринципных прохвостов, так и законными наследниками великих основателей идеологии западнизма стали интеллектуальные пигмеи, безнравственные шкурники и карьеристы, не уступающие в этих качествах наследникам Маркса. И это не есть некое перерождение. Это результат нормального естественно-исторического развития самой идеологической сферы в силу ее объективных законов.

Идеология западнизма возникла в рамках феодального общества как мечта о наилучшем общественном устройстве, якобы соответствующем естественной природе человека, его неким прирожденным потребностям и правам. Когда западнизм начал завоевывать господствующее положение в обществе, обнаружилось, что он несет с собой не только благо, но и зло. Возникла потребность в защите достигнутого и в исправлении недостатков — потребность в апологетике западнизма. И функцию апологетики взяла на себя идеологическая сфера.

Апологетика общественного строя не есть нечто сугубо негативное, достойное морального осуждения. Это есть вполне естественное средство самосохранения общества, подобное с этой точки зрения правовым нормам, судам, полиции, армии, бюрократии. Но надо признать, что на Западе вплоть до середины XX века доминировало не апологетическое, а критическое отношение к западнизму. Преобладали социалистические и даже коммунистические идеи, провозглашавшие порочность капитализма.

Такое идейное состояние западного общества объясняется множеством причин. Среди них следует упомянуть то, что западная демократия сама создавала условия, благоприятные для процветания критических и даже антизападнистских умонастроений. Кроме того, западнизм еще только начинал свою победоносную историю и был уверен в себе. Когда угрозы его существованию стали (начиная с 1917 года) реальными, апологетика за-

паднизма стала первостепенной задачей его идеологии и пропаганды.

К началу девяностых годов стало очевидно, что Запад одержал эпохальную победу над мировым коммунизмом. Апологетика западнизма получила новые основания — радость победы и надежду на будущее. На Западе поднялся буквально ураган восхваления всего западного и очернения всего коммунистического. Еще никогда в прошлом апологетика западнизма не достигала таких гипертрофированных размеров и циничной откровенности. Нашлись мыслители, объявившие капитализм и демократию, особенно в их американском варианте, конечной целью всей истории человечества. Причем эту цель они объявили достигнутой, объявили это завершением, а кое-кто даже концом истории человечества¹. Средства массовой информации превознесли эту пропагандистскую чепуху как вершину человеческого разума. А ведь еще совсем недавно коммунистическая идеология объявила коммунистическое общество конечной целью и вершиной прогресса, и это служило предметом насмешек на Западе. Теперь западнизм перенял маниакальные претензии поверженного противника.

Нелепо осуждать идеологию за то, что она дает претенциозное и извращенное отражение реальности, ибо она лишь выполняет свои обязанности. Она не добилась бы успехов в борьбе против коммунизма, если бы акцентировала внимание на таких достижениях коммунизма, как ликвидация безработицы и нищеты, удовлетворение минимальных потребностей всех граждан, всеобщее бесплатное образование и медицинское обслуживание и т. д., а при описании западного образа жизни раздувала бы его негативные черты. Западная советология целиком и полностью стояла на позициях тенденциозно-негативного подхода к коммунизму и тенденциозно-позитивного подхода к западному обществу. Именно благодаря этому она стала эффективным оружием Запада в «холодной войне» против Советского Союза и вообще мирового коммунизма. Если бы вместо этого Запад взял

¹ Francis Fukuyama. Das Ende der Geschichte. München, 1992.

на вооружение строгую науку о коммунистическом и о западном обществе, он такого успеха не добился бы.

Апологетика западнизма нуждалась в образе врага, который представлял бы опасность для западного общества и в сравнении с которым последнее выглядело бы как нечто подобное земному раю, во всяком случае — как лучшее из всех возможных общественных устройств. И история сделала такой «подарок» идеологии западнизма: в 1917 году на свет появилось реальное коммунистическое общественное устройство в России. С тех пор антикоммунизм стал превращаться в существенный элемент идеологии западнизма.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Жизненные ценности — это то, что люди считают важным для их жизни, что образует цели и мотивы их деятельности, о чем они мечтают и к чему они стремятся, достижение чего образует смысл их жизни. В западной философии существует особое учение о ценностях — аксиология. Предшественником ее считают Канта. Впервые обстоятельное изложение ее дал Р.Г. Лотце (середина XIX века). Потом к разработке ее приложили руку Риккерт, Виндельбанд, Гуссерль, Вундт, Brentano, Шеллер и другие более или менее знаменитые мыслители¹. Не буду входить в содержание этого на редкость скучного раздела западной философии. Изложу кратко мои собственные соображения, основанные на личном наблюдении очевидных явлений западной и советской жизни.

Жизненные ценности можно классифицировать во многих разрезах, в том числе фундаментальные (первичные) и производные (вторичные), индивидуальные и общественные, реальные и символические, естественные и искусственные. Эти разрезы не исключают друг друга, так что одни и те же ценности могут фигурировать в различных категориях. Фундаментальные индивидуальные ценности касаются естественных потребностей людей в

¹ См. об этом, например, O. Kraus «Die Werttheorien» (1937) и F. J. V. Rintelen. «Values in European Thought» (1972).

пище, одежде, жилье, семье, общении, здоровье, развлечениях, отдыхе и т. д. и средств их удовлетворения. Как показывает опыт, эти ценности не всегда очевидны. Люди привыкают к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, как к дарам природы. И тем более люди, как правило, не отдают себе отчета в том, какой ценой и благодаря каким средствам достигаются эти ценности. А порою люди умышленно отвлекаются от понимания этих средств, ибо оценка их людьми часто не совпадает с оценкой благ, какие благодаря им достигаются. Если бы западным людям систематически разъясняли, каким путем достаются им жизненные блага и какую цену им приходится за них платить, то обаяние этих благ резко сократилось бы.

Одна из задач идеологии и заключается в том, чтобы объяснить людям, какими ценностями они обладают или могут обладать в их обществе и благодаря чему. Разумеется, объяснить не на уровне объективной науки, а именно идеологически, то есть идеализируя как сами ценности, так и пути их достижения.

Индивидуальные ценности, которые восхваляет и пропагандирует западная идеология, общеизвестны. Это богатство, власть, слава, мастерство, собственность, комфорт, благополучие, сила, здоровье, удовольствия, предпринимательство, свободы, права и т. д. Оргия прославления их достигла апогея в конце «холодной войны», когда стали прославлять все то, что в течение многих веков считалось пороками и наихудшими проявлениями свойств человеческой натуры.

Я не считаю это отклонением от норм западнизма. Наоборот, именно в этой оргии дали знать о себе нормы западнизма, долго сдерживавшиеся и маскировавшиеся вследствие ряда исторических обстоятельств. В течение более ста лет велась ожесточенная критика ценностей западнизма как пороков капитализма, так что вера в эти ценности была расшатана еще до того, как она успела укрепиться. Думаю, что негативный опыт национал-социализма, фашизма и коммунизма способствовал тому, что западные люди начали осознавать и ценить те ценности, какие порождал их социальный строй. Но этот процесс не был стихийным. Его организовали и возглавили профессиональные идеологи. Именно идеология

вычленила специфические ценности западного общества и установила, что эти ценности суть результат капитализма и демократии.

Осознание ценностей западнизма массой населения и принятие их не есть одноактная операция. У людей так или иначе наступает усталость к пропаганде, развиваются критические умонастроения, люди быстро привыкают к тому, что имеют, и забывают о том, чему они обязаны тем, что имеют, а в случае ухудшения жизненных условий начинают приписывать причины ухудшения основам своего общества. Короче говоря, состояние умов и чувств людей подвержено влиянию множества факторов. Задача идеологии — постоянно поддерживать нужное идейно-психологическое состояние общества, вырабатывать и поддерживать в людях иммунитет в отношении антизападнистских влияний, изо дня в день вбивать в головы специфически западнистскую систему ценностей. В период «холодной войны» на Западе наконец-то поняли, что эта работа идеологии должна быть организована на государственном уровне, причем как постоянно действующий элемент системы воспроизводства человеческого материала.

Индивидуальные ценности — это то, к чему люди стремятся добровольно, они жаждут иметь их. Людей даже приходится сдерживать в этом их рвении силою власти, права, общественного мнения и другими средствами. Общественные же ценности связаны с интересами человеческих объединений и с обязанностями граждан по отношению к этим объединениям. Добровольно и бескорыстно к этим ценностям стремятся лишь одиночки, выпадающие из нормы. Это общее правило. Люди охотно стремятся к этим ценностям, если они лично вознаграждаются за это властью, карьерой, богатством, почетом, известностью, увлекательностью жизни и работы. За все это идет не менее ожесточенная борьба, чем за доступ к ценностям индивидуальным.

Ценности разделяются на естественные и искусственные. Первые рождаются из опыта жизни и подкрепляются им. Вторые же возникают из стремления ограничить негативные следствия первых. Они изобретаются отдельными представителями рода человеческого и навязываются прочим людям путем проповеди, пропаган-

ды и даже насилия. К их числу относятся моральные и духовные ценности. Они изобретаются с целью ограничить негативные проявления человеческой природы, облагородить и скрыть суть естественных ценностей, дать людям, которым естественные ценности доступны в ничтожной мере, компенсацию и утешение. Эти ценности принимались людьми отнюдь не с распростертыми объятиями и не с ликованием. Христианская церковь и власти прибегали к необычайным жестокостям, чтобы хотя бы немного повысить нравственный уровень масс населения.

Важнейшая производная ценность — деньги и все то, что может быть превращено в деньги и принести деньги. Деньги суть универсальная ценность, то есть символ, аккумуляция и возможность реализации любых ценностей. Начиная с некоторого уровня они становятся самоценностью, придавая полностью извращенный характер всей системе ценностей. На эту тему написано и сказано, пожалуй, больше, чем на любую другую социальную тему. Слово «извращенный» я здесь употребляю не в морализаторском негативном смысле, а как обозначение обычной в общественной жизни и эволюции превращений ее феноменов.

Вторая производная ценность, конкурирующая с деньгами, — власть над другими людьми. И третья — слава. На эти темы сказано и написано тоже более чем достаточно.

Подобно тому, как в деловой сфере символическая и производная экономика берет верх над реальной и основной, в сфере ценностей символические и производные ценности приобретают доминирующее значение. Это имеет следствием извращение всей системы критериев оценки человеческой деятельности. Актеры, играющие роли выдающихся исторических личностей, становятся более известными и популярными, чем сами исторические личности. Исполнители чужих музыкальных произведений становятся известнее их сочинителей и зарабатывают больше, чем последние. Танцоры, боксеры, теннисисты, певцы и прочие развлекатели оттесняют далеко на задний план выдающихся ученых и изобретателей. Парламентские процедуры по поводу законов становятся главнее самих законов. Ураганы в масс-

медиа затмевают своими масштабами реальные события, послужившие поводом для них. Короче говоря, вторичные социальные явления начинают восприниматься людьми как более важные, чем те, на основе которых они возникли в качестве подсобных средств, а относящиеся к ним ценности начинают навязываться в качестве ценностей более высокого уровня, чем ценности фундаментальные. В самом жалком положении оказываются те, кто создает самые фундаментальные ценности, а в самом выгодном — те, кто наслаждается жизнью за их счет. Это старо, как мир. От этой «несправедливости» законов социального бытия нет избавления. Каждому — свое!

КРАХ ЦЕННОСТЕЙ КОММУНИЗМА

В мире было немало прекраснодушных людей, которые изобретали замечательные системы ценностей, полагая, что стоит людям усвоить их, как мир станет земным раем. Такие люди появляются и сейчас. И вряд ли они переведутся в будущем. Но опыт истории показал, что из этого ничего хорошего не получилось. В России в течение более семидесяти лет пытались привить людям идеальную систему ценностей, используя всю мощь государства и идеологического аппарата, причем не без оснований. Коммунистическое общество на самом деле принесло миллионам людей образ жизни, который послужил реальной основой для системы высших ценностей, можно сказать — сверхценностей, превосходящих в представлении их проповедников те ценности, которые они объявили мещанскими и низменными (материальными). Эти ценности, например, суть следующие. Образование и возможность улучшать жизненную позицию за счет личных способностей, героического труда и достойного поведения в коллективе. Овладение культурой, знаниями и профессией, а также завоевание уважения и почета в своем окружении. Служение народу и стране. Самопожертвование ради интересов коллектива. Самоограничение. Появилось много последователей этой системы идеальных ценностей. Благодаря им были совершены бесчисленные подвиги. Сложился слой образованных и творческих личностей, которые не стреми-

лись к материальному благополучию и к карьере. Они довольствовались малым, предпочитая ценности идеального, духовного, морального и т. д. порядка. Но попытка воспитать нового образцового человека в массовых масштабах, то есть в масштабах многомиллионного общества, кончилась провалом. Реальность советского общества оказалась сильнее намерений властей и идеологов. Большинство людей воспринимало навязываемую сверху систему идеальных ценностей поверхностно и формально, лишь для видимости, а система ценностей, навязываемая людям самим опытом их жизни и официально считавшаяся «пережитками прошлого» («родимыми пятнами капитализма»), глубоко проникала в их души.

Но процесс вырождения коммунистической системы ценностей не означал, что на ее место приходила система ценностей западнизма. Тут происходило разрушение первой и разрастание явления иного рода, которое лишь по некоторым внешним признакам напоминало вторую. Рассмотрим в качестве примера ситуацию с трудовой деятельностью. В советской России была предпринята попытка превратить все то, что было связано с трудовым процессом и жизнью первичных деловых коллективов, в главные жизненные ценности. До некоторой степени это удалось. Миллионы людей были захвачены трудовым энтузиазмом и романтикой труда. Западному обществу такое отношение к труду не свойственно. Тут работают, причем много лучше, чем в коммунистическом обществе. Но сам процесс труда и совместная деятельность людей тут не являются ценностью как таковой и в массовых масштабах. Они являются таковыми лишь в порядке исключения, да и то где-то на заднем плане. Тут работа рассматривается прежде всего и главным образом как дело и как техническая организация дела. Они оцениваются исключительно с той точки зрения, с какой они дают жизненные блага. Но сами по себе они не рассматриваются как блага. Они не есть самоцель и ценность независимо от приносимых ими благ.

Попытка навязать всему обществу коллективный труд как высшую жизненную ценность в России не удалась. Она имела некоторый успех, пока страна была бедной, общий жизненный уровень был низкий, материаль-

ные контрасты были сравнительно слабыми, а новые условия труда для многих были благом сравнительно с прошлым. По мере повышения жизненного уровня, роста образованности и культуры и более резкого расслоения общества стала формироваться новая система ценностей, оттеснившая ценности труда и коллективной жизни на задний план. Плюс к тому для широких слоев населения становилось очевидным, что гораздо большего жизненного успеха добиваются не за счет героического труда и бескорыстного служения обществу, а за счет иных качеств — подхалимства, карьеризма, обмана, демагогии, жульничества, очковтирательства и прочих морально порицавшихся феноменов поведения. Была фальсифицирована сама система оценки качеств работников и вознаграждения лучших, так что лучшие отбирались с учетом качеств, мало общего имевших с реальными трудовыми и коллективистскими качествами людей. В результате верх взяла система ценностей, разрушившая официально навязываемую, но исключая возможность ее открытого признания, — система ценностей, официально осуждавшаяся как аморальная и преступная. Это не была система ценностей западнизма. Это было явление общества коммунистического, послужившее впоследствии одним из условий успеха западной идеологии и пропаганды в России.

Система ценностей западнизма есть отражение реальности западного общества, а не высосана из пальца прекраснодушными мечтателями. Она не навязывается людям сверху как нечто такое, что требует от людей усилия над собой и самоограничения, не приносящих никакой практической выгоды, даже наоборот, приносящих неприятности. И в этом ее преимущество перед коммунистической системой. Тем не менее потребность в возвышенных, идеальных, духовных ценностях ощущается на Западе. Об этом свидетельствуют, например, массовые движения за осмысленную работу, человеческую солидарность, коллективный и бескорыстный труд. Христианская церковь стремится прививать людям высшие моральные и духовные ценности. Различные молодежные движения выражают неудовлетворенность системой ценностей западнизма и стремятся развить какие-то суррогаты ценностей иного рода.

В многочисленных литературных произведениях и фильмах изображаются вымышленные ситуации, в которых герои поступают в соответствии с ценностями, какие стремились прививать людям в коммунистической России. Эти ситуации вымышленные. Если они и встречаются в реальности, то не как норма, а как исключение. Но нельзя сказать, что они случайны. Западнизм содержит в себе то, из чего развилось общество коммунистическое.

ЦЕННОСТИ И ИДЕАЛЫ

Ценности и идеалы — не одно и то же. Ценности — то, что люди ценят, а идеалы — то, к чему стремятся. Ценности существуют. Не все ими обладают в одинаковой мере. Для кого-то приобретение их может стать идеалом жизни. Но идеал — то, что еще не существует или чем люди еще не обладают, но что они хотели бы осуществить или иметь.

Идеалы бывают индивидуальные и общественные. Разработка последних и навязывание их обществу есть задача «религии» западнизма — идеологии и культуры. Идеалом в коммунистическом обществе было всеобщее благополучие, равенство и справедливость. Это считалось достижимым путем ликвидации капитализма. Идеалом в идеологии западнизма является сохранение, упрочение и навязывание всему человечеству ценностей западнизма. И где-то на заднем плане и между прочим мелькают те же идеалы коммунизма. Поскольку в качестве идеалов рассматривается существующее социальное устройство с его системой ценностей, то западное общество не имеет идеалов в строгом смысле слова, то есть как чего-то такого, чего в реальности нет, но на достижение чего общество ориентируется и толкается своей идеологией.

По моим наблюдениям, в западном обществе доминирует не стремление к лучшему будущему, а желание сохранить настоящее и страх потерять достигнутые блага. Если тут и происходит какое-то движение к лучшему, оно есть результат действия бездушных законов западнизма, а не стремлений людей к каким-то идеалам. И это не есть недостаток. Идеалы вообще играют ничтожную

роль в истории. Они овладевают людьми лишь на короткий срок и в порядке исключения. Таким историческим исключением, то есть уклонением от общего безыдеального состояния, была ситуация с коммунистическими идеалами. Мне даже кажется, что никаких других общественных идеалов в строгом смысле слова вообще не было и нет. Крах коммунистических идеалов есть просто торжество заурядного, будничного, прозаичного, практического и т. д. западнизма.

СИСТЕМА СОБЛАЗНОВ

Система ценностей западнизма в современных условиях переросла в систему соблазнов. Это нечто новое сравнительно с тем, что было ранее. В обществе произошел баснословный прогресс в отношении жизненных благ, о котором раньше никто не думал. Западнизм способствовал ему, но он не был запрограммирован в самой природе западнизма, подобно тому, как из природы (сущности, законов) западнизма не вытекает атомная бомба, космические полеты и гениальная инженерия. Благодаря масс-медиа все достижения в сфере жизненных благ стали общеизвестными. Молниеносно становится общеизвестным все то, что еще только делается в этом отношении, что будет сделано и что считается возможным. А идеология и пропаганда создают иллюзию, будто все эти сказочные блага общедоступны или в принципе могут быть доступными всем. Они играют в данном случае роль Сатаны-соблазнителя, только сулящего всеобщий земной рай.

Но в реальности жизненные блага распределяются неравномерно. Их много, но не настолько много, чтобы хватило всем. И они не даются даром. Одни из этих благ доступны очень немногим, другие доступны сравнительно многим, но в разной мере. Причем различия в мере огромные. Одним достаются крохи, другие же имеют по потребностям. В результате многие миллионы людей чувствуют себя обделенными и заражаются завистью к тем, кому доступны современные распропагандированные блага и кому они доступны в большей мере, чем им. Они заражаются жадностью иметь блага, иметь сразу и иметь как можно больше. Эта жажда лишь в ничтожной мере

остается движущим мотивом производительной деятельности общества. Она в основном становится идейно-психологическим состоянием людей, влияющим на их поведение совсем в других направлениях, в том числе в направлении карьеризма, преступлений, приспособленчества. А для большинства людей она становится дополнительным источником пассивных страданий. Они испытывают танталовы муки, видя фантастические современные богатства рядом, но не имея возможности воспользоваться ими.

ИДЕОЛОГИЯ И МОРАЛЬ

Любопытно, что наиболее острая критика состояния сферы «производства человеческого материала» идет из США. Из авторов последних лет хочу сослаться на Джона Зильбера, книга которого с весьма символическим названием «Можно ли спасти Америку?»¹ стала сенсацией, как и многие другие довольно глупые книги, щекочущие нервы обывателей якобы смелыми разоблачениями язв общества. Автор, президент Бостонского университета, говорит не просто об отдельных недостатках, а об упадке всего американского общества. При этом он рисует довольно мрачную картину. И причину этого состояния США он видит в игнорировании моральных принципов и в жалком состоянии всей системы образования и воспитания молодежи. Чтобы американское общество стало здоровым, необходимо, по мысли автора, снова прививать молодежи традиционные моральные ценности (трудолюбие, самодисциплину, чувство ответственности и т. д.). Причем воспитатели своим примером должны отвлекать воспитуемых от соблазнов нашего времени.

Почему, спрашивается, книга, в которой говорится о национальном упадке США и в которой рисуется мрачная картина американского общества, не только не вредит автору, чиновнику высокого ранга в сфере образования (он — президент престижного университета), но приносит ему успех и удостоивается высокой похвалы прессы? Да потому, что эта книга — явление идеологи-

¹ John Silber. «Ist Amerika zu retten?» Frankfurt am Main, 1992.

ческое. Об упадке США в США давно говорят все. Это стало шаблоном и не вызывает никаких эмоций. Это несколько не вредит завышенному самолюбию американцев. Язвы, которые описывает автор, общеизвестны и очевидны всем. Объяснение, которое он дает им, вполне отвечает обывательскому уровню мышления: причина упадка США, по его мнению, есть пренебрежение к традиционным моральным принципам. Проект спасения США сделан автором на том же убогом интеллектуальном уровне: надо прививать детям эти традиционные моральные ценности.

Я специально так много говорил об этой книге, чтобы на конкретном примере показать трудность различения идеологического и научного (внеидеологического) подхода к социальным явлениям. Научный подход в данном случае, на мой взгляд, заключается в следующем. То, что считают упадком США, есть существование в диапазоне норм. Это не болезнь, а форма здорового бытия социального организма такого типа. То, что считают кризисом системы воспроизводства человеческого материала, точно так же есть закономерное состояние, соответствующее природе американского общества. Называя его кризисным, идеологи создают впечатление, будто это состояние временное, будто его можно исправить в соответствии с моралистами типа автора рассматриваемой книги, будто можно организовать воспитание и обучение так, что все «кризисные» явления исчезнут и наступит полное благополучие. Впечатление ложное. В то, что нечто подобное возможно, не верят сами идеологи, политики и специалисты в этой сфере, изображающие из себя оптимистов. Но никакой необходимости в искусственном оптимизме нет, так как нет оснований и для пессимизма. Большинство принимает такое состояние сферы воспитания и обучения как нечто неизбежное и приспособляется к нему. И не исключено, что именно попытки исправить ее в соответствии с рецептами моралистов породят еще худшее состояние.

Впечатление о перманентном кризисе западной сферы воспитания, образования и обучения возникает потому, что видят бросающиеся в глаза и очевидные отклонения от норм этой сферы, но не видят скрытые нормы, видят внешние проявления законов этой сферы, но не

видят того, что эти проявления суть неизбежные следствия самих законов. При этом к отклонениям от норм и к их внешним проявлениям применяют моральные критерии оценки, чуждые природе западнизма. Западное общество не является моральным по самой своей основе. Если США и нужно спасать от чего-то, то здравомыслящие американцы знают, что тут нужны не традиционные моральные ценности, а мощная экономика, армия, секретные службы и та самая идеология, которую с удовольствием потребляют американские школьники, просиживающие перед телевизорами больше времени, чем над учебниками.

Утверждая, что западное общество не является моральным, я этим не хочу сказать, будто тут отвергаются моральные принципы, будто это общество аморально. Оно не является моральным, как и всякое другое общество, ибо моральных обществ вообще не бывает. На принципах морали не основывается никакое общество. Эти принципы имеют весьма узкую сферу действия. Вне этой сферы они не обязательно нарушаются — просто для них вне этой сферы нет условий. Люди совершают поступки тут в соответствии с другими принципами, а не по принципам морали.

Западное общество является по сути своей расчетливо-прагматичным. Моральное поведение тут является поверхностным и показным. Если же дело касается жизненно важных поступков и решений, если следование принципам морали препятствует достижению важных целей и успеху и тем более если это грозит серьезными неприятностями и потерями, то западные люди без колебаний забывают о моральном аспекте поведения и поступают в соответствии с правилами практического и эгоистического расчета. Западные люди моральны в мелочах, без риска, с комфортом и с расчетом на то, что это видно. И это их качество не есть аморальность. Оно вполне укладывается в рамки морали в том ее виде, как ее представляют себе эти люди. А вне этих представлений мораль вообще не существует как фактор бытия.

Американские политики, а вслед за ними многие политики других западных стран стали говорить о некоей моральной политике. Эти разговоры — двойное лицемерие. Во-первых, политика, основывающаяся на принци-

пах морали, есть логический нонсенс. Это все равно что варить еду или играть в футбол, руководствуясь сочинениями специалистов в области морали. Во-вторых, то, что эти же политики творят на деле, не имеет ничего общего с тем, к чему они призывают на словах.

Билл Клинтон, выбранный в 1992 году президентом США, издал некий «Моральный кодекс», который явился продолжением и усилением «Морального закона» 1978 года. Клинтон был намерен в соответствии с этим кодексом создавать свою администрацию и заставить ее работать.

Я думаю, что сама идея такого кодекса является симптомом неблагополучия с моралью в правящих кругах США, как и в прочих странах, как и в любые времена, ибо сфера политики вообще есть сфера неморальная. К тому же как «Моральный закон» 1978 года, так и «Кодекс Клинтона» ничего общего, кроме фразеологии, с моралью не имеют. Они суть завуалированная форма документов юридических, адресованных к людям, которые по своему положению в системе власти оказываются фактически неподвластными юридическим нормам. Что общего с моралью имеет, например, запрет лоббизма, использования служебного положения в корыстных целях и сотрудничества с иностранными фирмами?!

Поведение людей в западном обществе вообще, а не только в сфере политики, регулируется главным образом и в основе своей не принципами морали, а принципами рассмотренных выше сфер бытия, а также «религией» и «церковью» западнизма, включая идеологию. Идеология же западнизма вообще не имеет никакого морального кодекса и не занимается моральным воспитанием людей.

ДВИЖУЩИЕ МОТИВЫ ЗАПАДНИЗМА

Движущие мотивы (стимулы) того или иного общества разделяются на частичные (или отраслевые) и общие (или суммарные). Это различие, насколько мне известно, никто не делает. А между тем оно существенно. К частичным мотивам относятся, например, мотивы в сфере экономики. В западной идеологии они распространяются на общество в целом. Особенно циничные

формы это приняло в Германии после воссоединения¹. При этом явления, испокон веков считавшиеся пороками, были объявлены самыми благородными и эффективными мотивами западного прогресса. Можно найти банальное объяснение такому повороту мозгов немецких идеологов. Но возникает вопрос: является ли жажда собственности и наживы, стремление к мещанскому комфорту и к наслаждениям и прочие мотивы того же рода на самом деле всеобщими, всеобъемлющими мотивами жизнедеятельности западного общества? Чтобы найти объективный (неидеологический) ответ на этот вопрос, надо принимать во внимание упомянутое выше различие мотивов.

На мой взгляд, главным суммарным (или всеобъемлющим) мотивом западного общества в его современном состоянии является принудительно высокий жизненный стандарт большинства населения, для которого этот стандарт зависит от личных усилий. Чтобы удержаться на этом уровне, люди вынуждены проявлять беспрецедентную в истории человечества личную активность, изобретательность и деловитость, вынуждены вкладывать все заложенные в них потенции. Причем они вынуждаются на это в таких массовых масштабах, каких история ранее не знала.

На ранних стадиях западнизма люди такого рода были в значительной мере добровольцы, и число их было невелико. Теперь число их превышает во всем западном мире сотни миллионов. И они лишь в ничтожной мере суть добровольцы. У них просто нет другого выбора. Они, может быть, согласились бы на более низкий жизненный уровень, если бы это сделало их жизнь несколько спокойнее, безопаснее и увереннее, но это уже невозможно без крушения всего западнистского образа жизни.

На основе этой главной движущей силы западнизма приобретают значение и прочие мотивы, включая стремление к сверхприбылям и к скорейшему успеху в делах. Это, однако, есть лишь продолжение и доведение до крайности главного мотива, а именно — стремления

¹ Например, Hermann Reich. *Eigennutz und Kapitalismus*. Berlin, 1991; Theo Waigel. *Ohne Eigentum keine Motivation*. Bayernkurier, 29.09.1990.

удержаться на среднем уровне, который, несмотря на все его недостатки, включает в себе в более или менее умеренной дозе все блага и достижения западной цивилизации. Суть этого мотива с субъективной точки зрения — иметь минимум или среднюю порцию современных жизненных благ за счет личных усилий. Главным в мотивации западнизма являются не крайние ее проявления, а средняя норма. Крайности порождаются нормой, но не они порождают норму.

Второй по степени важности суммарный мотив современного западного общества — стремление к фактической (а не только юридической) личной свободе, к независимости от окружающих сограждан и к защищенности от жизненных невзгод, что осуществимо только при условии достижения довольно высокого, стабильного и гарантированного материального уровня. Это стремление реализуется как стремление к накоплению средств существования. Средненормальный западный человек есть человек, который с детства должен стремиться к обеспеченной старости, если ему это не гарантировано от рождения.

И третий по степени важности суммарный мотив современного западного общества — стремление к покорению планеты как к средству первых двух мотивов. Об этом я буду специально говорить дальше.

КУЛЬТУРА

Идеология западнизма образует единое целое с культурой. Конечно, культура не сводится целиком к идеологии. Будучи средой идеологии и средством внедрения ее в головы людей, она выполняет и другие функции.

Положение с термином «культура» может служить образцовым примером тому, в каком состоянии находится западная социальная мысль. Известно 175 определений этого термина¹. И ни одно из них не является общепринятым и бесспорным. Думаю, что дело тут не в неспособности специалистов найти хорошее определение,

¹ A. L. Kroeber und C. Kluckhohn. Culture. Cambridges/Mass., 1952.

которое устроило бы всех, а в том, что такое определение в принципе невозможно в силу характера объекта, который стараются втиснуть в краткую и абстрактную дефиницию. Культура есть сложный и многообразный феномен, отдельные элементы которого нуждаются в несовместимых и даже противоположных определениях. Она настолько тесно переплетена с другими социальными феноменами, что порою их трудно различить даже в абстракции. Выделив одни ее признаки, вроде бы отличающие ее от других феноменов, ты тотчас же найдешь какие-то явления вне культуры с теми же признаками. К тому же состав культуры и ее роль в общественной жизни меняются в зависимости от места и времени. Так что я ограничусь здесь интуитивным смыслом слова «культура», устанавливаемым путем перечисления ее составных частей.

В культуру включается литература, музыка, живопись, моды, архитектура, танцы, кино, оформление помещений и т. д. Любой более или менее образованный человек может по крайней мере в важных случаях отличить деятелей и продукты культуры от того, что в культуру не включается. И этого достаточно для привычного словоупотребления.

В одной из ранних работ Д. Белла¹ употребляется термин «sensibility» в отношении состояния эмоциональной сферы и вкусов людей, складывающихся под влиянием культуры (он говорил об искусстве). Я считаю полезным по аналогии с термином «сфера идеологии» ввести термин «сфера сенсиологии» для обозначения того объекта, о котором здесь идет речь. Благодаря этому с самого начала внимание ориентируется не на разговоры о культуре вообще, а лишь на ее роль, аналогичную роли идеологической сферы и совместную с последней.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Выражение «западная культура» двусмысленно. Оно обозначает общее состояние культуры в западных странах, а также особый тип культуры, развившийся главным

¹ D. Bell. См. примечание на стр. 122.

образом в странах Западной Европы, так что его можно назвать западноевропейским.

Западноевропейская культура как особый тип культуры была создана в основном народами Западной Европы. Выходцы из других мест планеты принимали какое-то участие в ее создании, но либо под ее влиянием, либо как ее фактические деятели, лишь жившие вне стран Западной Европы. Таковым, например, был вклад русских и американцев в западноевропейскую культуру.

Началом западноевропейской культуры является эпоха Возрождения. Высшего уровня она достигла в XIX веке. Она представлена общеизвестными великими именами, перечислять которые нет надобности. Специалисты-культурологи могут перечислить критерии, с помощью которых явления западноевропейской культуры можно безошибочно отличить от явлений культур других типов. Я ниже упомяну лишь некоторые ее общие черты, по которым буду сопоставлять с ней культуру западнизма.

Западноевропейская культура сложилась как культура высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, причем с утонченным и чрезвычайно строгим эстетическим вкусом. Создатели ее были выдающиеся таланты и гении. Их было сравнительно немного. Эта культура сыграла беспрецедентную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества. Это была культура аристократическая и элитарная в том смысле, что ее творили исключительные личности и ей покровительствовали тоже личности в своем роде исключительные. Эта культура создавалась не как кастово-аристократическая и не как кастово-элитарная. Она создавалась по законам культуры как особого социального феномена (по законам литературы, живописи, музыки и т. д. как таковых) и во всю мощь талантов ее творцов, а не по внешним (культуре как таковой) законам социальной организации общества. Она аристократична и элитарна в том смысле, что не опускалась добровольно или по принуждению до плебейского уровня масс, а, наоборот, возвышала массы до высочайшего интеллектуального, морального и эстетического уровня своего времени, то есть до уровня исключительной части граждан общества. Она была критичной по отноше-

нию к самим устоям своего общества и к его идеологии. Она была самой свободной культурой в истории человечества в смысле ее независимости от политики, идеологии и мнений «черни».

В XX веке начался упадок западноевропейской культуры как особого исторического типа культуры. Это отмечали многие. Я хочу сейчас сказать лишь о том, как я понимаю этот упадок. Он, на мой взгляд, не есть деградация всякой культуры в Европе. Он заключается в том, что стала относительно снижаться роль западноевропейского типа культуры в общественной жизни Запада. Она утратила роль лидера общественного прогресса, перестала быть просветителем и учителем нравственности и вкусов общества. Относительно сократился ее объем в культурной жизни стран Запада. Ее потеснили явления культуры иного типа. Она не умерла совсем. Она продолжает жить в смысле сохранения того, что уже было создано. Но то, что делается как вклад в нее именно как в особый исторический тип культуры, уже не есть высшее достижение современной культуры. Новые открытия в культуре выходят за ее рамки. Они чужеродны для нее.

ЗАПАДНАЯ ИДЕОЛОГИЯ О НОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В упомянутом сочинении Д. Белла говорится, что культура стала наиболее динамичным элементом цивилизации, превзойдя динамизм технологии. Характерной чертой культуры стало неудержимое стремление к поискам новых и оригинальных будущих форм. Ею овладела идея (я бы сказал — мания) изменений и новизны. Причем это стремление не встречает никаких препятствий внутри культуры, а общество с энтузиазмом приняло его. Культура заполонила своей продукцией рынок, и эта продукция жадно пожирается. Культура стала выполнять беспрецедентную роль — роль поисков новой чувствительности. Искусство стало раскованным, стало ломать все жанры и стили, стало использовать все способы производить сенсации. Даже сумасшествие стало рассматриваться как высшая форма творчества. Новизна приобрела ценность сама по себе. Новое, не встречая

сопротивления, стало быстро распространяться, овладевая большими массами людей. С установкой на новизну пришла идеология, согласно которой искусство должно служить авангардом социального прогресса. Поскольку исчерпали себя или дискредитировали себя старые радикальные политические идеи, продолжение радикализма стало возможно не в политике, а в культуре. И культурный авангард взял на себя эту роль.

В отличие от социальной структуры, управляемой экономическими принципами рациональности, культура беспорядочна, в ней доминируют иррациональные настроения. Отвергнуты все «буржуазные» ценности. Никакой самодисциплины, никакого самоконтроля. Современная культура не рассматривает себя как отражение социальной реальности, она открывает путь чему-то радикально новому, стремится к утверждению своего приоритета в сфере нравов и морали. Искусство становится все более автономным, деятели искусства сами творят вкусы.

Вот в таком духе рисуется новая культура в западной идеологии, причем ее лучшими представителями. Не могу сказать, что все в их описаниях есть ложь. Но не могу сказать, что все в них есть истина. Ни то ни другое. Констатация общеизвестных фактов и их идеологическая (именно идеологическая!) интерпретация. Я на те же факты смотрю иначе.

КУЛЬТУРА ЗАПАДНИЗМА

Тот тип культуры, который вытеснил западноевропейскую культуру и безраздельно овладел западным обществом, есть культура западнизма. Она сложилась в течение длительного, то есть исторического времени. У нее были предпосылки в западноевропейской культуре. Кое в чем она претендует быть продолжением западноевропейской культуры. Но в общем и целом это есть новое явление, противоположное западноевропейской культуре, убивающее ее, в крайнем случае — отводящее ей второстепенную роль. У нее есть свои корни, основы и источники, отличные от тех, из которых вырастала западноевропейская культура. Последняя была настолько

сильна, что новая культура западнизма пробилась к жизни и заявила о себе громогласно лишь в XX столетии. И лишь во второй половине XX столетия она завладела ареной истории и стала неотъемлемой частью «религии» западнизма.

Еще Сен-Симон высказал идею создания культа искусства (культуры) вместо христианства. На первый взгляд его идея реализовалась. Во всех общественных местах, в учреждениях, в конторах, в ресторанах, на площадях, в частных квартирах, в газетах, в журналах, на обложках книг, на плакатах, в рекламе, в кино, короче говоря — везде и во всем можно видеть «иконы» этого нового культа. Но воскресни сейчас Сен-Симон, он вряд ли был бы в восторге от этого. Та культура, которая стала частью «религии» западнизма, и та культура, которую Сен-Симон хотел сделать «религией» вместо христианства, суть явления различные и в каких-то отношениях взаимосключающие.

Назову основные, на мой взгляд, черты новой культуры. Прежде всего изменились масштабы культуры, ее положение в обществе и роль в жизни людей. Культура западнизма проникла во все сферы жизни людей до такой степени, что грани между этими сферами и культурой стали неопределенными, а отчасти исчезли совсем. Мир буквально наводнился продуктами культуры. Трудно назвать виды деятельности людей и предметы их потребления, в которых не сказывалось бы и не замечалось бы проявление культуры. Дома, парки, средства транспорта, технические сооружения, одежда, посуда, мебель, оформление книг и журналов, реклама, афиши, спорт, сервис, детские игрушки, еда, предметы домашнего обихода... Такого вторжения культуры в повседневную жизнь людей в истории человечества никогда и нигде еще не было.

Культура стала общедоступной. Практически подавляющее большинство людей не только постоянно обитает в окружении культуры и потребляет ее произвольно, но и может пользоваться достижениями культуры в традиционных формах, — я имею в виду общедоступность музеев, библиотек, телевидения, кино, театров. Огромное число рядовых граждан получило возможность самим заниматься культурной деятельностью — музы-

кой, изобразительным искусством, танцами, сочинительством. Культура как бы растеклась по обществу, стала необходимым и привычным элементом жизни всех слоев, всех категорий, всех возрастов населения. Так что теперь следует говорить о культурной среде жизни людей, а не об особой культурной сфере, независимой от большинства и доступной немногим.

Социальная среда жизни людей стала неизмеримо эстетичнее, чем когда-либо в истории человечества. Прекрасное заполонило мир до такой степени, что люди уже воспринимают его как нечто само собой разумеющееся или вообще не замечают его. Тут, пожалуй, произошло нарушение меры, наступило перепроизводство культуры, и она утратила ту ценность в глазах людей, какую она имела в эпохи ее дефицита.

Основными потребителями культуры стали широкие слои населения, занятые повседневной деятельностью и не имеющие возможности получать социальное образование и усовершенствовать свои эстетические вкусы, не имеющие времени на такое отношение к культуре, какое имело место в прошлом в узком кругу праздных людей с утонченными вкусами и неторопливым образом жизни. Это, естественно, сказалось на самом характере культуры. Культура, рассчитанная на сотни миллионов рядовых граждан, вовлеченных в динамичную и напряженную жизнь современного общества, стала адекватной своему потребителю и, более того, сама со своей стороны стала формировать массы людей в духе общей ситуации в их странах и на планете.

Следующий важнейший признак культуры западнизма — ее масштабы как сферы производства культуры, то есть с точки зрения числа людей, учреждений, организаций и материальных средств, занятых в ней. В истории человечества эта сфера никогда не достигала таких размеров ни относительно, ни тем более абсолютно. По доле занятых в ней людей она превзошла сельское хозяйство и стала сопоставимой с промышленностью.

Хотя число тех, кто непосредственно занят творческой деятельностью (писателей, художников, композиторов и т. д.), колоссально возросло сравнительно с прошлым, их процент в общем числе тех, кто так или иначе занят в сфере культуры, резко сократился. Произошло

разжижение творческого ядра культуры как в смысле распределения творческих функций между большим числом творцов культуры, так и в смысле разрастания нетворческой части ее. Творческий потенциал культуры западнизма в этом смысле сократился сравнительно с культурой западноевропейской.

Необычайно расширились и усовершенствовались технические средства производства культуры. Развитие новых технических средств (фотография, звукозапись, радио, кино, телевидение) привело к тому, что они сами превратились в новые формы культуры, заняв в ней главенствующее положение. И им суждено было стать могильщиками социальных, моральных и эстетических ценностей, какие вносила в мир культура западноевропейская.

Культура стала сферой капиталистического бизнеса. Сложилось всерасширяющееся производство предметов культуры и зрелищ. Сфера культуры превратилась в рынок. Высшими критериями ценности продуктов культуры стали отношения спроса и предложения. Рыночная цена вытеснила эстетическую оценку. Масштабы творческой личности стали определяться не тем, что она внесла в свою сферу сравнительно с предшественниками, а тем, каков ее рыночный успех. Судьями качеств произведений культуры стали эксперты масс-медиа, руководствующиеся отнюдь не критериями эстетики, морали, просвещения, гуманизма. Все это общеизвестно, и нет надобности продолжать описание этого аспекта дела.

У истоков культуры западнизма стояли личности выдающиеся. Их было не так уж много. Имена их общеизвестны: Эллиот, Пруст, Джойс, Пикассо, Брак, Кандинский, Шёнберг, Веберн, Кафка, Кьеркегор, Ионеско, Бекетт и т. д. Когда дело культуры взяли в свои руки бизнесмены и масс-медиа, на смену им пришли многие тысячи посредственностей. Основную массу творцов новой культуры составили люди средних интеллектуальных и творческих способностей. Новаторство ее иллюзорно, поверхностно, мелочно. Оно в основном есть результат недостатка таланта и мастерства, а не избытка их. Это культура в основном посредственностей и для посредственностей. Гений и талант в ней допускаются

лишь в ничтожных размерах и лишь в таких формах, какие не угрожают всеобъемлющей власти посредственности. Большинство деятелей культуры, общественно признаваемых в качестве талантов и гениев, на самом деле суть лишь имитация таковых, раздутая в средствах массовой информации сверх всякой меры.

Главными фигурами в культуре стали бизнесмены и организаторы непомерно разросшейся по числу участников той сферы общества, которая связана с эксплуатацией и реализацией потенций культуры. Причем и в множестве деятелей культуры, образующем творческое ее ядро, главными фигурами стали лица, вторичные по отношению к творчеству как таковому, — исполнители, имитаторы, интерпретаторы, компиляторы, эксплуататоры культуры прошлого, плагиаторы и т. п. Характерным примером на этот счет может служить процесс создания кинофильмов и использования их, а также деятельность множества людей, так или иначе связанных с этим. Попробуйте среди десятков тысяч людей, занятых в этом деле, найти личности, сопоставимые с такими величинами западноевропейской культуры, как Шекспир, Бальзак, Гюго, Достоевский! А когда творчество гигантов прошлого используется в рамках культуры западнизма, им отводится роль второстепенная, с их творчеством обращаются так, как будто они суть заурядные сочинители пошлых сценариев для пошлых голливудских фильмов.

Для гигантского числа писателей, художников, создателей фильмов и прочих деятелей культуры невозможно всем быть не то что гениями, но даже мало-мальски способными творцами нового и первооткрывателями. Есть пределы в самой культуре как таковой для подлинного новаторства в рамках эстетических критериев. Надо любыми путями выделиться, произвести впечатление, привлечь к себе внимание, урвать известность и деньги — к этому вынуждают законы рынка культуры. Поэтому успех достигается не за счет подлинных творческих достижений, а за счет разрушения всяких сдерживающих рамок, включая рамки морали и эстетики. Безудержное псевдоноваторство оттеснило на задний план новаторство в смысле западноевропейской культуры.

Многие авторы отмечали отсутствие в современной

западной культуре больших имен, сопоставимых с гениями прошлого. Это не значит, будто гении перестали рождаться. Они рождаются. И может быть, в большем числе, чем ранее. Но в условиях современного западного общества они просто не имеют возможности проявиться в качестве таковых и быть замеченными. Их заслоняет огромное число посредственностей, имитирующих гениев и более удобных в культурной жизни общества. То, что раньше делал один гений, теперь растаскивается и молниеносно реализуется десятками и сотнями ловкачей, имеющих достаточно высокий уровень профессиональной подготовки. Масс-медиа способствует созданию извращенной системы оценок творческих достижений, раздувая сверх всякой меры сенсационные посредственности и замалчивая настоящее творчество.

Многие авторы отмечали также бессодержательность современного западного искусства. Думаю, тут мало констатировать этот факт. Дело тут в том, что изменилось само понятие содержания искусства. То, что в западноевропейской культуре считалось формальными средствами изображения какого-то содержания, в искусстве западнизма само стало содержанием. Изобразительные эффекты, не требующие интеллекта, стали сутью искусства. Искусство с высокоинтеллектуального уровня опустилось на уровень примитивно-эмоциональный.

Характерным для искусства западнизма является уход от реальности, сознательный антиреализм. Создается вымышленный мир, не обязательно положительный, но и отрицательный, главное — чтобы он был ярким, полным соблазнов и приключений, с сильными страстями любого сорта, с захватывающими ужасами, со сверхчеловеческими существами и ситуациями. Один немецкий социолог заметил, что жизнь становится все серее и скучнее, а фильмы и книги — все ярче. Литература, кино и телевидение создают ложное впечатление, будто «маленькие» люди ведут интересную и социально насыщенную жизнь. В реальности же их жизнь есть мешанская скука и столь же унылая работа по обеспечению этой скуки.

Сотни тысяч людей, творящих непрерывным потоком продукцию культуры для сотен миллионов себе подобных, не могут создать ничего иного. Сотни миллионов

потребителей культуры и не требуют ничего иного. Достигшие высокого совершенства средства культуры приобрели самодовлеющее значение и стали ее подлинным содержанием. Искать в ней какое-то иное содержание так же бессмысленно, как искать чистоту в грязных политических и экономических махинациях.

Культура западнизма приспособилась к тому человеческому материалу, на который она рассчитана, и одновременно приспособила этот материал к тому, что она способна производить. Она имеет успех, поскольку рассчитана на самые широкие слои, на самые примитивные потребности, на самые примитивные вкусы, на самый убогий менталитет. При этом высшие классы и образованные слои общества отнюдь не сохранили для себя некую элитарную культуру, являющуюся продолжением и развитием культуры западноевропейской. Они в первую очередь стали потребителями современной плебейской культуры, поощрили и поддержали ее, возвели ее на пьедестал высших достижений, способствовали извращению всей ситуации в сфере культуры. В Древнем Риме аристократия имела привилегированные места, но смотрела те же зрелища, что и плебс, причем аристократия стремилась видеть зрелища ближе и детальнее.

КИНО

Кино возникло в XX веке и является по самому своему рождению элементом культуры специфически западнистской. На первых порах оно испытало огромное влияние западноевропейской культуры, особенно литературы, и подарило миру бессмертные шедевры. После Второй мировой войны имела место вспышка кино именно в качестве продолжения традиций западноевропейской культуры. Но затем начался стремительный процесс его западнизации, можно сказать — голливудизации. Необычайно возросла производительность киноиндустрии. Высочайшего уровня достигла техника кино, исполнительское искусство актеров, режиссура и вообще все то, что касалось технологии изготовления фильмов. Кино стало ведущим видом искусства, начало оказывать влияние на прочие виды. Но при этом с точки зрения того, что

считалось главным в западноевропейском искусстве, а именно — с точки зрения содержания фильмов. Оно утратило все основные признаки искусства, превратилось в то, что бесчисленные критики культуры западнизма стали называть антиискусством. Бессодержательность, аморализм, проповедь разврата, извращений и насилия, идейное убожество, эмоциональный примитивизм, уход от реальности или искажение ее и прочие явления, порицаемые с точки зрения критериев западноевропейской культуры, стали характерными качествами западного кино. Отдельные фильмы, которые можно считать подлинными произведениями искусства, стали редким исключением.

ЛИТЕРАТУРА

В западноевропейской культуре литература занимала главенствующее положение, хотя писателей было сравнительно немного, книг печаталось тоже мало, сравнительно с нынешними масштабами, тиражи книг были невелики. Теперь число писателей выросло в сотни раз сравнительно с XIX веком, а число книг стало астрономически огромным. Если измерять прогресс этими параметрами и тем, сколько времени человечество тратит на чтение, то вывод следовало бы сделать весьма оптимистический, а именно — в пользу колоссального прогресса литературы. Но такого рода критерии в данном случае суть средства идеологии. На самом деле положение литературы в современной культуре Запада и ее состояние таковы, что оптимизм тут был бы по меньшей мере неуместен. Литература утратила ведущую роль в культуре. Хотя печатаются миллионы книг и журналов, основная масса печатаемой продукции образует резкую противоположность тому, что составляло основу и ядро литературы западноевропейской. Интеллектуальный и эстетический уровень ее чрезвычайно низок, а с моральной точки зрения она превратилась в средство развращения и дезорганизации масс. Подавляющее большинство печатаемых книг таково, что на сочинение их не нужен ни ум, ни особый литературный талант, ни длительные усилия. Оцениваются книги не специфическими критериями литературного творчества, а с точки зрения финансово-

го успеха, газетных сенсаций, социального статуса авторов и т. п. Творческий аспект литературы оказался делом десятистепенной важности. Доминирующей стала тривиальная литература, вообще не имеющая никаких творческих амбиций. Вот несколько величин, характерных на этот счет. По газетным данным 1991 года, было продано книг Хайнца Конзалика — 76 миллионов экземпляров, Жеки Коллинс — 100 миллионов, Сидни Шелдона — 100 миллионов, Гарольда Роббинса — 220 миллионов, Барбары Картленд — 500 миллионов. Ни одному великому писателю прошлого такой «успех» не снился. Конечно, можно сказать, не хочешь — не читай! Но это пустое морализаторство. Читатель манипулируется, а тривиальная литература занимает место в душах людей и опустошает их кошельки.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ

Положение с идеологическим механизмом на Западе во многих отношениях противоположно тому, какое имело место в Советском Союзе и других коммунистических странах до восьмидесятых годов нашего века. Там существовал единый и централизованный идеологический аппарат. Он был создан искусственно решениями высших властей и был навязан обществу «сверху». Он составил часть системы власти и управления. Он очевидным образом отличался от других учреждений. Его специальной функцией было все то, что связано с идеологией, с ее разработкой и охраной, с идеологической обработкой населения и идеологическим контролем. В нем профессионально работало множество служащих. Он вторгался во все сферы общества, стремился контролировать все аспекты жизнедеятельности людей. Он принуждал граждан к изучению идеологии, что стоило им немало усилий, вовлекал их в идеологические мероприятия. Он был очевиден всем, противостоял населению как нечто внешнее их жизни и даже постороннее, для значительной части граждан служил объектом насмешек и даже ненависти.

В западном обществе такого рода идеологического механизма нет. Но это не значит, что тут вообще нет

никакого идеологического механизма. Тут существует свой механизм, по размерам и по характеру деятельности вполне сопоставимый с таковым коммунистических стран, а во многих отношениях превосходящий последний. Он сложился естественным путем как составной элемент общего процесса формирования культуры, системы образования и воспитания, средств массовой информации, учреждений государства, гражданского общества. Сложился как-то незаметно, без специальных решений высших властей. Власти, создавая какие-то учреждения, понятия не имели о том, что тем самым участвовали в создании его. Он до сих пор не обособился в виде особой системы лиц и учреждений. Функции его в той или иной мере и форме выполняют школы, университеты, исследовательские учреждения, газеты, журналы, издательства, телевидение, литература, кино, реклама, бесчисленные организации, партии, движения и т. д. Он распылен в обществе, растворен в жизнедеятельности таких элементов общества, которые сами по себе идеологическими не являются. Одним словом, его как будто бы нет совсем.

Именно как будто нет, так как фактически он есть. Если задаться целью вычленив его из тела общества, то это можно сделать в любой стране. Американский социолог Барбара Эренрейх¹ пишет о «профессиональном среднем классе», в который входят учителя, журналисты, профессора, инженеры, терапевты и государственные чиновники, как о «фабрике идеологии и ценностей США». По ее словам, этот «класс» составляет 20% населения. Я думаю, что такая большая величина получается от неопределенности понятий и критериев измерения. Тем не менее она отражает реальность. «Фабрика идеологии и ценностей» США действительно огромна. Число людей, занятых в ней, не меньше (если не больше) занятых непосредственным производительным трудом. И прочие страны Запада не так уж далеки от США в этом отношении.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреж-

¹ Barbara Ehrenreich. Angst vor dem Absturz. München, 1992.

дениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии. По крайней мере во многих газетах, журналах, издательствах, учебных заведениях и т. д. есть люди, выполняющие функции идеологического контроля. Они решают, что писать и как писать, что говорить и как говорить, что печатать и что нет. Они решают, какие делать фильмы, какие составлять программы для телевидения, что и как пропагандировать, какие устраивать зрелища и массовые действия с идеологической подоплекой, какие проводить кампании, как отбирать и препарировать информацию.

Короче говоря, все то, что в коммунистических странах делалось по инициативе особого аппарата и по принуждению, на Западе тоже делается, но делается как бы само собой, без видимого принуждения со стороны государства, в неявной форме, без особых усилий со стороны тех, кто подвергается идеологической обработке, часто — как развлечение и приятное времяпровождение, а также как бизнес.

Положение в идеологической сфере с рассматриваемой точки зрения подобно положению в экономике. Тут тоже можно говорить о некоем рынке идей, который функционирует так, как будто им управляет «невидимая рука». Тут есть те, кто производит и сохраняет идеологию, то есть предлагает идеологические товары и услуги. Они доступными им средствами доводят свою продукцию до потребителей, то есть до идеологически обрабатываемых сограждан. Тут имеет место самое настоящее, а не метафорическое потребление идеологической продукции — слушание, чтение, видение. И на этом рынке играет свою роль спрос, с которым считается предложение и который сам формируется предложением. И на этом рынке «невидимая рука» не есть нечто, лишь воображаемое. Это — определенная система лиц, учреждений, организаций и т. д., вступающих в определенные контакты, достаточно хорошо подготовленных, чтобы оценить положение на идеологическом рынке, и извлекающих для себя определенную выгоду. Одним словом, идеологический механизм западнизма является именно таким, какой требуется для самосохранения об-

щества такого типа и какой соответствует природе этого общества.

Такой идеологический механизм не вызывает негативную реакцию у идеологически обрабатываемых людей, как в коммунистических странах, ибо его как будто бы нет совсем. Если что-то вызывает недовольство, то это характер фильмов или телевизионных передач, обилие детективной и порнографической литературы, освещение событий в газетах, реклама, школьные и университетские программы и т. д., но вовсе не идеология и не идеологическое насилие. Ты свободен! Хочешь — покупай, не хочешь — не покупай! Хочешь — смотри, не хочешь — не смотри! Хочешь — слушай, не хочешь — не слушай! Хочешь — участвуй в каких-то мероприятиях (собрания, манифестации, лекции и т. п.), не хочешь — не участвуй! Ты вроде бы свободен. Тот факт, что ты просто не в состоянии вырваться из поля идеологии, остается скрытым от тех, кто так или иначе испытывает его влияние.

Тут как на рынке товаров и услуг. Ты волен покупать или не покупать что-то конкретное, волен выбирать. Но ты все равно вынужден что-то покупать или выбирать. Твои возможности и потребности уже сформированы применительно к условиям рынка. Человек не может жить с закрытыми глазами и ушами, не может полностью изолироваться от всего того, что несет с собой какую-то информацию, что человек вынужден смотреть, читать и слушать, в чем ему приходится принимать участие. Человек просто не в силах уклониться от идеологических пилюль и капель, растворенных во всем, что проходит через его сознание. Человек вроде бы предоставлен самому себе. Но среда, в которой он живет, не предоставлена самой себе. Среда формируется, а человек приспособляется к ней. Среда формирует человека.

В западной системе идеологической обработки людей нет надобности специально, явно и принудительно вдалбливать в головы людей идеологию. Такой метод лишь временно имеет успех и ненадежен. Гораздо эффективнее действует другой метод, а именно — дать людям идеологическую свободу, создать иллюзию отсутствия идеологического поля вообще и даже идеологического хаоса, растворяя в жизненном пространстве людей

идеологические капли, на заглатывание которых не требуются никакие усилия и способности. Важно лишь не давать при этом другим вносить в идеологический хаос какую-то явную и организованную идеологию — деидеологизировать людей в этом смысле. Но при этом неустанно вносить в такой идеологический хаос свои банальные идеи, отвечающие потребностям «деидеологизированных» сограждан. Идеологическая свобода в условиях западного идеологического поля есть гораздо более сильное средство идеологического оболванивания масс, чем идеологическое принуждение.

Но эта свобода сильно преувеличена в самой западной идеологии и пропаганде. Это скорее искусственно созданный для определенных кругов населения и в определенных границах идеологический хаос, в котором удобно проводить свою совсем не хаотичную линию. Это, можно сказать, «допороговое» явление, не влияющее существенным образом на идеологическое состояние общества. Но за этими границами, то есть когда речь идет о возможности серьезного влияния на идеологическую атмосферу, вступает в силу мощный идеологический контроль. Пиши и говори, что хочешь! А что в том толку? Чтобы тебя услышало и поняло хотя бы небольшое число людей, нужна трибуна — пресса, телевидение, радио, книжная торговля. А до трибуны допускают не всякого. Хозяева трибун тоже свободны: свободны допускать до трибун тех, кто их устраивает, и не допускать тех, кто не устраивает. Чтобы воспользоваться свободой высказывания идей, нужны средства, а они сами суть рычаги идеологического механизма.

В отношении лиц и идей, которые властителями идеологической сферы считаются неприемлемыми, все начинают действовать так, как будто получили инструкцию из какого-то единого центра. Хотя такого центра формально нет, существует механизм согласованных действий. Решения вырабатываются авторитетными специалистами, советниками представителей власти, особыми учреждениями. А масса идеологических работников подготовлена соответствующим образом и имеет опыт работы. Так что нужно незначительное время и порою едва заметные намеки, чтобы механизм идеологии сработал согласованно. Поразительно то, что западный

идеологический механизм, несмотря на отсутствие формальной централизации и единства, в последние десятилетия работал быстрее, чем коммунистический, более гибко и адекватно реагировал на обстоятельства. Именно жесткость, обнаженность, прямолинейность, бюрократизм и армейская дисциплинированность коммунистического идеологического аппарата оказались одной из причин его кризиса.

«ЦЕРКОВЬ» ЗАПАДНИЗМА

Если роль идеологии и культуры западнизма сопоставимы с ролью религии в феодальном обществе, то аналогом церкви может служить совокупность людей, учреждений, организаций и предприятий, занятых в сфере производства, сохранения и распределения продуктов «религии» западнизма. Грубо говоря, все элементы «церкви» западнизма можно разделить на три группы. К первой группе относится то, что можно назвать общественным сектором «церкви», а именно — различного рода государственные учреждения, включая секретные службы, исследовательские институты, университетские кафедры, общества, клубы, агентства, комиссии. Ко второй группе относится все то, что можно назвать частным сектором «церкви», а именно — множество предприятий, поставляющих продукты «религии» на рынок идеологии и культуры, и «невидимая рука», управляющая механизмом этого рынка. К третьей группе относится совокупность людей, учреждений и предприятий, образующих то, что принято называть словом «масс-медиа» или просто «медиа». Это своего рода Ватикан «церкви» западнизма со всей совокупностью учреждений, вплоть до местных приходов.

В последнее десятилетие появился целый ряд исследований масс-медиа. Назову здесь работы Жан-Франсуа Равеля¹, Нила Постмена² и Вольфганга Крауса³, из которых я почерпнул много полезных сведений. Я не

¹ Jean-Francois Revel. Die Herrschaft der öffentlichen Meinung. Conturen, № 39 A, 1990.

² Neil Postman. Amusing Ourselves to death. New Jork, 1985.

³ Wolfgang Kraus. Neuer Kontinent Fernsehen. Frankfurt/M., 1989.

претендую на то, чтобы конкурировать с такими авторами в описании этой сферы западнизма. Я изложу лишь то мнение, которое у меня выработалось о ней именно как об элементе западнизма.

МАСС-МЕДИА

Выражением «масс-медиа» или просто «медиа» принято обозначать совокупность таких явлений современного западного общества, как радио, телевидение, газеты, журналы, различные периодические, спорадические и одноразовые издания типа газет и журналов, а также другие средства, выполняющие аналогичные функции. Этимологически это выражение означает множество средств массовой информации. Но функции этих средств вышли за пределы распространения информации. Они оказались более разнообразными и более серьезными. Кроме того, они теперь суть не просто сумма различных явлений. Они образовали особую целостную сферу западного общества со своими законами (правилами) существования и функционирования. Так что я здесь буду игнорировать этимологический аспект рассматриваемого выражения и употреблять его как социологический термин, причем без всякой дефиниции, просто как обозначение известных всем явлений, упомянутых выше (радио, телевидение, газеты и т. д.).

После Второй мировой войны в эволюции западной медиа произошел грандиозный качественный «скачок» — она оформилась в одну из важнейших сфер общества. Так что ее теперь следует рассматривать не просто как множество разрозненных явлений со сходными свойствами, а как единое целое со сложной структурой, с разнообразными частями и функциями. Исторические условия этого «скачка» суть следующие: 1) колоссальный количественный рост составных элементов медиа; 2) их техническое усовершенствование; 3) изобретение новых средств; 4) усовершенствование их работы; 5) возникновение разнообразных связей между ними; 6) расширение сферы их деятельности и усиление их роли в общественной жизни.

О масштабах медиа дают некоторое представле-

ние такие данные. В конце восьмидесятых годов в США было 1645 ежедневных газет с тиражом 63 миллиона экземпляров, 8000 еженедельных газет, 11 200 иллюстрированных и периодических изданий, более 9000 коммерческих и 1420 некоммерческих радиостанций, 1440 телевизионных станций (три четверти из них — коммерческие), 9900 кабельных систем. В Западной Германии в 1985 году было 1253 ежедневных газеты и 6900 журналов, в 1989 году было 4,9 миллиона радиоаппаратов и 4,2 миллиона телевизоров¹.

Социально-экономический статус медиа разнообразен и изменчив. Так, в США в момент написания этого очерка в телевидении господствовали коммерческие станции, но были и некоммерческие, поддерживаемые государством. В частном медиа-бизнесе в 1988 году в США было занято около 480 миллиардов долларов². В большинстве стран Западной Европы радио и телевидение были общественными корпорациями, поддерживаемыми в финансовом отношении правительствами. В 1980 году наметилась тенденция к приватизации (Мардох, Максвелл, Берлускони).

Аналогично обстоит дело с централизацией и децентрализацией. В некоторых странах пресса была централизована (Австрия, Англия), в других — децентрализована (Германия, Голландия, Швеция), в третьих — смешанный вариант (Франция, Бельгия, Дания). Потом произошли какие-то изменения, но варианты остались те же. Причем изменения в разных частях медиа происходили и происходят в разных направлениях и комбинациях.

Централизация медиа, в которой упрекали коммунистические страны, видя в этом один из пороков коммунизма, вполне уживается с приватизацией. Примером тому может служить медиа США³. Хотя централизация ее была выражена неотчетливо, она имела место! Локальные телевизионные станции, например, зависели от национальных медиа-концернов в отношении программ. Менее 10% их передач составляли местные программы,

¹ Emil Hübner. См. примечание 2 на стр. 253.

² The Universal Almanac. 1990.

³ См. примечание 1.

а в основном передачи составляли программы трех больших станций и кинофильмы. В сфере известий две станции (ЮПИ и АР) играли роль централизирующих органов. Четыре из пяти телевизионных станций в 100 наиболее плотно заселенных областях принадлежали группам, во владении которых находились многие другие средства медиа. Значительная часть газет находилась в руках немногих концернов. Например, фирма Ганетти в 1985 году владела 86 ежедневными газетами. Лишь 50 городов США имели конкурирующие друг с другом газеты.

Тенденция к концентрации и централизации медиа есть проявление общих законов капитализма. Но сводить ее к этому ошибочно. Медиа есть не просто одна из сфер приложения капитала. Она есть нечто большее, выходящее за рамки бизнеса. Это и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и к бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглушение, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности, и делание жизни, короче говоря — квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа есть арена общественной жизни, ставшая сама одним из важнейших факторов этой жизни. Она состоит из десятков тысяч учреждений, организаций, предприятий. В ее работу вовлечены в качестве сотрудников сотни тысяч людей. Она привлекает для участия в своей работе миллионы людей всех социальных категорий. Медиа — это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Но это такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом.

Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически он функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя «невидимая рука». Она почти совсем не изучена научно. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образует сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков,

бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т. д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам. Имеется большое число опытных сотрудников учреждений медиа, которые сразу угадывают новую установку и даже опережают «высшую инстанцию». И в дело немедленно вступает огромная армия исполнителей, подготовленных выполнить любые задания в духе новой установки. Между людьми, образующими этот механизм, имеют место бесчисленные личные контакты. Почти вся работа этого механизма протекает как своего рода функциональная самоорганизация (так я называю этот тип организации), а не как система документально фиксируемых команд и отчетов об их исполнении. Такой механизм скрыт и неуязвим от нападок извне.

Медиа сложилась именно такой, какая требуется обществу и какая тут вообще возможна. Нелепо винить ее в очевидных недостатках, игнорируя то, что ее недостатки имеют не меньший спрос, чем достоинства. И что считать недостатком? С какими критериями оценивать работу медиа? Она выполняет свои функции, причем лучше, чем прочие социальные институты. Но лучше не с точки зрения моралистов, ратующих за некую правдивость и справедливость, а с точки зрения обработки людей в нужном для общества духе и с точки зрения удовлетворения потребностей людей именно в такой продукции для их разума и чувств.

Функции и свойства медиа многообразны, так что при желании можно создать любую их характеристику, как позитивную¹, так и негативную, причем как в том, так и в другом случае опираясь на достоверные данные. В дополнение к сказанному выше отмечу еще некоторые черты медиа, не придавая им никакой субъективной оценки.

Медиа стала не орудием сбора и распространения информации, производимой кем-то другим, а производителем, контролером и властителем информации. Она имеет свои мощные и профессионально обученные кадры для этого. В ее распоряжении фактически все силы общества, как-то связанные с информацией. Она фор-

¹ См. примечание 3 на стр. 333.

мирует информацию по своим правилам, придает информации вид, отвечающий ее интересам. Информационный поток, минующий ее, ничтожен сравнительно с тем, какой проходит через нее, а роль его еще ничтожнее. Она сконцентрировала в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки и силы общества.

Медиа вторгается во все сферы общества — в политику, экономику, культуру, науку, спорт, бытовую жизнь. Ей до всего есть дело. Она не просто влияет на умы и чувства людей. Она проявляет власть над ними, причем власть диктаторскую. Эта власть осуществляется по многим каналам. Назову основные из них.

Медиа буквально приковывает к себе внимание подавляющего большинства населения западных стран, снабжая людей в изобилии практически любой нужной им информацией, сплетнями, развлечениями, сенсациями. Она обладает для этого неограниченными средствами, самой совершенной технологией и отработанными приемами. Невозможно подсчитать, сколько времени и сил тратят люди, просиживая перед телевизорами, читая газеты и журналы, слушая радио. Никакая церковь не может с этой точки зрения сравниться с «церковью» западнизма. Она удобна и с точки зрения способа вовлечения людей в ее деятельность. Человек может потреблять продукцию медиа в одиночку, сидя дома, находясь в транспорте, даже во время работы.

Уже одно то, что телевидение приковывает к своим экранам сотни миллионов людей, удерживая их от выхода на улицу и от образования неподконтрольных масс, делает медиа в современном перенаселенном, практически безбожном, нетерпеливом и алчном мире важнейшим средством манипулирования людьми.

Вторым важнейшим каналом всевластия медиа является то, что она контролирует и направляет всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая паблисити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медиа присвоила себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов. Она определяет то, какой круг людей выпускается на арену культуры, какие произведения, какие

идеи, какие моды. Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а отношение к ним масс-медиа. Она в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, если оно соответствует ее интересам и конъюнктуре, и не допустить к жизни великое и талантливое, если такого соответствия нет.

Третьим важнейшим каналом всевластия медиа является то, что она дает трибуну политикам и арену для политических спектаклей. Она раздувает и использует непомерное тщеславие политиков. Она влияет на их успехи и неудачи, порою роковым образом. Без нее немыслимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения, партийные мероприятия и вообще все важнейшие явления общественно-политической жизни западных стран.

Наконец, медиа сконцентрировала в себе общественное мнение и гражданское общество, став их рупором и одновременно лишив их самостоятельности. Они нашли в медиа свою организующую силу, отчуждая ей свою собственную независимость и власть. Медиа стала чем-то вроде «государства» для внегосударственной жизни общества.

Критики медиа обращают внимание на то, что ее средства находятся во владении каких-то других сил, что ею кто-то управляет как своим орудием. Я не отвергаю это. Но я считаю, что не в этом суть дела. Средства медиа могут принадлежать частным лицам, государству, общественным организациям, корпорациям, банкам. Ее может использовать крупный капитал, правительство, какие-то клики и группы. Но все это не лишает ее той роли, какую она играет в обществе, и ее положения в системе прочих социальных феноменов. Она занимает такое положение и играет такую роль в обществе, которые позволяют ей, со своей стороны, диктовать свою волю всем тем, кто в какой-то мере манипулирует ею, и своим формальным хозяевам. Все те, кто считается ее хозяевами и манипуляторами, вынуждены подчиняться самим тем условиям, благодаря которым они хозяйничают и манипулируют медиа. Тут скорее имеет место сговор и дележ власти между более или менее равными по силе сообщниками, чем отношение господства и подчи-

нения. Хозяин газеты, например, влияет на политическую линию газеты. Но одновременно он сам подвластен своей газете как феномену, играющему особую роль в обществе.

Медиа есть безликое божество западного общества, которому поклоняются и все те, кто считается или воображает себя ее хозяевами и начальниками. Самое большее, что на самом деле эти люди делают, это прислуживание своему божеству в качестве его жрецов, разумеется — за хорошую плату и за прибыли. Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого — зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть абсолютная. Сила церкви в эпоху феодализма ведь тоже была не в сравнительно небольшом числе церковников, а во всей массе населения, принимавшего церковь и приносявшего в нее кусочки своего отчужденного «я».

РЕКЛАМА

Важным орудием формирования человеческого материала является реклама. Это не просто пропаганда товаров и услуг. Это пропаганда системы ценностей и образа жизни Запада. В рекламе идеологическое оболванивание людей выступает в самой вульгарной, а значит — в самой широкодоступной и действенной форме. Классическим образцом рекламы является, конечно, американская. Она не просто отражает сложившийся образ жизни США. Она участвует в его формировании, сохранении и пропаганде. Рекламируется свобода, активность, успех, удовольствия, спортивность, бодрость, молоджавость. Рекламируется прежде всего экономический успех. Воплощением его изображается фигура миллиардера, начавшего якобы с нуля и благодаря своим вполне законным и моральным усилиям в течение немногих лет ставшего баснословно богатым. Рекламируется патриотизм, означающий непомерно преувеличенное восхищение Америкой, превознесение всего

американского. Американский рекламный стиль — экстремальные преувеличения во всем, что рекламируется, высочайшая стилизация банальностей, превознесение обычного как из ряда вон выходящего, агрессивность, стремление привлекать к себе внимание, масштабность. Американская реклама во всех социально значимых отношениях есть квинтэссенция идеологии и пропаганды западнизма в его крайней форме американизма.

ЗАПАДНИЗМ И РЕЛИГИЯ

Идеология западнизма касается тех же проблем, что и религиозные учения. Но она расширила круг этих проблем и дает их решение, в принципе отвергающее религиозные учения. Она зародилась с претензией на научное решение этих проблем, как отрицание религиозного мракобесия. Хотя она сейчас терпимо относится к религии, это не устраняет ее антирелигиозность по существу. Она терпит религию, поскольку та не в состоянии конкурировать с ней и не мешает ей выполнять ее функции. Последняя состоит не в создании новой веры, а в исключении из людей всего того, что привносила и привносит в них вера. Идеологическая обработка человека есть так или иначе его духовное опустошение. Жалобы деятелей церкви на падение веры имеют реальные и неустраняемые, на мой взгляд, основания¹.

Одновременно говорят и о подъеме религии, о религиозном ренессансе и даже о конце эпохи атеизма². При этом ссылаются на страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Ссылка явно неосновательная, так как эти страны — не Запад. К тому же массы людей собирались там под «знаменами» церкви не из потребности в вере, а по причинам иного рода, в том числе — по причинам политическим. Гораздо серьезнее для аргументации здесь была бы ссылка на США, где подавляющее большинство населения считается верующими и регулярно молится.

¹ В 1989 году в Западной Германии 240 тысяч верующих покинули церковь.

² Hubert Seiwert. Das Ende des Real existierenden Atheismus. FAZ, 25.05.92.

Положение религии в обществе характеризуется не только и не столько тем, какое число людей считает себя верующими, совершает религиозные обряды и платит церковные налоги, сколько тем, какую роль религия и церковь играют в общественной жизни и как религиозные верования сказываются на поведении людей. С этой точки зрения роль религии и церкви в странах Запада ничтожно мала в сравнении с факторами западнизма, а поведение людей в еще меньшей мере определяется принципами веры.

Не являются на этот счет исключением и США. Еще Токвиль заметил, что религия правила в духовной жизни людей в США. И теперь нигде в западных странах религия так не сильна, как в США. Здесь религия вмешивается в повседневную жизнь людей, в культуру и в политику. Причем не играет роли, к какой религии причисляют себя верующие. Лишь бы это была религия. Уже один этот религиозный плюрализм говорит о том, что американская религиозность есть исторически сложившаяся форма проявления феномена совсем иного рода, чем религия, а именно — идеологии. Положение тут похоже на положение монархии в английской демократии. Это исторический курьез — безбожная идеология в лицемерной религиозной оболочке. К тому же роль религии тут сильно преувеличена. Если исследовать поведение людей научными методами, результат окажется обескураживающим: сколько бы американцы ни молились, ведут себя они в гораздо меньшей мере по правилам религии, чем явно атеистические народы Запада. Бог американцев, как и прочих западоидов, — обычные земные блага, какие им может дать западная цивилизация и какие они сами могут урвать благодаря ей.

Религия всегда подкреплялась склонностью людей к заблуждениям, к вере в сверхъестественные силы и чудеса, одним словом — к мракобесию. И от себя религия приносила в это большую долю. Эта склонность сохранилась у западных людей, несмотря на просвещение и прогресс науки. В наше время даже образованные люди верят в астрологию, гадания, гороскопы. К этим старым верованиям добавились новые, возникшие благодаря достижениям науки и техники, — вера в инопланетян, в возможность перемещения во времени и даже в по-

смертное существование в какой-то сверхнаучной форме. К развитию этого современного мракобесия приложила руку идеология западнизма в лице ее элитарной верхушки. В этом отношении идеология идет рука об руку с религией.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Выражение «западный образ жизни» является, пожалуй, одним из наиболее часто употребляемых в речах и статьях на темы о Западе. Но что при этом имеют в виду? Обычно демократию, капитализм, рынок, плюрализм и т. д., короче говоря — все те феномены западного общества, которые известны и без особого выражения «западный образ жизни». Однако есть аспект западного общества, отличный от прочих, а именно то, как западнизм проявляется в личной жизни западных людей. Тут выражение «западный образ жизни» нелишне. Я и буду использовать его для этого.

Итак, что значит «жить по-западному»? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. И западный миллиардер живет по-западному. И бездомный нищий, добывающий пропитание из помоек, сражаясь с крысами, живет по-западному. И обезумевшая от миллионов и славы кинозвезда живет по-западному. И блестяще одаренная выпускница университета, которая в течение многих лет не может получить работу даже низкооплачиваемой учительницы школы, живет по-западному. И зарабатывающий миллионы долларов менеджер, который является членом бесчисленных советов, комитетов и комиссий, живет по-западному. И безработный в третьем поколении живет по-западному. И занимающаяся от скуки наркотиковым бизнесом наследница многомиллиардного состояния живет по-западному. И несовершеннолетняя девочка, зарабатывающая на пропитание проституцией, живет по-западному. И бездарный писатель, пошлые сочинения которого расходятся в десятках миллионов экземпляров, живет по-западному. И талантливый писатель, который не может заработать литературным трудом на самое скромное существование, живет по-западному. Все они живут по-западному.

Очевидно, ответом на вопрос «Что значит жить по-за-

падному?» должно стать обстоятельное исследование жизни различных категорий людей западных стран. Я здесь ограничусь лишь короткими заметками на этот счет, которые дополняют мое понимание западнизма.

ЖИЗНЕННЫЙ СТАНДАРТ

Когда я в 1978 году оказался на Западе, меня спрашивали, сколько денег я получал в Москве в качестве профессора. Я называл величину своей зарплаты. Западные теоретики и журналисты переводили ее в доллары и делали вывод, будто советский профессор имел жизненный уровень ниже, чем американский солдат. Я пытался убедить моих собеседников в том, что жизненный стандарт (уровень жизни) определяется многими факторами, а не только величиной зарплаты. Так, я платил гроши за квартиру. Налог был мизерный. Медицинское обслуживание было бесплатным, причем не таким уж плохим, как изображала западная пропаганда. И тратил я деньги не в Западной Европе и не в США, а в России. Кроме того, в жизненный стандарт входят и такие факторы, как гарантированная работа, условия образования и трудоустройства детей, доступ к культуре, положение в коллективе, сфера общения и многие другие. Если все это принять во внимание, то мой жизненный уровень был выше такового американского генерала, а не то что солдата.

Но мои слова не производили никакого впечатления, ибо противоречили идеологической установке считать западный жизненный уровень самым высоким в мире и измерять его величиной дохода.

Жизненный стандарт той или иной страны характеризуется тем, какими жизненными благами располагают граждане этой страны, как они распределяются, как добываются различными категориями граждан и как все это влияет на их образ жизни. Далеко не все в жизненном стандарте зависит от характера социального строя. Многое зависит от обстоятельств иного рода — от природных условий, от исторических традиций, от положения среди других стран. И далеко не всегда измерение жизненного стандарта размерами денежных доходов и

сравнение различных стран по этому критерию дает объективно верные выводы. Лишь в западном обществе, как в обществе денежного тоталитаризма, жизненный стандарт характеризуется прежде всего и главным образом тем, какими денежными суммами располагают его члены для удовлетворения своих потребностей. Но и здесь есть качественный или содержательный аспект. Отмечу некоторые его черты.

Материальный уровень западных людей различных категорий образует шкалу, на одном конце которой можно видеть баснословные богатства, на другом — беспросветную нищету. Между этими полюсами имеют место многочисленные ступени, образующие постепенный переход от одной крайности к другой. В этом континууме доходов можно выделить две «точки», которые определяют уровень бедности и уровень богатства. Уровень бедности есть уровень, ниже которого люди не имеют средств для удовлетворения минимума нормальных материальных потребностей. Уровень богатства есть уровень, выше которого люди имеют средств больше, чем это требуется для удовлетворения максимума нормальных материальных потребностей. Нормальные материальные потребности — это некоторый комплект потребностей, которые общество признает в качестве нормы и на удовлетворение которых достаточно иметь деньги. Он заключен в довольно обширном диапазоне, границы которого не абсолютны, но все-таки могут быть установлены более или менее приблизительно опытным путем.

Следует признать, что уровень богатства и уровень бедности западных стран выше, чем других обществ. Диапазон нормальных потребностей шире. Класс богатых многочисленнее и богаче. Подавляющее большинство граждан живет выше уровня бедности. Класс бедных в процентном отношении меньше класса благополучных. Так что западное общество в материальном отношении является самым зажиточным в истории человечества. Но это не означает, что оно превосходит прочие общества в других отношениях.

Для значительной части (если не для большинства) западных людей высокий жизненный стандарт есть не нечто такое, что они могут выбрать по своей воле, и не просто изобилие средств удовлетворения потреб-

ностей, а прежде всего нечто принудительное и дорогостоящее. Свобода выбора есть лишь выбор наимыгоднейшего варианта в рамках принудительности, да и то, как правило, иллюзорная. Попытки как-то снизить степень принудительности путем снижения занятости на работе и соответственно снижения дохода удаются лишь хорошо обеспеченным одиночкам.

Высокий жизненный стандарт для рассматриваемой части населения западных стран означает дороговизну жизни. Возьмем проблему жилья. Конечно, многие имеют свое собственное жилье, доставшееся по наследству. Это значительно облегчает жизнь, так как покупать или снимать жилье стоит очень дорого. Во многих случаях эта статья трат достигает половины доходов. Покупать жилье в кредит — значит становиться неоплатным должником банка. К кредиту на квартиру прибавляется кредит на автомашину, без которой нормальная жизнь в условиях Запада просто немыслима. Содержание и эксплуатация машины стоит значительных денег. Дорого обходится больничная касса. Если ты здоров и редко прибегаешь к услугам врачей, платить все равно приходится. К этому вынуждает угроза внезапных больших трат, например — за операции и пребывание в больнице. Затем идут расходы на налоги, на страхование жизни и имущества, на адвокатов, на советников по налогам. Дорого обходятся дети. Порою плата за их образование стоит больших денег. Образование с какой-то гарантией иметь работу доступно немногим. Это своего рода инвестиция капитала. Трудности и хлопоты с детьми — одна из главных причин того, что прирост западоидов ничтожен и даже прекратился совсем. Дорого обходится отдых во время отпусков, мебель, кухонная аппаратура и прочие элементы привычного образа жизни. Плюс выплаты в фонд социального страхования и многое другое.

Важнейшая проблема для трудоспособного западоида, не имеющего большого капитала, который позволил бы ему быть свободным человеком, это найти занятие, дающее ему доход соответственно его жизненным претензиям. А это не так-то просто. А если такое занятие найдено, это не означает, что оно гарантировано как нечто постоянное. Потому характерным состоянием людей

тут является неуверенность в будущем, страх потерять работу и опуститься на более низкий уровень, стремление накопить средства на черный день и на обеспеченную старость. Эта жизненная установка вынуждает на бережливость и расчетливость, производящие впечатление скарденности, а многих вынуждает на преступления. Она превращает массу людей в поразительно скучные, серые и безликие существа, смолоду думающие об обеспеченной старости.

Люди вынуждены прилагать неимоверные усилия к тому, чтобы их счет в банке не опускался много ниже нулевого уровня. Теория немецкого эконоимста Палу Мартина¹, согласно которой основной движущей силой капитализма являются долги, выглядит не так уж нелепо. Средний западный человек есть не просто гомо эконоимкус, как его иногда называют на Западе, а скорее гомо банкус². Дело тут не столько в том, что он использует банк как удобное средство, сколько в том, что банк использует его как свое собственное средство наживы.

Нет надобности описывать то, какие жизненные блага доступны богатым людям на Западе в наше время. Еще никогда в истории человечества богатые не жили на таком уровне и в таком количестве. Характерной для нашего времени является сильная тенденция максимально рационализировать процесс жизни в соответствии с достижениями науки, техники и медицины. Сохранение здоровья и молодости стало важнейшим элементом богатства, так же как бытовой комфорт, доступ к достижениям цивилизации и способность разумно наслаждаться ее благами. Сложилась целая индустрия и культура рационального использования богатства. Но одновременно действуют и последствия чрезмерности богатства со всеми его пороками.

Следует заметить, что интеллектуальный, культурный и моральный уровень «высшего света» нисколько не превышает таковой средней части населения. В прошлом богатство было путем к культуре и к образу жизни, которые были недоступны без него. Теперь просто не суще-

¹ P. Martin. Der Kapitalismus. München, 1986.

² Gebhard Kirchgassner. Homo Oeconomicus. Tübingen, 1991.

ствуует особая культура более высокого уровня, чем общая культура, которая была бы недоступна прочим гражданам. Конечно, билеты на фестивали в Байройте или в Зальцбурге не по карману большинству жителей западных стран. Но посещение таких фестивалей и прочие дорогие развлечения сами по себе нисколько не возвышают их посетителей над прочим человечеством в культурном, интеллектуальном и моральном отношении. Кое для кого это удовольствие, а для большинства — престижный элемент их образа жизни, подобный этикеткам престижных фирм на одежде. Одним словом, сложился не слой, аналогичный аристократии прошлого, а лишь более высокий уровень мещанства. Западнистское общество по своей изначальной природе есть общество мещанское.

Уровень бедности западных стран выше, чем в других странах. Это означает, что западные бедняки в массе своей богаче бедняков незападных стран. Но для западных бедняков мало осознавать это, чтобы быть довольными своим существованием. Они ощущают себя обездоленными сравнительно с благополучными слоями и сравнительно с теми благами, которые производит их общество и на которые они считают себя вправе рассчитывать. Кроме того, в западных странах бедность означает нечто большее, чем бедность в обществах другого типа, ибо тут отсутствие материальных средств означает отсутствие доступа ко всем прочим жизненным ценностям.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Формула «Хлеба и зрелищ!», которую принято относить к Римской империи, имеет силу и в отношении западного общества, причем в удесятеренной степени. «Хлебом» западоиды обеспечены настолько, что Запад стал величайшим соблазном для всего человечества. А что касается зрелищ, то тут создано такое изобилие, какое еще сто лет назад не могло вообразить самое пылкое воображение.

Из сущности западнизма не вытекает ни радио, ни кино, ни телевидение, ни прочие современные изобретения, приносящие развлечения. Но эти изобретения

оказались очень кстати. Они оказались адекватными потребностям западнизма в средствах пассивного развлечения в одиночку. Нет надобности говорить о том, какую роль в жизни западных людей приобрело телевидение. С точки зрения массовости охвата людей и времени, проводимого ими перед экранами телевизоров, оно стоит на первом месте среди средств развлечения. Оно позволяет развлекаться с удобствами, независимо от других людей, без всяких усилий и за низкую плату. А с точки зрения диапазона и разнообразия зрелищ оно вне конкуренции.

На втором месте после телевидения идут, пожалуй, зрелища, собирающие толпы людей, и сборища с участием многих людей. Это на первый взгляд есть противоположность тенденции к развлечению в одиночку, а по сути дела это есть явление того же рода, обратная сторона ее. Эти сборища и зрелища суть особые явления, отличные от театров, фильмов, концертов, цирка и других представлений, предназначенных для развлечения, причем для развлечения индивидуального, хотя тут и собирается вместе много людей. Зрелищем может стать все, что угодно, специально не предназначенное для развлечения, но организованное так, что именно театральный аспект выходит на первый план. И вторая черта зрелищ — расчет на массовое восприятие, то есть на людей как членов толпы, массы.

В зрелища превращаются спортивные соревнования, а многие специально изобретаются для этого. В зрелища превращаются медицинские операции, суды, визиты важных персон, парламентские заседания, партии известных личностей, юбилейные заседания и приемы, парады, шествия, демонстрации, церковные проповеди, природные катастрофы, сцены голода и военных разрушений, выборы президентов. И даже сцены покушений и захвата заложников. Современная технология позволяет делать увлекательные зрелища из всего, даже из незначительных явлений. Как справедливо заметил Нил Постмен, все превращается в шоу-бизнес (зрелищные мероприятия). Все должны развлекать, дабы иметь успех. Происходит «голливудизация» всей общественной жизни.

Точно так же в зрелища превращаются различного рода сборища, предназначенные не только для развле-

чения других, но и для участия в массовых развлечениях. Наблюдая эти зрелища и зрелищные сборища, невольно начинаешь думать, что за внешним великолепием, пышностью и зрелищностью жизни Римской империи скрывался такой образ жизни, что пришедшая ему на смену христианская цивилизация со всей ее первоначальной скромностью, серостью и скукой явилась в какой-то мере избавлением и облегчением.

Невольно напрашивается и другое сравнение. На Западе подвергались всяческому осмеянию торжественные заседания, празднества и парады в Советском Союзе. Но то, что тут делали и делают сами, во много раз превышает советскую театральность, парадность и торжественность. По сравнению с тем, как в США праздновали «победу» в фиктивной войне с Ираком и в Англии «победу» в смехотворной войне за Фолклендские острова, празднества в Советском Союзе по поводу победы в величайшей в истории человечества войне 1941—1945 годов с Германией выглядят ужасающе бледно, скромно, мизерно. От таких сравнений становится грустно. Чем ничтожнее «победы», тем помпезнее становятся ликования по их поводу.

Характерной чертой западных средств развлечения, массовых как с точки зрения скопления людей в одном месте, так и с точки зрения охвата населения, является их неинтеллектуальность и бездуховность. Спорт, туризм, танцы, музыка, партии, секс, еда, алкоголь, наркотики — во всем этом обнаружить какие-то крупинки интеллектуальности и духовности можно только при большом желании. Развлечения интеллектуальные и духовные распылены в океане других, оттеснены на задворки и извращены. Тут как в случае отравления природной среды — от него в конечном итоге начинают страдать все. Вся сфера развлечения в конце концов оказывается духовно опустошенной и отравленной чисто внешними эффектами.

В годы после Второй мировой войны производство и предложение средств развлечения выросло во много раз сравнительно с прошлыми годами. Они стали разнообразнее, изощреннее, доступнее. Одновременно происходил и процесс их психологического обесценивания. В этом свою роль сыграло, конечно, их изобилие. Но де-

ло не только в этом. Средства развлечения поверхностны, не затрагивают глубоко психологическое состояние людей. А сами люди в массе воспитаны и натренированы жить так, что у них уже не может быть иного отношения к развлечениям. Складывается устойчивое состояние всеобщей скуки и склонность к извращенным формам поведения.

ДИНАМИЗМ

Характерной чертой западного образа жизни после Второй мировой войны стал необычайный динамизм. Идеология и психология перемен с неслыханной доселе силой овладела западным обществом. Жизнь превратилась в мелькание вещей, людей, идей, мод, книг, фильмов, сенсаций. Впечатление такое, будто общество куда-то лихорадочно торопится, не имея ни минуты на остановку и покой. Перемены, перемены, перемены! Перемены во что бы то ни стало, в чем угодно, не считаясь с последствиями. Причем перемены не всегда к лучшему и часто не имеющие разумного объяснения. Лишь бы что-то изменить, лишь бы изобрести что-то новое.

Такой динамизм имеет основания в самом характере западного общества, что общеизвестно. Он является удобным средством поддержания интенсивного обмена веществ в обществе и идейно-психологического тона людей. Он поддерживается искусственно всеми влиятельными силами общества — бизнесом, государством, медиа, идеологией, пропагандой.

Динамизм уживается, однако, с консерватизмом социальным. Тут любая более или менее сенсационная новинка и перемена громогласно провозглашается революцией и новой эпохой, а в своих основах общество устраивается так, чтобы исключить всякие радикальные социальные преобразования. Динамизм фактически оказывается поверхностным, в значительной мере иллюзорным и суетным. Выдержать его достаточно долго — на это нужны большие усилия. Хотя западоиды более способны на это, чем другие народы, но и у них возможности не беспредельны. Уже сейчас можно заметить признаки усталости и стремления к более замедленному темпу жизни.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Многочисленные западные авторы констатировали факт изменения человеческого материала, причем, как правило, в негативной форме, в форме жалоб на падение нравственности, рост преступности, обезличивание, обесчеловечивание, духовное опустошение и т. д. Безусловно, эти жалобы имеют основания в фактах повседневной жизни людей. Но останавливаться на этом было бы весьма односторонне и поверхностно. На мой взгляд, то, что эти авторы воспринимают как деградацию человека, есть лишь обратная сторона и следствие прогресса человека. Всякий прогресс и регресс относительны. Важно — с какими критериями мы к ним подходим.

Изменение в человеческом материале Запада действительно произошло. Оно заключается, на мой взгляд, прежде всего в том, что произошли изменения, касающиеся западоидов. Оно, во-вторых, заключается в том, что изменился состав населения западных стран. Я рассматриваю сначала и главным образом первые изменения.

Комплекс черт западоидности изменился в смысле степени их развитости, ролей и пропорций в массе западоидов. Одно дело — западоиды как условие возникновения и становления западнизма. И другое дело — западоиды как продукт торжествующего западнизма. В первом случае западоиды проявили себя в одних качествах, во втором же случае они изготавливаются с комплексом качеств, в котором первые суть лишь часть, к тому же в трансформированном виде. В этот второй комплекс входят не только такие качества, которые необходимы для воспроизводства западнизма и самосохранения общества, но и такие, которые не соответствуют этой потребности, но без которых невозможны качества необходимые. Общество воспроизводит нужный для своего самосохранения человеческий материал, но делает это так, что производится и многое такое, без чего желательно было бы обойтись.

Основные качества западоидов, без которых западнизм вообще был бы невозможен, общеизвестны, — расчетливость, изобретательность, инициативность и т. д. Они прекрасно описаны в великой литературе прошлого.

Я их называю качествами западоидности. Какая судьба постигла их в современном западном обществе? Они стали всеобъемлющими как в смысле распространения в массе людей, так и в смысле проявления их в массе поступков каждого из них по отдельности. Если раньше люди с заметными чертами западоидов более или менее часто встречались в массе людей, а черты западоидности они проявляли в исключительных случаях, то теперь вся масса коренного населения западных стран стала обладателем этих черт в той или иной мере, а черты эти проявляются во всех их мало-мальски серьезных жизненных ситуациях. Раньше можно было говорить о «растворе» западоидности в чем-то другом. Теперь же надо говорить о «растворе» чего-то другого в сплошной западоидности. Западное общество стало обществом западоидности, включающим в себя посторонние вкрапления и остатки незападоидности.

Колоссально, в общей совокупности — в тысячи раз, возросло число таких действий людей, для осуществления которых потребовались качества западоидности. Но при этом произошло измельчение основной массы этих действий. Качества западоидности стали использоваться в бесчисленных поступках, которые кажутся пустяковыми в сравнении с самими качествами. Западоидность для основной массы западных людей и для основной массы их поступков превратилась в мелочный житейский педантизм. Человек, затевавший в свое время дело, с риском потерять состояние, и человек, приобретающий на небольшую сумму денег акции какой-то компании почти со стопроцентной гарантией, оба поступают как западоиды. Таких, как первый, было и есть немного, а таких, как второй, — десятки миллионов. Разница, я думаю, очевидна.

Существует убеждение, будто западный человек стал безликим существом. Но по самому смыслу слова «стал» это означает, будто человек раньше не был таким. А каким же он был? Авторы, писавшие об обезличивании человека, предполагали, будто раньше человек был индивидуализированной личностью. Некоторые авторы даже утверждают, будто человек от рождения является индивидуализированной личностью, а в современном обществе стал утрачивать это качество. Такую концеп-

цию развивали, например, Эрик Фромм, Олдос Хаксли, Конрад Лоренц¹.

Я считаю такие убеждения просто вздорными. Западные люди и остались индивидуалистами в том смысле, в каком об этом говорилось выше, то есть «разумными эгоистами». Но они в подавляющем большинстве никогда не были индивидуализированными личностями. И тем более они никогда не были и не являются таковыми от рождения. Личностями люди не рождаются. Они становятся ими в силу обстоятельств их социального бытия, да и то в редких случаях. В том смысле, в каком люди индивидуализированы от рождения, индивидуализированы даже клопы и червяки. Проблема человека как индивидуальной личности вообще есть проблема социальная, причем современная.

Лишь в современном западном обществе впервые в истории появилась возможность для формирования человека как индивидуализированной личности не в порядке исключения, а в массовых масштабах. Но именно сам факт массовости исключил реализацию этой возможности для подавляющего большинства людей. Если взять отдельного человека в отношении к возможностям, которые ему в принципе предоставляет современное общество, то он вроде бы должен быть индивидуальной личностью. Но таких людей слишком много, и это низводит их почти всех на уровень деиндивидуализированных единичек массы. Порождая у многих людей потребность в том, чтобы быть уникальной личностью, массовость этого явления исключает возможность удовлетворения потребности.

Никому не запрещено становиться миллионером, президентом страны, кинозвездой и т. д., и пропаганда трубит о равных возможностях для всех на этот счет. А многим ли это удастся?! Никому не запрещается становиться уникальной личностью, но лишь немногим это удастся на деле. Для этого нужен такой «пустяк», как общественное признание человека в качестве личности. А общество имеет для этого свои критерии отбора. Индивидуализированные личности всегда были и останут-

¹ Эрик Фромм. Бегство от свободы. М., 1990. Aldous Huxley. Brave New World. 1932. Brave New World Revisited. 1959. Konrad Lorenz. Der Abbau des Menschlichen. 1986.

ся исключениями. Меняется лишь их тип и процент в массе безликих «единичек». В западном обществе этот процент выше, чем в других обществах, но не настолько велик, чтобы удовлетворить всех претендующих на статус личности.

Упомянутые авторы утверждают также, будто произошло некое обесчеловечивание человека. Чтобы судить о том, насколько это утверждение верно, надо иметь точный список признаков человечности и произвести эмпирическое исследование того, какие из этих признаков исчезли или ослабли. Такое исследование практически невозможно, так как нет данных о прошлом состоянии людей с этой точки зрения, да и о нынешнем состоянии вряд ли такие данные можно получить. И что считать человечностью? Злобность, мстительность, жестокость, зависть и прочие порицаемые свойства людей не менее человечны, чем доброта, великодушие, любовь, заботливость, сострадание и прочие поощряемые свойства тех же людей. И попробуйте разделить их в реальности! Так что противоположное утверждение имеет не менее прав на существование, чем утверждение об обесчеловечивании человека.

Но впечатление, будто произошло обесчеловечивание человека, имеет реальные основания. На мой взгляд, они таковы. В огромном числе случаев то, что люди имели благодаря «человеческим» качествам других людей (благодаря их «человечности»), теперь они это имеют благодаря более сильным и надежным средствам, а именно благодаря деньгам, власти, славе, правовым нормам, договорам, открытиям науки и медицины, короче говоря — благодаря средствам надприродным и неморальным, можно сказать — сверхчеловеческим. Если и произошло какое-то обесчеловечивание человека, то не за счет опускания его вниз, а за счет осверхчеловечения, то есть за счет прогресса. Деградация человека была платой за его прогресс.

Число случаев, о которых идет речь, настолько велико, а их пример настолько заразителен, что они стали оказывать решающее влияние на состояние всего человеческого материала западного общества. Если, например, в любом возрасте и с любыми внешними данными возможно при желании иметь за деньги молодого и красивого партнера для сексуальных развлечений, если

тебе на помощь приходит медицина и сексуальная техника, позволяющая иметь удовольствие больше и лучше, чем благодаря человеческой любовной страсти, как правило выдуманной и преувеличенной писателями, то никакая человечность в этом деле не может конкурировать с ее сверхчеловечным заменителем. Если какие-то человеческие достоинства становятся источником денег и успеха, то никакой нормальный западоид не будет их консервировать или раздавать другим даром.

Тоска по человечности отражает тот факт, что сверхчеловеческие средства удовлетворения человеческих потребностей доступны далеко не всем, а у тех, для кого они доступны в изобилии, наступает от них пресыщение. К теме сверхчеловечности я еще вернусь ниже.

При характеристике современного западного человека часто отмечают его внутреннюю упрощенность и даже опустошенность. В какой мере это справедливо и почему создается такое впечатление?

Современный западоид выглядит внутренне (идейно, духовно, психологически) упрощенным сравнительно с типом человека, который возникает и является довольно распространенным в условиях сравнительно высокого уровня цивилизации, праздного образа жизни, неторопливой жизни, отсутствия риска и ненужности инициативы и т. д. Этот тип человека развивает в себе повышенную способность к рефлексии, к неустойчивости настроений, к стремлению уклоняться от принятия самостоятельных решений и к прочим качествам, которые стали рассматриваться как признаки некоей богатой «духовной» жизни. Разумеется, для развития таких незападоидных качеств нужны природные задатки, встречающиеся далеко не у всех народов.

Психологически тут на самом деле имеет место более сложный, гибкий, изменчивый, запутанный с точки зрения внутренних переживаний человеческий тип, чем западоид. Но это не есть более высокоразвитый тип человека и не есть более высокий уровень человека. Скорее наоборот. Западоид выглядит сравнительно с человеком такого типа так же, как выглядит чистое помещение с аккуратно расставленной мебелью в сравнении с сараем или чердаком, заваленным всяким хламом. Западный человек есть человек более организованный, ра-

циональный и расчетливый, чем человек со сложной внутренней (духовной) жизнью.

Личности со сложной внутренней жизнью, какие изображала западная литература прошлого, либо были выдуманы писателями, либо существовали как исключение, да и то не в такой яркой форме. На самом деле они были гораздо скучнее и примитивнее. При всем при том эти личности были свободны, имели достаточно времени для самоанализа (как правило — кустарного) и размышлений. Средства коммуникации были не такие, как они начали развиваться после Первой мировой войны, так что образованный человек, который мог поддержать беседу, имел ценность. Объектов культуры было не так уж много. Книги были редкостью и ценились. Одним словом, для богатой внутренней жизни нужны определенные условия. Это материальная обеспеченность хотя бы на минимальном уровне, праздность, любопытство, образованность, информационный и культурный голод, интерес к человеку. Теперь на Западе для большинства людей этого нет. Объекты культуры имеются в изобилии. От людей некуда податься. Информация избыточна. Развлечений сколько угодно. Люди заняты и озабочены, им не до праздных размышлений. Нет жизненных гарантий. Нужно все силы вкладывать в дело или работу. Сознание людей ориентировано иначе. Исключительные личности теряются в океане средних. Они не привлекают к себе внимания. Они не поощряются и не культивируются. Культивируются личности, отвечающие природе западнизма. Как правило, это иллюзорные и ложные величины.

Западнизм рационализировал человека. Он исключил из его «внутреннего мира» все излишнее, всякий психологический хлам, идейную запутанность, склонность к избыточной рефлексии, чрезмерную опосредованность между идеей и делом. Зато западнизм сделал человека более надежным для построения человеческих объединений огромного масштаба и с высоким уровнем социальной организации.

Западоид есть высший уровень эволюции человека. Это искусственно выведенное существо, а не результат чисто биологической эволюции. О нем с полным правом можно сказать, что это сверхчеловек. Никакой прогресс не дается даром. Сверхчеловек — это не то всесторонне развитое и совершенное во всех отношениях существ-

во, о котором говорили мечтатели прошлого, а именно реальный западоид, то есть внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному) человечеству.

СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Западнизм, породив особый тип человека — западоида, породил и особый тип личных отношений между людьми.

Я разделяю личные отношения людей на два уровня — человеческий и сверхчеловеческий. К первому уровню я отношу такие личные отношения между людьми, которые строятся на основе личных симпатий и антипатий людей друг к другу. При этом человек имеет или не имеет ценность для другого как таковой, то есть независимо от его социального статуса (богатства, известности, должности) и независимо от практических расчетов другого. Эти отношения бывают «душевными», доверительными, искренними, проникающими в тайники сознания. Они имеют свои плюсы. Это внимание к ближнему, сочувствие, сострадание, солидарность переживаний, бескорыстность, взаимопомощь, соучастие. Они имеют и минусы. Это, например, бесцеремонное вторжение в чужую душу и личную жизнь, стремление контролировать поведение близких, насилие над индивидом со стороны окружающих путем чрезмерного внимания, несоблюдение дистанции в отношениях, потеря уважения вследствие наблюдения людей с близкого расстояния, стремление к поучительству, раздражение, грубость.

Для западнизма характерны личные отношения между людьми, которые я отношу ко второму уровню — к сверхчеловеческим отношениям. Они обладают другими качествами сравнительно с человеческими, в значительной мере — противоположными. Они возникли как ре-

зультат приспособления западоидов к условиям своего общества. Основные из этих условий суть следующие.

Смысл жизни западоидов свелся в конечном счете к двум пунктам: 1) добиваться максимально высокого жизненного уровня или хотя бы удержаться на достигнутом; 2) добиваться максимальной личной свободы, независимости от окружающих и личной защищенности. Первое стремление делает человека прагматичным, второе толкает его на самоизоляцию.

Западоид имеет настолько мощную правовую защиту, что практически он лишь в ничтожной мере нуждается или совсем не нуждается в поддержке коллектива по работе и общественных организаций. Естественно, ослабляется или пропадает совсем внимание последних к нему в личном отношении. Если общественные организации и проявляют заботу о нем, как это делают профсоюзы, например, то он при этом фигурирует как представитель класса, а не как индивидуальная личность. Внимание других организаций к нему имеет место постольку, поскольку оно оплачивается.

К сказанному следует добавить бытовые удобства, телефон, телевидение, автомобиль, изолированное жилье, возможность обслуживать себя, отсутствие надобности в тесных контактах с соседями, напряженную работу. Важную роль сыграла необходимость защищаться от негативных проявлений человеческих отношений. При этом люди невольно ослабляли и даже заглушали совсем позитивные стороны человеческих отношений, неразрывно связанные с негативными.

С точки зрения сверхчеловеческих отношений человек не имеет ценности сам по себе. Даже в тех случаях, когда кажется, будто он ценен сам по себе (например, красив, здоров, сексуален, умен), он ценен как предмет удовлетворения потребностей. Способности человека имеют ценность для других, поскольку они могут реализоваться в жизненном успехе, и другие могут за его счет поживиться.

Проблему «Быть или иметь?» западнизм решил в пользу «Иметь». Но он не отбросил «Быть», а отождествил его с «Иметь». Его формула «Быть — значит иметь». Если у тебя много денег и высокий социальный статус, так что за твой счет могут поживиться другие, то ты мо-

жешь иметь и дружбу, и любовь, и внимание, и заботу. Правда, они суть эрзацы. Но они ничуть не хуже человеческих отношений такого рода. Не надо идеализировать человеческие отношения. Качество сверхчеловеческих отношений, как правило, выше, чем человеческих. И они надежнее человеческих. Человеческие друзья предадут не реже, а чаще сверхчеловеческих. А о любовницах и говорить нечего. То же самое можно сказать и о прочих отношениях.

Сверхчеловеческие отношения являются неглубокими. Они легче устанавливаются и безболезненно обрываются. Они расчетливы, предполагают выгодность и полезность. Они не так обременительны, как человеческие. При этом сохраняется дистанция, спасающая от бесцеремонных вторжений посторонних в твою душу и личную жизнь. Они позволяют не тратить зря время, силы, чувства, мысли и средства. Они искусственные, «деланные». Это позволяет людям скрывать подлинные мысли и чувства, быть «социабельными», то есть более терпимыми в общественной жизни. С этой точки зрения общество западоидов напоминает великосветское общество, только в «разжиженном» виде и в массовом исполнении.

Мне не раз приходилось слышать от выходцев из России, что улыбки, вежливость и услужливость в западных магазинах, ресторанах и общественных учреждениях лицемерны, неискренни. Это верно. Но что лучше — искреннее, идущее от души хамство или искусственная, лицемерная вежливость? Изобретение искусственных («лицемерных») личных отношений есть одно из важнейших достижений западнизма.

Следствием сверхчеловеческих отношений является холодность и сдержанность, равнодушие к судьбе ближнего, дефицит «душевности», одиночество, ощущение ненужности и другие явления западного образа жизни, прекрасно описанные в западной литературе и показанные в западных кинофильмах. Родители спешат избавиться от детей, а дети потом — от родителей. Бабушки и дедушки не занимаются внуками. Душевная депрессия вследствие дефицита человеческих отношений стала обычным состоянием миллионов людей. Многие компенсируют отсутствие человечности участием в преступных бандах, в массовых движениях, в примитивных коммунах, в алкоголизме и наркотиках.

ЗАПАДОИДЫ И НЕЗАПАДОИДЫ

Население западных стран состоит не только из западоидов, но и из массы людей иного типа. Число последних довольно велико и постоянно возрастает. Происходит относительное сокращение числа западоидов в западных странах. Более того, наметилась тенденция к абсолютному сокращению числа западоидов вследствие сокращения рождаемости. Например, в Германии это сокращение становится настолько ощутимым, что приток в страну иностранцев становится жизненно необходимым. Это уже превратилось в необратимый процесс, породивший проблемы, аналогичные проблемам с цветными в США. Эта ситуация является общезападной. Проблемы в отношении иностранцев во Франции не уступают по остроте Германии.

Конечно, западный образ жизни оказывает огромное влияние на незападоидов. Пока западоиды в западных странах в большинстве, пока их сила преобладает, создается иллюзия, будто воспроизводство необходимого для западнизма человеческого материала за счет незападоидов не есть проблема. Идеология и пропаганда поддерживают эту иллюзию, загоняя Запад в ловушку. Влияние социальной среды на людей велико, но не беспредельно. Незападоиды могут до известной степени имитировать западоидов, могут быть соучастниками в их деятельности, но не могут превратиться в западоидов в массовых масштабах настолько, что исчезнет полностью их несоответствие требованиям западнизма. Зато обратное влияние незападоидов на западоидов, имеющее следствием снижение уровня западоидности последних, неотвратимо. Падать вниз легче, чем карабкаться вверх.

ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

Западная идеология и пропаганда создают образ Запада как лучшего из миров, когда-либо существовавших и существующих на планете. Но лучший — это не значит хороший и безупречный. Самый высокий карлик еще не есть великан. Самый умный дурак еще не есть мудрец.

Целью моей книги является описание не Запада вообще, а лишь феномена западнизма. Поэтому я наме-

ренно избегал собирания фактов, снижающих образ Запада как лучшего из миров. Если задаться целью создать мрачную картину современного Запада, то бесчисленные книги, статьи, телевизионные передачи, фильмы, спектакли и прочие западные источники дают для этого более чем достаточно материала. Приведу в качестве примера только маленький кусочек из того, с чем мне вольно или невольно приходилось знакомиться во время жизни на Западе.

Социологический опрос граждан США в 1990 году показал, что моральное состояние американского общества было весьма далеко от той радужной картины, какую рисовала пропаганда американского образа жизни в мире. По данным Д. Паттерсона и П. Ким¹, две трети населения одобряли насилие, две трети не участвовали в жизни своей общины, более 70% не знали своих соседей, 20% детей познали секс до 13 лет, 60% по крайней мере один раз были жертвами преступлений.

В 1991 году в американских газетах можно было регулярно читать следующее. Глубокий пессимизм царствует в США. Все большее число американцев чувствует себя бедными и неуверенными в будущем. Более 50% думают, что жизненный стандарт падает, что их дети не имеют шансов на лучшее будущее. Две трети обеспокоены необеспеченностью в старости. Столько же не способны оплачивать расходы на медицинское обслуживание. Доходы среднего класса остались на уровне 1973 года, что ниже уровня 1960 года. Налоги выросли на 40% доходов (в 1960 году было 24%).

Следующий 1992 год не принес улучшения. Скорее наоборот. Мне часто попадались на глаза статьи в западной прессе, в которых говорилось о разрушении инфраструктур в США, о росте трущоб, о безнадежном состоянии системы образования и воспитания, о росте налогов, о сокращении шансов для представителей низших слоев подняться в более высокие, одним словом — о кризисе «американской модели» организации общества и об ослаблении ее престижа. В конце апреля и начале мая 1992 года США были потрясены бунтами черных в

¹ James Patterson and Peter Kim. The day America told the truth. Prentic Hall, 1991.

Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и других городах. Для их подавления пришлось пустить в ход армию. И это в стране, которая всемерно и всемирно рекламируется как самая богатая и самая демократичная за всю историю человечества.

Не менее мрачные сведения можно было узнать из средств массовой информации стран Западной Европы. В Германии в начале 1992 года было более миллиона людей без минимальных бытовых условий и даже не имеющих крыши над головой, более трех миллионов безработных, четыре миллиона нуждающихся в социальной помощи. Вся страна была охвачена волной забастовок. Бастовали даже работники общественных служб (почты, транспорта, уборки мусора), ввергнув страну в состояние, близкое к хаосу и панике. Прирост экономики упал до 1%, а затем прекратился совсем. Начался спад, рост безработицы, увеличение налогов, рост цен на предметы потребления. В 1993 году весь мир был потрясен вспышкой ненависти к иностранцам.

В 1993 году положение во всем западном мире еще более ухудшилось. Слова «стагнация» и «кризис» стали обычными в лексиконе средств массовой информации. К этому присоединились разоблачения коррупции в политическом классе. Все рекорды на этот счет побила Италия.

Многие негативные явления западного образа жизни не являются случайными и преходящими. Они суть неизбежные следствия западнизма и его постоянные спутники. Это общеизвестно и даже не оспаривается в идеологии и пропаганде с особой убежденностью. Я хочу коснуться еще двух негативных явлений западного образа жизни, которые во многих отношениях характерны и дополняют общую картину западнизма, а именно душевных болезней и преступности.

ОБЩЕСТВО ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

Прогресс западного общества порождает противоречивые следствия. С одной стороны, бытовой комфорт, питание, спорт, медицина, гигиена очевидным образом способствуют улучшению здоровья людей и усовершенствованию биологического вида. А с другой стороны,

имеет место рост числа инвалидов от рождения, алкоголизма, наркомании, склонности к насилию и извращениям, импотенции, аллергии, гомосексуализма, новых видов эпидемий. Страшной угрозой над человечеством навис СПИД. Подлинным бичом Запада стали душевные заболевания. Об этом писали многие авторы.

Согласно статьям в американских и немецких газетах и журналах, которые мне иногда попадались на глаза в 1991—1993 годы, от десяти до пятидесяти миллионов человек на Западе пользуются услугами всякого рода целителей человеческих душ. А сколько миллионов не может позволить себе такое?! Мало кто из вовлеченных в дело исцеления душевных болезней и тем более из неспособных оплатить лечение или уклоняющихся от него заинтересован в предании гласности реального положения вещей. Положение с душевными болезнями для подавляющего большинства жителей Запада подобно положению с зубными болезнями в прошлые века, когда даже у королей полностью выгнивали зубы, а придворные дамы вынуждены были с помощью ароматных веществ и вееров скрывать зловоние, исходившее из их ртов. Люди в большинстве случаев даже не отдают себе отчета в том, что они душевно больны.

Многие посещают психиатров и психоаналитиков только для того, чтобы поговорить с полной откровенностью и «очистить душу». Они нуждаются в собеседнике, который постарался бы их выслушать и сделать хотя бы вид, будто понимает их. И платят за это немалые деньги. Они платят деньги за то, чтобы поговорить с кем-то «по душам»! Значит, они в своем окружении не могут найти такого собеседника. И это следствие сверхчеловеческих личных отношений западнизма.

Большинство душевно страдающих людей попадает в лапы к шарлатанам и жуликам. Время от времени разражаются скандалы, благодаря которым подноготная этого аспекта жизни людей вылезает наружу. Так, в 1990 году в США разразился шумный скандал такого рода в связи с самоубийством студента Гарвардского университета. Однако те, кто эксплуатирует общество в этом аспекте, обладают властью заглушить серьезную критику.

Главную роль в сфере целителей человеческих душ играют психоаналитики (фрейдиисты). Весьма частные

открытия Фрейда раздули до масштабов эпохальных, чуть ли не величайших в истории. Фрейдизм превратился в своего рода эрзац-религию и эрзац-идеологию. Все книжные магазины завалены сочинениями жрецов ее. Основы ее вдалбливают детям в школах. Без нее немыслима нынешняя литература, кино, театр. Никакая научная критика не способна остановить ее триумфальное шествие по миру. Не колеблют ее авторитета и разоблачения того, что она превратилась в сферу разврата самого изощренного сорта.

Не лучше и другие целители душ. Гештальт-терапия, вроде рождение (Rebirthing), психодрама, гипноз, медитация, биологическая обратная связь — какие только методы «лечения» не выдуманы! И все они имеют своих апостолов и своих верующих. Недавно появились новые, например — «со-зависимость» и «дикий человек». В первом людям предлагается найти в себе «заброшенного и оскорбленного ребенка», во втором — возродить в себе «заглушенную дикость». Успех огромный. Трудно себе представить, до какого уровня мракобесия опускаются люди, поддающиеся влиянию этих шарлатанов. Причем люди образованные.

Неужели нормальная медицина не может тут занять подобающее ей место? А где она, эта «нормальная медицина»?! Она не более эффективна, чем все шарлатанские псевдонауки. К тому же у медицины есть один дефект: она стремится лечить, и потому к ней предъявляются претензии как к средству лечения. А к психоанализу и прочим явлениям того же рода такие претензии фактически не предъявляются. От них ждут вовлеченности в какой-то иной образ жизни, отличный от привычного западнистского, ждут иллюзий и чудес. Ждут того, что дает алкоголь и наркотики, только другими методами.

Постоянно изобретаются какие-то фармакологические средства от душевных заболеваний. Например, началась сенсация по поводу «Процак», средства от душевной депрессии. Мир целителей-шарлатанов сначала было встревожил. Над ним вроде бы нависла угроза в виде дешевого, общедоступного и эффективного конкурента. Но прошло немного времени, и восстановилось статус-кво. Генная терапия тоже капитулировала перед шарлатанами, ибо тут и нужны шарлатаны, а не ученые и

врачи. Вылечить то, что есть закономерное следствие и проявление основ образа жизни общества, в принципе невозможно. Западное общество обречено жить с такими болезнями до конца. Это плата за превращение человека в сверхчеловека, а личных отношений людей — в сверхчеловечные.

ЦАРСТВО ПРЕСТУПНИКОВ

О преступности на Западе много пишут. Огромное внимание ей уделяют средства массовой информации. А о том, какое место занимает изображение преступности в кинофильмах, телевизионных передачах и литературе, и говорить не приходится. Например, в 1992 году в немецком телевидении каждую неделю показывали 4000 убийств (по данным Джо Гребеля, исследователя проблемы насилия). Если бы вдруг запретили в кино, телевидению и литературе изображать преступления, то в этой сфере культуры и бизнеса произошла бы катастрофа.

Осуществляются и профессиональные исследования преступности. Но как? Немецкий социолог Вернер Брунс¹, предпринявший попытку эмпирического исследования вида преступности, которую он назвал социальной (в отличие от экономической), жаловался на то, что свободное от идеологии исследование этого вида преступности невозможно в силу вовлеченности в нее партий, союзов предпринимателей, профсоюзов и других влиятельных сил. Думаю, что нечто подобное можно сказать и об исследовании других видов преступности.

Сочинялись и сочиняются теории преступности. Могут упомянуть, в частности, работы таких теоретиков, как Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, С. Ламнек, К.Д. Опп, Е.Х. Сасерленд. Во всех известных мне теориях феномен преступности рассматривается как нечто универсальное, а не как элемент того или иного типа общественного устройства. Я же хочу обратить внимание именно на эту сторону западной преступности.

Западное общество есть общество правовое в том

¹ Werner Brims. Sozialkriminalität in Deutschland. Frankfurt/M.. 1993.

смысле, что в нем юридические нормы в первую очередь и главным образом ограничивают социально значимые поступки людей, а не моральные или какие-то иные. Так что в основе специфически западнистской преступности лежат такие два принципа. Первый: если западоид может совершить преступление в своих интересах, будучи уверен в том, что ему удастся избежать наказания, он совершает его. Только страх разоблачения и наказания, а также практическая невозможность или чрезмерная трудность совершить преступление удерживают западоида от него. Второй принцип: если западоид, совершивший преступление, не разоблачен и официально не осужден как преступник, он преступником себя не ощущает. Никакие моральные принципы и «общечеловеческие чувства» сами по себе не могут остановить западоида от совершения важного для него по результатам и неразоблачаемого (по его мнению) преступления. Никакие угрызания совести не мучают западоида, совершившего неразоблаченное преступление. Западоид в принципе есть потенциальный, а в огромном числе случаев — и фактический преступник.

Западное право построено так, что оно создает возможности для формально наказуемых, но фактически ненаказуемых преступлений и даже вынуждает на них. Например, гигантское количество налогоплательщиков, а также владельцев и распорядителей предприятий вынуждены изыскивать всяческие способы не соблюдать налоговый режим. И такие способы в изобилии содержатся в самом праве. Трудно сказать, каков процент случаев несоблюдения договорных обязательств. По моим наблюдениям, он очень высок. Случаи, когда явные преступники благодаря умелой и, разумеется, хорошо оплаченной защите уходят от заслуженного возмездия, суть обычное явление западного образа жизни.

В силу самих условий жизни западных людей всякого рода преступления образуют необходимый («нормальный») элемент их непреступной в целом жизнедеятельности. С этой точки зрения чуть ли не все члены общества так или иначе и хотя бы изредка совершают какие-то преступления. Если с абсолютной педантичностью следовать букве законов, то надо большинство граждан зачислять в преступники и наказывать. Но, к счастью для

общества, это не происходит. Правовая система имеет какие-то допуски. И за всеми не уследишь.

В криминологической литературе различают «классические» преступления (убийства, кражи, обман и т. д.) и «экономические» (укрывательство от налогов, махинации с субсидиями, спекуляции земельными участками, валютные махинации и т. п.). Вторые стали предметом внимания сравнительно недавно в связи с тем колоссальным ущербом, какой они наносили обществу. По мнению специалистов, ущерб этот превысил тот, какой наносят все воры и грабители, включая грабителей банков, вместе взятые. Несколько лет назад упомянутый выше В. Брунс выделил в особую категорию преступления, связанные с социальными услугами, назвав их социальными (преступления в сфере социального страхования, пособий по безработице, жилья, больниц и т. п.).

Эта классификация лишь частично отражает реальность западной преступности, причем в весьма смутной форме. За ее пределами остаются преступления в «политическом классе», в административно-бюрократическом аппарате, в деятельности партий и правительств, в выборных кампаниях, в секретных службах, в полиции, в сфере идеологии, пропаганды, культуры, медиа. Все западное общество пронизано преступностью во всех сферах, аспектах, слоях и т. д., а нормальная жизнь происходит на грани преступности. Однако исследования и описания преступности остаются поверхностными, фрагментарными и хаотичными, что характерно для состояния социальной мысли на Западе вообще.

Я ни в коей мере не претендую на создание теории преступности и картины ее в западном обществе. К тому, что я уже сказал выше о ней, сделаю еще несколько дополнений.

На Западе сложилась особая сфера преступности, аналогичная нормальному бизнесу. Она включает в себя преступные предприятия, начиная от мелких и кончая гигантскими концернами. О ней совсем недавно заговорили как об организованной преступности. Она за короткий срок достигла таких масштабов, что ее теперь включают в число самых страшных бедствий современности. С ней борются, но не очень-то успешно. Дело в том, что она есть законное дитя западнизма, она смыкается и

переплетается с обычным бизнесом, разными путями легализуется и перерастает в последний.

Колоссальных размеров достигла преступность на уровне повседневной жизни людей. Я бы назвал ее социально-бытовой. Она стремительно растет. Например, в Германии в 1971 году было зарегистрировано 2,4 миллиона преступлений такого рода, а в 1991 году — 5,3 миллиона. Во Франции в этом году было зарегистрировано 3,7 миллиона таких преступлений. Но этот рост не прекратился. Всего через год число зарегистрированных преступлений в Германии выросло на один миллион. А сколько осталось незарегистрированными?!

Специалисты отмечают рост жестокости преступников, снижение их возраста, рост процента девушек-преступниц и широкое распространение преступности в среде детей школьного возраста.

Изолированное жилье и правовая защита от вторжения в частную жизнь почти полностью исключают контроль за целой сферой жизни людей, в которой сложились условия для поступков на грани преступности и для преступлений. Последние практически остаются неосуждаемыми, неразоблачаемыми и ненаказуемыми. Лишь в исключительных случаях эта сфера преступности становится объектом внимания медиа. Так, например, произошло в Германии в начале 1993 года в отношении сексуальных злоупотреблений родителей с малолетними детьми и избиениями их. Еще раньше случаи такого рода были предметом сенсаций в США.

О непосредственных причинах роста социально-бытовой преступности пишут много, поскольку эти причины сами суть вторичные явления западнизма, — безработица, ослабление и распад семьи, кризис системы воспитания и образования, идейный вакуум и т. д. Специалисты смотрят пессимистически на возможность успешной борьбы с ростом преступности. И они имеют на то основания. Чтобы эта борьба была успешной, нужно либо перестраивать сами основы общества, либо прибегать к таким жестоким мерам, которые разрушили бы радужный миф западной демократии. Пусть уж лучше асоциальные элементы воруют, грабят, насилуют и убивают, чем социально озабоченные элементы ставят под сомнение сами основы западного общества. Более ста лет

Запад жил в страхе перед коммунизмом. Слава богу, наконец-то избавились от него. Так зачем наживать новый?! А преступность — где и когда люди жили без нее?! К тому же, как считают некоторые теоретики, стоит ослабить определения преступлений, как картина преступности будет выглядеть совсем иначе, гораздо более оптимистично.

Последнее замечание не есть всего лишь теоретический курьез. На Западе замечается тенденция внести в законодательство такие изменения, вследствие которых поступки людей, считавшиеся преступлениями, начинают рассматриваться как вполне законные. Классическим примером на этот счет может служить ситуация с гомосексуализмом. Хотя какая-то дискриминация на этот счет сохранилась, за гомосексуальные связи людей уже не наказывают как преступников. Разумеется, это преподносится как дальнейшее развитие демократии.

В том же направлении действует сама система наказаний за преступления и условия содержания заключенных, которые выглядят слишком мягкими сравнительно с совершенными преступлениями. Теоретики, разумеется, находят «доказательства» для их утверждения, будто жестокость наказаний не снижает уровня преступности. Но на то они и теоретики. Если потребуется, они с таким же рвением будут доказывать, будто награды за преступления способствуют снижению уровня преступности.

Рассматриваемая тенденция, однако, не мешает принятию суровых мер в отношении некоторых категорий людей, например — в отношении «правых» и «левых», считающихся угрозой демократии.

Возникли и прогрессируют новые формы преступности. Например, в Германии в 1983 году было зарегистрировано более 7,5 тысячи преступлений в отношении окружающей среды, а в 1992-м — почти 26 тысяч. Это только зарегистрировано. По мнению специалистов, большая часть преступлений такого рода вообще не регистрируется. В 1987 году мир был потрясен разоблачениями компьютерных преступлений. В том году в Германии их зарегистрировали более 3 тысяч. А в 1992 году зарегистрировали уже более 12 тысяч. Это лишь малая доля преступлений такого рода, так как еще нет достаточного числа квалифицированных специалистов по ним.

Рост преступности всех родов, начиная от бытовой и кончая преступностью в политическом классе, начиная от мелкого карманного воровства и кончая махинациями с компьютерами, с необходимостью порождает рост средств государства по борьбе с нею и рост трат на это. Но государство просто не поспевает в этом отношении за прогрессом преступности по числу специалистов, по их квалификации и по технической оснащенности. Оно преуспевает лишь в кинофильмах и криминальных романах. Потому растут частные средства защиты от преступности. Например, в Германии в них в 1993 году было занято 270 тысяч человек, то есть больше, чем в государственной полиции. Положение в других западных странах ничуть не лучше, чем в Германии.

Положение с преступностью является весьма характерным с точки зрения оценки западной демократии и ее перспектив. С одной стороны, демократия предполагает личную защищенность граждан от тех, кто покушается на них и их имущество. Но одновременно демократия создает благоприятные условия для преступности, которая становится угрозой именно для этого фундаментального фактора демократии. Общество не может удержать преступность в каких-то более или менее терпимых рамках (о полном ее преодолении и речи быть не может!), не ограничивая демократию. Западное общество вынуждено во имя демократии посягать на демократию, порою вообще отказываясь от нее. Классическим примером на этот счет является допуск национал-социалистов к власти в Германии с целью спасти демократию от угрозы со стороны коммунизма. Но, как говорят русские, хрен редьки не слаще.

ЯЗВЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Значительная часть язв западного общества есть следствие достоинства западного образа жизни. Можно сказать, это суть язвы благополучия. Ничего исключительного в этом нет. Люди страдают не только от голода, но и от обжорства, не только от чрезмерного труда, но и от безделья. Любое благо порождает зло, становясь массовым и преступая меру. Изолированное жилье, например, есть благо. Но как массовое явление оно спо-

собствует изоляции людей друг от друга, эгоизму, одиночеству, душевной депрессии. Улучшение условий жизни и прогресс медицины имеют следствием увеличение продолжительности жизни людей и выживание больных, которые раньше были обречены. В результате возрастает пропорция инвалидов от рождения и стариков, становящихся тяжелым балластом для общества. Неумолимо растет число людей, нуждающихся в уходе со стороны здоровых. В Германии, например, в 1993 году было зарегистрировано 2 миллиона людей, не способных обслуживать себя. Для подавляющего большинства стариков жизнь превращается в тяжелое наказание, в кошмар, в животное или даже растительное существование. Теоретики сейчас утверждают, будто жизнь людей вообще рассчитана на 500 лет. Трудно вообразить больший кошмар, чем массы стариков, переваливших за сотню лет. И уже теперь такие «открытия» сеют тревогу в души людей, думающих, будто долголетие есть абсолютное благо. И такого рода случаев, когда зло с необходимостью порождается добром, не счесть.

Западное общество лишь в ничтожной мере способно противостоять негативным следствиям своих позитивных достижений, ибо они порождаются самими основами общества. Общество вынуждено идти на уступки, постепенно признавая явления зла в качестве нормы и включая их в число благ цивилизации. Если это общество со временем погибнет, то одной из главных причин этого будут не неудачи его, а доведенные до абсурда успехи.

НОВЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ЗАПАДА

Новый период в истории Запада начался после Второй мировой войны. В этот период западнизм принял тот вид, как я описал его выше в моей книге. Определались основные тенденции дальнейшей эволюции Запада.

Первые сорок лет этого периода были годами «холодной войны» — беспрецедентной в истории человечества войны, в огромной степени определившей будущее не только самого Запада, но и всего человечества. Естественно, я не могу обойти молчанием это великое событие.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВРАГ

Западнизм исторически формировался в борьбе с феодализмом. Но его первые же общественно значимые успехи породили для него нового врага, врага не из прошлого, каким был феодализм, а из будущего, как до недавнего времени казалось многим. Имя этого врага — коммунизм.

Надо различать коммунизм как особую идеологию («идеологический коммунизм») и коммунизм как особый тип организации общества («реальный коммунизм»). А в идеологическом коммунизме надо различать коммунистические идеи в том их виде, в каком они впервые появились на свет, и тот их вид, какой они приняли в XIX и XX веках. Предтечей идеи коммунистического общества как основы будущей коммунистической идеологии был английский мыслитель и государственный деятель Томас Мор (1478—1535). В 1516 году он опубликовал свою знаменитую и, я в этом уверен, бессмертную книгу, которую потом для краткости стали называть «Утопией». В ней он изложил идеи относительно идеального общества, которые впоследствии вошли в описание «полного коммунизма» Маркса. Через сто лет после Мора (в 1623 году) итальянец Томазо Кампанелла написал книгу «Государство Солнца», в которой изложил проект общества, близкий по основным идеям проекту Мора. Те же идеи до Маркса развивали французы Мабли, Кабе, Сен-Симон и Фурье, а также англичанин Оуэн.

Маркс придал идеям коммунизма такой вид, что коммунистическая идеология стала первой в истории человечества массовой идеологией в строгом смысле слова и сыграла огромную историческую роль. Марксизм стал идеологией революционных и реформаторских партий, был «спущен» в массы посредством систематической пропаганды. Вплоть до 1917 года идея коммунистического общества была монополией западных интеллектуалов. В Россию, будущую родину реального коммунизма, она была занесена с Запада. Так что встав на путь воинствующего антикоммунизма, Запад обрушился на свое собственное детище.

Надо, далее, различать коммунистическую идеологию как идеологию масс и партий в некоммунистических странах и коммунистическую идеологию как государст-

венную идеологию общества коммунистического. Задача первой — возбудить и организовать массы на преобразование общества в духе коммунистических идей, задача второй — сделать сознание людей адекватным условиям реального коммунизма, который мало общего имел с коммунистическим идеалом. Это различие сказалось на всех характеристиках идеологии. В советскую государственную идеологию фактически вошла лишь часть утверждений дореволюционного марксизма, причем в переработанном виде.

Превращение марксизма в государственную идеологию в Советском Союзе и других коммунистических странах послужило одной из причин его упадка. Практика реального коммунизма надолго отбила охоту к нему во всем мире. Среди других причин упадка марксизма как массовой идеологии следует назвать то, что капитализм не сошел со сцены истории, как предрекал Маркс, а укрепился и на данном отрезке истории как будто бы выиграл соревнование с коммунизмом. А пролетариат, в котором марксисты видели могильщика капитализма, стал играть роль второстепенную, сократился численно, переродился и перестал быть опорой коммунистических идей.

Крах марксизма не означает конец коммунистической идеологии вообще, ибо не исчезли порождающие ее причины. Часть программы коммунистов захватили всякого рода рабочие, народные, социалистические и т. п. партии, массовые движения вроде «зеленых» и «альтернативных», профсоюзы и даже религиозные секты. Коммунистические идеи «растворились» в идейном болоте современности.

В отношении реального коммунизма тоже необходимо различать отдельные попытки создания мелких коммунистических общин и целые общества коммунистического типа. Первые возникали и в прошлом, возникают и сейчас на Западе. Классическим образцом второго может служить общественный строй в России, сложившийся после революции 1917 года и существовавший до конца восьмидесятых годов. Я подробнеем образом описал общество этого типа в моих сочинениях и отсылаю к ним заинтересованного читателя¹.

¹ Особенно к книгам «Коммунизм как реальность» и «Кризис коммунизма» (Центрполиграф, 1994).

Западная идеология и пропаганда изображает реальное коммунистическое общество как нечто выдуманное марксистами и навязанное населению России сверху силой и обманом. Эта концепция ложная. Коммунистическое общество есть социальная организация масс населения, а не просто политический режим, который можно изменить распоряжениями начальства. Он сложился в Советском Союзе не по марксистскому проекту и не по воле марксистских идеологов, а в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм. Он явился результатом исторического творчества миллионов людей. Люди, строившие его, либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский проект. Утверждая это, я ни в коем случае не подвергаю сомнению роль марксистских идей в борьбе людей за реальный коммунизм. Я этим лишь хочу подчеркнуть то, что реальный коммунизм формируется и существует по своим объективным законам, ничего общего не имеющим с марксистскими идеалами и не подвластным воле отдельных людей.

Коммунизм приходит в жизнь различными путями. В России он возник в результате краха, явившегося следствием Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. В страны Восточной Европы он был привнесен Советской Армией, разгромившей гитлеровскую Германию. Но при всех разнообразиях исторических путей возникновения коммунизма в том или ином уголке земного шара общим является то, что он возникает не на пустом месте и не является абсолютно чужеродным той стране, где он завоевывает себе место.

Корни коммунизма существовали и существуют в той или иной форме в самых различных обществах. Существовали они и в предреволюционной России. Существуют они и в странах Запада. Без них вообще невозможно никакое достаточно большое и развитое общество. Это суть социальные феномены, которые я называю феноменами коммунальности. Лишь в определенных условиях они могут стать доминирующими в обществе и поро-

дять специфически коммунистический тип общества, реальный коммунизм.

Западная идеология и пропаганда изображали и продолжают изображать коммунистическое общество как средоточие всех мыслимых зол («империя зла», как выразился о советской России американский президент Рейган). Бесспорно, это общество обладало недостатками, и они подвергались жесточайшей критике с первых дней его существования. Но оно обладало и достоинствами, которые долгое время служили заразительным примером для многих сотен миллионов людей на планете. На Западе гораздо больший страх вызывали именно эти достоинства, а не ужасы коммунизма. Западу еще только предстоит сражаться за многое такое, что в советской России было реальностью, несмотря на чудовищно неблагоприятные исторические условия.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Коммунизм с первых же шагов на исторической арене выступил как явление антикапиталистическое. Естественно, он не мог вызвать симпатий у носителей западнизма. А после Октябрьской революции 1917 года в России ненависть к нему и страх перед ним стали непременным элементом западной жизни. Советский Союз стал заразительным примером для многих народов мира. В самих западных странах стало угрожающе расти коммунистическое движение. Реакцией на это явилось возникновение национал-социализма в Германии и фашизма в Италии и Испании, которые на время остановили угрозу внутреннего коммунизма на Западе.

Первая военная атака Запада на коммунизм в России имела место уже в 1918—1920 годы. Она провалилась. Лидерам западных стран удалось в ходе Второй мировой войны направить агрессию Германии против Советского Союза. Но попытка разгромить его военным путем и руками Германии не удалась. В результате победы над Германией Советский Союз навязал свой строй странам Восточной Европы и колоссально усилил свое влияние в мире. Усилились коммунистические партии в Западной Европе. Советский Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим во-

енным потенциалом. Угроза мирового коммунизма стала вполне реальной.

Но было бы ошибочно сводить взаимоотношения Запада и коммунистического мира исключительно к противостоянию социальных систем. Россия задолго до революции 1917 года стала сферой колонизации для западных стран. Революция означала, что Запад эту сферу терял. Да и для Гитлера борьба против коммунизма («большевизма») была не столько самоцелью, сколько предлогом для захвата «жизненного пространства» и превращения живущих на нем людей в рабов нового образца. Победа Советского Союза над Германией и расширение сферы его влияния в мире колоссальным образом сократили возможности Запада в отношении колонизации планеты. А в перспективе над Западом нависла угроза вообще быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели.

В этой ситуации идея особого рода войны против наступающего коммунизма — идея «холодной войны» — возникла как нечто само собой разумеющееся.

Хотя считается, что «холодная война» закончилась, еще продолжается борьба Запада против мирового коммунизма, и далеко не все, что с ней связано, стало достоянием истории. Может быть, со временем будет опубликован правдивый и обстоятельный труд о ней. Но пока она еще остается в сфере интересов политики, идеологии и пропаганды. Ниже я изложу то представление о ней, какое у меня сложилось как у человека, прожившего основную часть жизни в этот период, бывшего очевидцем многих ее эпизодов и знакомившегося с письменными источниками из чисто интеллектуального любопытства, а не в качестве заинтересованного активного участника сражений¹.

¹ Во время работы над этим разделом я просмотрел многочисленные статьи и книги на тему о «холодной войне». Назову некоторые из них: H. Lasswell. *Propaganda in War and Crisis*. N.Y., 1951. L. Frazer. *Propaganda*. London, 1957. Thomas Sorensen. *Propaganda and the Cold War*. Washington, 1963. P. W. Blackstoen. *Strategy of Subversion*. Chicago, 1964. Z. K. Brzezinski. *Alternative zur Teilung*. Köln, 1966. Adam Ulam. *Expansion and Coexistence*. N.Y., 1968. Milos Marko. *Psychologische Kriegsführung*. Prag, 1972. В. Большаков. *На пути в XXI век*. М., 1986. Bob Woodward. *Veil*. 1987.

Инициатива «холодной войны» принадлежала Западу, в первую очередь — США. Это не скрывалось. Наоборот, это оправдывалось как некая благородная борьба против «советского тоталитаризма»¹. Обычно называют такие события, положившие начало «холодной войны». В 1946 году Черчилль высказал идею «железного занавеса» от советского влияния в Европе. В 1947 году появилась доктрина Трумэна, в которой впервые был употреблен термин «холодная война». Доктрина призвала ограничить советское (коммунистическое) проникновение в Европу. В том же году Джордж Ф. Кеннан сформулировал доктрину создания плотины от советского проникновения в Европу. Был принят план Маршалла, имевший целью помочь странам Западной Европы встать на ноги и противостоять советскому влиянию. В 1949 году основано НАТО. В 1950 году в Вашингтоне была разработана основополагающая стратегическая установка в отношениях с Советским Союзом — директива Совета Национальной Безопасности № 68². Эта директива определила политику США на весь период «холодной войны» и сам характер войны. После этого началась оргия доктрин, планов, установок, рекомендаций и мероприятий, продолжавшаяся все годы «холодной войны» и не закончившаяся до сих пор³.

Обычно выражение «холодная война» употребляется как обозначение конфликта между коммунистическим и западным мирами, особенно между США и Советским Союзом, начавшегося сразу после окончания Второй мировой войны. Его называли «холодным», поскольку не были вовлечены вооруженные силы во всю мощь и непосредственно в отношения между противниками. По единодушному признанию политических и идеологических лидеров Запада, «горячая» война с использованием современного оружия была бы безумием. Она привела бы к гибели обоих противников и сделала бы планету вооб-

¹ Д. Ерджин. Потрясенный мир. 1977.

² Была предана гласности в 1975 году.

³ В 1980 году возник «Мандат на руководство» — рекомендации Американского исследовательского центра Heritage Foundation для администрации президента Буша. Я познакомился с этим документом по публикации в «Литературной России», 7.06.91.

ще непригодной для жизни. К тому же сложилось убеждение, что коммунистические режимы свергнуть военным путем невозможно¹. Так что «горячая» война ограничилась «малыми» войнами и участием в войнах между другими странами.

Фактически «холодная война» вышла далеко за рамки просто послевоенного конфликта между США и СССР. Она явилась продолжением антисоветской политики лидеров Запада в период между мировыми войнами и войны Германии с ее союзниками против СССР в 1941—1945 годы. По своему размаху она охватила всю планету и все сферы жизни человечества — экономику, политику, дипломатию, идеологию, пропаганду, культуру, спорт, туризм. Использовались все средства воздействия на людей — радио, телевидение, секретные службы, конгрессы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, паблисити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости — национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т. д. Одним словом, это была, пожалуй, первая в истории человечества глобальная и всеобъемлющая война нового типа.

«Холодная война» не ограничилась сдерживанием советского проникновения в Европу. Она превратилась в борьбу против расползания коммунизма по всей планете. Целью ее стало вообще полное разрушение Советского Союза и всего блока коммунистических стран. Разумеется, это облекалось в идеологическую фразеологию освобождения народов от ига коммунизма, помощи в овладении западными (в первую очередь — американскими) ценностями, борьбы за мир и дружбу между народами, за демократические свободы и права человека.

В ходе «холодной войны» имели место случайности, импровизация, колебания, коррективы, стихийность. Но основы ее стратегии и тактики были разработаны заранее. Война велась планомерно, с поразительной педантичностью, начиная от крупных политических акций и

¹ Об этом публично высказывались американские политики, в частности — президент Линдон Джонсон и З. Бжезинский.

кончая мельчайшими деталями действий отдельных людей в отдельных операциях. Это не было тайной за семью печатями. Все это нашло выражение в речах политических деятелей, в сочинениях бесчисленных теоретиков, в первую очередь — армии советологов и кремленологов, образовавшей интеллектуальный штаб войны.

Решающая роль в войне принадлежала США. Но на их стороне участвовал весь Запад. Это была война Запада, возглавляемого США. Запад, имея превосходство над противником во всех отношениях, навязал ему свой тип войны. Война велась в чисто западном духе, то есть так, как на Западе делались и делаются дела большого масштаба, — как строятся корабли, аэропорты, самолеты, как выполняются космические программы.

Со стороны Запада война была бизнесом со всеми его качествами. Она была не просто тратами в смысле потерь, как это имело место в «горячих» войнах прошлого, а инвестицией сил и средств по законам западнизма. Необычайный подъем западной экономики и вообще всей жизненной активности на Западе в 1946—1986 годы был не случайным совпадением с «холодной войной». Он в огромной (если не решающей) степени был обязан именно этой войне. Конец войны ознаменовался экономическим спадом на Западе и общей тенденцией к снижению всей жизненной активности.

«Холодная война» была войной особого типа, первой в истории человечества специфически западнистской войной. Хотя противники обладали вооружением, каким ранее не обладала ни одна армия, они не пустили его в ход непосредственно друг против друга. Общепринятое объяснение этого факта — применение современного оружия — привело бы к гибели обоих противников и к мировой катастрофе. Но когда в смертельной схватке опасения последствий останавливали противников?! Американцы все-таки сбросили две атомные бомбы на Японию! Конечно, страх имел место, и он всячески раздувался искусственно. И это само по себе было оружием «холодной войны». Гонка вооружений и политика на грани «горячей» войны были со стороны Запада войной на истощение противника. Советский Союз и его союзники вынуждались на непосильные траты.

Тот факт, что противники не уничтожали живую силу

друг друга, тоже стал оружием Запада. Сохраняющееся и даже увеличивающееся население становилось дополнительной обузой. Людей надо было кормить, одевать, снабжать жильем, обеспечивать работой. Население Советского Союза за годы «холодной войны» выросло более чем на сто миллионов. Такую нагрузку не выдержала бы ни одна западная страна. В результате воссоединения Германии к населению Западной Германии добавилось всего семнадцать миллионов человек, имевших довольно высокий уровень жизни. И одна из богатейших стран мира оказалась в почти катастрофическом состоянии. А в Советском Союзе добавилось более ста миллионов, причем безо всего, можно сказать — голых! Да еще с повышенными претензиями, подогретыми западной пропагандой.

Главным оружием в «холодной войне» были средства идеологии, пропаганды и психологии. Запад бросил колоссальные людские силы и материальные средства на идеологическую и психологическую обработку населения Советского Союза и его сателлитов, причем не с добрыми намерениями, а с целью деморализовать людей, оболванить, пробудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления. Расчет был на самый низкий интеллектуальный уровень и на самые низменные качества людей.

Ставилась задача атомизировать общество идейно, морально и политически. Расшатывать социальные и политические структуры. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать идейно-психологический иммунитет населения противника. В качестве средства использовалась мощная пропаганда, отвлекавшая внимание людей от социальных проблем на секс, интимную сферу кинозвезд и гангстеров, на преступность, извращенные формы удовольствия. Провоцировались и раздувались национальные и религиозные чувства, создавались и навязывались ложные мифы и кумиры.

В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов, туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого, особенно геббельсовской пропагандистской машины, а также достижений психологии и медици-

ны, особенно — психоанализа. Перефразируя слова одного западного социолога (не помню его имя), можно сказать, что в «холодной войне» победил не капитализм, а лучшие средства оболванивания людей, действовавшие от его имени.

Опыт «холодной войны» разрушил целый ряд предрассудков, столетиями владевших умами людей. Считалось, например, что народ надолго обмануть невозможно. «Холодная война» дала блестящий пример тому, что с современными средствами идеологической обработки людей и манипулирования массами народ легче обмануть, чем отдельного человека, причем обмануть надолго, на любое время, пока есть смысл и средства для этого.

Педантично используя идеологически-психологическое и экономическое оружие в течение сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом США) полностью деморализовал советское общество, и прежде всего его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию. В результате вторая сверхдержава мира капитулировала в течение поразительно короткого времени. Думаю, что на Западе не ожидали такого исхода «холодной войны».

Принято считать, будто поражение Советского Союза и его сателлитов в «холодной войне» доказало несостоятельность коммунистического социального строя и преимущество строя капиталистического. Я считаю это мнение ложным. Поражение коммунистических стран обусловлено сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и недостатки коммунистического строя. Но это еще не есть доказательство нежизнеспособности и несостоятельности коммунистического типа общественного устройства. Победа капиталистического Запада точно так же обусловлена сложным комплексом причин, среди которых сыграли свою роль и достоинства капитализма. Но это еще не есть доказательство преимуществ капитализма.

Запад использовал слабости Советского Союза, в том числе дефекты коммунизма. Он использовал также свои преимущества, в том числе достоинства капитализма. Но победа Запада над Советским Союзом не была победой капитализма над коммунизмом. «Холодная вой-

на» была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. Можно привести примеры противоположного характера, которые истолковываются как «доказательство» преимуществ коммунизма перед капитализмом. Это, например, молниеносная индустриализация Советского Союза, реорганизация промышленности в ходе войны с Германией и победа над ней, а также ситуация в коммунистическом Китае сравнительно с капиталистической Индией. Но и эти примеры ничего не доказывают сами по себе.

Реальное коммунистическое общество существовало слишком короткое время, причем в крайне неблагоприятных условиях, чтобы делать категорические выводы о его несостоятельности. «Холодная война» даже отдаленно не отвечает условиям лабораторного эксперимента. Чтобы сделать вывод о том, что тут капитализм победил коммунизм, нужно было, чтобы противники были одинаковы во всем, кроме социального строя. Ничего подобного в реальности не было. Запад просто превосходил Советский Союз по основным факторам, игравшим решающую роль в «холодной войне».

Последующее развитие событий показало, что понимание сущности исторического процесса в период «холодной войны» как борьбы двух социальных систем — капитализма и коммунизма — было поверхностным и в конечном счете ошибочным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания. Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознается людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада, поскольку сопротивляющийся Западу и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Потому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба

против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы. Поражение коммунистических стран в «холодной войне» лишило Запад этого прикрытия его истинных намерений.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО

В начале XX века возникли умонастроения, будто западная цивилизация идет к упадку. Инициатором их в теории считается О. Шпенглер¹. Потом об этом писали многие, в их числе — Р. Арон². Причины упадка усматривались во внутренней эволюции самого западного общества. В годы после Второй мировой войны к этим опасениям присоединились опасения гибели Запада вследствие триумфального распространения коммунизма по планете, то есть вследствие причин внешних. Благодаря победе Запада в «холодной войне» внешние опасения отпали, а то, что ранее воспринималось как признаки упадка западного общества, стало превозноситься как признаки его прогресса.

Эволюция Запада и всего человечества в годы после Второй мировой войны приняла такой характер, что независимо от упомянутых опасений проблема будущего приобрела первостепенное значение не только в западной идеологии, но и в самой реальной жизни западного общества.

ПОНЯТИЕ БУДУЩЕГО

Ни в одном сочинении на тему о будущем я не нашел уточнения самого понятия «будущее». Будущее считается чем-то само собой разумеющимся и очевидным. А между тем это совсем не так.

Прежде всего надо различать физический и социологический смысл понятия «будущее». В физическом смысле оно обозначает время, которое следует за данным временем, считающимся настоящим. В социологическом смысле оно обозначает то состояние людей и их объ-

¹ O. Spengler. Закат Европы. 1918—1922.

² R. Aron. Memoires. 1983.

единений, которое придет на смену состоянию их в настоящем. В обоих смыслах понятие «будущее» является соотносительным с понятием «настоящее». А что такое настоящее? Можно ли считать сегодняшний день настоящим, а завтрашний — будущим? В физическом смысле это, очевидно, так. А в социологическом? Смотря для кого и смотря с какой точки зрения.

Социальный индивид (то есть отдельный человек, группа людей, общество, страна, объединение стран, человечество) — не физик и не философ, размышляющий над абстрактными понятиями времени и способами его измерения, а практически действующее существо. Для него настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности, не есть лишь граница между прошлым и будущим. Для него настоящее есть протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время вообще не уходит в прошлое, как будто оно есть нечто застывшее. Эту свою жизнь он считает настоящим по отношению к тем событиям в физическом прошлом, о котором он помнит или узнает от других, но которые он не принимает во внимание в своих расчетах в настоящем, а также по отношению к тем событиям, которые он считает возможными в физическом будущем, но с которыми он может не считаться сейчас. Хотя множество таких событий исчезнувшего прошлого и еще не наступившего будущего довольно неопределенно, все же складывается некоторое суммарное и интуитивное представление о том, что относится к прошлому, настоящему и будущему.

По мере прохождения физического времени настоящее того или иного социального существа (то, что оно переживает как настоящее) сдвигается в физическое будущее. Интервал физического будущего, включаемого в настоящее, может увеличиваться. Это означает, что люди все дальше и дальше заглядывают в физическое будущее, все больше в своей жизнедеятельности ориентируются на предполагаемые в физическом будущем события. Они как бы устремляются в будущее. Для них ход исторического процесса как бы ускоряется. Но возможен и другой вариант. Граница физического прошлого, включаемого в социальное настоящее, по мере переме-

щения социального настоящего в физическом времени в будущее остается той же или сдвигается настолько медленно, что расширение настоящего в социологическом смысле происходит в основном или вообще за счет физического прошлого. При этом ход исторического времени как бы замедляется. Возможно даже такое, что в настоящее начинают включаться факторы еще более отдаленного прошлого, и тогда социальное настоящее как бы устремляется в физическое прошлое. Возможно также такое, что у людей вообще исчезает (или не появляется) отношение к своему бытию как к бытию во времени. Их жизнь при этом есть бытие в бесконечно длящемся настоящем. В этом случае возникает ситуация, которую можно считать остановкой исторического времени для данной человеческой общности. Физическое время при этом проходит, но люди не переживают свою жизнь как ориентированную во времени в будущее. Подавляющее большинство народов, живших и живущих на планете, является именно таким. Устремленность в будущее есть довольно редкое явление. Примером такого рода может служить Советский Союз перед Второй мировой войной и Запад во второй половине XX века.

ЗАПАДНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ВО ВРЕМЕНИ

Итак, устремленность некоторого человеческого объединения в будущее означает, что его члены начинают принимать в расчет в своей практической деятельности то, что они считают возможным или даже неизбежным в физическом будущем, но с чем они до этого не считались. Это не означает, что все члены объединения таковы и что это происходит само собой и без борьбы. Такую устремленность привносят в общество сначала немногие энтузиасты, и общество принимает их идеи обычно в результате острой борьбы, причем не всегда успешной для энтузиастов.

Запад не всегда был устремлен в будущее. Как и прочие народы, он жил настоящим. Христианская религия вообще снимала проблему будущего как фактора социального, отнеся ее в сферу загробной жизни, а расчет на будущее — в сферу религиозной морали.

Начало тенденции Запада к новой временной ориентации связано с идеями коммунизма. Величайший перелом в истории Запада с этой точки зрения заключался в том, что рай с небес был спущен на землю. А впоследствии ад из преисподни был поднят на поверхность. Это произошло уже в XX веке. Будущее как фактор социальный из сферы потустороннего было перенесено в обычную человеческую жизнь. «Утопия» Томаса Мора и «Государство Солнца» Кампанеллы были исторически первыми мыслями о будущем человечества, сыгравшими огромную роль в судьбах Запада.

Следующий шаг в этом направлении сделал Карл Маркс. Он превратил проблему будущего из проблемы думания о будущем в проблему делания будущего в соответствии с заранее построенным проектом. Мыслители, говорил он, до сих пор стремились объяснять мир, задача же состоит теперь в том, чтобы изменить его. Маркс стал родоначальником идеологии будущего. Более чем на столетие эта идеология овладела умами и чувствами огромных масс людей, оказав беспрецедентное влияние на эволюцию Запада и всего человечества. Именно марксизму и коммунистическому движению обязан Запад зарождением своей ориентации в будущее.

Революция 1917 года в России и развитие коммунистического общества в большей степени стимулировало рассматриваемую ориентацию Запада. Коммунизм становился реальной угрозой его существованию, и с этой угрозой приходилось считаться как с явлением из будущего. После Второй мировой войны угроза усилилась и породила «холодную войну», которая по силе устремленности в будущее сопоставима с такой устремленностью в Советском Союзе в сталинские годы. Этот процесс наложился на экономический и научно-технический прогресс на Западе в послевоенные годы. Проблемы будущего заняли в общественном сознании такое место, какого они не занимали до сих пор. Запад начал скакать в сфере идеологии из одной эпохи в другую, не успев как следует переварить прошлую и не осознавая во всем объеме новую. Западное общество в своем переживании времени устремилось в будущее, будучи не в состоянии удержать в сознании свое мелькающее настоя-

щее. Идея некоего ускорения исторического времени овладела умами людей и понималась не метафорически, а буквально. Характерным проявлением этой устремленности явилось возникновение такого феномена, как футурология.

ФУТУРОЛОГИЯ

В марксизме была часть, которую сами марксисты называли «научным коммунизмом». В ней давалось описание будущего общества всеобщего благополучия, равенства, справедливости и прочих благ — общества «полного коммунизма». В этой части марксизма формулировалась также стратегия построения такого общества. Когда на Западе критиковали марксизм, особенно ядовито высмеивали именно «научный коммунизм». Но на самом Западе после Второй мировой войны возникло нечто подобное ему — особая сфера сочинительства, получившая название футурологии. Термин «футурология» ввел в употребление немецкий политолог О. Флехтхейм. Возникли даже специальные учреждения, занимавшиеся не только прогнозированием будущего, но и разработкой проектов будущего и стратегии их осуществления¹.

Проповедники «научного коммунизма» были уверены в том, что они опирались на строгую науку. Время показало, что ничего научного в нем не было. Выражение «научный коммунизм» приобрело иронический смысл. Именно поэтому я хочу назвать западные прогнозы и проекты будущего словами «научный западнизм», ибо они, претендуя на научность, на самом деле точно так же принадлежат к сфере идеологии, разумеется — идеологии западнизма.

Характерной чертой сочинений «научного западнизма» является игнорирование или искажение свойств конкретных человеческих объединений и их объективных законов. В них речь идет об обществе вообще, о человечестве вообще, о будущем вообще. Их авторы выделяют какие-то отдельные аспекты общественной жизни или какие-то сенсационные, научные открытия и техниче-

¹ Например, Hudson-Institut и RAND-Corporation в США.

кие изобретения, придают субъективную интерпретацию и изображают будущее общество в таком виде, будто в нем ничего другого нет или будто вся жизнь крутится вокруг этого.

Эти прогнозы строятся так, что в них всегда находится что-то такое, что вроде бы сбывается. Это достигается за счет того, что «предсказывается» обычно то, что в какой-то мере уже существует и очевидно без прогнозов футурологов. Но это касается лишь второстепенных явлений. Предсказания же большого социального значения оказываются либо заведомо ложными, либо бессмысленными. Функция таких прогнозов состоит на самом деле не в предсказании будущего состояния общества, а в том, что они суть идеологическая форма выражения надежд, желаний, идеалов, намерений и страхов людей. Потому наиболее живучими становятся бессмысленные и ложные с научной точки зрения прогнозы. Реальные творцы истории никогда не руководствуются такими прогнозами в своей практической деятельности. Они лишь используют их иногда как фразеологический материал и как средство оправдания того, что они вытворяют без всяких прогнозов.

Предсказания «научного западнизма» охватывают все сферы человеческого бытия, начиная от кухонной утвари и приемов секса и кончая мировым обществом и общениями с инопланетянами. Причем они делаются во всеоружии мощнейших средств сбора, обработки и распространения информации, какие даже не снились примитивным жрецам «научного коммунизма». По сравнению с таким размахом высокопрофессионального идеологического оболванивания человечества усилия «научного коммунизма» кажутся наивными плутнями дилетантов¹.

Рассмотрю несколько характерных примеров предсказаний «научного западнизма». Примеры такого рода попадались мне в бесчисленных газетах, журналах, кни-

¹ Примеры предсказаний такого рода можно найти в бесчисленных статьях и книгах. Я здесь использовал, в частности, такие из них: John Naisbitt и Patricia Aburdene «Megatrends» (N.Y., 1982) и «Megatrends 2000» (N.Y., 1990); Alexander King и Bertrand Schneider «Die globale Revolution» (Spiegel Spezial, № 2. 1991); «P.M. — Perspektive. Der Blick in die Zukunft» (1993).

гах, телевизионных передачах, речах специалистов и словоизлияниях дилетантов.

Огромные изменения произойдут в кухонной сфере, предсказывают одни футурологи. Она будет снабжена технологией, которая позволит экономить воду и энергию, будет легче в обращении, бесшумнее. Разумеется, в кухонную утварь будет внедрена лазерная техника и компьютеры. Так что для подогрева готового стандартного завтрака (это тоже предсказывают) из продуктов, произведенных с помощью генной инженерии и молекулярной биологии (это тоже предсказывают), но лишенных вкуса (и это предсказывают), будет использована интеллектуальная мощь, превосходящая мощь всех академий наук нынешних западных стран. Правда, остается неясным, как может быть проще в обращении снабженная лазерами и компьютерами аппаратура, чем привычные кастрюли и сковородки. И насколько лучше эта аппаратура будет экономить воду и энергию, чем банальное повышение платы за воду и энергию. А в расчетах с точностью до пфеннига с рядовым немцем не может конкурировать никакая компьютерная техника.

Будут изобретены новые средства защиты растений, вещают другие прорицатели, забыв о том, что все прошлые средства, окончательно и бесповоротно отравившие природу, были изобретены с такими же оправданиями. Будут изобретены новые материалы, превосходящие современные во всех отношениях. Автомобили и самолеты станут еще комфортабельнее и дружелюбнее по отношению к окружающей среде. Одним словом, недостатки сократятся или исчезнут совсем, а достоинства возрастут и появятся новые.

Футурологи предсказывают некий триумф индивида. Произойдет это за счет мирового общедоступного телевидения, распространения факсов, роста доли малых предприятий в экспорте и т. п. Западные страны перенасыщены общедоступным телевидением. Факсы стали обычными для тех, кому это нужно в их делах, и даже для многих, кому они не нужны. Малые предприятия разоряются в большом числе, уступая место другим. А между тем происходит неуклонное снижение относительной ценности индивида, за исключением, конечно, тех индивидов, которые имеют большие доходы и богатства, за-

нимают высокие посты, имеют известность и власть. Но такие индивиды никогда не зачисляются в категорию тех, для кого выдумываются радужные прогнозы.

Футурологи предсказывают некий ренессанс искусства. Почему ренессанс?! Разве искусство находится в состоянии упадка?! И что считать ренессансом?! Увеличение числа музеев? Повышение цен на картины старых мастеров? Увеличение числа танцоров? Никаких точных критериев на этот счет вы не найдете. И как быть с такими фактами, которые не укладываются в эйфорические представления футурологов, а именно — то, что мир захламляется не имеющими эстетической ценности произведениями якобы искусства, что сверх меры раздуваются бездарные авторы, приносящие финансовый успех или служащие политическим целям, что интеллектуально и эстетически убогие голливудские фильмы, развращающие и оглупляющие человечество, заполонили планету, что рядовые деятели искусства не могут заработать на пропитание творческим трудом, что происходит деградация видов искусства, достигших в свое время необычайных высот?!

Футурологи предсказывают образование единой мировой экономики, хотя это можно констатировать как факт. Они лишь «забывают» упомянуть о том, что не некая абстрактная экономика превращается в мировую, а вполне конкретная западная экономика завоевывает мировое господство.

Футурологи предсказывают бум этой самой глобальной экономики в ближайшее время, хотя фактическое состояние экономики не дает никаких оснований для оптимизма. О тенденции к спаду и кризису экономики кричат все средства массовой информации. Растет дороговизна жизни, инфляция, безработица. Растут налоги. Разоряются бесчисленные предприятия. Крупнейшие концерны несут колоссальные убытки и сокращают производство. А идеологи сулят подъем и даже бум. Точь-в-точь как советские идеологи сулили скорое изобилие, когда экономические трудности росли и росли.

Специалисты по «научному коммунизму» делали упор на рост сознательности граждан и трудовой героизм. Специалисты же «научного западнизма» делают упор на технологию. Вот что, например, предрекает один из них.

Производство и распределение жизненных благ будет осуществляться устройствами, управляемыми компьютерами. Рабочие места не будут оплачиваться. Вместо этого гражданам будет гарантировано основное содержание (оклад). При этом каждый сможет заработать сверх гарантированного минимума по своим потребностям. Все такие предсказания суть лишь перефразировка марксистских обещаний общества, в котором люди будут иметь жизненные блага по потребностям, причем безденежно.

Один швейцарский миллиардер пополнил¹ сокровищницу «научного западнизма», предсказав, что к середине XXI века на планете не будет голода, все будут иметь медицинское обслуживание, будет восстановлена природа, вдвое снизится расходование природных ресурсов и энергии. Если бы в восторженных отзывах на его книгу не было сообщено, что автор — один из богатейших людей Европы, я бы подумал, что ее еще в сталинские годы сочинил сотрудник ЦК КПСС, с отличием окончивший Высшую партийную школу.

Футурологи предсказывают объединение всего человечества в единое «глобальное общество», причем в общество гармоничное, братское, процветающее. К идее «глобального общества» я специально вернусь ниже.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Характерным для «научного западнизма» является предсказание превращения общества в информационное². Опять-таки говорится об обществе вообще, а не об обществе специфически западнистского типа. Но оставим эту «мелочь» без внимания, поскольку так или иначе предполагается западное общество.

Согласно предсказанию, в информационном обществе большинство людей будет занято в информационной сфере, в которую включается: 1) сбор, хранение, пере-

¹ Например, Stephan Schmidheiny. Kurswechsel. München, 1992.

² Концепцию постиндустриального или информационного общества развивали Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрайт и другие. Излагаемое здесь описание я находил во многих сочинениях, в том числе — в упомянутом в примечании на стр. 265.

работка и распределение информации; 2) изобретение, производство и эксплуатация информационной техники; 3) подготовка специалистов и обучение граждан обращению с информационной техникой.

Это предсказание основывалось на наблюдении информационной сферы в период ее возникновения в современном виде и ее бурного роста. Результаты наблюдения экстраполировались на будущее. При этом предполагалось, что и в будущем будет иметь место то же самое. Но это было элементарной логической ошибкой, причем не из-за логической безграмотности, а в силу идеологической установки. К началу девяностых годов информационный бум пошел на спад. Естественно, ослаб и энтузиазм предсказателей информационного общества. Впрочем, они успели снять сливки с модной темы, так что могли без драмы переключиться на предсказание другой новой эпохи.

Тип общества определяется не одной какой-то его сферой, как бы важна она ни была, и не одним каким-то открытием или изобретением, как бы ни влияло на образ жизни людей, а сложной совокупностью факторов, которые я в общих чертах описал выше в отношении общества западнистского типа. В прошлой истории имели место не менее значительные научно-технические открытия и изобретения, чем современная информационная техника. Это паровые двигатели, двигатели внутреннего сгорания, электричество, радио, автомашины, авиация, ракеты, телевидение, атомная энергия и многое другое. Но никаких особых эпох из этого не получилось, хотя каждый раз о них кричали. Открытия и изобретения внедрялись в жизнь, словесный бум проходил, а Запад продолжал жить по тем же глубинным социальным законам, что и ранее, и в том же социальном качестве, а именно — как общество западнизма. Он эволюционировал в этом качестве, но в результате действия многочисленных факторов и по законам эволюции социального организма и организации.

Футурологи считают, что научно-технические открытия второй половины XX века принципиально отличаются от прошлых тем, что касаются интеллектуального аспекта жизни людей и общества в целом. Но и прошлые открытия так или иначе касались интеллекта людей, а но-

вые затронули лишь одну сторону интеллектуальной деятельности, причем самую примитивную, но требующую огромных физических усилий. Это привело лишь к некоторому переструктурированию деловой жизни, не изменив социальную сущность западного общества.

Футурологи предсказывают, что каждый человек в будущем информационном обществе будет иметь прибор с мозгом и памятью, в тысячи раз превосходящими таковые человека. Люди будут постоянно иметь с собою в одежде или в виде браслетов, колец и медальонов разнообразные информационно-интеллектуальные и коммуникационные устройства, благодаря которым они тут же могут иметь любую мировую информацию и общаться с любыми другими людьми, с кем захотят.

Не буду анализировать заведомые нелепости таких прогнозов вроде возможности общения с любыми людьми, с кем захочешь, и получения любой желаемой информации. Захотят ли другие люди общаться с тобой? Позволят ли тебе это? И любую ли информацию тебе сообщат? Нужно быть круглым идиотом, чтобы рассчитывать на это. И каким бы ты оборудованием ни располагал, возможности человека к общению и «перевариванию» информации весьма ограничены. А потребности тем более. Так что обещать людям такое изобильное в отношении информации будущее — все равно как обещать каждому возможность питаться сразу во всех ресторанах планеты, причем бесплатно.

В мире уже сейчас 6 миллиардов человек. Обещают 8 или 10 в конце века, а к середине XXI века — 15 и более. Но остановимся на шести. Пусть лишь половина взрослые и более или менее нормальные. Три миллиарда существ с мозгами и памятью, во много тысяч раз превосходящими человеческие! Но у подавляющего большинства людей интеллект настолько примитивен, что превзойти его — не такой уж грандиозный шаг в эволюции человечества. А если человек — дурак, то он и останется дураком, какой бы мощный искусственный интеллект ни был в его распоряжении. Он благодаря этому лишь усилится в своей глупости. Если искусственный интеллект в 10 000 раз превосходит его собственный, то в мире будет 10 001 дурак вместо одного.

Да и зачем всех снабжать такими приборами, если

для подавляющего большинства людей в этом нет никакой надобности?! Люди, как правило, не в состоянии использовать силу своего природного мозга. Он избыточен для них. Искусственный интеллект, навязываемый им, как вообще навязываются все современные предметы потребления, может сыграть лишь одну роль, а именно — роль оглубления человека, торможения его природного интеллекта. В мире десятки и даже сотни миллионов людей с низким уровнем интеллекта управляют автомашинами, явившимися продуктом творчества гениев. Нечто подобное произойдет и с аппаратурой, обещаемой футурологами в рассматриваемом случае. Три или более миллиарда дебилов, вооруженных баснословной интеллектуальной техникой, — трудно вообразить себе нечто более кошмарное.

Изучите информацию, какой теперь обмениваются люди, и вы увидите, что по крайней мере половина ее вообще не имеет никакой информационной ценности, 49% ее не нуждается в скорости передачи, и лишь 1% имеет какой-то работающий смысл. Потребности в общении у людей не так уж велики. Вследствие чрезмерной информативности интерес людей к общению и без того резко упал. А если бред футурологов на самом деле реализуется, для людей не будет более ненавистных существ, чем другие люди, и более ненавистного дела, чем общение с ними.

Футурологи предсказывают, что благодаря информационной технике резко улучшатся жизненные условия людей, так как они будут разумно управляться. Производительность труда возрастет настолько, что все потребности людей можно будет удовлетворить с незначительной рабочей силой. Сам доступ к информации и использование ее приобретут статус богатства наряду с владением землей и средствами производства. Тут что ни фраза, то несусветная чушь. Зачем, спрашивается, сто лет с лишним издевались над марксистским «полным коммунизмом», если сами не способны придумать ничего другого, как то же самое удовлетворение всех потребностей, да еще с незначительными затратами труда?!

Среди авторов, обещавших райское информационное общество, были такие, которые понимали, что при-

менение информационной техники не ведет к повышению производительности труда, что оно лишь обеспечивает лучшую реакцию на требования рынка (точнее и быстрее). Информационная экономика — не добавление к индустриальной, а новая «ткань», пронизывающая всю экономику. Социально-экономический тип общества не меняется. Более того, он усиливается в своем прежнем капиталистическом качестве. Так что ни о каком качественном изменении принципов распределения благ и удовлетворения потребностей не будет ни при каких обстоятельствах, пока существует капитализм.

Благосостояние общества зависит прежде всего не от разумности управления, которое всегда в известном смысле разумно и вместе с тем никогда не бывает разумно, поскольку управление подчиняется законам совсем иного рода, чем законы разума, а от совсем других факторов. Степень же разумности (лучше сказать — эффективности) управления не в такой уж большой степени зависит от насыщенности информационной техникой, как стали многие думать теперь. Можно каждого человека в системе управления снабдить хоть миллионами информационных устройств, все равно сохранят силу специфические правила управления как особого рода деятельности. В этой деятельности приходится иметь дело с различными, часто непримиримыми интересами людей. Решение проблем в таких случаях не есть решение математической задачи, не есть отыскание оптимального варианта, а есть борьба, не считающаяся ни с какими доводами механического разума. А число и острота конфликтных ситуаций, требующих вмешательства системы власти и управления, неуклонно возрастает. Внедрение информационной техники во все сферы общества дает конфликтующим силам дополнительное оружие борьбы, а не средство сглаживания ее остроты. Изобретение огнестрельного оружия в свое время не устранило бесконечные войны, а придало им другой характер. Так и в данном случае.

Что касается превращения информации в богатство наряду с богатством материальным, то трудно придумать что-либо более убогое интеллектуально и подлое с моральной точки зрения, чем это утешение для нищих и

неимущих. Планета захлавлена информацией не меньше, чем отходами передовой западной индустрии, уже разрушившими природную среду наполовину, если не больше. Нет ничего дешевле в современном мире, чем информация. От этого хлама нет спасения, как от мусора. Но что-то миллиарды людей не ощущают себя от этого богатыми.

В предсказаниях футурологов совсем выпал из поля внимания социальный аспект разрастания и усовершенствования информационной сферы. А заключается он в том, что уже в последние десятилетия наличных информационных средств оказалось вполне достаточно для того, чтобы взять под контроль и включить в сферу своего действия поголовно все население западных стран. Решающим стало содержание информации, которую питают люди, организация потоков этой информации, организация системы изготовления и распространения информации, роль информационной системы в жизни общества в целом. В обществе появилась новая социально-политически-идеологическая сила наряду с концернами, банками и государством, подчинившая себе все общество. Новые технические изобретения способны лишь укрепить ее положение, дав ей новые средства господства над людьми.

МРАЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

Время от времени появляются мрачные предсказания в духе Оруэлла и Хаксли. И удивительное дело, к ним относятся благосклонно. Почему? Да потому, что их гротескная абсурдность очевидна. Их воспринимают как вымысел, удобный во многих отношениях. Они дают людям посильный для их интеллектуального уровня материал для назидательных рассуждений и самолюбования. Каждый, ссылаясь на них, выглядит умным и гуманным. Они становятся своего рода знаменами, под которыми могут шествовать все, желающие выглядеть борцами за демократию и прогресс, борцами против тоталитаризма и регресса. При этом они дают возможность приписывать изображаемые ужасы врагам. В «научном коммунизме» тоже появлялись критические саморазоблачения, отно-

симые не к самим себе, а к кому-то другому, или рассматриваемые как борьба с «пережитками прошлого», с «родимыми пятнами капитализма», с «тлетворным влиянием Запада».

ПЛАНЕТАРНЫЕ МОДЕЛИ

Возможности предвидеть будущее больших человеческих объединений и тем более всего человечества ограничены многими факторами. Во-первых, идеологические и политические интересы накладывают ограничения не только на публичное высказывание суждений о будущем, но и на сам процесс познания. Практические интересы групп людей, имеющих власть и влияние, вынуждают думать о будущем в рамках этой практической ориентации. Во-вторых, если даже допустить, что общество стремится знать истину, всю истину и только истину о будущем и не чинит никаких препятствий в ее достижении, остаются ограничения, обусловленные свойствами объекта, будущее которого хотят предвидеть, и свойствами средств познания. От таких ограничений никакая информационная техника и сеть не может освободить никого и никогда.

На Западе, однако, сложилось убеждение, будто с современной информированностью о состоянии человечества и современной интеллектуальной техникой можно предвидеть будущее с любой полнотой и точностью. Вершиной этой чисто идеологической иллюзии являются планетарные модели, то есть модели всего человечества.

Упомянутый выше О. Флехтхейм насчитал более ста планетарных моделей, имеющих целью прогнозирование будущего человечества. В 1973 году В. Леонтьев получил Нобелевскую премию за разработку такой планетарной модели. Эта модель состояла из пятнадцати частных моделей, в каждой из которых фигурировало по 175 уравнений и 229 переменных. Еще более сложной была модель, предложенная М. Месарович и Е. Пестель. Как заметил один из американских экспертов, даже специалистам надо было потратить много месяцев на то, чтобы мало-мальски понять устройство этой модели. Тем

не менее, как заявил этот эксперт, модель давала точное представление о том, как функционирует мир, то есть все человечество. Хотел бы я знать, имел ли этот эксперт хотя бы самое приблизительное представление о том, как на самом деле живет все человечество! И еще более сложную модель предложил американец К. Дойч.

Я ничего не имею против моделей как средств познания социальных явлений и решения отдельных познавательных проблем. Но есть определенные границы применимости этого средства и методологические правила, несоблюдение которых делает его бессмысленным и даже орудием фальсификации реальности. Думаю, что именно это происходит с планетарными моделями, когда они используются в качестве средства прогнозирования будущего человечества.

Человечество существует независимо от того, выдумываются его модели или нет. Оно имеет свою структуру и функционирует по своим объективным законам. Дело обстоит не так, будто лишь благодаря некоей планетарной модели можно узнать, как именно оно функционирует, а, наоборот, нужно достаточно хорошо знать, как именно человечество устроено и как оно функционирует, чтобы построить его научную модель для решения каких-то конкретных проблем. Причем надо знать это с полной научной беспристрастностью, без каких бы то ни было политических, идеологических и прочих вненаучных ограничений и влияний. Это знание должно быть не хаотичной суммой каких-то сведений, оно должно быть систематизировано в соответствии с правилами логики и методологии науки, должно включать в себя целый ряд научных теорий, охватывающих все основные аспекты жизни человечества. Но ничего подобного просто нет по причинам, о которых я уже упоминал. К ним можно прибавить также причины чисто познавательного характера, в частности — нижеследующие.

Научная модель человечества создается для решения конкретных проблем, в том числе для прогнозирования будущего человечества. Независимо от того, используют футурологи планетарную модель или нет (пока они в большинстве случаев обходятся без нее), для прогнозов нужны основания. Эти основания суть двоякого рода. Во-первых, это суть эмпирические основания, то

есть совокупность суждений о состоянии человечества в момент предсказания его будущего. Во-вторых, это суть теоретические основания, то есть совокупность общих суждений, которые позволяют из эмпирических оснований получать по правилам логики более или менее достоверные выводы о будущем состоянии человечества.

Эмпирические основания не равноценны. Одними можно пренебречь, другим же, наоборот, следует придать первостепенное значение. Они должны быть отобраны в соответствии с определенными критериями. Такие критерии может дать лишь общая теория человеческих объединений и их эволюции, а также теории конкретных типов обществ. Таких теорий, удовлетворяющих требованиям логики и методологии науки и достаточных для решения столь грандиозной задачи, как выяснение будущего человечества, нет. Эмпирические основания отбираются футурологами фактически случайно и в соответствии с требованиями политики и идеологии.

Социальные явления по своей природе (объективно) таковы, что теоретические основания имеют силу лишь при определенных допущениях. Эти допущения в реальности никогда не выполняются полностью и точно, но всегда лишь частично и приблизительно. Получаемые с их помощью выводы содержат элемент приблизительности, вероятности, неопределенности — недостоверности. Для различных видов эмпирических явлений требуются различные теоретические основания, имеющие силу при различных, часто взаимоисключающих и логически несовместимых допущениях (условиях). Чем больше эмпирических оснований принимается во внимание, тем больше требуется теоретических оснований. А это означает, что возрастает степень недостоверности выводов. С некоторого момента она начинает преобладать над достоверностью, и предсказание теряет всякую научную ценность.

К фактору недостоверности предсказаний вследствие самих средств предсказания присоединяется фактор непредопределенности будущего состояния общества настоящим состоянием. Даже в отношении отдельно взятых эмпирических явлений далеко не все в их будущем состоянии предопределено состоянием в на-

стоящем. А в случае огромного числа явлений тем более. Эти явления находятся в реальности в сложных и разнообразных взаимоотношениях друг с другом. Они модифицируют друг друга, действуют зачастую в противоположных направлениях. Их комбинации дают иной результат, чем их действия по отдельности и в других комбинациях. Реально существуют не изолированные связи двух групп явлений, фиксируемые суждениями типа «Если имеет место А, то при условии В через время С будет иметь место Д», а цепи таких связей, в которых как условия, так и временные интервалы бывают различными и изменчивыми. Таких цепей огромное число. Они переплетаются, на время совпадают, сходятся, расходятся. Одни исчезают, другие возникают, одни уходят в сторону от основного хода событий, другие вливаются в него. Одним словом, имеет место мешанина, кишение и т. п. явлений, в которой фактор непредопределенности всемерно усиливается и разрастается по мере увеличения объема их сферы и временного интервала между настоящим и временем предсказываемого будущего.

Предопределенность будущего настоящим является сравнительно высокой лишь в замкнутом объеме событий и лишь при том условии, что время между настоящим и будущим минимально, то есть близко к нулю. Футурологи же говорят обо всем человечестве, которое образует незамкнутый объем явлений, и о его отдаленном будущем, степень непредопределенности велика и поддается контролю. Невозможно предугадать то, что принципиально не является предопределенным. И невозможно предвидеть то, какую роль будут играть в будущем непредопределенные факторы.

Планетарные модели не только не освобождают от трудностей такого рода, как рассмотренные выше, но даже усиливают их. В качестве средств изображения механизма функционирования всего (!) человечества и предсказания его будущего они так же далеки от реальности, как нелепые представления самых дремучих невежд и мракобесов прошлого. Не случайно гадания на картах, кофейной гуще и по линиям на руке, астрология, гороскопы, истолкования Нострадамуса и прочие шарлатанские средства предсказания будущего пользуются не меньшим (если не большим) успехом на Западе, чем

планетарные модели. Последние суть та же современная «кофейная гуща», карты и звезды, только менее доступные рядовым шарлатанам. Тут шарлатанство поднято на высоты величайших достижений цивилизации и взято под защиту авторитета науки, масс-медиа и власти.

ПЛАНЕТАРНЫЕ ПРОЕКТЫ

«Научный западнизм» занимается не только прогнозами, но и проектами будущего, как это делал до него «научный коммунизм». Только первый плюралистичен и в этом, в отличие от второго. При этом он исходит из убеждения, будто западные страны обладают технической и экономической мощью, достаточной для создания будущего состояния человечества таким, каким считают нужным, то есть по западным образцам.

В 1968 году группа ученых разных профессий из разных западных стран основала Римский Клуб с целью комплексного исследования важнейших проблем современности. Они регулярно печатали отчеты о результатах своих исследований. Отчеты имели сенсационный успех, переводились на многие языки и издавались многомиллионными тиражами. Первым таким отчетом была книга супругов Деннис и Донелла Медоуз «Границы роста» (имелся в виду рост экономики). Авторы назвали в ней проблемы, определяющие, по их мнению, судьбы человечества. Это рост населения, средства питания, сырые материалы, рост промышленности, упадок благосостояния масс людей, загрязнение окружающей среды. Книга стала беспрецедентной сенсацией для работ такого рода, несмотря на банальность, а вернее — благодаря банальности ее содержания, как это и должно быть с сочинением идеологическим. Главная, на мой взгляд, основа ее успеха не столько то, что авторы посягнули на одну из догм западной идеологии — на уверенность в безграничности роста экономики, сколько то, что она дала общепонятные основания для идеологической кампании и для целого направления в рамках «научного западнизма».

Я здесь останавлиюсь на другом отчете Римского Клуба как на образце способа мышления идеологии за-

паднизма¹. Авторы этого отчета А. Кинг и Б. Шнейдер утверждают, что происходит глобальная революция, в результате которой наступает новая стадия мирового общества. Эта революция порождается комплексом причин социального, экономического, технологического, культурного и этического порядка. Что это за причины конкретно? Научно-технические открытия, имеющие следствием превращение общества в постиндустриальное или информационное. Крах коммунистической экономики, дезинтеграция Советского Союза, реструктурирование всей мировой системы. Образование трех гигантских блоков — Европейского, Северо-Американского и Азиатского. Демографический взрыв в южных странах. Изменения климата, угрожающие катастрофическими последствиями. Дефицит продуктов питания. Дефицит энергии. Рост экономического неравенства — бедности в одних местах планеты и богатства в других. Нашествие масс людей из бедных районов в богатые. Катастрофическое загрязнение окружающей среды. Крах идеологий. Падение веры. Идейный вакуум и хаос. Моральный кризис. Терроризм. Насилие. Мафия. Наркомания.

Причины якобы происходящей «глобальной революции» изложены ясно. Но в чем заключается сама революция? Об этом авторы отчета забывают сказать, а скорее всего — им просто нечего сказать на эту тему. Суть революции заслоняют ее причины и мероприятия, которые, по мысли авторов, должны решить назревшие, глобальные проблемы и привести мир в желаемое состояние. Слово «революция» тут употреблено всуе. Впрочем, авторы отчета тут не исключение. Слово «революция» наряду со словом «эпоха» является широко употребляемой идеологической пустышкой.

Авторы отчета сформулировали мировую стратегию решения упомянутых выше проблем. Остановлюсь на трех ее пунктах. Пункт первый. Те проблемы, о которых шла речь, суть проблемы глобального масштаба. Их невозможно решить силами отдельных стран. Необходимо единое мировое общество, способное проводить стратегию мирового масштаба с целью установления всеох-

¹ Alexander King und Bertrand Schneider. Die globale Revolution. Spiegel Spezial, № 2, 1991.

ватывающей мировой гармонии. Пункт второй. Новый мир, идущий на смену настоящему, нуждается в новой форме управления. Традиционные структуры, правительства и учреждения не в состоянии решить назревшие проблемы. Демократия и рыночная экономика ограничены в своих возможностях решения проблем глобального масштаба. Пункт третий. Для духовного оздоровления и идейного единения человечества нужна новая мотивация — нужна идея общего врага. Этот общий враг — загрязнение окружающей среды, голод, безработица, нищета и прочие язвы современного общества.

Хотя этот «проект века» сочинили ученые, он есть феномен идеологический, а не научный. Это проект желаемого преобразования мира, а не анализ объективных тенденций его эволюции. Он игнорирует фактические причины того состояния, в котором оказалось человечество, а именно — жизнедеятельность самого Запада как воплощения западнизма. Он игнорирует закономерности больших объединений людей и управления ими. Слова о «всеохватывающей мировой гармонии» — классический образец идеологического отношения к реальности. Слова о необходимости новых форм управления — пустой звук. Огромные массы разнородных людей можно удержать в более или менее едином целом только путем жестокой системы господства одних народов над другими, путем обмана, оболванивания, насилия, неравенства, разобщения, развращения и т. д. Новые формы управления, о которых авторы отчета лишь смутно упомянули, могут быть старыми, многократно применявшимися и оправдывавшими себя формами социального, экономического, политического, военного, культурного и идеологического насилия. Идея указать на общего врага в виде загрязнения окружающей среды, голода, безработицы и т. д. поражает своей убогостью. По законам образования и функционирования идеологии, упомянутые безликие явления не могут быть врагами для миллионов и миллиардов людей. Врагами могут быть только другие люди, народы, страны и регионы, в которых массы увидят виновников их несчастий или угрозу их благополучию. Идеологическая роль такого призыва более чем прозрачна: отвлечь массы людей от размышлений о реальных причинах мировых зол.

В июне 1992 года в Рио-де-Жанейро состоялась первая глобальная конференция в духе описанной выше мировой стратегии, а именно — обсудить проблемы, касающиеся общего врага человечества в образе загрязнения окружающей среды, и наметить меры по борьбе с этим врагом. Это была крупнейшая в истории человечества конференция. Длилась она 12 дней. На ней присутствовали делегации более чем из 170 стран — 3 тысячи делегатов. В ней приняли участие главы 100 государств. Число журналистов, освещавших ее, превысило 8 тысяч. Готовили конференцию 2 года. При этом напечатано 24 миллиона страниц всякого рода бумаг. А подсчитать, сколько места заняла информация о конференции в средствах массовой информации, сколько миллионов страниц ушло на печатание итогов конференции и сколько сил потратили миллионы людей на разговоры и размышления о ней, невозможно со всей информационной технологией планеты. Как отмечали многочисленные трезвые обозреватели, это была самая грандиозная и дорогая пустышка в истории человечества, самый грандиозный фестиваль словоблудия, пустой и безответственной болтовни. Хотя все решения конференции оказались ни к чему не обязывающими и были отложены на неопределенное время, официально она была признана самым важным шагом на пути создания экономики, «дружественной в отношении к природе». Заметьте: к природе, а не к человеку! Вскоре о конференции забыли вообще. Никакой дружбы с природой у человека не получилось. И общий враг так и не появился как явление идеологии.

Таковы по сути дела все прочие стратегические идеи планетарных проектов. Возможности людей делать свое будущее в соответствии со своими идеалами и желаниями не так уж велики, как кажется. Отдельные проблемы, будучи взяты сами по себе, кажутся вполне разрешимыми. Но проблем много. И они на самом деле сложнее, чем думают теоретики и политики. Одно только, например, превращение современного производства, приведшего к загрязнению природной среды, в производство нового типа, дружественное к природной среде, потребовало бы сосредоточения всех производительных сил человечества на решение этой проблемы. Это означало

бы конец капитализма, что имело бы следствием резкое снижение производительности общества и полную неспособность решить именно эту проблему.

БУДУЩЕЕ ЗАПАДНИЗМА

Предмет моего анализа — не Запад вообще, а социальный тип западного общества, то есть западнизм. Запад как конкретная совокупность народов и стран меня здесь интересует как носитель западнизма. И с этой точки зрения меня интересует судьба западнизма как такового, а не вообще все то, что может произойти на Западе и с Западом в мире.

Какие бы эпохи и постэпохи ни выдумывали идеологи, западное общество стало обществом всеобъемлющего, можно сказать — тотального западнизма. И в этом качестве ему предстоит жить до гибели, которая когда-нибудь произойдет. Но сейчас об этом гадать нет смысла. Запад только теперь достиг степени зрелости в качестве общества западнистского типа. Он полон сил. Он устремлен на овладение всей планетой и всей последующей историей.

Сказанное не означает, что западнизм уже не будет изменяться существенным образом, как сейчас думают многие. Он способен еще к внутренней эволюции. Более того, он вынужден на это. Важно установить, под влиянием каких факторов и в каком направлении возможна эта эволюция.

Я рассмотрел основные структурные и функциональные элементы западнизма и их тенденции. Это именно тенденции, а не некая программа, которая должна быть выполнена по велению рока. Они действуют среди множества других факторов, препятствующих их реализации, могут быть прерваны, деформированы, заглушены, — будущее не предопределено фатальным образом настоящим. Но оно тем не менее есть реализация тенденций настоящего.

Напомню читателю в двух словах о некоторых из тех тенденций, о которых речь шла выше. В экономической сфере происходят изменения, в результате которых отношения частной собственности переструктурируются и «растворяются» в отношениях другого рода, и главную

роль начинает играть не сам факт собственности, а внутренние отношения в сложной системе собственности, аналогичные отношениям коммунальности. Приобретают решающее значение отношения руководства, в основном являющиеся коммунальными. Вся сфера банков и крупного бизнеса организуется по принципам бюрократии.

Изменяется социальная структура населения таким образом, что сокращается пропорция лиц, занятых непосредственно в деловой сфере, и возрастает пропорция и роль занятых в сфере коммунальности, то есть в сфере власти и управления, в идеологии и пропаганде, масс-медиа, в культуре и т. д. Возникают бесчисленные объединения, организации и движения в сфере гражданского общества, что так или иначе ведет к разрастанию средств манипулирования массами и контроля. Дает знать о себе ограниченность «свободного» рынка, тенденция к экономическому спаду и финансовому кризису, что вынуждает государственную власть на поведение, аналогичное поведению государства коммунистического, а экономическую власть — на поведение, аналогичное поведению власти политической. Научно-технический прогресс требует объединенных усилий всей страны и государства. Наука и техника стали важнейшим элементом производительных сил, находящимся во власти крупных корпораций и организаций, действующих аналогично государству, или непосредственно во власти государства.

Разрастаются и приобретают все большую сферу идеологии, культуры и масс-медиа, которые в значительной мере (если не вообще) суть явления в сфере коммунальности. Происходит сращивание политической и экономической власти, а также структурирование сверх-власти с преобладанием коммунальных функций. Короче говоря, если принять во внимание всю совокупность факторов и тенденций западнизма, то можно констатировать суммарную его тенденцию к разрастанию коммунального аспекта общества и к возрастанию роли законов коммунальности во всех сферах общества, включая экономику.

С точки зрения социально-экономической основная тенденция западнизма заключается, во-первых, в стремлении создать жизненные гарантии (должности и дохо-

ды) для представителей видов деятельности, которые не заняты непосредственно производительным трудом (производством материальных ценностей и услуг), и, во-вторых, в стремлении усилить частное предпринимательство как наиболее эффективное средство принуждения к труду и повышения производительности его.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

К рассмотренным выше внутренним факторам эволюции западнизма следует добавить еще два фактора внешнего порядка. Первый из них заключается в том, что после победы Запада в «холодной войне» в мире по крайней мере на ближайшие годы не осталось серьезных идейных и материальных сил, которые поставили бы западнизм под сомнение, не говоря уж об отрицании его. Единственный серьезный исторический противник и конкурент его — коммунизм — надолго сброшен со сцены истории как нечто значительное. Чтобы коммунизм опять достиг уровня, на котором он вновь заявил бы претензии на овладение человечеством и составил бы конкуренцию западнизму, нужны чрезвычайные обстоятельства и многие годы даже при самых благоприятных для него условиях. А этого может не быть вообще. Прочие социальные системы конкурировать с западнизмом именно как типы общественного устройства вообще не в состоянии ни при каких обстоятельствах, если не произойдет непредвиденная мировая катастрофа, которая обессилит или совсем убьет Запад физически.

Борьба против коммунистического лагеря во время «холодной войны» привела к необычайному усилению активности политической власти западных стран, к созданию мощных вооруженных сил, к развитию исследований в военных целях и военной промышленности, к разрастанию и усилению секретных служб и пропагандистского аппарата. Победа в «холодной войне» не означала, что борьба закончилась и что можно свертывать и даже уничтожать созданное. Хотя было сказано много слов в этом духе и были предприняты какие-то практические шаги в этом направлении, все это имело более пропагандистский, чем фактический характер. Скоро даже перестали скрывать намерения сохранить и усо-

вершенствовать орудия войны. Победа в «холодной войне» означала начало нового периода, в котором средства войны стали не менее необходимы, чем ранее. Надо было удержать завоеванные позиции, а для этого мало было демонстрировать преимущества западного образа жизни. Преимущества эти скоро окажутся сомнительными, а западнизация не даст результатов, на какие рассчитывали в бывших коммунистических странах. Аппарат «холодной войны» должен сохраниться как постоянно действующий фактор последующей истории. А это означает усиление коммунального аспекта западнизма.

Поражение коммунистического мира в «холодной войне» надолго похоронило возможность и даже идею социальной революции. В этом смысле можно согласиться с теми западными теоретиками, которые утверждают, что наступила постреволюционная эпоха.

Идея социальной революции, уничтожающей капитализм и частную собственность вообще, есть идея западная, как и вообще все более или менее значительные идеи последних столетий. Является западной и идея насильственной формы этой революции и диктатуры пролетариата. Уже к середине XX века стало ясно, что идея социальной революции как революции пролетарской и идея диктатуры пролетариата суть идеи беспочвенные. Но прошло еще несколько десятилетий, прежде чем они изжили себя как идеи действенные.

Я думаю, что идея революционной ломки социального строя западных стран путем восстания «трудящихся масс» снизу никаких шансов на реализацию не имеет. Категорически исключать возможность установления в странах Запада некапиталистического («социалистического») социального строя нельзя. Но если это произойдет, то либо путем разгрома Запада внешними силами, либо путем решений власть имущих сверху. Впрочем, и такая вероятность пока ничтожно мала.

Обычно в проповедях постреволюционной эпохи фигурируют такие два аргумента: негативный опыт реального коммунизма и отсутствие достаточно мощного слоя, заинтересованного в смене социального строя. К ним можно добавить еще три таких. Во-первых, на Западе научились предотвращать опасные массовые движения и манипулировать возникающими или провоцируемыми так, что попытки повторить коммунистические движения

практически обречены априори. Во-вторых, чтобы организовать любое устойчивое массовое движение, необходимы средства, причем немалые. Кто-то должен их финансировать. Кто? Раньше коммунистические страны могли поддерживать коммунистические партии Запада и других стран. Теперь нет ни коммунистических стран, способных на такие траты, ни коммунистических партий, готовых бороться за свержение капитализма. И в-третьих, западнизм сам перехватил инициативу коммунистов в отношении преобразования общества. Разгромив коммунизм на Востоке Европы и отбросив все сдерживающие начала, Запад сам стал обнаруживать черты поверженного противника.

Вторым из упомянутых двух внешних для западнизма как такового факторов его эволюции является процесс интеграции западных стран в более сложные социальные объединения, а также процесс глобализации основных аспектов их жизнедеятельности, породивший сильную тенденцию к образованию глобального общества. Этот процесс выдвигает на первый план государство как орган, регулирующий взаимоотношения своей страны с другими в новом, чрезвычайно сложном и полном конфликтов объединении, а также порождает новые социальные структуры, в которых законы коммунальности приобретают доминирующую силу. Ниже я рассмотрю эту тенденцию подробнее.

ТЕНДЕНЦИЯ К ИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДА

«Холодная война» способствовала интеграции Запада. Она не породила тенденцию к интеграции — последняя возникла до войны и имела другие стимулы, — а усилила ее. Но усилила настолько, что появилось новое качество. «Холодная война» была первой совместной операцией Запада глобального масштаба. О Западе как о чем-то едином стало правомерно говорить именно в этот период.

Процесс интеграции Запада сложен и противоречив. Он есть часть мирового процесса структурирования человечества. Он еще только начинается. Как он будет проходить дальше и чем кончится, об этом трудно судить. Но некоторые его черты видны уже сейчас.

«ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ»

Принято датировать возникновение идеи объединенной Европы («Европейского дома», «Соединенных Штатов Европы» — СШЕ) речью Уинстона Черчилля в 1946 году. В этой речи он говорил об образовании Федерации европейских стран с общим парламентом, общеевропейскими партиями, единым законодательством, едиными судебными органами, единой армией и полицией, единой финансовой системой. Почему-то никто не хочет вспоминать о том, что то же самое высказал Л. Троцкий еще до Первой мировой войны, а Черчилль не прибавил к его идеям ни одного оригинального слова. А В. Ленин в 1915 году расценил идею СШЕ как антиамериканскую и антияпонскую.

Почему именно теперь стала актуальной идея «Европейского дома», в который некоторые энтузиасты включают даже Сибирь до Владивостока? К этому вынуждает общая ситуация в мире. Идет жестокая борьба за источники сырья и энергии, за рынки сбыта товаров, за сферы приложения капиталов, за жизненное пространство, за дешевую рабочую силу. Западная Европа имеет дело при этом с такими экономическими гигантами, как США и Япония. Идея СШЕ выражает стремление к переделу мира. Так что тенденция к интеграции Запада противоречива. Она одновременно есть и тенденция к расколу мира.

Само собой разумеется, за годы после того, как Троцкий и Ленин дискутировали по поводу идеи СШЕ, в мире многое изменилось. Возник фактор, который был неизвестен Троцкому и Ленину, так как его тогда еще не было. В странах Западной Европы уже сформировались силы, для которых границы «национальных государств» стали узки¹. Начало складываться сверхобщество по отношению к «национальным государствам». Это — предприятия и учреждения, сферой действия которых уже является вся Европа и которые во внешнем для Европы мире выступают как явления наднациональные, общеев-

¹ Karl Jetter. Patrons, Protektionisten und Europa-Apostel. FAZ, 19.09.1992.

ропейские. Их число и число вовлеченных в их активность людей огромно. Их влияние на жизнь отдельных западноевропейских стран тоже огромно. Именно этот фактор предопределяет процесс интеграции Европы, хотя он во многом идет вразрез с интересами широких слоев населения¹.

«Европейский дом» возможен. Он уже создается. Однако нелепо рассчитывать на полную гармонию его участников. Их положение и интересы исключают ее. Наиболее вероятной мне представляется такая его структура. Во главе «дома» стоит объединенная Германия. Рангом ниже располагаются Франция, Италия и Англия. Еще ниже располагаются Австрия, Бельгия, Голландия и другие. На еще более низком уровне пристраиваются такие страны, как Испания, Португалия, Греция и другие. На самом низу этой иерархии расположатся бывшие коммунистические страны, то есть третьесортные члены «семьи», кормящиеся подачками со стола, за которым пируют более важные члены «семьи»².

Возникает вопрос, как быть с миллионами людей из Восточной Европы, стремящихся в Западную Европу в поисках лучших условий жизни, готовых работать за гроши и пополняющих и без того огромную армию безработных и преступников? Почему страны Западной Европы принимают меры с целью защиты от такого нашествия, фактически означающие сохранение границ «национальных государств» для большинства граждан ряда членов «Европейского дома»? И как быть с миллионами неевропейцев по происхождению, которые уже стали неотъемлемым элементом европейской жизни и наплыв которых в Европу остановить не так-то просто, если вообще возможно?

Нужно принимать во внимание также характер народов, населяющих Европу. Может ли сознание принадлежности к европейскому единству народов стать сильнее сознания принадлежности к данному народу? Воз-

¹ О тяжелых последствиях интеграции Европы для Франции говорил Жан-Клод Мартинез (французский депутат Европейского парламента в интервью русской газете «Политика» № 2, 4, 1991).

² См., например, Hans-Joachim Hoffman-Nowotny. Die neue Völkerwanderung. Conturen, № 15, 1991.

можно ли такое, что некий европейский характер станет такой же реальностью, как характер французов, итальянцев, немцев и других европейских народов? И не станет ли интеграция европейских народов началом дезинтеграции самого худшего сорта, какую можно видеть в бывшем Советском Союзе?

Наконец, процесс интеграции Европы не изолирован от другого, еще более грандиозного процесса, — от процесса мировой интеграции. Европейский рынок уже потерял свою самостоятельность, не успев сложиться. Он уже подвержен влиянию рынка мирового. Нечто аналогичное имеет место в прочих сферах жизни Европы. Процесс интеграции Европы, будучи частью глобальной интеграции, вступает в конфликт с последней.

Интеграция происходит и будет пока усиливаться. Но она не есть абсолютное благо. Она есть объективный исторический процесс, обладающий явными и в большей мере пока еще скрытыми дефектами.

СИСТЕМА ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Объединение западных стран в более сложные блоки, союзы, сообщества и даже целостные общества выдвигает на первый план проблему создания системы власти и управления новыми, более сложными, чем «национальные государства», социальными феноменами. Та система, которая сложилась на уровне «национальных государств» (западная демократия), не может быть механически распространена на сообщество из многих стран такого рода.

Европейский парламент вряд ли можно считать парламентом в том же смысле, в каком таковыми являются парламенты Англии, Франции, Германии и других западных стран. Власть его ничтожна и в основном иллюзорна. Он играет роль не столько органа власти, сколько органа идеологии и пропаганды. Конечно, благодаря соглашениям в Маастрихте его значение несколько усилится. Но не настолько, чтобы он взял на себя функции парламентов «национальных государств». Я сомневаюсь в том, что тут получится нечто подобное федеральному правительству США.

Наиболее естественным в данном случае, на мой взгляд, является образование органов власти и управления из представителей органов власти и управления «национальных государств», причем недемократическим путем. Так это и происходит на самом деле. А это имеет неизбежным следствием усиление недемократического аспекта системы власти западнизма вообще. Если в рамках европейского сообщества еще можно сделать видимость демократии, то в более широкой сфере Запада в целом (включая США и Канаду) и в мировом сообществе тем более недемократическая тенденция проявляется очевидным образом.

НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

Идея объединения человечества в глобальное общество с единым мировым правительством и прочими атрибутами целостного общества стала составной частью западной идеологии. Ей, естественно, дается соответствующее обоснование. Последнее идет по многим линиям, основные из которых суть следующие. Во-первых, это — перечисление проблем, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран планеты (как это сделано, например, в рассмотренном выше отчете Римского Клуба). Во-вторых, это ссылка на то, что складывается мировая экономика, ломающая границы «национальных государств» и влияющая решающим образом на их экономику¹. И в-третьих, это ссылка на тот факт, что мир уже опутан сетью международных объединений и учреждений, сплотивших человечество в целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела изолированную жизнь. Жизнь людей все более и более находится под влиянием событий, происходящих далеко от тех мест, где они живут. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Сложилась международная система производства, распределения

¹ Из работ последних лет хочу упомянуть Robert B. Reich. The Work of Nations. N.Y., 1992.

и потребления информации. Благодаря ей разбросанное по всей планете человечество ощущает себя живущим в одном мировом объединении. Складывается единая мировая культура.

Все вроде бы верно. Но все, пишущие на эту тему, за редким исключением¹, отодвигают на задний план или совсем игнорируют тот факт, что идея глобального общества есть идея западная, а не абстрактно-мировая. Инициатива движения к такому обществу исходит от Запада. В основе его лежит не столько стремление различных народов к объединению — такое стремление появляется чрезвычайно редко, — сколько стремление определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества. Как я уже говорил, мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Конечно, кое-что перепадает и им. Но движущий мотив глобализации экономики не в них. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе испытывающие влияние этих сил. Мировой информационный порядок есть порядок, установленный странами Запада, и прежде всего США. Многие западные авторы, которых нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму и в антипатиях к Западу (включая США), уже давно убедительно доказали, что фирмы и правительства США осуществляют контроль глобальной коммуникации, что западные медиа господствуют в мире². Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты, навязывание им западнистской культуры. Выражения «информационный империализм» и «мировая культурная империя» придумали не коммунисты, а сами западные идеологи.

¹ Например, Hans-Joachim Hoffman-Nowotny. Die neue Völkerwanderung. Conturen, № 15, 1991.

² Например, Herbert Schiller. Mass Communication and American Empire. N.Y., 1969.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Идея глобального общества есть прежде всего идея американская. Суть ее в 1991 году высказал президент США Буш. После победы в бескровной для США и их союзников войне против Ирака он провозгласил курс на установление нового мирового порядка в американском духе и под эгидой США. Это намерение не скрывалось, а, наоборот, пропагандировалось как распространение именно американских ценностей на всю планету. Американцы могли позволить себе такую откровенность, так как война в Персидском заливе с полной очевидностью для всего мира констатировала тот факт, что Советский Союз перестал быть второй сверхдержавой мира и что США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете.

Но идея нового мирового порядка не есть идея исключительно американская. Она есть идея общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку эту задачу им не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии.

Любопытно, что стремление США к американизации планеты наиболее остро критикуют сами американцы. Могут упомянуть в качестве примера Рассела Кёрка (бывшего советника Рейгана) и известного ученого Ноама Хомского¹. Авторы других западных стран, надо полагать, просто побаиваются высказывать свои тайные мысли.

ЗАПАДНИЗАЦИЯ ПЛАНЕТЫ

В ходе «холодной войны» была выработана стратегия установления нового мирового порядка. Я называю ее словом «западнизация», а не «американизация», по-

¹ Russel Kirk. Neue Weltordnung: Pax Americana. Epoche, № 1, 1992. Noam Chomsky. Die Fünfte Freiheit. Berlin, 1988.

сколько это есть дело не только США, но западного мира в целом. К тому же слово «американизация» затемняет социальный смысл рассматриваемого явления.

Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собою вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, — так или иначе внушает Запад западнизируемым народам, — и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего. Цель западнизации — довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных и равномошных партнеров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний нового типа. Эти роли могут на какое-то время удовлетворить часть граждан западнизируемых стран, но не более того. Этим странам в сфере власти Запада уготованы роли второстепенные и подсобные. Запад обладает достаточной мощью, чтобы не допустить появление независимых от него западнообразных стран, угрожающих его господству в отвоеванной им для себя части планеты.

Западнизация некоторой данной страны есть не просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе вещей и произведений культуры, не просто поездки на Запад, а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны: это перестройка самых основ жизни этой страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения. Эти преобразования суть средства добиться цели, о которой говорилось выше.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть, да еще при этом испытывала бы благодарность. Для

этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаяющая и насилие. Добровольность со стороны западнизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации. Причем западнизация не всегда удается. Достаточно сослаться на пример Вьетнама и Ирана.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни.

Вся освободительная и цивилизаторская деятельность стран Запада в прошлом имела одну цель: завоевание планеты для себя, а не для других, приспособление планеты для своих, а не чужих интересов. Они преобразовывали свое окружение так, чтобы им было удобнее жить в нем. Когда им мешали в этом, они не гнушались никакими средствами. Теперь изменились условия в мире. Иным стал Запад. Изменилась его стратегия. Но суть дела осталась та же. Она и не могла быть иной,

ибо она есть закон природы. Западная идеология стала пропагандировать мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, идеологической и политической мощностью, достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт, не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

Западнизация планеты ведет к тому, что в мире не остается никаких «точек роста», из которых могло бы вырасти что-то, способное к новой форме эволюции, отличной от эволюции на базе западнизма. Запад, завоевывая мир для себя, истребляет все возможные конкурентоспособные зародыши цивилизаций иного рода. Мир превращается в бесплодную эволюционную пустыню.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

История человечества дала примеры различных видов колонизации — заселение свободных земель, заселение со смешением с местным населением, заселение с истреблением местного населения, сбор дани без разрушения социально-политического строя покоренной страны, присоединение территории к колонизирующей стране, захват с принудительным преобразованием по своему образцу и т. д. Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии. По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран. Но в целом это есть новое явление. Назову характерные признаки его.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенден-

циям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В стране в той или иной мере сохраняются предшествующие формы жизни для большинства населения. Создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере — как явно западные или совместные предприятия. Внешние атрибуты западной демократии используются как средства совсем не демократического режима и как средства манипулирования массами. Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада.

Колонизируемая страна во всех отношениях доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком ее сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы выполняют роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее псевдокультура западнизма.

Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступных развлечений, предоставленности самим себе, системы ценностей, избавляющей людей от усилий над собой и моральных ограничений.

ЗАПАД И ВНЕШНИЙ МИР

Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные образования более высокого сравнительно с прочим человечеством уровня организации, как своего рода «надстройка» над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества. И было бы противоестественно, если бы они этого не делали. История человечества есть жестокая борьба людей, стран и народов за существование. Слова о бескорыстной заботе о благе человека и человечества в этой борьбе суть лишь средства достижения своих эгоистических целей и маскировки истинных намерений. Я не усматриваю в этом ничего аморального и преступного. Критерии морали и права вообще лишены смысла в применении к историческим процессам.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран — «империалистов». Оно обусловлено объективными законами социального бытия. Воздействие его на эволюцию человечества противоречиво. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые войны. Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы. Более того, овладение другими странами и народами стало необходимым условием выживания стран и народов Запада. Трагедия большой истории состоит не в том, что какие-то плохие, корыстные и глупые люди толкают человечество в нежелательном направлении, а в том, что человечество вынуждается двигаться в этом направлении вопреки воле и желаниям хороших, бескорыстных и умных людей.

Движение к глобальному обществу не есть проявление мечты, корысти, тщеславия, безумия, эгоизма, гуманизма, человеколюбия и каких-то иных положительных или отрицательных качеств людей. Оно есть жизненная

необходимость для западных стран, есть принудительное средство сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе сложных исторических условиях. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. Он не просто имеет возможности и силы для этого, он уже не может уклониться от этой эпохальной задачи.

Западнизм формировался в определенных исторических условиях. Последующее его развитие изменило планету. И Запад изменялся применительно к новым условиям. Но способность приспособления ограничена исходными и фундаментальными предпосылками западнизма, ставшими натурой западного Левиафана на всю историю его. Западное общество, несмотря на вроде бы бурное развитие, не изменило свое качество общества западнизма. Оно лишь раскрывало свои потенции в этом качестве. Неизбежным следствием объективных законов социальной эволюции является то, что социальный организм, начиная с некоторого момента, теряет способность приспособляться к меняющимся условиям. Он должен либо погибнуть, либо встать на путь приспособления самих условий к своему навек сложившемуся характеру.

Западный Левиафан развил в себе благодаря западнизму необычайно интенсивный обмен веществ. Ему нужны природные ресурсы, рынки сбыта товаров, сферы приложения капиталов, дешевая рабочая сила, источники энергии, причем во все возрастающей степени. А возможности для этого не безграничны. Для этого нужна уже вся планета. В мире сейчас живет 6 миллиардов человек. Фурурологи обещают 8 в конце века и более 10 миллиардов через 20 лет. А сырью и энергии, по данным ООН, для нормальной жизни хватает лишь на один миллиард. Один западный мыслитель¹ дал такой наглядный образ ситуации. Богатые нации сидят в спасательной лодке, в середине моря голода и нужды. Если в лодку впустить тех, кто нуждается в помощи, она пойдет ко дну.

¹ G. Hardin. Living on a Lifeboat. Bioscience, Oct., 1974.

ВОЗМОЖНАЯ СТРУКТУРА ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Единое человечество возможно, но не как мирное существование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, то есть отношения социального, экономического и культурного неравенства. Дело тут не в каких-то биологических причинах и не в плохих расистских идеях, а в объективных социальных закономерностях организации больших масс населения. Знание этих закономерностей вовсе не означает, что люди должны перед ними капитулировать. Люди боролись, борются и будут бороться против стремления других людей господствовать над ними и вообще против их превосходства над собою. И идеи равенства и некоей нравственной справедливости при этом играли и будут играть свою роль. Но было бы по меньшей мере наивно закрывать глаза на упомянутую объективную тенденцию к вертикальному структурированию стран и народов. В качестве составных частей единого человечества народы подчиняются действию общих коммунальных законов, имеющих силу для любых объединений людей. Так что явное или скрываемое стремление какой-то страны к мировой гегемонии есть один из составных элементов тенденции к единству человечества.

Я говорю именно о вертикальном структурировании, а не просто о разделении мирового общества на регионы¹. Причем я это представляю себе не как одну иерархическую линию, а как переплетение многих линий, в котором единая мировая иерархия проступает лишь как тенденция. На вершине мировой иерархии — западные страны. Но они имеют свою структуру. Есть западноевропейский регион, о котором я уже говорил.

¹ I. Wallerstein в книге «The Modern World System» (N.Y., 1974) различал 4 сферы мировой экономики: метрополия (Британия, Франция, Голландия, Германия и другие западноевропейские страны), полупериферия (средиземноморские страны), периферия (восточноевропейские страны) и прочий мир.

Есть американский регион с США во главе. Каждый из них запускает щупальца в тело мирового общества. В самих западных странах имеет место иерархия во многих измерениях. Прочие страны имеют свое вертикальное структурирование. Высшие слои различных стран образуют мировые слои по своей линии. Деловые, политические и культурные круги структурируются в известной мере автономно. Одним словом, мировое общество есть множество иерархических структур, переплетающихся самым причудливым образом и в совокупности стремящихся образовать единую структуру того же рода.

Но это лишь один аспект объединения большого числа разнородных стран и народов в единое целое. На рассмотренный процесс вертикального структурирования накладывается иной процесс, а именно — процесс образования новых социальных уровней в уже существующих структурах. Эти новые, вторичные объединения образуются из множества людей, сферой жизнедеятельности которых является не одна страна, а множество стран. Сейчас уже существуют многие тысячи предприятий и некоммерческих организаций, зоны деятельности которых охватывают различные регионы планеты и различные группы народов, а также практически всю планету. Их деятельность в значительной мере протекает независимо от политики конкретных государств и правительств. Она до известной степени автономна.

Формируется множество такого рода объединений второго (по отношению к «национальным государствам») уровня. В совокупности они образуют сложную и многомерную сеть. Эта сеть (подчеркиваю, именно сеть!) опутывает страны Запада и другие, пронизывает их в различных разрезах, использует их как арену своей деятельности.

Никакая отдельно взятая страна не может достаточно долго быть господином мирового общества с такой сетчатой структурой, так как в последней просто нет места для такой роли. Никакая страна не может стать метрополией мировой империи, подобной тем, какими были в прошлом европейские страны. Западные страны могут занять лидирующие позиции в бесчисленных ячейках

мировой сети. Но при этом они сами должны стать зоной активности сети высшего уровня — реального, а не воображаемого идеологами глобального общества.

НО

Но судьба человечества не предрешена фатальным образом. Имеется множество «но», которые могут наложить свое вето на замыслы и дела энтузиастов глобального общества. Назову для примера некоторые из них.

Остаются интересы «первичных» стран и народов Запада. Они вступают в конфликт с интересами «вторичного» общества и с интересами претендентов на роль гегемонов. Остаются сепаратистские тенденции. Процветание Запада не вечно. Может случиться так, что Западу будет не до маниакальной задачи организации всего человечества в единое и западнообразное общество, — задача окажется ему не под силу.

Не следует сбрасывать со счетов социальные противоречия и конфликты внутри западных стран. Опыт последних лет говорит о том, что от «классового примирения» не остается и следа, когда посягательства на жизненные интересы каких-то групп населения заходят слишком далеко. Остаются противоречия между экономическими объединениями, странами и блоками стран.

Еще жив коммунистический Китай. И не так-то просто с ним проделать нечто аналогичное тому, что сделали с Советским Союзом. Во всяком случае, на это нужно время и огромные траты, на какие сейчас Запад не способен. Нет гарантии, что в странах бывшего Советского Союза не возродится социальный строй, по крайней мере близкий к коммунистическому. Эйфория по поводу краха коммунизма прошла. Люди почувствовали, что потеряли больше, чем выиграли. В конце концов они поймут суть западнизации и начнут сопротивляться ей. Набирает силу и консолидируется арабский мир. Одним словом, от проектов мирового общества до их исполнения дистанция огромного размера.

Не надо забывать и о человеческом факторе. Если

процесс абсолютного и относительного сокращения числа западоидов и снижения их качеств как западоидов будет продолжаться и впредь, как он происходит в последнее время, то западоиды потеряют лидирующее положение в мире¹. И тогда вообще рассыплется в прах все то, что было достигнуто благодаря титаническим усилиям Запада.

Породив западнизм и основанную на нем цивилизацию, завоевав для Запада господствующее положение на планете, дав мощный стимул к западнизации человечества и породив имитаторов западоидности, западоиды сойдут с исторической арены, вымерев или растворившись в массе существ иного рода. Это будет новый мир, в котором не останется места для уникального и неповторимого феномена по имени «Запад».

ЗАПАДНИЗМ И КОММУНИЗМ

Выше мне неоднократно приходилось касаться взаимоотношения западнизма и коммунизма. Здесь я хочу сделать еще ряд дополнений и пояснений к сказанному.

Как западнизм, так и коммунизм определяется не каким-то одним признаком и даже не суммой признаков, а лишь комплексом взаимосвязанных признаков, образующих единое целое. По отдельно взятым признакам они могут быть сходными с обществами других типов и между собою. Но каждое из них обладает специфическим, свойственным только ему единством признаков. Описание его может дать лишь достаточно полная и логически связанная социологическая теория, а не субъективно скомпилированная сумма слов, какие в изобилии появлялись и появляются в сфере сочинений на социальные темы.

Задача научной теории — не описание конкретных стран и народов с западнистским и коммунистическим социальным строем, а описание западнизма или коммунизма такими, каковы они суть независимо от особенностей конкретных стран и народов, то есть создание

¹ Эта проблема в США обстоятельно рассмотрена в книге Arthur M. Schlesinger «The Disuniting of America» (N.Y., 1992).

абстрактной их картины. И сопоставление их на уровне научной теории должно отвлекаться от упомянутых особенностей, то есть тоже должно быть абстрактным.

Как я уже говорил в начале книги, во всяком достаточно большом и развитом обществе можно различить два аспекта — деловой и коммунальный. Западнизм есть единство этих аспектов, в исторически исходном пункте и в основах которого доминирующую роль играет деловой аспект, а коммунизм есть единство этих аспектов, в исторически исходном пункте и в основах которого доминирующую роль играет коммунальный аспект. Это доминирование означает, что в одном случае законы делового аспекта оказывают самое сильное влияние на все жизненно важные явления общества, а в другом — законы коммунального аспекта. При этом явления одного аспекта принимают форму другого, становятся средством другого.

Сопоставление западнизма и коммунизма на научном уровне есть дело не такое уж простое. Исторический опыт коммунизма был слишком коротким, чтобы можно было высказывать категорические суждения о нем. При этом он возник и существовал в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Вся его история была непрерывной борьбой за выживание против превосходящих сил Запада. И теперь трудно различить, что следует отнести к преходящим явлениям его созревания и что к существенным, постоянным явлениям зрелости. Например, в системе власти коммунистической России имело место своеобразное двоевластие. Были советы, выбиравшиеся путем прямых, всеобщих и тайных выборов. И был партийный аппарат, формировавшийся совсем иными путями. Считать это преходящим явлением или зрелой формой коммунистической власти? История ответа на этот вопрос не дала, а теоретически тут допустимы различные варианты.

Чтобы понять коммунизм научно, надо различать конкретные страны, в которых он появился и существовал, и коммунизм как таковой, то есть как социальный феномен, независимый от особенностей этих стран. Не все, что имело место в этих странах в коммунистический период их истории, связано именно с коммунизмом. И не

все, что должно войти в научное описание коммунизма, можно заметить в любой стране, где он имел место. Коммунизм нигде не существовал в «чистом виде», он везде был погружен в среду иного рода. Даже в России, где он был ближе всего к «чистому» образцу, практически невозможно отделить то, что шло от особенностей русской истории и от характера населения, от того, что шло от коммунизма как такового. Все плохое, что случилось в советский период русской истории, критики коммунизма и антикоммунисты приписали коммунизму, хотя с гораздо большими основаниями можно было утверждать, что именно благодаря коммунизму России удалось избежать бед более страшных. И никаких научных критериев для истинных суждений тут нет.

Чтобы создать научное понимание коммунизма, надо четко различить то, что есть проявление всеобщих социальных законов, имеющих силу для любого типа общественного устройства, и то, что относится к действию специфических законов коммунизма. Например, государственно-бюрократический аппарат в западных странах был развит не менее сильно, чем в коммунистических, и обладал теми же пороками. А общей социологической теории, которая позволила бы справиться с этой задачей, просто не существует. Все известные мне социологические теории имели такую ориентацию и настолько были идеологизированы, что они являются скорее препятствием, чем подспорьем в этом отношении.

Но и с западнизмом дело обстоит не лучше. И о нем можно сказать нечто подобное тому, что я только что сказал о коммунизме. Хотя он начал заявлять о себе как об особом типе общественного устройства еще несколько столетий тому назад, качественный скачок тут произошел лишь в XX столетии, особенно отчетливо — после Второй мировой войны. Борьба против коммунистического мира сыграла в этом процессе далеко не последнюю роль. Так что западнизм есть сравнительно молодое социальное явление, еще не оформившееся полностью до сих пор.

Отношение развитого (современного) западнизма к предшествующей истории Запада сходно во многом с отношением коммунизма в России к ее дореволю-

ционному состоянию. Но в России вследствие революционного пути возникновения коммунистического социального строя оказалась скрытой преимущество эволюционного процесса. На Западе же вследствие неревolutionного (реформистского) пути превращения общества в тотально-западнистское оказался скрытым качественный скачок развития, то есть тот факт, что со второй половины XX века произошел грандиозный социальный перелом, сопоставимый с эпохой коммунистических революций. Общая антидиалектичность западного идеологического способа мышления усилила трудность отграничения современного западнизма от западного общества предшествовавшего периода.

Я не случайно упомянул о способе мышления. Дело в том, что все факторы, определяющие тип общественного устройства, действуют в реальности совместно, их действия многосторонни, зачастую — противоречивы, их роли в жизни общества меняются, порою на противоположные и т. д. Для научного понимания как западнизма, так и коммунизма абсолютно необходима та самая диалектика, которая была дискредитирована, извращена и ополжена общими усилиями социальных мыслителей как коммунистических, так и западных стран. Замечу кстати, что противодействие научной истине в понимании социальных феноменов на Западе не менее сильно, чем это было в коммунистической (да и посткоммунистической) России.

Я хочу здесь сопоставить коммунистическое и западнистское общества на трех уровнях их структуры — микроструктуры, макроструктуры и суперструктуры. В первом случае я имею в виду человеческий материал и клеточки общества, во втором — экономику, государственность и другие сферы общества в целом, в третьем — объединения однотипных стран в блоки и в глобальное общество, складывающееся под их эгидой.

Упомянутые выше аспекты общества оказывают различное влияние на качества людей. Устойчивое и длительное доминирование одного из них имеет неизбежным результатом формирование определенного типа человеческого материала, приспособленного к условиям этого аспекта. Так что нет ничего противоестественного

в том, что как западнистское, так и коммунистическое общество создается и поддерживается человеческим материалом, адекватным ему. И в свою очередь они сами, всемерно развивая соответствующий аспект общества, порождают и воспроизводят адекватный им человеческий материал, — тут зависимость взаимная. Тип общества развивается совместно с адекватным ему человеческим материалом.

Человеческий материал, адекватный западнизму, я назвал западоидами или западоидностью. Соответственно человеческий материал, адекватный коммунизму, можно назвать коммуноидами или коммуноидностью. Выше я довольно много говорил о качествах западоидов. Коммуноиды в этом отношении уступают им и во многом являются их антиподами. Хочу особо выделить два их различия, сыгравшие решающую роль в их эволюционной дивергенции.

Каждый человек осознает себя в качестве индивида (в качестве «Я») и одновременно в качестве члена объединения многих индивидов (в качестве «Мы»). Но формы этого осознания, а также пропорции «Я» и «Мы» в менталитете людей различны. Характерным для коммуноидности является доминирование «Мы» над «Я» и даже гипертрофия «Мы». Это проявляется в склонности к психологическому коллективизму и коллективистскому образу жизни. Для западоидности же характерно преобладание «Я» над «Мы» и гипертрофия «Я». Это проявляется в склонности к психологическому индивидуализму, к личной независимости от других людей, к развитию средств индивидуальной самозащиты и даже к самоизоляции.

Вторая черта человеческого материала, на которую я хотел обратить здесь внимание, — способность людей к самоорганизации снизу и изнутри объединения и степень покорности организующей силе сверху и извне. У коммуноидов способность к самоорганизации является очень слабой, а степень покорности принудительной организации — высокой. У западоидов же наоборот: очень сильная способность к самоорганизации и сравнительно низкая степень покорности принудительной организующей силе.

Коммунизм принадлежит к такому типу объединения больших масс людей в единое целое, при котором доминирует не добровольная самоорганизация людей снизу и изнутри, как это имело место, например, в истории становления США, а принудительная организация сверху и извне, как это имело место, например, в истории России с первых дней ее существования. Организация общества сверху не имеет ничего общего с идеологическим утверждением, будто коммунизм сначала был выдуман кем-то и затем сверху навязан людям путем насилия и обмана. При такой форме организации решающая роль в объединении людей в единое целое принадлежит государству и вообще высшей власти, а не другим факторам, в том числе — не экономике.

Коммунистический тип организации общества для определенного человеческого материала и условий не менее естествен и адекватен, чем западнистский тип организации — для других. Я считаю, что одним из важнейших условий разрастания системы государственности в Российской империи и преобладания ее над прочими социальными силами был именно человеческий фактор, и прежде всего — качества русского народа, подобно тому, как общество западного типа было бы невозможно с иным человеческим материалом, чем тот, какой поставляли народы западных стран. И коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря национальному характеру русского народа, благодаря его слабой способности к самоорганизации и самодисциплине, склонности к коллективизму, холуйской покорности перед высшей властью, склонности смотреть на жизненные блага как на дар свыше, а не как на результат собственных усилий, творчества, инициативы, риска и т. п.

Всякое достаточно большое общество дифференцируется на различного рода объединения своих членов. Среди этих объединений имеются такие, которые образуют основу всего общества и существенным образом определяют его характерные черты. Это клеточки общества. Через них, в них и благодаря им большинство трудоспособных членов общества используют свои силы и способности, добывают средства существования, удов-

летворяют жизненные потребности, добиваются успеха, делают карьеру, имеют социальные контакты.

Основные клеточки коммунистического общества обладают такими чертами. Они создаются решениями властей. Власти определяют их деловые функции и отношения с другими клеточками. Сотрудники их нанимаются на работу по профессии как на постоянную. Они не являются собственниками ресурсов, которыми они распоряжаются, и собственниками результатов их деятельности. Заработная плата устанавливается законом. Размер ее зависит от занимаемой должности, уровня квалификации и личных заслуг. Сотрудники получают зарплату независимо от реализации результатов деятельности клеточки. Управляющие лица клеточек назначаются вышестоящими органами власти и управления с учетом профессиональных данных и опыта работы.

Такого рода клеточки имеются и в западнистском обществе, причем в большом числе. Это, например, учреждения административного аппарата, полиции, секретных служб, армии и т. д., а также многие исследовательские учреждения и учебные заведения, организации для осуществления важных и дорогостоящих программ и т. д. Но свойства коммунистических клеточек не ограничиваются теми, о которых я сказал. Сотрудники коммунистических клеточек образуют единые социальные коллективы, имеющие свою структуру и правила жизни независимо от дела, каким они заняты. Важнейшими элементами этой структуры являются партийная, молодежная и профсоюзная организации. Имеются и другие неделовые группы и организации. И все они образуют узаконенные элементы структуры клеточек.

Основная жизнь работающих граждан коммунистического общества проходит в их клеточках-коллективах. В них они не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых и друзей, обмениваются информацией, развлекаются, добиваются профессиональных успехов, занимаются спортом и общественной работой, участвуют в творческих самодеятельных группах, получают жилье, места для детей в детских садах, путевки в дома отдыха и санатории, пособия и т. д. Коммунистическая клеточка выполняет функции идейного и морального

воспитания граждан общества. Она вовлекает их в активную общественную жизнь и осуществляет контроль за ними в этом отношении. В западнистских клеточках ничего подобного нет.

Западнистские клеточки разделяются на две группы. К первой группе относятся такие, которые создаются решениями властей. К ним относится то, что я выше говорил о коммунистических клеточках, за исключением того, что я затем сказал о коммунистических коллективах. Ко второй группе относятся такие клеточки, которые создаются по инициативе частных лиц и организаций, а не распоряжениями властей. Но и тут полного произвола нет. Эти клеточки должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер своего дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно так же законом должны быть определены их юридические субъекты, то есть лица или организации, распоряжающиеся деятельностью клеточек и несущие за это ответственность перед государством и законом. Юридические субъекты свободны определять характер дела клеточек, их внутреннюю организацию и отношения с окружающей средой, но в рамках правовых норм. Клеточки такого рода возможны и в коммунистическом обществе, но в порядке исключения и на второстепенных ролях. В западнистском обществе им принадлежит важнейшая роль. Трудно предсказать будущее на этот счет, но пока в западных странах такие клеточки в большинстве.

Общим для западнистских клеточек является то, что они создаются и существуют исключительно для какого-то определенного дела, и ни для чего другого. Это относится к клеточкам обеих групп. Они могут иметь сложную внутреннюю структуру с разделением функций. Но эта структура диктуется исключительно условиями дела. Все прочее в западнистских клеточках не допускается. Не допускаются никакие неделовые группы и организации, никакие личные отношения между сотрудниками, никакие посторонние вмешательства в работу клеточки (вроде тех, какие имеют место со стороны партийных и профсоюзных организаций в коммунистических клеточках). Короче говоря, западнистские клеточки максималь-

но очищены от всего того, что непосредственно не относится к делу.

Коммунистические клеточки социально насыщены, максимально усложнены в качестве человеческих объединений, западнистские же, наоборот, социально пусты и максимально упрощены в этом отношении. Первые суть объединения людей для совместной жизни, вторые — своего рода деловые машины. Сотрудники западнистских клеточек суть независимые друг от друга детали этой деловой машины. Они через клеточки получают только деньги и возможность для деловой карьеры. Обо всем остальном они должны позаботиться сами. Общество не гарантирует им работу, жилье, медицинское обслуживание и многие другие жизненные блага, какие имеют работники коммунистических клеточек.

Внутри коммунистических клеточек имеет место своеобразная демократия в виде всякого рода собраний, совещаний, советов, комиссий и т. п. рядовых сотрудников. И она оказывает влияние на состояние дел и на положение сотрудников. Внутри западнистских клеточек действует жесткая дисциплина и отсутствует какая бы то ни было демократия.

Такая предельная деловая рационализация западнистских клеточек не означает, что все неделовое, изъятое из нее, вообще изъято из общества в целом. Все то, что имеет какую-то ценность для общества и может стать источником дохода или предметом социальной жизнедеятельности, тут становится либо делом особого рода клеточек, либо функцией особого рода общественных организаций (партий, профсоюзов и т. п.). В обществе в целом происходит максимально возможное разделение дел, способностей, функций людей. Отдельные свойства людей и их объединений обособляются от них в виде дел особых клеточек.

Анализ микроструктуры западнистского и коммунистического общества показывает, что они несовместимы в самой своей основе. Естественное (то есть путем эволюции в силу внутренних социальных законов) превращение одного в другое исключено. Теория конвергенции коммунизма и капитализма, опиравшаяся на поверхностные факты уподобления советского и западного об-

щества по ряду признаков, не случайно оказалась забытой. Уподобление двух различных социальных систем не есть превращение одной в другую. Млекопитающие, живущие в воде, во многом уподобились рыбам, но не превратились в рыб.

Чтобы превратить основные клеточки общества в коммунистические, надо начинать не с них, не снизу, а сверху, то есть с идеологической подготовки масс и с захвата власти организацией революционеров, как это сделали русские коммунисты во главе с Лениным. И лишь на этой основе постепенно создавать коммунистические клеточки, как это сделала коммунистическая власть во главе со Сталиным в России. Это в случае имманентного возникновения коммунизма. Другой путь — навязывание коммунистической системы внешней силой, захватившей данную страну, как это имело место в странах Восточной Европы после Второй мировой войны. Для западных стран исключен как первый, так и второй путь. Первый путь исключен постольку, поскольку в западных странах нет никаких условий и никаких сил для такой трансформации. А второй путь исключен, поскольку Запад сейчас сам стремится к мировому господству и имеет для этого силы.

Чтобы превратить советское коммунистическое общество в общество западнистское, советские реформаторы должны были бы прежде всего превратить коммунистические клеточки в западнистские, то есть начинать снизу, как это соответствует природе западного общества, а не с высот власти. Но это было априори невозможно. Для этого нужен человеческий материал, какого в России нет и не предвидится. Нужен опыт в организации трудового процесса в соответствии с принципами западнизма, а на это нужно историческое время. Нужны тысячи и тысячи всякого рода условий, каждое из которых по отдельности кажется выполнимым, а все вместе не будут в России выполнены никогда и ни при каких обстоятельствах. А без перерождения общества на уровне микроструктуры Россия никогда не станет страной западнизма. Она может стать лишь сферой колонизации для Запада, как это и происходит на самом деле в ре-

зультате разрушения коммунистической системы сверху (усилиями власти) и извне (усилиями Запада),

Два аспекта (деловой и коммунальный) в макроструктуре общества представлены прежде всего и главным образом экономикой и системой государственности. В западнистском обществе первая доминирует. Но это не означает, что вторая является слабой. Сфера государственности Запада нисколько не уступает государственности бывшего Советского Союза, хотя в последнем она доминировала над экономикой. В коммунистическом обществе государственность доминирует над экономикой. Однако в деятельности государства именно проблемы экономики играют, как правило, важнейшую роль. Подчеркиваю: в деятельности именно государства, как исполнение государством его функций.

Западное общество с экономической точки зрения считается капиталистическим. Так это или нет? Ответ на вопрос зависит от определения понятий. Можно принять такие определения. Капитал есть сумма денег, используемая с целью приобретения дополнительных денег (прибыли). Капиталистические отношения между людьми суть отношения между ними в процессе функционирования денег как капитала. Общество является капиталистическим, если в нем достаточно сильно развиты и даже доминируют капиталистические отношения. Но можно принять и другие определения. Капиталист есть человек (или группа людей), который приобретает за деньги средства труда, нанимает работников для их использования, организует производство вещей или услуг, сбывает их за деньги. Он это делает с таким расчетом, чтобы покрыть все свои затраты, выплатить налоги и оставить себе на жизнь. Причем он должен это делать в течение длительного времени и регулярно — это должно стать его постоянной работой. Короче говоря, капиталист есть человек (объединение людей), который живет за счет прибыли от организации какого-то дела путем покупки средств труда и найма рабочей силы. Источником его дохода является эксплуатация наемного труда. И делает он это на свой страх и риск. Общество является капиталистическим, если в нем доминирующую роль в экономике играют капиталисты.

Приведенные группы определений сами по себе не противоречат друг другу. Но они отражают один и тот же объект с различных точек зрения. Потому возможно такое, что подход с ними к какому-то объекту даст противоречивые результаты. Именно так обстоит дело с современным западным обществом. Оно будет оцениваться как капиталистическое с точки зрения одних определений и как некапиталистическое с точки зрения других. А так как существуют многие десятки различных определений капитализма, то чисто терминологический аспект способен вообще безнадежно запутать довольно простые проблемы.

Современное западное (западнистское) общество с экономической точки зрения есть общество денежного тоталитаризма. На эту тему я выше писал достаточно много. Добавлю к этому еще следующее. В обществе денежного тоталитаризма сложился грандиозный механизм, осуществляющий и охраняющий этот тоталитаризм. Он стал одной из важнейших опор западного общества. Его образует гигантская финансовая система, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все стороны жизни людей и общества в целом. Это механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли этого дела он превратился в механизм функционирования общества как целого и во всех его элементах. Он стал явлением надэкономическим и надполитическим, а не просто явлением в рамках экономики как таковой.

Денежный механизм западнизма есть гигантский капитал, овладевший всем обществом. Но он почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения командования, сговоры, согласования и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве.

Чтобы такой денежный механизм сложился, нужна богатая и всесторонне развитая экономическая система с отработанным механизмом самоорганизации, сильное государство, педантично выполняющее финансовые функции, то есть являющееся участником самого этого механизма, устойчивая валюта и многое другое, чего не было, нет и не предвидится в России. Самое большее, что тут возможно, — это ублюдочные, воровские и грабительские подобию банков, полностью подчиненные денежному механизму Запада.

Что касается роли и состояния денежного механизма в коммунистическом обществе вообще, то тут в принципе невозможно нечто подобное денежному механизму западнизма в силу самих основ и законов коммунистической организации общества. Такой механизм есть гигантская деловая машина, целиком и полностью подчиняющая себе коммунальный аспект общества, а значит, убивающая всякие значительные явления коммунизма.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В его истории различают два периода — периоды «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было тотально капиталистическим, поскольку степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое, то есть в западнистское. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в организации жизни большинства населения этих объединений таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения

множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государства в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами; со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

В результате этого процесса подавляющее большинство членов западного общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, то есть осуществляя основную часть денежных дел через банки.

Но это была лишь одна из линий произошедшего перелома. Другая линия — изменение отношения между частной собственностью и частным предпринимательством. С точки зрения характера юридических субъектов предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К одной группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица. Ко второй группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть организации из многих лиц. В обоих случаях юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века. В первом случае частные предприниматели организуют дело на основе кредитов, которые они получают от денежного механизма. Доля их собственного капитала в общей сумме капиталов ничтожна. Независимый частный собственник, ведущий дело исключительно на свой страх и риск, есть редкое исключение или временное состояние. Во втором случае функции капиталиста выполняет организация из лиц, ни одно из которых не является полным собственником предприятия. Все они суть наемные лица.

Таким образом, в экономике западнизма частное предпринимательство перестало быть неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Капиталист либо рассеялся

в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия «капиталист» и «капитализм» потеряли социологический смысл. С ними уже нельзя адекватно описать специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рентнер, владелец большой суммы денег, президент банка, менеджер с огромным окладом, рабочий, совершающий денежные операции через банк, и т. д. — все это суть представители различных социальных категорий, хотя все они суть соучастники в деятельности одного огромного безликого капитала.

Советские реформаторы, намеревавшиеся превратить коммунистическое советское общество в капиталистическое в считанные дни путем распоряжений начальства сверху, совершенно не принимали во внимание этот факт изменения капитализма. Они представляли себе последний в допотопной форме капитализма XIX века, да еще в допотопной форме его марксистского описания. Если для имитации допотопного капитализма они еще смогли изготовить довольно большое число уголовников-капиталистов, то для современного капитализма требуется серьезный исторический процесс, на который в России нет никаких необходимых для этого условий.

Идефикс российских реформаторов стала «рыночная экономика» («рынок»). Они в нее вцепились как в панацею от всех бед, не имея при этом ни малейшего понятия о том, что это такое в реальности. Все их представления о «рынке» были почерпнуты из западной идеологии и пропаганды, создававших извращенный образ западной экономики.

Надо различать идеологический образ рыночной экономики и ее реальность. Идеологический образ создается так. Из сложной среды реальной экономической жизни общества абстрагируются ее отдельные черты. Они идеализируются и объединяются в некоторое целое. Затем дело представляется так, будто эти черты исчерпывают всю экономическую систему или по крайней

мере являются главными в ней. Делается это для одурачивания простаков из незападных стран с целью внушить им, будто достаточно ликвидировать их «отсталую» экономическую систему и ввести на ее место «передовую» рыночную экономику в том виде, как ее изображает идеология и пропаганда, как в стране начнется экономическое процветание. На самом же деле в результате внедрения в экономику коммунистической страны такого «рынка» происходит разрушение ранее существовавшей и нормальной для условий этой страны экономики.

Реальная рыночная экономика западных стран — это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической «невидимой руке». Я думаю, что если бы можно было измерить, всю ту интеллектуальную, волевою, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой именно в том, за что вторую подвергали критике на Западе.

Общепринято думать, будто экономика западного общества является эффективной, а коммунистического — неэффективной. Я считаю такое мнение совершенно бессмысленным с научной точки зрения. Для сравнения двух различных феноменов нужны четко определенные критерии сравнения. А в зависимости от выбора таких критериев и выводы могут оказаться различными. Возможны, в частности, чисто экономические и социальные критерии оценки производственной деятельности людей, предприятий, экономических систем и целых обществ. Первые основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов, вторые же — в том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества. С точки зрения первых критериев западнистское общество имеет более высокую степень экономической эффективности, а с точки зрения вторых — коммунистическое. Социальная эффектив-

ность коммунистической экономики характеризуется способностью общества существовать без безработицы и без банкротств экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкими условиями труда, способностью не допускать избыточные сферы производства, не являющиеся необходимыми для общества, способностью сосредоточивать большие силы и средства на решение исторически важных задач и другими неэкономическими факторами.

Экономически высокая эффективность западной экономики обладает не только достоинствами, но и вопиющими дефектами. Она не избавляет от безработицы, массовой нищеты и бездомности, от тяжелых условий труда, от стресса и прочих общеизвестных язв, которые в последние десятилетия перестали вообще принимать во внимание при оценке достоинств и недостатков того или иного общественного строя.

Высокая экономическая эффективность западного общества зависит не только от чисто экономических факторов. Тут свой вклад вносят и факторы иного рода, например — использование ресурсов всей планеты, использование полурабских форм труда (иностранные рабочие), использование военного и политического давления на другие страны и т. д. С другой стороны, в низкой экономической эффективности коммунистических стран были повинны не только и порою даже не столько дефекты общественного строя, сколько неблагоприятные природные условия и конкретная историческая ситуация на планете.

Каждый тип общества имеет свой тип обмена веществ. Экономическая эффективность есть лишь один из многочисленных показателей его. А в жизни конкретных народов он проявляется в миллиардах действий миллионов людей, образующих их устойчивый образ жизни. Изменить тип обмена веществ общества практически невозможно без катастрофических последствий для общества. Советские реформаторы, пытаясь изменить коммунистический тип обмена веществ своей страны на западнистский, полностью игнорировали это, казалось бы, очевидное обстоятельство.

Ко всему прочему необходимо принимать во внима-

ние такой важнейший фактор современности, как образование мирового «рынка». А это не просто расширение сферы экономической активности и установление определенных отношений между некими равноправными партнерами, а образование наднациональных и глобальных экономических империй, можно сказать — образование сверхэкономики. Эти империи приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики «национальных государств» Запада, не говоря уж о прочем мире. Сверхэкономика властвует над экономикой в ее традиционном смысле — над экономикой первого уровня. Тут все большую роль начинают играть средства внеэкономические, а именно политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

В этих условиях превращение российской экономики в рыночную в желаемом для Запада виде означает превращение ее в придаток сверхэкономики, причем на роли, какую ей укажут фактические хозяева мирового общества.

Когда советские реформаторы разрушали советскую систему государственности с намерением на ее место ввести демократию западного образца, они судили о последней не по тому, что она собой представляет на самом деле, а по тому идеализированному изображению, какое создавала для них западная идеология. Идеологический образ демократии создавался теми же методами, что и образ рыночной экономики. Из реальной системы власти и управления (системы государственности) западного общества абстрагировались такие ее черты, как многопартийность, разделение властей, выборность органов власти и сменяемость их и т. д. Эту сумму признаков, обработав их методами идеологии, назвали демократией и объявили их сущностью всей системы государственности. И способ использования этой идеологической фальсификации реальности тот же: внушить незападным дуракам мысль, будто стоит на место их плохой государственности ввести эту замечательную «демократию», как в стране начнется райская жизнь.

На самом деле демократия не исчерпывает систему государственности западнизма. Более того, она вообще не является тут главным элементом. Она на виду, произ-

водит много шума, всячески рекламируется и набивает себе цену. Но она — лишь поверхность реальной системы власти.

Есть универсальные законы, имеющие силу для любой системы государственности как в коммунистическом, так и в западном обществе. Возьмем, например, масштабы государственности. Эта сфера в западных странах огромна по числу занятых в ней людей, по затратам на нее и по ее роли в обществе. Это обусловлено не только колоссальным усложнением управляемого общества (стремительным ростом числа «точек» управления), но и независимо от потребностей управления, в силу законов автономного самовозрастания. Происходит также увеличение объема функций государства. Сейчас на Западе нет такой сферы общественной жизни, в которой так или иначе не участвовало бы государство. И невозможно назвать такой дефект коммунистической государственности, каким не обладала бы западная государственность в удвоенной степени. Так что надежды советских людей, будто реформаторы могли избавить их от этой напасти, были априори беспочвенны. Разрушив советский аппарат власти и управления, реформаторы в России, убедившись в полной неспособности без него управлять страной, буквально с истеричной и панической поспешностью стремятся изобрести для него хоть какой-то эрзац. Но сделать это не так-то просто. Аппарат власти и управления создается десятилетиями кропотливой работы, а не потоком распоряжений обезумевших дилетантов, волею случая дорвавшихся до высшей власти.

В сфере западной государственности, как и в сфере экономики, можно различить два уровня — уровень государственности в обычном смысле, на котором фигурирует демократия, и уровень сверхгосударственности. Структура второго плохо изучена, вернее говоря — познание ее есть одно из важнейших табу западного общества. Официально считается, будто ничего подобного тут вообще нет. Однако в средствах массовой информации время от времени проскакивают материалы, которые убедительно говорят о наличии и реальной мощи ее.

Сверхгосударственная система власти и управления

западнизма формируется и воспроизводится по многим линиям. Назову основные (на мой взгляд) из них. Система государственности состоит из огромного числа людей, учреждений, организаций. Она сама нуждается в управлении, можно сказать — в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, то есть как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода — представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников, представителей высшей власти, советников и т. п. К ним примыкает и частично входит в их число околуправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей и т. п. Это «кухня власти».

Вторую линию образует совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома.

Третья линия — образование всякого рода объединений из множества активных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу, по богатству, по известности, по популярности и т. п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе. В их число входят ведущие бизнесмены, банкиры, крупные землевладельцы, хозяева газет, профсоюзные лидеры, кинопродюсеры, хозяева спортивных команд, знаменитые актеры, священники, адвокаты, университетские профессора, ученые, инженеры, хозяева и менеджеры масс-медиа, высокопоставленные чиновники, политики и т. д. Эта среда получила название правящей элиты.

И четвертая основная линия образования сверхгосударственности — образование бесчисленных учреждений и организаций блоков и союзов западных стран, а также системы средств образования глобального общества и управления им.

Система сверхгосударственности не содержит в себе ни крупницы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров. Коммунистическая государственность уже теперь выглядит в сравнении с ней как дилетантизм. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. Я это говорю не в порядке разоблачения или упрека — упаси меня Боже от этого! Просто по объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует Запад, демократия в том ее виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна. Об этом открыто говорят теперь многие западные теоретики.

Система государственности есть явление коммунальности. Но разрастание и усиление ее в западнистском обществе не означает, будто коммунальный аспект начинает тут доминировать. Она здесь в значительной мере вырастает как развитие делового аспекта, а в деятельности ее клеточек и объединений клеточек так или иначе тон задают принципы делового аспекта. Государственность коммунизма кажется более мощной, чем государственность западнизма, лишь постольку, поскольку она обнажена и имеет дело с более простыми условиями управления. На самом же деле она уступает государственности западнизма по всем основным характеристикам. В условиях западного общества она оказалась бы беспомощной и быстро потерпела бы банкротство. Впрочем, для нее оказались слишком сложными даже условия Советского Союза.

Коммунистические страны объединялись в блоки, имели претензию на преобразование всех стран и народов планеты по своему образцу и на мировую гегемонию. Западные страны тоже имели такие намерения, имеют их теперь и успешно воплощают в жизнь. Имеются, разумеется, некоторые общие черты в образовании таких социальных суперструктур. Но я здесь хочу акцентировать внимание на их различии.

Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные образования более высокого сравнительно с прочим человечеством уровня организации, как своего рода «надстройка» над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества.

Западные страны сложились не сами по себе, не изолированно от окружающего мира, а как части суперструктур, имевших иерархическую структуру зависимости и подчинения: 1) метрополия; 2) зависимые страны и народы различной степени зависимости; 3) колонии различного уровня. Надо различать два смысла слова «колония» и «колонизация»: 1) переселение какой-то части людей данной страны на другую территорию и освоение последней; 2) завоевание и подчинение других стран и народов. В случае с США, Канадой и другими западными странами имело место как первое, так и второе, так что они исключением из общего правила не являются. Это стремление западных стран к образованию мировой суперструктуры не исчезло, а приняло новую форму и усилилось. Выше я рассмотрел это явление. Основные черты нового периода этого процесса таковы: 1) западные страны покоряют планету не поодиночке, а совместно; 2) теперь они стремятся организовать все человечество так, как это соответствует их интересам. И надо признать, что Запад добился огромных успехов в этом отношении.

Те суперструктуры, которые раньше создавали западные страны, и та мировая суперструктура, которую сейчас стремится создать Запад, суть структуры имперские, «вертикальные». В коммунистическом же обществе для этого нет необходимых условий. Нет человеческого материала с качествами народа господ, какими в избытке обладают западоиды. В самой социальной организации коммунизма нет предпосылок для вертикального структурирования народов и стран. Советский Союз в западной идеологии и пропаганде рассматривался как империя, что было вопиющей ложью. Если тут и было что-то имперское, то наоборот, ибо основной на-

род этой «империи» — русские — жил в гораздо худших условиях, чем прочие народы, которые он якобы эксплуатировал. На самом деле Россия служила сферой колонизации для многих других народов, а русское население в основной массе своей обрекалось на жалкое существование на низших уровнях социальной иерархии. Коммунистическая идеология в принципе исключала вертикальную суперструктуру народов и стран мира. А то мировое объединение коммунистических и стремившихся к коммунизму стран, какое на короткое время возникло на планете, было «горизонтальным» объединением взаимозависимых стран.

Пока еще рано делать категорические выводы относительно перспектив глобального общества, его структуры и роли Запада в нем. Но мне наиболее вероятным представляется это общество как западнистское по своей социальной сущности.

Мюнхен, март 1993

Великий эволюционный период

ВСТУПЛЕНИЕ

После Второй мировой войны начался величайший перелом в социальной эволюции человечества. В основных чертах он завершился к концу XX столетия. Уже завершился! Человечество уже вступило в качественно новое социальное состояние. Процесс жизни человечества уже протекает в качественно новом эволюционном направлении. Сущность этого перелома еще не понята на уровне некоей объективной науки. Такое понимание еще даже не началось. Было бы по меньшей мере наивно принимать за попытки такого понимания беспомощный лепет социологов о «постиндустриальном» и «информационном» обществе и бредовые сочинения футурологов, неизмеримо превосходящие по интеллектуальному убожеству и явной глупости сочинения специалистов по «научному коммунизму» недавнего прошлого, когда коммунизм воспринимался как реальная угроза стать «светлым будущим человечества».

Я употребляю выражение «социальный перелом» или «эволюционный перелом» (для краткости — просто «перелом»), а не «революция», по следующим соображениям. Во-первых, речь идет о явлении такого огромного масштаба и значения, что слово «революция» тут кажется слишком слабым и односторонним. Этот перелом охватывает все аспекты жизни человечества и в каждом из них включает в себя десятки и сотни разнообразных революций. Он не имеет себе равных в истории человечества. Даже эволюционный перелом, который растянулся на несколько столетий и в результате которого возникли человеческие объединения типа современных обществ («национальных государств»), не идет ни в какое сравнение с ним. Во-вторых, со словом «революция» («социальная революция») ассоциируется какой-то переворот. А тут, если взять процесс в целом, имело место нечто иное, более общее и глубокое, — возникновение качественно новой, более высокой ступени в эволюции социальной материи.

Есть много препятствий на пути познания сущности перелома, о котором идет речь. Это не так-то просто сделать даже при самых благоприятных условиях. Для этого нужно время. Нужны усилия многих профессионально подготовленных исследователей. А главное препятствие — всеобщее состояние умов людей, вовлеченных в происходящий эволюционный процесс, привычные социальные концепции, бесчисленные предрассудки и мощнейший поток дезинформации, обрушивающийся на сознание людей из современных средств массовой информации и культуры. К тому же сам перелом вступил в противоречие с достижениями западноевропейской цивилизации, которые считались и до сих пор еще признаются величайшими достижениями прогресса человечества, так что познание сущности перелома становится одним из сильнейших табу современности.

Об этом переломе я писал в целом ряде работ, в их числе — в книгах «Запад» («Западнизм»), «Русский эксперимент» и «Глобальный человек». В этом очерке я излагаю краткое резюме моих размышлений на эту тему.

ЗАПАД

Рассматриваемый эволюционный перелом произошел не в некоем абстрактном человечестве вообще, а прежде всего в конкретном западном мире (на Западе). На прочее человечество он распространился как мировая активность Запада. Что такое современный Запад, какова его фактическая социальная структура, какими чертами он характеризуется как целое, какова его фактическая роль в современном человечестве и каким мне представляется его будущее — эти проблемы займут наше внимание в последующем изложении.

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Германии, Франции и других подобных им в социальном отношении западных обществ («национальных государств»). Это есть социальное образование более сложное и более высокого уровня социальной организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов упомянутые «национальные государства» западного мира, но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения челове-

ческим объединением: оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в состоянии формирования. Оно не есть идиллически гармоничное целое братство народов. Формирование его происходит в острой борьбе в самых различных измерениях бытия. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные тенденции. Однако интеграционный процесс доминирует, и «национальные государства» все более и более утрачивают автономию и суверенитет.

Как назвать это человеческое объединение, дабы избежать терминологических споров, затемняющих суть проблем? А такие споры часто возникали, когда я употреблял слово «Запад». Мои оппоненты, которые не хотели видеть факт существования такого социального явления, утверждали; будто никакого Запада как целостного социального объединения нет, а есть лишь множество разрозненных стран, условно объединяемых словом «Запад». Они при этом игнорировали очевидные факты объединения стран Западной Европы, присутствия США в Европе и американизации европейских стран, НАТО, совместные действия стран западного мира после Второй мировой войны, бесчисленные наднациональные предприятия и организации и т. п. Социальный феномен, объединяющий страны и народы западного мира в единое целое, уже существует как объективная реальность. И для ориентировочного обозначения его выражение «западный мир» или слово «Запад» вполне достаточны. Тем более они в широком словесном обиходе употребляются именно в таком смысле.

Современный Запад сложился на основе западноевропейской цивилизации. Слово «цивилизация» является многосмысленным, как вообще вся фундаментальная терминология сферы социальных явлений. Ниже я изложу мое понимание цивилизации. Но предварительно уточню ряд других понятий.

ЧЕЛОВЕЙНИК

Человейником я называю объединение людей, обладающее следующим комплексом признаков. Члены человейника живут совместно исторической жизнью, то есть из поколения в поколение, воспроизводя себе по-

добных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеенника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человееннике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человеенника. Члены человеенника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человеенника. Человеенник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, то есть его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, то есть люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеенника осознают их как чужих.

Во всяком человееннике надо различать материал (вещество, материю) и его организацию. Материал человеенника образуют люди и все то, что создается и используется ими для поддержания их жизни, — орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные предметы. Назовем это материальной культурой.

Социальной организацией человеенника я называю то в его организации, что в ней складывается исключительно в силу объективных социальных законов. Это — система власти и управления, органы внутреннего порядка, хозяйственная сфера, система воспитания и обучения, религиозные учения и учреждения и т. д. Эти компоненты социальной организации как единое целое образуют «базис» (основу) человеенника, а не какой-то из них по отдельности.

Самым фундаментальным фактором социальной организации человеенника является следующий закон. Человеенник состоит из людей. Человек обладает телом и органом управления телом — мозгом и нервной систе-

мой. Чтобы объединение из нескольких человек могло существовать и действовать как единое целое, в нем должен образоваться управляющий орган. Это происходит так, что какая-то часть членов объединения (один человек или более) берет на себя функции органа управления объединением, — происходит разделение членов объединения на управляющих и управляемых, на власть и подвластных. Этот закон сохраняет силу для всех людей, начиная от примитивных (одноклеточных) из небольшого числа людей и кончая человеками из десятков и сотен миллионов человек, а в наше время — глобальными человеками вплоть до тенденции к объединению всего человечества в один человек из нескольких миллиардов человек.

Система власти и управления человека (управляющий орган) зависит от человеческого материала и материальной культуры человека. Но определяющая роль тут принадлежит специфическим законам самой этой системы. Эти законы не определяются ничем другим, кроме необходимости управления человеком как единым целым. В отношении объективных законов явлений бытия вообще логически бессмысленно говорить о их причинах или определяющих их факторах.

История человечества есть история возникновения, изменения, развития, борьбы, гибели, объединения, распада, эволюции и т. д. человек. Нас в этом очерке интересует лишь один аспект этого процесса, а именно — эволюционный. Я различаю три эволюционных уровня человека — предобщества, общества и сверхобщества. Отношение между ними характеризуется в общем виде понятием диалектического отрицания или снятия: возникновение более высокого уровня социальной организации человека означает, что некоторые признаки более низкого уровня организации исчезают («отрицаются»), а некоторые другие сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, то есть в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» признакам нового состояния. Общество появляется как диалектическое отрицание предобщества, сохраняя его в себе в снятом виде. Аналогично отношение сверхобщества и общества. Сверхобщество выступает по отноше-

нию к предобществу как отрицание отрицания или снятие снятия и по ряду признаков является «возвратом» к предобществу.

Переход от эпохи обществ к эпохе сверхобществ образует самую глубокую основу эволюционного перелома, о котором здесь идет речь. Чтобы установить, что такой переход на самом деле имеет место, или, наоборот, что ничего подобного нет, мы должны определить, что мы называем сверхобществом. А для этого нужно знать, что мы называем обществом.

Слово «общество» многозначно, как вообще вся фундаментальная терминология сферы социальных явлений. Наша задача заключается не в том, чтобы из имеющихся словоупотреблений его выбрать наиболее подходящее (такового вообще нет, на мой взгляд), а в том, чтобы установить нижнюю эволюционную границу человеческого интересующего нас типа. Другими словами, мы должны описать тип социальной организации человека, который намерены называть обществом. При этом мы вправе в качестве конкретных образцов общества выбрать наиболее развитые его экземпляры, относительно которых нет сомнений в том, что они суть общества.

ОБЩЕСТВО

Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Например, это может быть скопление в одном регионе множества разнородных людей для защиты от врагов или в силу природных условий. Эти люди по крайней мере в значительной части являются чужими друг другу, а то и вообще враждебными, как это имеет место, например, при завоевании одних людей другими. Среди людей в рассматриваемом скоплении могут быть и связанные родственными узами, что очевидно, поскольку тут имеются и образуются семьи. Но в данных условиях чуждость людей друг другу приобрета-

ет решающее значение. Для общества необходим некоторый минимум людей, не связанных родственными отношениями, хотя бы для того, чтобы родственные связи утратили прежнее значение.

Скопление людей, образующих общество, состоит не непосредственно из отдельных людей. Это — не толпа. Оно состоит из множества устойчивых групп. Эти группы сравнительно невелики по размерам. Если даже какие-то из них состоят из родственников (небольшая семья, например), основу их образуют не родственные связи, а интересы какого-то общего (совместного) дела. Они до известной степени автономны в своей жизнедеятельности. Каждая из них имеет свои частные интересы. Последние могут совпадать для некоторых из них, могут различаться для других и быть даже противоположными, могут совпадать в одних отношениях и различаться в других. Но всем им свойственно одно общее: эти частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Это условие выполняется путем создания специфически общественной социальной организации. В дальнейшем я буду употреблять для обозначения ее основных компонентов выражения «сфера государственности» («государственность», «государство»), «сфера экономики» («экономика»), «идеологическая сфера» («идеосфера», «идеология»).

В какой последовательности рассматривать компоненты социальной организации общества? В реальности имеют место разнообразные варианты взаимоотношений между ними. Причем эти отношения меняются со временем. Но независимо от того, как они складываются исторически и какой вид принимают в тех или иных конкретных обществах, имеются логические правила на этот счет. Если, например, в некотором виде обществ в социальной организации доминирует религия, из этого не следует, что научное описание этих обществ должно начинаться с религии. Логично начинать с такого компонента, благодаря которому прочие компоненты становятся специфическими компонентами социальной организации

именно общества и могут быть определены в этом качестве со ссылкой на него, независимо от того, в каких отношениях они находились с иной точки зрения.

Рассмотрев все логически возможные варианты, я пришел к выводу, что для описания социальной организации общества исходным должно быть признание четкой дифференциации основных сфер общества и оформление сферы власти и управления в качестве особой сферы (сферы государственности), и описание надо начинать именно с нее. Определение прочих сфер как специфичных обществу предполагает государство и не может быть логически корректно определено без ссылки на них. При этом, повторяю, не следует смешивать логические отношения понятий с эмпирическими отношениями определяемых объектов.

Государство есть управляющий орган общества как единого целого. Причем дело обстоит не так, будто сначала возникает общество, и затем в нем формируется государство. И не так, будто сначала возникает государство, и затем оно создает общество. Государство формируется как орган формирующегося общества, а общество формируется как человекий с таким управляющим органом, каким является государство. Это — единый процесс.

С этой точки зрения марксистская концепция государства как надстройки над экономическим базисом есть чисто идеологическое (а не научное!) обобщение той роли, какую экономика приобрела в то время в западном мире. Если в каких-то обществах государственная власть находится в руках богатеев, военных или попов и эти конкретные общества держатся на этом, из этого не следует, будто экономика, армия или церковь образуют основу общества как особого типа социальной организации человекий вообще. В чьих бы руках ни находилась государственная власть, какой бы вид она ни имела и в каком бы состоянии ни находилась, что бы ни служило основой сохранения того или иного конкретного общества, неизменным остается одно: если в человекий нет государственности, этот человекий не есть общество, а если в человекий в каком-то виде возникла государственность, то тут можно констатировать зарождение общества. Наличие государственности в этом

случае есть показатель (признак) того, что человекий зародился именно как общество.

Основная функция государства — обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Она детализируется в сложную систему функций — установление правового порядка и охрана его, защита от внешних нападений и т. д. В число этих функций попадает и забота о частных интересах каких-то категорий граждан, слоев, классов, а также примирение вражды между ними. Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную функцию. Ошибочна как концепция, согласно которой государство есть орган господства каких-то классов, так и концепция, согласно которой государство есть орган примирения классов.

Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, то есть признана обществом как законная. Власть может обладать силой заставить население признать ее, покориться ей, примириться с ней. Но для государственности этого мало. Для нее требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве. Потребность власти в узаконивании возникает не всегда, а лишь в определенных условиях, а именно тогда, когда человекий разрастается, усложняется и разбрасывается в пространстве настолько, что одними лишь средствами насилия удержать власть над ним и сохранить единство самой власти становится невозможным. Требуется изобрести и вбить в головы людей идею, будто власть исходит от неких сверхчеловеческих сил или по крайней мере от сил вне данного человекия (бог, древние правители), а в случае выборной власти — исходит от некоего народа, будучи воплощением его свободной воли. Этим силам придают роль учредителей некоего закона, а в случае выборной власти изображают народ, стоящий над каждым человеком в отдельности как высшая сила, творцом такого закона. Благодаря этому изобретению невыполнение распоряжений власти и всякие покушения на нее стали рассматриваться как выступления не против конкретных лиц во власти и конкретных проявлений власти, а против обезличенного и сверхчеловеческого закона. Замена идеи божественности власти на идею народа как на источник власти была лишь сменой формы легитимации власти. В кон-

кретной истории это был длительный процесс борьбы и социального творчества людей.

Государственность суверенна. Это значит, что она законно (формально!) не признает в рамках своего подвластного общества никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне государственности. Опять-таки это — лишь в идеале, лишь абстрактный социальный закон. В реальности этот закон постоянно нарушается. Я имею в виду борьбу за власть, интриги, расколы, посторонние влияния, околоправительственные круги, лобби, коррупцию, родственные связи и т. п. Все это имеет место и процветает. Но это происходит в рамках одной государственности, около нее, с ней, за ее счет. И все это не устраняет ее формальный суверенитет. Глава правительства может быть под каблуком жены или любовницы, но они от этого не становятся явлением, подчиняющим себе государственность страны.

Государственность возникает в такой тесной связи с правовым (юридическим) аспектом человекика, что они образуют одно целое. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве — должны говорить о государстве. Уже легитимация государственной власти в конце концов принимает форму правовой операции.

Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними. Даже в случае абсолютистских и диктаторских систем государственности это так или иначе в той или иной мере имеет место. Бывают диктатуры как формы государственности и диктатуры как негосударственные формы власти. Так называемая абсолютная власть абсолютна не во всем, но лишь в некоторых отношениях, и это — выход за рамки государственности.

Задача государства — управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а

также контроль за соблюдением этих норм, принуждение граждан к их соблюдению и наказание за их нарушения. Будучи узаконено (лигитимировано), государство само становится органом легитимирования других феноменов общества.

Одновременно с формированием особой сферы государственности в обществе происходит формирование других компонентов социальной организации. Все они имеют свои специфические свойства, свою историю, свои закономерности. Но в составе социальной организации общества они так или иначе подпадают под влияние и власть государства. Так, например, клеточная структура человеичников зарождается уже в предобществах. Но лишь в высокоразвитых обществах она становится всеобъемлющей структурой микроуровня. Здесь колоссально увеличивается число клеточек, образуются их многочисленные различные виды. Государство вынуждается на то, чтобы их упорядочивать и стандартизировать, создавать юридические нормы их образования, функционирования и взаимоотношений друг с другом, государством и прочим обществом. Собственно говоря, разрастание клеточной структуры становится возможным в значительной мере (если не главным образом) благодаря государству. Государство дает им защиту и стандартные (формальные) правила существования.

К сфере экономики я отношу сферу хозяйства в том ее виде, какой она принимает в условиях общества, то есть при наличии государства и права. Экономика предполагает ряд предпосылок. Среди них следует назвать, во-первых, разделение членов человеичника на сравнительно большое число однородных деловых групп, способных действовать более или менее самостоятельно, автономно. Назову это атомарностью хозяйства. Во-вторых, следует назвать достаточно высокую производительность труда деловых групп, благодаря которой они могут регулярно отдавать часть своего труда и продуктов труда кому-то и после этого продолжать жить и осуществлять свою производительную деятельность. И в-третьих, следует назвать наличие внешних этим деловым группам сил, которые более или менее регулярно отбирают у этих групп часть продуктов их труда (в виде дани, поборов, грабежей) и принуждают работать на

них. Но это — именно предпосылки экономики, но еще не экономика. Хозяйство становится экономикой тогда, когда функцию охраны упомянутых групп и поборов с них (в качестве вознаграждения за охрану) берет на себя государство. Государство узаконивает эти группы и поборы с них (налоги), осуществляя при этом социальную стандартизацию хозяйства.

Именно государство организует хозяйство человека в особую стандартизированную сферу, которая «кормит» не только себя, но и весь прочий человек. Организует, узаконивая хозяйственные клеточки и вводя правовые нормы, в рамках которых должна протекать жизнь хозяйственной сферы. Благодаря государству образуется внутренне связанное в некоторое целое общечеловеческое хозяйство (с единой денежной системой, обменом, разделением функций).

Государство поддерживает, охраняет, организует и даже в какой-то мере создает экономику не для экономики самой по себе, а для себя, как источник своего существования и как арену своей жизнедеятельности. Оно служит экономике, поскольку экономика служит ему самому. Государство не есть прислуга неких хозяев экономики. Люди, образующие государственность (работающие в ней), могут быть марионетками людей, образующих экономическую сферу, могут быть у них на содержании, могут быть их ставленниками. Но это не означает, будто государственность по своей социальной сущности есть слуга экономики как сферы производства и распределения жизненных благ общества.

Аналогично обстоит дело с идеологической сферой: лишь государственность придает менталитетной сфере человека статус идеосферы.

Отношения между различными компонентами в различных обществах могут быть различными. В одних может доминировать государственность, в других — экономика, в третьих — идеосфера. Могут быть смешанные варианты. Эти отношения могут меняться в одном и том же обществе со временем. Но это не отменяет рассмотренную выше субординацию компонентов социальной организации общества.

Верхняя эволюционная граница всякого социального объекта есть предел развития явлений, образующих его

нижнюю границу, то есть предел развития того, что изначально образует качество объекта. Этот эволюционный закон имеет полную силу в отношении общества. Верхнюю границу общества образует предельное развитие потенций человеиника на основе его социальной организации в качестве общества. Человеиники далеко не всегда достигают этой границы (потолка развития). Как правило, они ее не достигают, подобно тому, как ничтожная часть людей доживает до предела биологических возможностей. Жизнь общества может быть оборвана искусственно, какими-то внешними факторами, например — в результате поражения в войне. Общество может оказаться в русле эволюции иного типа и подвергаться его влиянию. Общество может по одним линиям достигать верхней границы и даже преодолевать ее, а по другим линиям не достигать ее. В обществе может начаться попятный процесс, деградация. Лишь в идеале можно сказать, что общество достигло верхней границы (потолка), когда все основные компоненты его социальной организации полностью исчерпали свои потенции.

Наличие верхней границы общества не означает, будто невозможна социальная организация иного типа, на основе которой может происходить дальнейшая эволюция человеиников. Наоборот, я утверждаю, что возможен качественно новый, более высокий уровень социальной организации человеиников сравнительно с обществом, — уровень сверхобщества. Более того, он не просто возможен, он является реальностью.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Общества возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной среде миров, которую я называю цивилизацией. Возникновение цивилизаций связано с возникновением обществ. Становясь доминирующим фактором в тех или иных мирах человеиников, общества преобразовывали эти миры в цивилизации. А цивилизации, со своей стороны, становились колыбелью и средой жизни обществ — тут зависимость взаимная.

Цивилизация есть мир, основными компонентами яв-

ляются человеичники типа обществ. Цивилизация состоит из обществ, но сама как целое не есть общество.

Общества, входящие в одну цивилизацию, существуют одни одновременно, другие — в разное время. Но время жизни каждого из них по крайней мере частично совпадает со временем жизни по крайней мере одного другого члена множества, так что суммарное время жизни множества в целом (цивилизации) есть непрерывный исторический интервал, имеющий начало, продолжительность и конец. Без этого невозможна совместная жизнь обществ, образующих цивилизацию. Продолжительность интервала — века, если не тысячелетия.

Аналогично общества, входящие в цивилизацию, должны иметь пространственные связи. Каждое из них должно иметь пространственные контакты (соприкасаться, регулярно общаться) по крайней мере с одним другим, так что образуется жизненное пространство цивилизации в целом. В исходном пункте пространство должно быть единым. Если цивилизация сложилась, возможны разрывы пространства. Но так или иначе должны сохраняться возможности для регулярных коммуникаций по крайней мере для определяющей части членов цивилизации (так составляли часть западноевропейской цивилизации США, Канада, Австралия).

Между входящими в цивилизацию обществами имеют место различного рода контакты, взаимодействия, связи. Какая-то часть из них живет совместной исторической жизнью. Эта часть меняется — одни объединения исчезают, другие появляются, между какими-то обрываются связи и т. п. Но во все периоды имеет место какая-то совместность и преемственность — историческая совместность. Взаимоотношения в этой совместности разнообразны: союзы, слияния, разделения, войны, покорение одних другими, поглощение, разрушение, короче говоря — все то, что образует их конкретную историю. В результате совместной жизни они оказывают влияние друг на друга, одни что-то заимствуют у других или навязывают им что-то свое. Таким путем они совместными усилиями создают нечто общее, что в тех или иных формах и размерах развивается у них по отдельности, делает их сходными в этих отношениях — социально родственными. Эти сходные черты суть именно результат со-

вместной жизни, они не могли бы у них появиться, если бы они жили изолированно друг от друга. Эти сходные черты охватывают все основные аспекты объединений — власть, хозяйство, идеологию, культуру.

Результаты совместных усилий обществ закрепляются в какой-то части из них, в каждом по отдельности, вынуждая их уподобляться друг другу и обогащая каждое из них этими социальными изобретениями, а не откладываясь где-то вне их. Подчеркиваю, результатом совместных усилий обществ рассматриваемого множества является определенный эволюционный процесс человеческих объединений — социальный прогресс. Достигнув достаточно высокого уровня, достижения этого прогресса становятся фактором, определяющим характер обществ. Они складываются в социальную систему, которая становится основой социальной системы обществ по отдельности. Эти общества становятся социально однотипными и воспроизводятся в этом качестве. Но цивилизация в целом не имеет устойчивую социальную структуру, аналогичную структуре образующих ее обществ.

Самой развитой в истории человечества была западноевропейская (западная) цивилизация. Но и она как целое не имела строгую и явную социальную структуру, в том числе — не имела единую систему власти и управления, какая была свойственна входившим в нее обществам. Христианская церковь, отдельные экономические связи, соглашения на уровне государственной власти и даже империи не превращали ее в структурно организованное социальное целое. Эти явления не могли мешать процессам дезорганизации и бесчисленным войнам в рамках самой западной цивилизации, включая самые значительные, — Первую и Вторую мировые войны. И это не было нарушением каких-то норм. Наоборот, всякого рода конфликты между обществами, распад одних обществ и образование других и т. д. суть закономерные явления в рамках социального феномена такого типа, каким (согласно нашему определению!) является цивилизация. Попытки строгого социального структурирования цивилизации означали попытки образования социальных феноменов, отличных от цивилизации, — гигантских сложных обществ, союзов обществ, империй.

Цивилизация есть явление историческое — возникает, живет, совершенствуется, изменяется и погибает. Она возникает и живет при определенных условиях, в число которых включаются размеры объединений, степень их сложности, состояние материальной культуры, характер человеческого материала, возможности автономного существования сравнительно больших регионов длительное время и многое другое. Тут есть свои границы. Эти условия выполнялись далеко не всегда и не везде. Так что возникновение цивилизаций в прошлом не было абсолютной необходимостью. Далеко не любые скопления людей были способны создать или сохранять цивилизацию. Цивилизации возникали и жили в более обширной социальной среде. В этой среде люди создавали и другие формы социального бытия, отличные от цивилизации, — союзы племен, государственно организованные общества, империи с иерархией народов и другие. Такого рода явления и тенденции захватывали и регионы цивилизаций. Так что абсолютно «чистых» форм цивилизаций никогда не было. Все конкретные цивилизации возникали и жили как смешения черт различных форм человеческих объединений. Различные признаки цивилизаций «растворялись» в массе других социальных явлений, модифицировались под их воздействием, принимали чуждые их природе формы и порождали имитации. Так что выделение цивилизаций в «чистом» виде есть довольно сложная абстракция, требующая профессиональных усилий и умения исследователей.

Условия возникновения и существования цивилизации суть точно так же явления исторические. С изменением условий происходит приспособление стран и народов, образующих данную цивилизацию, к новым условиям с целью выживания. По мере роста числа людей в обществах, усложнения их хозяйства, системы управления, культуры и т. д., усиления угрозы извне, усовершенствования системы коммуникации и изменения других факторов исчезали условия для возникновения новых цивилизаций. И в наше время они, на мой взгляд, исчезли полностью. Сохранившиеся в какой-то мере цивилизации, включая западноевропейскую, обречены на исчезновение. На их место приходят социальные обра-

зования иного рода, более адекватные современным условиям на планете. В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции множеств обществ в форме особой цивилизации. Цивилизация есть часть человечества, а не все человечество. А в наше время возникновение таких достаточно больших регионов и их самосохранение в течение исторического времени исключено. В наше время возникли социальные гиганты более высокого уровня социальной организации, чем цивилизации, которые стали играть доминирующую роль в эволюции человечества. Они достаточно сильны, чтобы разрушать сохранившиеся цивилизации и не допускать появления новых.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЛОМА

Величайшей в истории человечества является западноевропейская или, короче говоря, западная цивилизация. Не берусь судить о ее начале — я не историк. Во всяком случае, в эпоху Ренессанса можно констатировать ее существование. С социологической точки зрения ее началом явилось возникновение обществ особого типа, размножение этих обществ и завоевание ими доминирующего положения в западном мире. Она достигла расцвета в XIX—XX веках. Вершиной ее развития явилось возникновение «национальных государств» Западной Европы (Англии, Франции, Италии, Германии и других), а также в бывших колониях западных стран (США, Канада, Австралия). Нет надобности описывать ее достоинства и недостатки и говорить о том, какой вклад она внесла в прогресс человечества, — это общеизвестно.

Но, как говорят философы, все течет, все изменяется. В начале XX столетия на самом Западе возникло убеждение, будто западная цивилизация исчерпала себя и дни ее сочтены. В этом убеждении была доля истины. Западная цивилизация действительно заканчивает свое историческое бытие в качестве социального феномена такого типа, как мы определили выше. Но происходит это не на пути деградации западных обществ и не на пути распада западного мира на независимые части, а, наоборот, на пути социального прогресса. Западная ци-

вилизация сходит с исторической сцены, порождая феномен более высокого уровня социальной организации.

В истории западной цивилизации имели место самые разнообразные виды обществ как с точки зрения различных компонентов социальной организации, так и с точки зрения их комплексов. Тут имели место также самые разнообразные формы взаимоотношений обществ, начиная от дружеских связей и кончая кровопролитными войнами, кончавшимися уничтожением одних обществ и образованием других. Тут возникали сложнейшие общества и колониальные империи глобального масштаба.

В рамках западноевропейской цивилизации зародились и развились две тенденции, сыгравшие определяющую роль в социальной эволюции человечества. Одна из них достигла наивысшего уровня в США. Буду называть эту тенденцию и линию эволюции западнистской (или американистской). Она оказала затем сильное влияние на Западную Европу, а после Второй мировой войны фактически овладела всем западным миром. Вторая реализовалась впервые в истории человечества в России. Она реализовалась в виде образования объединения коммунистического типа — Советского Союза. Последний оказал огромное влияние на весь ход мировой истории, стал образцом для значительной части человечества. Назову эту линию эволюции коммунистической (или советской, или русской).

Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что целый ряд западных теоретиков выдвинул концепцию их сближения. Каждый из них содержал в себе какие-то элементы и потенции другого. Но в силу их противостояния в них получили преимущественное развитие противоположные черты.

После Второй мировой войны на планете сложились два лагеря или мира — коммунистический и западнистский (западный). Они стали «точками роста» в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидеров мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное

содержание социальной жизни человечества в XX веке, особенно во второй его половине. Еще не так давно на роль лидера мировой истории претендовал коммунистический мир, возглавлявшийся Советским Союзом. И не без оснований. Лозунг «Да здравствует коммунизм — светлое будущее человечества» выглядел совсем не утопически. Огромная часть человечества верила в то, что дни западнизма (капитализма) сочтены и что будущее принадлежит коммунизму.

Коммунистическая тенденция на короткое (с исторической точки зрения) время опередила западнистскую, породив в реальности человеичники более высокого уровня социальной организации, чем общества, — породив сверхобщества коммунистического типа. На этом пути предпринята была также попытка создания сверхцивилизации и построения глобального человеичника, объединяющего все человечество в единое целое на коммунистической основе.

После победы Запада в «холодной войне» против советского блока положение в мире коренным образом изменилось. Историческую инициативу и лидерство в эволюционном процессе на планете захватил западный мир, возглавляемый США. Западнистский вариант эволюции человечества стал выглядеть как более перспективный, чем вариант коммунистический. Убеждение, что будущее человечества — не коммунизм, а западнизм (причем в американском варианте, как американизм), стало центральной идеей западнистской идеологии. Победоносное (для Запада) окончание «холодной войны», распад советского коммунистического блока и Советского Союза, крах советского коммунизма и превращение США в единственную сверхдержаву планеты, безраздельно доминирующую над западным миром и, опираясь на его мощь, определяющую характер социальной эволюции всего человечества, можно считать решающим пунктом эволюционного перелома, о котором идет речь.

Этот перелом идет по трем линиям (в трех аспектах и на трех уровнях) одновременно: 1) образования человеичников более высокого уровня социальной организации, чем западнистские общества, — сверхобществ

западнистского типа; 2) интеграции западных сверхобществ в единое целое, которое по отношению к западной цивилизации выступает как западнистская сверхцивилизация; 3) установления мирового порядка под эгидой западного мира и объединения человечества в единый глобальный человеиник на основе западнизма.

Упомянутые линии суть стороны единого мирового процесса. Эволюция западной цивилизации, порождая сверхобщества, вынуждает их на объединение в сверхцивилизацию. Последняя со своей стороны способствует образованию и развитию сверхобществ и даже вынуждает западные страны становиться на этот путь в интересах их выживания на достигнутом ими жизненном уровне. И та же необходимость вынуждает западный мир на борьбу за господство над прочим человечеством. Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человеиник не ради каких-то абстрактных идеалов, а как необходимое средство формирования и выживания западной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества.

Самую глубокую основу эволюционного перелома образует возникновение сверхобществ и завоевание ими доминирующей роли в эволюции человечества.

СВЕРХОБЩЕСТВО

Социальный объект А будем называть сверхобъектом по отношению к социальному объекту Б и употреблять выражение «сверх-Б», если и только если объект А содержит в себе в снятом виде основные (определяющие) признаки объекта Б. В сверхобъекте можно различить две части — базисную и надстроечную. В первую входят свойства объекта Б, содержащиеся в А в снятом виде, во вторую входит то, что вырастает на основе первой и образует новое эволюционное качество А.

Сверхобщество по определению есть человеиник, который является диалектическим отрицанием общества, содержит в себе общество в снятом виде, является человеиником более высокого уровня организации, чем

общество. Отношение сверхобщества к предобществу таким образом характеризуется как отрицание отрицания. Неизбежным следствием отрицания общества является утрата ряда достижений эпохи обществ — никакой прогресс в одних отношениях не происходит без регресса в других. А неизбежным следствием отрицания отрицания является «возврат» человеичиков по ряду признаков к предобществу, причем не по второстепенным признакам, а по признакам, определяющим нижнюю границу сверхобщества.

Сверхобщества возникают в среде из обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта. Тут возможны различные варианты. В Советском Союзе сверхобщество формировалось в условиях военной, предвоенной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры, одним словом — в условиях, образно говоря, социальной пустыни. Коммунистическое сверхобщество складывалось сверху, по инициативе высшей революционной власти и благодаря ее усилиям. Власть мобилизовала и организовала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Сверхобщество тут складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, складывалось как средство физического выживания народа. Оно тут возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной социальной организации общества. Последняя тут создавалась заново усилиями высшей власти, которая, создавая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Власть создавала сверхэкономику, сверхидеологию, сверхкультуру.

Западнистский путь к сверхобществу является прямой противоположностью советско-коммунистическому. Он является другой крайностью эволюционного процесса. Он имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, сказочного прогресса материальной культуры, благоприятных природных условий, высокой концентрации населения, всесторонних связей различных регионов, богатейшего опыта гражданской демократии, одним словом — в условиях «социальных джунглей». Сверхобщество вырастает тут не по инициативе сверху, а снизу, из всех основ

жизни общества, во всех сферах его социальной организации. Общество тут не было ослаблено и разрушено, а, наоборот, достигло всестороннего развития и высочайшего уровня. Сверхобщество тут формируется в условиях триумфальных побед западного мира над своим эпохальным противником (над советским коммунизмом) и побед в борьбе за мировое господство. Тут нет насилия и жестокости, какие имели место в случае советского варианта. Тут функции этих мер выполняют меры западной демократии и экономического принуждения, не уступающие по социальной эффективности мерам коммунистическим и более адекватные условиям западного мира и его человеческому материалу. Потому тут процесс формирования сверхобщества остается неявным, скрытым, трансформированным массой обстоятельств конкретной истории. Таковыми являются и черты самого строящегося человеяника нового типа.

Несмотря на эти различия, социальная организация западнистского сверхобщества складывается по тем же объективным социальным законам. Схематично это выглядит так. В компонентах социальной организации общества вырастают надстроечные части, так что образуется сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология, сверхправо, сверхкультура, сверхклеточные объединения и т. д. Они объединяются в надстроечную часть социальной организации в целом.

Надстроечная часть социальной организации коммунистического сверхобщества обнаруживается сравнительно просто, если, конечно, вы располагаете социологической теорией, удовлетворяющей критериям логики и методологии науки. Ее образует партийный аппарат, системы власти и управления различных сфер общества (экономики, культуры, образования и т. д.), правящая элита, привилегированные части различных подразделений общества («общество второго уровня») и т. д. Доминирующую роль в ней играет партийный аппарат. Гораздо сложнее обстоит дело с социальной организацией западнистского сверхобщества. Я не могу в этом очерке изложить достаточно аргументированную теорию этого феномена. Ограничусь лишь тем, что назову в качестве примера некоторые источники формирования его.

СВЕРХГОСУДАРСТВО

Государственность западнистского общества состоит из демократической и недемократической частей. Для первой характерны выборность представительной власти, разделение властей, гласность, наличие официальной оппозиции, многопартийность. Во вторую часть входят административно-бюрократический аппарат, полиция, суды, тюрьмы, армия, секретные службы и т. д. Первая составляет лишь ничтожную часть государственности и ничто без второй.

Западнистское сверхгосударство вырастает отчасти на основе демократии и как ее развитие, отчасти на основе недемократической части государственности как отрицание демократии, отчасти из негосударственных источников и как явление негосударственное. Это прежде всего разрастание самого государства сверх всякой меры. В сфере государственного занято от пятнадцати до двадцати процентов работающих членов западного общества. Это — больше, чем общее число людей, занятых физическим трудом в сельском хозяйстве и в промышленности. Представительная часть власти обросла огромным числом «подсобных» учреждений, комитетов, комиссий, министерств, департаментов и т. п. Они не являются узаконенными на уровне фундаментального права. Они введены, можно сказать, явочным или «рабочим» порядком. Во всех них занято огромное число профессиональных и высокопрофессиональных работников. Они не избираются снизу, а отбираются сверху. Они работают и делают карьеру по тем же принципам, что и в административно-бюрократическом аппарате государства. И кто бы ни избирался на выборные должности, какая бы политическая линия ни проводилась, эти упомянутые выше явления уже играют более важную роль во власти, чем преходящие фигуры «избранных народа».

Военная сфера, секретные службы, внешнеполитическая сфера приобрели такие размеры и влияние, что сами конкурируют с центральной властью в борьбе за реальную власть. Все эти мощные и в значительной мере автономные сферы нуждаются в координации. Непомерно разросшаяся государственность сама нуждается

ся в управлении, можно сказать — в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, то есть как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода — представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т. п. Сюда входит совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома. Сюда входит также множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей. Это — «кухня власти». Она является постоянно действующим элементом власти, стоящим над государством и отнимающим у него часть суверенитета. Наряду с «кухней власти» сложилась среда из активных и влиятельных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. Она получила название правящей элиты.

Вопреки официальному статусу, государство само становится явлением в сфере экономики. Это выражается в том, что государство удерживает за собою эмиссию денег и вообще контроль за денежной системой, которая сама по себе есть важнейший фактор экономики. Государство может предоставить это право какому-либо банку, но все равно при этом оно сохраняет контроль за ним. Огромные суммы денег, поступающие государству в виде налогов, суть капитал со всеми атрибутами капитала, а не просто пачки ассигнаций. Государство является крупнейшим банкиром страны. В отличие от обычных банкиров, оно использует деньги не столько как капитал, сколько тратит их. Причем тратит, как правило, больше, чем получает дохода, — отсюда рост государственного долга. Тем не менее оно в качестве банкира предоставляет кредиты частным фирмам.

Второе обстоятельство, вынуждающее государство на экономическую роль, образует набор общественных нужд, которые не в состоянии удовлетворить частный

сектор (рынок). Для этого складывается так называемый общественный сектор, в который попадают предприятия, отрасли промышленности и мероприятия, которые имеют значение для страны, но не по силам отдельным частным фирмам. Это — энергетика, транспорт, связь, защита от эпидемий и стихийных бедствий, дороги, почта, образование, информационная служба, безопасность, социальное страхование, забота о стариках и инвалидах и многое другое.

Достаточно перечислить явления огромного масштаба, ставшие обычными в современном западном мире и в мире вообще вследствие активности Запада, чтобы отбросить всякие сомнения насчет ограниченности традиционных средств власти. Махинации гигантских предприятий в сфере экономики, укрывательство от налогов, порча природной среды и продуктов питания, организованная преступность, научно-технические проекты неслыханных ранее масштабов, грандиозные стройки, военные операции, международные финансовые проблемы, демографические проблемы, миграция миллионов людей, безработица и т. д. и т. п. Список таких явлений, требующих усилий власти в больших масштабах и постоянно, можно продолжать и продолжать. Теперь очевидно для всех, что власти западных стран уже занимаются со всем этим как со своим повседневным делом.

Вследствие разрастания и усложнения человекинков, усложнения их взаимоотношений, усложнения задач, которые должна решать власть, разрастания и усложнения самой сферы власти и других перемен произошло разделение задач и деятельности власти на обычные и стратегические. Возник стратегический уровень — уровень задач, ресурсов и действий власти, превосходящий обычные по масштабам, значимости и продолжительности. Возникли задачи и операции власти, рассчитанные на многие годы, стоящие колоссальных затрат средств, вовлекающие огромные массы людей, использующие новейшие научные открытия и технические изобретения, использующие всю интеллектуальную мощь общества и блоков обществ. Такими были, например, пятилетние планы в Советском Союзе, мероприятия гитлеровской Германии в подготовке к войне и ее проведении, операции антигитлеровской западной коа-

лиции во Второй мировой войне, план Маршалла, «холодная война» со стороны Запада. Такими являются действия западных властей в манипулировании огромными суммами денег, космические программы, война США против Ирака, операция по дезинтеграции Югославии и Советского Союза.

Короче говоря, возникли задачи и операции властей, качественно, а не только количественно отличные от традиционных задач и операций власти государственной. Причем это стало регулярным и повседневным в жизнедеятельности власти, а не редким исключением, как это бывало в прошлом (например, большие войны). Сейчас перед западными странами встали проблемы, для решения которых нужны десятки лет (если не века), ресурсы астрономических масштабов, высочайший интеллектуальный потенциал многих тысяч специальных учреждений и миллионов квалифицированных сотрудников. Уже сейчас эта сфера в значительной мере обособилась от привычной сферы государственности и становится доминирующей над ней.

Выработалась и тактика решения стратегических задач. Сложился особый аппарат для этого. Тут мы видим совсем иное измерение власти сравнительно с тем, в котором произошло разделение функций законодательной и исполнительной власти. Пока аспект стратегической власти еще спутан с аспектом обычной государственности. Но уже сейчас можно заметить в правительствах и в политике западных стран две тенденции. Стратегическая постепенно берет верх. Наиболее сильные фигуры во власти (в США и Франции — президент, в Англии — премьер-министр, в Германии — канцлер), как правило, выражают стратегическую тенденцию власти, а парламенты — традиционную. Другим источником западнистского сверхгосударства является сверхвласть, вырастающая в сфере экономики. Она не афиширует себя. Но дает о себе знать настолько ощутимо, что некоторые теоретики считают ее главной властью западного общества, а государство ее марионеткой. Но суть дела тут серьезнее: в западных странах складывается новый уровень власти, который уже не есть ни государство, ни экономика, а качественно новое явление, поглощающее то и другое.

Следующая линия формирования сверхгосударства связана с взаимоотношениями западных стран между собою, с взаимоотношениями западного мира с другими частями человечества, с проблемами мирового масштаба. По этой линии в период «холодной войны» (а она длилась почти полвека!) сложились бесчисленные учреждения и организации, которые даже формально возвышаются над государствами отдельных стран. Сферой их деятельности являются блоки и союзы западных стран, весь западный мир и даже вся планета. В их деятельность вовлечены сотни тысяч людей. Они распоряжаются колоссальными материальными, интеллектуальными, идеологическими, пропагандистскими, культурными, психологическими и военными ресурсами.

Сфера сверхгосударственности не содержит в себе ни крупницы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных контактов и сговоров. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. По объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует западный мир во главе с США, демократия в том виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна.

Надстроечные явления сверхгосударственности не обладают законодательными функциями. Последние были и остаются функциями государственности. Если надстроечной части требуется что-то в отношении законодательства, она для этой цели имеет в своем распоряжении государственность, которая при этом фактически утрачивает статус суверенности. Надстроечная часть обладает негосударственными средствами принуждать государственность поступать так, как это требуется сверхгосударственности. Эти средства, например, суть личные связи, проведение своих людей на ответственные должности, лобби, манипулирование финансами и средствами массовой информации, манипулирование партиями и массами, подкуп и т. п. Они все хорошо известны из скандальной информации, литературы, кино.

СВЕРХЭКОНОМИКА

Экономика западных стран считается капиталистической. Так это или нет? Ответ на вопрос зависит от определения понятий. А их десятки. С точки зрения одних определений западное общество будет оцениваться как капиталистическое, с точки зрения других — как некапиталистическое. Но оставим в стороне терминологический разнобой и примем такие определения.

Не всякий частный предприниматель есть капиталист. Капиталистом я буду называть частного предпринимателя, который за деньги приобретает средства труда, нанимает работников для их использования, организует производство вещей или услуг, сбывает их за деньги. Он это делает с таким расчетом, чтобы после покрытия всех расходов иметь прирост денег — прибыль. Причем он должен это делать в течение длительного времени и регулярно — это должно стать его постоянной работой. Короче говоря, капиталист есть человек (объединение людей), который живет за счет прибыли от организации какого-то дела путем покупки средств труда и найма рабочей силы. Источником его дохода является эксплуатация наемного труда. И делает он это на свой страх и риск. Капиталом я буду называть сумму денег, используемую для приобретения прибыли. Капитализмом я буду называть совокупность явлений данного общества, которые касаются деятельности капиталистов и функционирования капиталов. Общество является капиталистическим, если в его экономике доминирует капитализм.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В западном обществе произошли изменения, причем противоречивые с точки зрения судьбы капитализма. Различают период «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было тотально капиталистическим, поскольку степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей. Лишь в XX веке

западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое, то есть в западнистское. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в организации жизни большинства населения этих объединений таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государства в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

В результате этого процесса подавляющее большинство членов западного общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, то есть осуществляя основную часть денежных дел через банки.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Но это был лишь один аспект эволюции капитализма. По другой линии происходил процесс в некотором роде (с точки зрения нашей проблемы) противоположный.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, произошли радикальные перемены в сфере частного предпринимательства. Назову основные из них. Подав-

ляющее большинство частных предпринимателей начинает теперь дело не на свои деньги, а на деньги, взятые в банке в кредит, разумеется — под проценты. Тем не менее, взяв деньги в кредит и начав дело, человек становится частным собственником. Становится формально, юридически. Фактическим собственником данного в кредит начального капитала является банк, причем тоже юридически. Взявший в кредит деньги предприниматель фактически выступает тут в роли служащего банка, который сам является частным предпринимателем. Таким образом, тут происходит разделение частных предпринимателей на две группы — кредиторов и должников. Они совместно затевают дело, деля прибыль между собою.

Большинство мелких и даже средних предпринимателей становится таковыми не из врожденного стремления к наживе (такое не существует), а просто будучи вынужденными на это обстоятельствами. Для них это — способ заработать на жизнь, зачастую — соответствующий их навыкам и профессиональной подготовке, но не менее часто — не требующий особого обучения. Обычно они еле сводят концы с концами. Главная их цель — выплатить проценты на кредит и сам кредит в банк, оставить себе и своей семье что-то на жизнь и поддерживать ход дела. Так что они в большинстве вынуждены довольствоваться минимальной (а не максимальной, как считали марксисты) прибылью. Да и то это далеко не всегда удается. Большой процент их разоряется довольно скоро. Разорение одних и появление других — это нормальное явление в обществе частного предпринимательства. Некоторая часть добивается средней прибыли, позволяющей расширять дело, на что уходят годы каторжного труда. Ничтожное меньшинство ухитряется преуспеть. Их приводят в качестве пропагандистского примера достоинств частного предпринимательства. Какую роль тут играет криминальный элемент, я не рассматриваю. Скажу лишь одно: роль огромную.

Частное предпринимательство в рассматриваемом случае есть форма принуждения людей к труду, и к труду не такому уж легкому. Даже в тех случаях, когда дело процветает, частные предприниматели на этом уровне посвящают жизнь в основном работе. Обычно они рабо-

тают больше своих наемных работников. Этот вид труда связан с нервотрепкой и с постоянной тревогой за будущее. Условия труда лиц соответствующих категорий в коммунистическом обществе (заведующих, директоров предприятий) неизмеримо легче.

Обратимся к банку, у которого наш предприниматель берет деньги в кредит. Юридическим субъектом его может быть группа лиц (директоров, членов совета) во главе с избираемым ими президентом. Они все являются наемными работниками. Ни один из них не является собственником капитала банка. Собственником или собственниками являются другие лица. Так что юридический субъект предприятия, не являющийся собственником его капитала, распоряжается чужой собственностью и при этом считается частным предпринимателем. И одновременно он является кредитором (то есть собственником!) по отношению к предпринимателю-должнику. Имеют место и другие варианты, которые выглядят нелепостью с точки зрения образцового частного предпринимателя-капиталиста. Но эти курьезные на первый взгляд варианты имеют место в современной реальности западного мира.

Важнейшим следствием усложнения и укрупнения предприятий, концентрации капиталов и усложнения ситуации рынка явилось развитие класса управляющих и дифференциация функций предпринимателей на функции собственников и функции управляющих делом. В результате собственники утратили часть своей власти над делом, разделили ее с несобственниками, а порою уступили ее последним полностью.

Большинство крупных фирм управляется не теми, кто ими владеет, а профессиональными менеджерами. Однако многие менеджеры являются собственниками значительной части своих фирм и имеют долю в других. Значительная доля в больших фирмах принадлежит другим крупным корпорациям, обычно — банкам, страховым обществам и другим финансовым организациям. Они контролируют соответствующие фирмы и их менеджеров. Образуется сеть руководства бизнесом, которая принимает решения не только внутри отдельных фирм, но и вне их — в других фирмах, поскольку корпорация владеет в них определенной долей. Лидеры различных

корпораций сотрудничают друг с другом. Таким путем владельцы долей капиталов фирм контролируют менеджеров внутри фирм. Одним словом, складывается сложная, многомерная и многоступенчатая сеть отношений собственности и управления предприятиями.

Таким образом, в современном западном обществе за частными предпринимателями сохраняются лишь два признака, определяющие их как особую социальную категорию: они суть юридические субъекты дела и ведут дело на свой страх и риск, не подчиняются в этой функции государству.

С точки зрения характера юридических субъектов предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К одной группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица, а ко второй — такие, юридические субъекты которых суть организации из многих лиц. В обоих случаях юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX века. Таким образом, частное предпринимательство фактически перестало быть неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия «капиталист» и «капитализм» потеряли социологический смысл. С ними уже нельзя адекватно описать специфику западного общества.

Экономика функционирует по своим специфическим законам, но в рамках государственных законов. Ее нижняя граница фиксируется законодательством, устанавливающим статус хозяйственных единиц с точки зрения уплаты налогов и их права и обязанности по отношению к государству и друг к другу. Верхнюю границу (потолок) экономики характеризует такое состояние, которое исчерпывает возможности правовых отношений участников экономической сферы, а также возможности решения важнейших экономических проблем специфическими экономическими средствами. Общеизвестно, что в западной экономике крупные предприятия содержат целые штаты юристов для решения своих проблем, причем

их цель состоит не столько в том, чтобы следить за юридическими границами деятельности подопечных, сколько в том, чтобы лавировать на грани законности и даже за ее пределами, избегая наказания. А судьба многих крупных предприятий и подразделений экономики зависит в большой степени (а порою решающим образом) от неэкономических действий властей.

Укрывательство от уплаты налогов и обман финансовых органов стали всеобщим явлением. Это произошло не из-за особой склонности к преступлениям и корысти (хотя и это не исключено), а главным образом из-за правовых норм. Если педантично им следовать, то большинство предприятий просто обанкротится. Я уж не говорю о том, каких масштабов достиг преступный бизнес. Одним словом, западное хозяйство уже не укладывается в юридические рамки экономики.

Точно так же обстоит дело с социальными законами экономики как делового аспекта человекиа. Определяющую роль в экономике стали играть предприятия и целые отрасли с наивысшим технологическим уровнем, с максимальным использованием результатов научно-технического прогресса. Они имеют более высокую сравнительно с другими предприятиями прибыль за этот счет, а не за счет эксплуатации наемных работников по законам экономики. С другой стороны, многие крупные предприятия работают в убыток и спасаются за счет всякого рода неэкономических махинаций. Другие требуют таких затрат, которые окупаются в течение времени, выходящего за пределы долговременных инвестиций по законам экономики, или не окупаются совсем. Такие предприятия существуют лишь постольку, поскольку жизненно необходимы или поскольку выгодны каким-то людям, наживающимся именно на убытках и банкротствах предприятий. У этих предприятий нет хозяев, для которых убытки предприятий суть их личные потери.

Если бы можно было получить точные данные о том, какими путями в наше время наживают состояния на самом деле, я думаю, что доля таких, которые делают это по законам экономики («честный труд» и «честный бизнес»), оказалась бы поразительно низкой (это — мое предположение). Во всяком случае, она имеет тенденцию к снижению.

Фундаментальная функция экономики — снабжать общество средствами существования — отошла на задний план или перешла в значительной мере к явлениям неэкономическим. Тон в экономике задают не фундаментальные уровни, а вторые и более высокие — производство сверх необходимого, инвестиции с целью извлечения доходов из экономики низших уровней, паразитарные предприятия, предприятия, обслуживающие сверхпотребности высших слоев общества, символическая экономика и т. п. Экономика в гораздо большей мере обслуживает самое себя, чем общество вне ее. Глобализация экономики позволяет западному миру эксплуатировать всю планету методами, которые по форме выглядят как экономические (эквивалентный обмен, свобода предпринимательства, свободный рынок и т. п.), а по сути дела не являются таковыми. Например, вынос предприятий в страну, где сырье и рабочая сила в десятки раз дешевле, чем дома, не есть операция чисто экономическая. Она невозможна без политической, идеологической и военной защиты. Здесь политика, армия, полиция, специальные службы, средства массовой информации являются не обычными средствами защиты экономики, а завоевательными средствами насилия в чужой стране. Ограбление европейскими завоевателями аборигенов Америки не было экономической операцией. Так и теперь.

В основе западнистской экономики лежат принципы эквивалентного обмена. Использование преимуществ положения и конкретной ситуации с целью приобретения прибыли есть нарушение этих принципов. Это — не эквивалентный обмен, подобно тому, как таковым не является «обмен» сена на молоко в отношениях с коровами, «обмен» виски на Манхэттен в отношениях с индейцами, «обмен» финансовых подачек на разорение страны в отношениях с Россией. Не являются экономическими и операции, называемые словами «экономическая помощь» в отношениях стран Запада с незападными народами, находящимися в тяжелом положении.

Экономические гиганты внутри западных стран организуются как своего рода автономные объединения со своей социальной структурой, подобной структуре коммунистической страны. А выйдя за пределы «националь-

ных государств» на мировую арену, они стали вести себя во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры. Еще дальше в этом направлении пошли наднациональные экономические гиганты. Они вообще ведут себя как суверенные человеичники. Если они кому-то и в какой-то мере подчиняются, так это — глобальный денежный механизм. Наднациональные и глобальные экономические империи и организации приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики «национальных государств» Запада, не говоря уж о прочем мире. Они властвуют над экономикой в ее традиционном смысле. В их деятельности все большую роль играют политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

Одним словом, в хозяйственном аспекте западных стран произошли такие грандиозные перемены, что прежние представления об экономике утратили смысл. Требуется научный (а не идеологический!) анализ реальности, чтобы прийти к какой-то ясности в ее понимании.

В системе власти западных стран фактически происходит разделение функций в вертикальном аспекте: часть государственности, возглавляемая обычно главой исполнительной власти (президентом, канцлером, премьер-министром), выполняет функции участников и представителей денежного механизма. Фактическая система власти и хозяйства западного мира таковы, что государственность и экономика отдельных стран все более превращаются в их частицы, причем в «снятом» виде.

Считается, будто некая «невидимая рука» рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которого является денежный механизм.

ДЕНЕЖНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Механизм денежного тоталитаризма образует гигантская финансовая система общества, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей

и общества в целом, в том числе — и все то, что связано с капитализмом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли этого подразделения общества он превратился в механизм общества в целом. Он включает в себя два рода учреждений и предприятий: 1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т. д.), а также крупные фирмы и концерны, обладающие большими суммами денег и выполняющие функции, аналогичные отдельным функциям банков; 2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Есть банки частные и общественные, отдельные и объединенные в группы, личные и акционерные, универсальные и отраслевые, кредитные, ипотечные, коммерческие, национальные, международные. Сами они имеют сложную структуру — иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой вообще уже невозможно функционирование денежного механизма.

Денежный механизм почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве.

В современном западном мире денежный механизм из средства экономики (из ее слуги) превратился в ее доминирующий фактор (в господина над ней). Благода-

ря этому в сферу экономики включились сферы культуры, образования, развлечения, спорта и все другие, ранее таковыми не являвшиеся. Изменилось само понятие экономики.

Произошло вертикальное структурирование экономики: над экономикой, создающей ценности, выросла экономика, использующая упомянутую (скажем, экономику первого уровня) в качестве источника доходов для занятых в ней (в экономике второго уровня) лиц. Она разрослась и усилилась настолько, что стала играть не менее важную роль в обществе, чем экономика первого уровня. И над всем этим выросла сфера экономики на уровне механизма условных или символических денег — символическая экономика, то есть экономика огромных символических капиталов.

В настоящее время реальная и символическая экономики существуют в значительной мере независимо друг от друга. Сумма условных (символических) денег, циркулирующих на уровне символической экономики, во много десятков раз превосходит ту, которая достаточна для экономики реальной.

Наконец, денежный механизм вышел в своей власти над обществом за пределы экономики, став частью механизма сверхгосударственности. Тут неверно утверждать, будто экономика стала властителем общества. Тут произошло нечто более значительное, а именно — сложился уровень сверхэкономики и сверхгосударственности, подчинивший себе и государственность, и экономику. Возник качественно новый социальный феномен в структуре человека, выходящий за рамки социальной организации общества «сверху».

Обычно акцентируют внимание на денежной форме и специфических правилах функционирования денежного механизма, а не на его социальном содержании. А последнее состоит в том, что в обществе сложился новый феномен, овладевший денежным механизмом и использующий его в качестве средства власти над обществом, а не только и не столько в качестве капитала. Лишь отчасти этот механизм функционирует как капитал. В большей мере и в основном он превратился в сверхкапитал. Функция капитала стала одной из его функций, подчиненных функции власти. Он руководствуется прежде

всего не экономическими, а иными расчетами, а именно — расчетами организации и удержания своей сверхобщественной власти над обществом.

Денежный механизм имеет доходы не за счет эксплуатации наемных работников, — вовлеченные в его работу люди получают заработную плату, не производя никакой прибыли. Они суть служащие аппарата власти, подобного государственному. Этот аппарат берет дань с подвластного человеичника в виде платы за услуги и процентов за кредиты. Это похоже на извлечение прибыли путем инвестиции денег. Но только похоже, поскольку этот аппарат оперирует деньгами, и это путает. На самом же деле он имеет доходы подобно тому, как их имеет государство, не производящее ничего. Он берет дань с тех, кого он обслуживает, то есть эксплуатирует.

Государство оперирует огромными суммами денег. Но оно делает это не по законам экономики. Оно не инвестирует их с целью получения прибыли (нечто подобное бывает лишь в порядке исключения). Оно их тратит на свои нужды, распределяет по различным подразделениям общества, тратит как средство своих политических целей. То же самое делает денежный механизм. В нем есть части, функционирующие по законам экономики, то есть как капиталы. И это затемняет те его части, которые стали феноменами сверхэкономики и сверхгосударства. Не все банки и не все функции банков одинаково входят в эту сферу. Тут переплетаются феномены экономики и власти. И это переплетение вполне нормально, так как власть такого рода вырастает из экономики и над ней.

Денежный механизм в его высшей функции власти над экономикой и над человеичником вообще определяет судьбы социальных феноменов огромного масштаба — экономических империй, отраслей экономики, слоев населения, народов и даже целых регионов планеты. Он определяет социальную стратегию большого исторического масштаба. Очевидно, например, что планирование и руководство крупнейшей в истории операцией Запада, именуемой «холодная война», и финансирование ее (то есть траты на нее) было делом рук денежного механизма Запада. Теперь он стал явлением глобального масштаба.

«ВАТИКАН» ЗАПАДНИЗМА

Выражением «масс-медиа» или просто «медиа» принято обозначать совокупность таких явлений современного западного мира, как радио, телевидение, газеты, журналы, различные периодические, спорадические и одноразовые издания типа газет и журналов, а также другие средства, выполняющие аналогичные функции.

После Второй мировой войны в эволюции западной медиа произошел грандиозный качественный «скачок», — она оформилась в одну из важнейших сфер общества. Так что ее теперь следует рассматривать не просто как множество разрозненных явлений со сходными свойствами, а как единое целое со сложной структурой, с разнообразными частями и функциями. Исторические условия этого «скачка» суть следующие: 1) колоссальный количественный рост составных элементов медиа; 2) их техническое усовершенствование; 3) изобретение новых средств; 4) усовершенствование их работы; 5) возникновение разнообразных связей между ними; 6) расширение сферы их деятельности и усиление их роли в общественной жизни.

Конечно, медиа есть одна из сфер приложения и активности капиталов и интересов государства. Но сводить ее к этому ошибочно. Она есть нечто большее, выходящее за рамки бизнеса и политики. Это, можно сказать, есть «третья сила» западнизма. Это — и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и к бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглупление, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности, и делание жизни, короче говоря — квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа есть арена общественной жизни, ставшая сама одним из важнейших факторов этой жизни. Она состоит из десятков тысяч учреждений, организаций, предприятий. В ее работу вовлечены в качестве сотрудников сотни тысяч людей. Она привлекает для участия в своей работе миллионы людей всех социальных категорий. Медиа — это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и

инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Но это — такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом.

Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически она функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя «невидимая рука». Она почти совсем не изучена научно. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образует сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т. д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам. Имеется большое число опытных сотрудников учреждений медиа, которые сразу угадывают новую установку и даже опережают «высшую инстанцию». И в дело немедленно вступает огромная армия исполнителей, подготовленных выполнить любые задания в духе новой установки. Между людьми, образующими этот механизм, имеют место бесчисленные личные контакты.

Медиа стала не орудием сбора и распространения информации, производимой кем-то другим, а производителем, контролем и властителем информации. Она имеет свои мощные и профессионально обученные кадры для этого. В ее распоряжении фактически все силы общества, как-то связанные с информацией. Она формирует информацию по своим правилам, придает информации вид, отвечающий ее интересам. Информационный поток, минующий ее, ничтожен сравнительно с тем, какой проходит через нее, а роль его еще ничтожнее. Она сконцентрировала в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки и силы общества.

Медиа вторгается во все сферы общества — в политику, экономику, культуру, науку, спорт, бытовую жизнь. Ей до всего есть дело. Она не просто влияет на умы и чувства людей. Она проявляет власть над ними, причем власть диктаторскую. Эта власть осуществляется по многим каналам. Назову основные из них.

Медиа буквально приковывает к себе внимание подавляющего большинства населения западных стран.

снабжая людей в изобилии практически любой нужной им информацией, сплетнями, развлечениями, сенсациями. Она обладает для этого неограниченными средствами, самой совершенной технологией и отработанными приемами. Невозможно подсчитать, сколько времени и сил тратят люди, просиживая перед телевизорами, читая газеты и журналы, слушая радио. Никакая церковь не может с этой точки зрения сравниться с «церковью» западнизма. Она удобна и с точки зрения способа вовлечения людей в ее деятельность. Человек может потреблять продукцию медиа в одиночку, сидя дома, находясь в транспорте, даже во время работы.

Вторым важнейшим каналом всевластия медиа является то, что она контролирует и направляет всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая паблисити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медиа присвоила себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов. Она определяет то, какой круг людей выпускается на арену культуры, какие произведения, какие идеи, какие моды. Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а отношение к ним масс-медиа. Она в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, если оно соответствует ее интересам и конъюнктуре, и не допустить к жизни великое и талантливое, если такого соответствия нет.

Третьим важнейшим каналом всевластия медиа является то, что она дает трибуну политикам и арену для политических спектаклей. Она раздувает и использует непомерное тщеславие политиков. Она влияет на их успехи и неудачи, порою — роковым образом. Без нее немыслимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения, партийные мероприятия и вообще все важнейшие явления общественно-политической жизни западных стран.

Наконец, медиа сконцентрировала в себе общественное мнение и гражданское общество, став их рупором и одновременно лишив их самостоятельности. Они нашли в медиа свою организующую силу, отчуждая ей свою собственную независимость и власть. Медиа стала

чем-то вроде «государства» для внегосударственной жизни общества.

Средства медиа могут принадлежать частным лицам, государству, общественным организациям, корпорациям, банкам. Ее может использовать крупный капитал, правительство, какие-то клики и группы. Но все это не лишает ее той роли, какую она играет в обществе, и ее положения в системе прочих социальных феноменов. Она занимает такое положение и играет такую роль в обществе, которые позволяют ей со своей стороны диктовать свою волю всем тем, кто в какой-то мере манипулирует ею, и своим формальным хозяевам. Все те, кто считается ее хозяевами и манипуляторами, вынуждены сами подчиняться тем условиям, благодаря которым они хозяйничают и манипулируют медиа. Тут скорее имеет место сговор и дележ власти между более или менее равными по силе сообщниками, чем отношение господства и подчинения. Хозяин газеты, например, влияет на политическую линию газеты. Но одновременно он сам подвластен своей газете как феномену, играющему особую роль в обществе.

Медиа есть безликое божество западного общества, которому поклоняются и все те, кто считается или воображает себя ее хозяевами и начальниками. Самое большее, что на самом деле эти люди делают, это — прислуживание своему божеству в качестве его жрецов, разумеется — за хорошую плату и за прибыли. Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого, — зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть абсолютная. Это есть превосходно организованный и функционирующий механизм сверхидеологии западнизма.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЦЕЛОМ

Как я уже отметил, социальная организация западнистского сверхобщества как целое разделяется на надстроечную и базисную части. Чтобы описать ее строение и свойства, мы должны, естественно, обратиться именно

к ее надстроечной части, уделяя внимание базисной в том свете, какой на нее бросает надстроечная часть.

Надстроечная часть, о которой идет речь, не есть всего лишь сумма надстроечных явлений сверхгосударства, сверхэкономики, сверхидеологии и других компонентов западнистского человеиника. Ошибочно также представлять себе положение так, будто надстроечные части компонентов социальной организации общества превращаются в соответствующие компоненты социальной организации сверхобщества. Упомянутые надстроечные явления общества суть лишь отдельные потоки эволюционного процесса, которые сливаются в нечто единое и перемешиваются в этом единстве. Тут происходит взаимное проникновение надстроечных явлений, взаимное влияние, обмен свойствами и функциями, возникновение новых явлений как средства единства и как следствия его. Сюда включаются результаты изменения ориентации эволюционного потока. Вносят свою долю новые органы, возникающие в силу закона порождения особых органов для исполнения постоянных функций. В результате на этом уровне теряет смысл разделение частей и функций, имеющее место на уровне общества и в снятом виде в базисной части. Надстроечная часть социальной организации сверхобщества как целое выступает как сверхгосударственность по отношению к государственности, как сверхэкономика по отношению к экономике, как сверхидеология по отношению к идеологии и т. д., а не отдельными ее подразделениями с упомянутым разделением функций. Она образует высшее подразделение системы власти и управления сверхобщества. Потому для краткости будем называть ее сверхвластью.

Сверхвласть не является не только выборной, но и вообще узаконенной. Чтобы она сложилась, необходимо достаточно большое число людей, обладающих следующими признаками. Эти люди имеют настолько высокий социальный статус, что являются фактически независимыми от государственной власти, а также от политической и экономической конъюнктуры. Они регулярно воспроизводятся в этом состоянии, в значительной мере наследуют свой статус. Они имеют влияние на правящие круги человеиника и на привилегированные слои, являются известными личностями в человеинике, связаны личными знакомствами и в значительной мере родст-

венными отношениями. Они образуют иерархию позиций как с точки зрения их социального статуса, так и с точки зрения ролей в рамках сверхвласти. Они образуют основной компонент человеческого материала сверхвласти. Кроме них, в рассматриваемое множество входят обслуживающие их лица, исполнители их решений и другие категории.

Рассматриваемое множество людей группируется в множество разнообразных объединений в различных измерениях. Эти объединения образуют сложную и иерархизированную сеть, так что образуется плотная, связанная среда. Положение людей в этих объединениях зависит от их положения в базисной части сверхобщества. Но и последнее зависит от первого. Эти объединения не узаконены юридически. Они складываются по социальным законам объединения людей, а также в силу условий их функционирования в системе власти и управления, личных и деловых отношений, взаимных услуг и т. д. Они разнообразны по степени организованности, начиная от случайных и аморфных и кончая постоянными с установленной структурой, правилами, разделением функций и т. д. Они формально добровольны, но фактически обладают достаточно прочными нитями, связывающими их в целое. Тут связи аналогичны связям в объединениях на дообщественном уровне, только тут это имеет место на сверхобщественном уровне. Члены таких объединений обладают способностью опознавать «своих» и «чужих», идентифицировать себя в качестве членов тех или иных объединений.

Объединения, из которых состоит сверхвласть, возникают и действуют в рамках юридических законов, но они не являются юридически узаконенными в качестве органов власти. Они присваивают себе функции власти, используя средства и возможности, выходящие за рамки государственности и подчиняющие ее себе. Они позволяют надстроечной части социальной организации управлять самой системой власти и выполнять функции стратегического управления, непосильные для государственности. Эти функции охватывают многолетние планы и особо важные проблемы, для выполнения которых и решения которых требуются усилия всей страны, положение страны в окружающем мире, направление эволюции страны вообще.

Сверхвласть сверхобщества состоит из двух частей. В первую из них входит все то (люди, объединения, учреждения, предприятия), что занято выработкой и принятием решений, — скажем, решающая часть. Она есть аналог законодательной части власти общества. Вторая часть включает в себя то, что осуществляет исполнение решений первой части. Это — исполнительная часть.

Хотя решения первой части не являются юридически законными, они имеют принудительную силу для тех, кто их исполняет. Им подчиняются те, кого они касаются. Исполнители подчиняются, поскольку от этого зависит их вознаграждение и вообще положение в человеинике (успех, карьера, общение, судьба детей). Прочие люди подчиняются, поскольку в распоряжении сверхвласти находятся все средства принуждения базисной части сверхобщества, — администрация, суды, полиция, денежный механизм, средства массовой информации.

Исполнительная часть сверхвласти образуется из надстроечных элементов социальной организации общества. Она включает в себя также государственную бюрократию, армейское командование, органы государственной безопасности, аппараты партий и т. д. Тут имеет место, можно сказать, аппаратный плюрализм. Чтобы представить себе, что это такое, надо выделить различные подразделения аппарата коммунистической сверхвласти и представить их себе как различные аппараты, объединяющиеся в единое целое благодаря упомянутым выше объединениям «правлящей элиты». Роль, аналогичную партийному аппарату в коммунистической системе власти, здесь выполняет совокупность людей и организаций, которые держат в своих руках денежный механизм человеиника.

ЗАПАДНИСТСКАЯ СВЕРХЦИВИЛИЗАЦИЯ

Как было сказано выше (в разделе «Основные аспекты перелома»), эволюционный перелом идет на трех уровнях организации человеиников: 1) на уровне образования сверхобществ; 2) на уровне объединения западных сверхобществ в единый человеиник, являющийся сверхцивилизацией по отношению к западной цивилизации; 3) на уровне образования глобального человеиника

вследствие усилий западной сверхцивилизации и под ее господством. Мы рассмотрели первый уровень. Рассмотрим кратко второй.

Тенденция к интеграции западной цивилизации в единый человек имела место всегда. Она принимала различные формы: взаимное проникновение, культурное влияние, экономические связи, кровопролитные войны. Не была на этот счет исключением и Вторая мировая война. Она была многосторонним явлением. В составе ее шла война западного мира против мира коммунистического, война внутри самого западного мира за доминирование в нем и за ослабление и даже уничтожение конкурентов и война за создание насильственным путем хотя бы частичной западной сверхцивилизации, то есть за объединение западноевропейских стран в единое целое под эгидой гитлеровской Германии.

Обращаю внимание читателя на то, что объединение нескольких обществ в единый человек в этом случае предполагало следующие условия. Во-первых, человек, осуществляющий объединение и находящийся на пути к сверхобществу, каким была гитлеровская Германия. Таким был и Советский Союз в коммунистическом мире. Во-вторых, вертикальное структурирование объединяемых стран. На высшем уровне предполагалась Германия, уровнем ниже — Италия, еще ниже — прочие европейские страны. Нечто подобное имело место и в отношениях Советского Союза с другими коммунистическими странами Европы после войны. И в-третьих, навязывание объединяющим человеком прочим странам социального строя, аналогичного своему. Это же делал Советский Союз после победы над Германией в отношении ряда других завоеванных стран. Так что тут имела место общая социальная закономерность.

После Второй мировой войны тенденция к интеграции западного мира не оборвалась, а усилилась. Она лишь приняла другую форму. Историческую инициативу в этом процессе захватили США. Они вступили в войну в Европе в качестве спасителей западноевропейских стран от гитлеризма и от угрозы советского коммунизма. Нисколько не пострадав в этой войне, США без особых усилий стали лидерами западного мира. Сразу же по окончании войны началась «холодная война» Запада,

возглавленного США, против коммунистического мира, возглавлявшегося Советским Союзом. Она в сильнейшей степени способствовала интеграции западных стран. Это была первая в истории операция глобального масштаба Запада как единого целого. Возвышение США над странами Западной Европы и американизация ее явились одним из аспектов этого процесса. В какие бы идеологические одежды ни рядилась эта историческая роль США, это было фактически покорением Западной Европы внешней для нее силой. США делали то, что пыталась сделать гитлеровская Германия. Но другими средствами — гуманными, демократическими, экономическими, политическими, идеологическими, культурными. И не как блицкриг, а как длительный и терпеливый исторический период.

Но не следует при этом забывать о том, что все эти средства опирались на военную мощь США, которая неуклонно наращивалась. «Холодная война» США против Советского Союза была одновременно «холодной колонизацией» американцами стран самого западного мира. Напоминаю, что после распада советского блока и Варшавского Договора сохранилось НАТО и фактическое подчинение его США, а вооруженные силы США стали принимать непосредственное участие в европейских делах (агрессия в Сербии). Факт военного доминирования США над Западной Европой не подлежит сомнению. И доминирование это нарастает, приближая лидерство США в западном мире к наполеоновски-гитлеровскому образцу, — общие социальные законы человеческих объединений действуют и тут с неумолимой силой.

Второй аспект рассматриваемого процесса — образование объединения европейских стран, близкого по структуре к единому человечеству. Конечно, оно еще не завершилось. В нем есть нечто антиамериканское, во всяком случае — стремление к независимости от США и к образованию сообщества, сопоставимого по мощи с США. Но остановить этот процесс европейской интеграции уже вряд ли возможно. Факт образования сверхцивилизации, поглощающей западноевропейскую цивилизацию, несомненен и в этом аспекте.

И третий аспект интеграции западного мира заключается в образовании бесчисленных и разнообразных

организаций, учреждений и предприятий общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по каким организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Они образуют своего рода надстройку над странами западного мира («общество второго уровня»), придающую всей западной цивилизации характер гигантского сверхобщества. По моим подсчетам, эта надстройка уже включает в себя десятки миллионов людей, причем самой активной части населения западных стран. Она фактически контролирует более половины всех мировых ресурсов. Она фактически подчиняет себе «базисную» часть западного мира как единого человека.

Сейчас трудно сказать, насколько жизнеспособен этот социальный монстр. Не исключено, что он со временем расколется на два — на американский и европейский. Но пока в перспективе необходимость борьбы с азиатским коммунизмом, арабским миром и другими частями человечества, пока есть угроза бунтов в покоренной части и в своих странах, объединяющая тенденция остается доминирующей. Тем более она еще не сработала до определенного предела, после которого, как говорится, можно было бы почить на лаврах.

Ареной деятельности рассмотренной надстроечной части западной сверхцивилизации является весь западный мир, включая и США. Верхушка ее находится в США. Последние суть главная резиденция ее, но подразделения ее имеются во всех странах западного мира. Эта верхушка есть фактическая сверхвласть западной сверхцивилизации.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЙНИК

Выражение «глобальное общество» стало привычным в сочинениях и речах на социальные темы. При этом «глобальное общество» понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привы-

чным обществам (их часто называют «национальными государствами»), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего размера. Обоснование такого мирового социального монстра (около шести миллиардов человек, а футурологи обещают в будущем десять миллиардов и более!) идет по многим линиям. Перечисляются проблемы, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран и народов планеты (демографические, экологические, голода, преступности, болезней и т. п.). Ссылаются на то, что складывается мировая экономика, ломающая границы «национальных государств» и решительным образом влияющая на их экономику. Ссылаются, наконец, на то, что мир уже пронизан сетью международных объединений, учреждений и организаций, сплотивших человечество в единое целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела изолированную жизнь. Жизнь людей все более и более находится под влиянием событий, происходящих далеко от тех мест, где они живут. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Сложилась международная система производства, распределения и потребления информации. Благодаря ей разбросанное по всей планете человечество ощущает себя живущим в одном мировом объединении. Складывается единая мировая культура.

Тут все вроде бы верно. Но при этом все, говорящие и пишущие на эту тему, за редким исключением, отодвигают на задний план или совсем игнорируют тот факт, что сама идея «глобального общества» есть идея западная, а не всеобщемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению — такое стремление появляется чрезвычайно редко, — а стремление определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих ком-

паний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего — США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея «глобального общества» есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

Идея «глобального общества» есть идея прежде всего американская. После краха советского блока и самого Советского Союза США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете. Однако она есть идея не только американская, а общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии.

Единое человечество возможно, но не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, то есть отношения социального, экономического и культурного неравенства. Дело тут не в каких-то биологических причинах и не в плохих расистских идеях, а в объективных социальных законах организации больших масс людей.

Я говорю именно о вертикальном структурировании, а не просто о разделении человечества на регионы. Причем я это представляю себе не как одну иерархическую линию, а как переплетение многих линий, в котором единая мировая иерархия проступает лишь как тенден-

ция. И среди этих линий следует в первую очередь называть разделение человечества на западную и прочую (незападную) части. Отношения между ними являются совсем не братскими. Ни о каком их равенстве и равноправии и речи быть не может. Западная часть возвышается над незападной. В значительной мере первая уже господствует над второй и имеет тенденцию к полному мировому господству. Каждая из упомянутых частей имеет иерархическую структуру в самых различных измерениях. Об организации западной части мы уже говорили. Скажем коротко о том, что она намерена делать и делает в отношении прочего человечества.

Во второй половине XX века произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это, напоминая, не означает, будто всё в эволюции человечества стало планироваться и ход эволюции стал управляться в соответствии с планами. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества. Цели при этом не обязательно благородные, они могут быть (и являются таковыми на самом деле) эгоистичными, гнусными, коварными и т. д. Планы не обязательно целесообразные и разумные, они могут быть нелепыми и даже безумными. Управление не обязательно по правилам разумного управления и не обязательно эффективно, оно может быть дилетантским, неэффективным. Но это не влияет на сам тип эволюции, подобно тому, как плохая государственность не меняет тип власти как государственной, плохая экономика не меняет тип хозяйства как экономического.

Принципиально важно здесь то, что в западном мире сложилась социальная структура, в которой имеются компоненты, ставящие цели эволюционного характера и глобального масштаба, вырабатывающие планы достижения этих целей, обладающие способностью и средствами управлять огромными массами людей, принуждая их к деятельности по реализации этих планов, распоряжающиеся колоссальными материальными ресурсами,

достаточными для того, чтобы исторические процессы, ранее бывшие стихийными, сделать сознательными.

Инициатива эволюции нового типа исходит из той надстроечной части западной сверхцивилизации, о которой говорилось выше. Она является и высшим органом управления эволюционным процессом, а также сверхвластью над образующимся глобальным человеком. Именно она правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богатеев. Она включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества — тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому систему власти и управления их.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого «мирового правительства», поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения «штабов» для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты. Но подразделения его имеются во всех частях западного мира и других частях человечества, уже находящегося в зоне его влияния и контроля.

Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные объединения более высокого уровня социальной организации сравнительно с другими странами, как своего рода надстройка над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества в своих интересах. Воздействие этого явления на судьбы человечества было и остается противоречивым. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не

менее могучим источником несчастий. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые, а также причиной гибели многих народов и целых цивилизаций. Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы и масштабы. Теперь западные страны покоряют планету не поодиночке, а совместно. Теперь они стремятся покорить все человечество и организовать его так, чтобы они могли удержатъ свою мировую гегемонию за собой навечно и чтобы могли эксплуатировать всю планету в своих интересах наивыгоднейшим для себя образом.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран — «империалистов». Оно обусловлено объективными законами социального бытия. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. Он не просто имеет возможности и силы для этого, он уже не может уклониться от этой эпохальной задачи.

В ходе «холодной войны» была выработана стратегия установления нового мирового порядка — стратегия создания реального «глобального общества». Я называю ее словом «западнизация».

Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые), что существуют в западных странах. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, — так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизируемым народам, — и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам посоветуем.

Это — на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существова-

нию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномошных партнеров, а в роли зоны колонизации.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть, да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилие. Добровольность со стороны западнизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать ее, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни.

Одной из черт западнизации является мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обла-

дает огромной экономической, идеологической и политической мощью, достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт, не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии. По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран. Но в целом это есть новое явление. Назову характерные признаки его.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В стране в той или иной мере сохраняются предшествующие формы жизни для значительной части населения. Создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере — как явно западные или совместные предприятия. Внешние атрибуты западной демократии используются как средства совсем не демократического режима и как средства манипулирования массами. Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначи-

тельной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада.

Колонизируемая страна во всех отношениях доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком ее сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы выполняют роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее — псевдокультура западнизма.

Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступные развлечения, предоставленность самим себе, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и моральных ограничений.

Западнизация планеты ведет к тому, что в мире не остается никаких «точек роста», из которых могло бы вырасти что-то, способное к новой форме эволюции, отличной от эволюции на базе западнизма. Запад, завоевывая мир для себя, истребляет все возможные конкурентоспособные зародыши эволюции иного рода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После Второй мировой войны начался стремительный (с точки зрения исторических временных масштабов) процесс интеграции западного мира — процесс превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа. К концу «холодной войны» социальная структура западного мира (интегрирующегося в единое целое Запада, западнистской сверхцивилизации) приняла такой вид.

В рамках западных стран («национальных государств») сформировались своего рода надстройки над компонентами их социальной организации — сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т. д. Из их взаимодействия образовались надстроечные объединения наднационального и межнационального масштаба, а

также объединение, охватывающее весь западный мир, скажем — глобальное сверхобщество. Поскольку основной территорией расположения его подразделений стали США и поскольку оно тесно переплелось с надстроечной частью сверхобщества самих США, то выражения «США», «Америка» и «Вашингтон» стали двусмысленными: стали обозначать то, что касается США как одной из западных стран, и то, что касается общезападного и глобального сверхобщества.

Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями «западнизация», «американизация» и «глобализация». Все эти понятия обозначают один и тот же процесс, лишь рассматриваемый с различных точек зрения. Этот процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. Поскольку над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общезападном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван глобализацией человечества. Этот процесс еще только начался. Им будет заполнена вся история человечества в XXI веке. Похоже на то, что это будет история, которая по своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого.

Июнь, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПАД. Феномен западнизма	5
ВЕЛИКИЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕЛОМ	449

Зиновьев Александр Александрович

ЗАПАД

Ответственный редактор *П. Ульяшов*
Художественный редактор *А. Новиков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректоры *Т. Павлова, Л. Зацепина*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-93-02, 733-97-89.
Оптовая торговля: Центр политической книги — тел. 733-97-89,
«Столица-Сервис» — тел.: 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73.
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й этаж. Тел. 8-903-519-85-41.

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 15.11.2006.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 26,9.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 4620

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

«Что из себя представляет этот феномен по имени Запад, который нанес такой сокрушительный удар могучей сверхдержаве, причем без единого выстрела? В чем источник его силы? Каковы перспективы эволюции человечества на основе такого исхода исторической битвы Запада против коммунизма? Является ли эта победа на самом деле окончательной? Является ли Запад на самом деле таким, каким его теперь изображает самодовольная западная и прозападная пропаганда в России? Что на самом деле несет мировая гегемония Запада остальному человечеству?» – такие вопросы задавал великий русский писатель, социолог и философ А. А. Зиновьев. Ответы на них он дал в своей известной книге «Запад», которая предлагается вниманию читателя.

ISBN 5-699-19599-8

9 785699 195992 >